

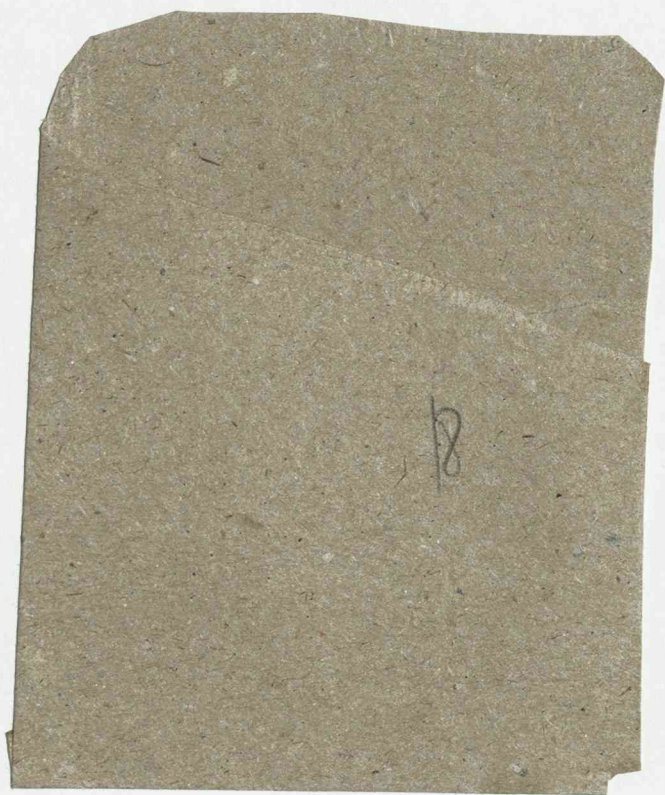
The background of the book cover is a photograph of a vast, golden wheat field under a blue sky with scattered white clouds. In the distance, a line of green trees and a few small buildings are visible on the horizon.

М.В. Скороходов

**СЕРГЕЙ ЕСЕНИН:
ИСТОКИ
ТВОРЧЕСТВА**

1543347-КРД

83.3(2=411.2)6-8 (КР)
С447

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт мировой литературы им. А.М. Горького

М. В. Скороходов

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН:
ИСТОКИ ТВОРЧЕСТВА
(вопросы
научной биографии)

1543347

РЯЗАНСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА им. ГОРЬКОГО

Москва
ИМЛИ РАН
2014

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ).
Проект № 14-04-16056

Ответственный редактор: Т. К. Савченко

Рецензенты: Д. С. Московская, Е. А. Папкова, Н. И. Шубникова-Гусева

Скороходов М. В.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: ИСТОКИ ТВОРЧЕСТВА (вопросы науч-
ной биографии). М.: ИМЛИ РАН, 2014 — 383 с.

В монографии рассматриваются вопросы, связанные с источниками фундаментальных биографических исследований: летописи жизни и творчества (деятельности) и научной биографии. На примере раннего творчества С. А. Есенина показано, что изучение круга чтения, школьных программ, учебников и учебных пособий позволяет проследить истоки поэтического творчества.

Книга адресована историкам русской литературы и всем любителям отечественной поэзии.

ISBN 978-5-9208-0449-5

© Скороходов М.В., 2014
© ИМЛИ им. А.М.Горького РАН,
2014

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	4
Часть I. Актуальные проблемы научной биографии Есенина	17
Глава 1. Создание научной биографии Есенина как исследовательский проект	17
Глава 2. Из опыта создания научных биографий	55
Глава 3. Есенин как русский национальный поэт.....	128
Глава 4. Наследие Есенина в контексте отечественной истории	142
Глава 5. Проблемы датировки ранних стихотворений Есенина	156
Часть II. Источниковедение ранней биографии Есенина	172
Глава 1. В родном селе: познание мира и учеба	172
Глава 2. Спас-клепиковская учительская школа в биографии Есенина	220
Глава 3. Роль Университета Шанявского в становлении поэта.....	245
Глава 4. История в учебных планах и творчестве поэта.....	269
Глава 5. Книга «Радуница» в эволюции Есенина	296
Заключение.....	358
Именной указатель.....	363

ПРЕДИСЛОВИЕ

Творческое наследие великого русского поэта Сергея Александровича Есенина исследуется специалистами различного профиля — литературоведами, лингвистами, историками, искусствоведами, культурологами, психологами — на протяжении многих десятилетий. Однако до сих пор, несмотря на значительную работу по осмыслению жизни и творчества поэта, его научная биография не написана. Данная монография ставит своей задачей обосновать необходимость создания научной биографии Есенина и сделать попытку на основе достижений отечественного библиографирования определить базовые принципы ее построения. В монографии представлен отобранный на основе сформулированных нами критериев источниковедческий материал для подготовки одной из частей научной биографии Есенина, рассматривающей период его становления как русского национального поэта.

Автор монографии много занимался темами, связанными с историей и типологией создания биографических трудов, особенностями построения научных биографий. Проведенные разыскания убедительно показывают, что отечественными учеными накоплен значительный опыт создания биографических работ, который требует осмысления и творческого использования при написании научных биографий, основанных на всестороннем анализе всех доступных в настоящий момент фактов и документов.

Материал по истории биографирования актуален при разработке проблематики научной биографии Есенина, для создания которой имеются в настоящее время все условия и предпосылки, а также иных трудов биографического плана. В монографии характеризуются особенности отечественных биографических исследований, что закладывает фундамент для создания биографических работ с учетом имеющегося опыта.

Интерес к творчеству Есенина как читателей, так и исследователей значительно возрастает в 1950-е годы. Конечно, нельзя сказать, что раньше Есенина не читали, однако за два десятилетия, с 1930 по 1950 год, как показано в исследовании Н. Г. Юсова, в Советском Союзе вышло всего несколько его изданий, изредка печатались отдельные стихотворения¹. Зато именно в эти десятилетия укрепилась любовь к Есенину читателей. Его стихи и целые сборники переписыва-

вались от руки, его произведениями восхищались люди разного возраста и социального статуса. Показательную историю описывает В. И. Сафонов:

Мне рассказывали в Смоленске:

... По улицам оккупированного города гнали колонну плененных красноармейцев. Несуветная жара, измученные голодом и жаждой люди, многие — в окровавленных повязках. Вдруг навстречу вырвался роскошный лимузин, до отказа набитый пьяными гитлеровцами в черных мундирах. Эсэсовцами, надо полагать. Не сворачивая, врезался в колонну и пошел наматывать на шины человеческую боль и человеческие жизни. И тогда колонна — масса изможденных, озлобленных людей — сомкнулась вокруг лимузина, навалилась на него всей своей тяжестью, всей громадой. Ни один из гитлеровцев — пассажиров лимузина — не остался в живых.

Расстреливали ребят тут же — из пулеметов и автоматов, в упор. Никого не пощадили. Мостовая пламенела кровью, кровь ручьями скатывалась под уклон.

Позже, когда убрали мертвых, смыли кровь с мостовой, на место трагедии прибежали мальчишки. Вездесущий и бесстрашный народец, они искали красноармейские звездочки и пуговицы — «на память», а один из них наткнулся на томик есенинских стихов. Он лежал в придорожной канаве, и листы его, покрытые бурными пятнами, были смяты, покороблены, будто чудовищная боль заставляла их корчиться в невыносимых муках...²

Приводит В. И. Сафонов и другую историю — о командире советской подводной лодки А. И. Маринеско, пришедшем во время ленинградской блокады в Пушкинский Дом к В. А. Мануйлову, который в молодости общался с Есениным, а всю свою научную жизнь посвятил исследованию жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. В. И. Сафонов вспоминает:

После первой встречи с Мануйловым моряки стали завсегдатаями в библиотеке. Приходили, чинно усаживались за столиками, а тема — беспощадно задушевная, неисчерпаемая — всегда одна и та же: Есенин, его личность и творчество, его стихи. Помимо восторга — недоумение в душах подводников: почему поэт слывет подкулачником, когда весь, насквозь, нашенский?

Мануйлов в сторону не уходил — отвечал честно. Про великую любовь поэта к России, про великую ненависть к нему сильных мира сего, про раннюю — при загадочных обстоятельствах — гибель³.

После этих примеров обоснованными являются и размышления В. И. Сафопова о книгах Есенина на фронтах Великой Отечественной войны как о бойцах на полях сражений:

Пробитые насквозь пулями, изорванные в клочья осколками, книги Есенина — раненые бойцы, порой смертельно раненные, — подбирались

на поле боя санитарями или солдатами похоронных команд, через их посредство попадали в ближний тыл — в медсанбаты, в военно-полевые госпитали, перекочевывали за линию фронта.

И продолжали боевую службу⁴.

Широко была известна лирика Есенина и в среде людей, находившихся в местах лишения свободы. Об этом свидетельствуют, например, воспоминания японской исследовательницы Тиэ Оги. Она сообщает о японце Госукэ Утимуре, который, находясь во второй половине 1940-х — первой половине 1950-х годов в заключении в Сибири, «слышал много стихотворений от русских заключенных. Он говорил, что они особенно любили Есенина. Он написал книгу о Есенине, перевел несколько стихотворений и издал их»⁵. С этой книгой познакомилась и Тиэ Оги и тоже полюбила есенинское творчество. «Меня увлекла жизнь Есенина, изложенная в работе Госукэ Утимура, — свидетельствует она. — Теперь в России, когда я читаю и слушаю его произведения, то чувствую что-то есенинское без объяснения. Здесь я люблю его стихотворения больше, чем в Японии»⁶.

В 1950-е годы начали издаваться отдельные есенинские сборники. В 1952 году — «Избранное», составленное П. И. Чагиным и с его примечаниями (М.: Государственное издательство художественной литературы; тираж 75 000 экз.). В 1953 году в «Малой серии» «Библиотеки поэта» вышли вторым изданием «Стихотворения» с вступительной статьей К. Л. Зелинского и с текстами, подготовленными П. И. Чагиным (Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение; тираж 20 000 экз.). В 1955 году был издан двухтомник «Сочинения» (составление, подготовка текста и примечания К. Л. Зелинского и П. И. Чагина. Вступительная статья К. Л. Зелинского; М.: Государственное издательство художественной литературы; тираж 150000 экз.). В следующем году тем же тиражом вышло переиздание двухтомника, а в «Библиотеке поэта», теперь уже в «Большой серии», появились «Стихотворения и поэмы» со вступительной статьей А. Л. Дымшица, который подготовил тексты и написал примечания (Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, тираж 30000 экз.). Сборники Есенина издавались также в Киеве, Хабаровске, Сталинграде, Новосибирске, Иркутске, Куйбышеве.

В 1950-е годы к теме становления поэта обращается Ю. Л. Прокушев, опубликовавший ряд материалов, касающихся учебы Есенина, а в 1963 году издавший книгу «Юность Есенина». Так начала закладываться источниковедческая база есениноведения.

Во второй половине 1950-х — начале 1960-х годов начинают появляться отдельные издания, посвященные жизни и творчеству Есенина. Это брошюры «Сергей Есенин» И. С. Эвентова (Л.: Общество

по распространению политических и научных знаний РСФСР, Ленинградское отделение, 1957; тираж 50 000 экз.) и Ю. Л. Прокушева (М.: Знание, 1958; тираж 120 000 экз. и последующие переиздания). В 1959 году в издательстве Киевского университета тиражом 25 000 экземпляров выходит очерк А. В. Кулинича «Сергей Есенин». Более подробно характеризуется поэт в книге Е. И. Наумова «Сергей Есенин. Жизнь и творчество» (Л.: Ленинградское отделение Учпедгиза, 1960; тираж 45 000 экз.).

Затем готовятся и выходят многотомные собрания сочинений — впервые с 1926–1927 годов, когда было выпущено четырехтомное издание сочинений Есенина (три тома составил и подготовил к печати сам поэт). В 1961–1962 годах полумиллионным тиражом издано пятитомное собрание произведений, а в 1966–1968 годах оно же выпущено в несколько измененном варианте (тираж этого издания сократился и составил 100 000 экз.). Затем (в 1970 и 1977 годах) выходят трехтомные собрания. В 1977–1980 годах выпущено собрание сочинений в шести томах — самое полное в советские годы издание наследия Есенина, снабженное достаточно подробными комментариями, с обоснованием времени создания произведений.

В 1959 году защищена первая кандидатская диссертация, посвященная Есенину, — С. П. Кошечкиным. Выходят большими тиражами популяризаторские книги Ю. Л. Прокушева и ряд других небольших по объему, но важных благодаря введению в научный оборот неизвестных или малоизвестных фактов статей и книг. В результате широкий круг читателей ознакомился с творчеством и биографией поэта. Однако в «Краткой литературной энциклопедии», второй том которой, включающий и статью о Есенине, появился в 1964 году, дается такая оценка личности поэта: «Его крупный реалистический талант, связанный с нар^{одной} жизнью, сквозь все заблуждения и предрассудки, сквозь туман патриархально-крест^{ьянских} иллюзий прорывается к свету, к правде революции. Лучшие произв^{едения} Е^{сенина} входят в золотой фонд сов^{етской} поэзии»⁷.

Как справедливо отмечает П. Ф. Юшин в книге 1969 года «Сергей Есенин: Идеино-творческая эволюция», «Сергей Александрович Есенин принадлежит к числу наиболее читаемых, но, к сожалению, наименее изученных поэтов»⁸. Докторская диссертация П. Ф. Юшина стала первой крупной исследовательской работой, посвященной поэту.

В 1970 году защищена еще одна докторская диссертация — «Традиции и новаторство в творчестве С. А. Есенина» — А. З. Жаворонковым. Это исследование во многом базируется на вводимых в

научный оборот архивных материалах. Поскольку эта фундаментальная работа объемом 985 машинописных страниц обойдена вниманием есениноведов, охарактеризуем ее структуру. Первая часть — «Есенин и литературные течения 10-х — начала 20-х гг.» — состоит из трех глав: «Сергей Есенин в литературном движении “писателей из народа”. Среди суриковцев», «С. Есенин среди крестьянских поэтов» и «Есенин, символисты, имажинисты». Вторая часть — «Есенин в литературном процессе 20-х годов» — из четырех глав: «Творческие связи С. Есенина с советскими писателями двадцатых годов», «Революция, партия, народ в лирическом эпосе Есенина 1924–1925 годов», «Классики в послеоктябрьском творчестве С. Есенина» и «Вклад Есенина в стихотворное развитие русской советской поэзии». Исследователь не только обозначает, но и достаточно глубоко анализирует многие существенные вопросы, актуальные для изучения есенинской поэзии, в контексте развития отечественной словесности.

В то время исследователи Есенина, говоря о значимости его творчества, часто ссылались на авторитет М. Горького, противопоставляли есенинское наследие творчеству многих его современников, которых оценивали тогда как реакционных авторов. «А. М. Горький высоко ценил художественные достоинства лирики Есенина, — пишет, например, К. Л. Зелинский. — В 1930 году, путешествуя по Советской стране, Горький пришел к выводу, что даже в суровое эпическое время лирика находит себе выход в песнях, в мелодиях, в музыке. “Сергея Есенина не спрячешь, не вычеркнешь из нашей действительности”, — писал тогда Горький, видя в поэте “яркий и драматический символ непримиримого раскола старого с новым”»⁹.

По-прежнему, как и во второй половине 1920-х годов, во второй половине 1950-х — 1960-е годы смерть Есенина трактуют как естественное завершение его насыщенной противоречиями жизни. «Трагическая смерть безусловно была связана с внутренним неуравновешенным состоянием поэта, — пишет Е. И. Наумов. — Его не оставляли приступы жесточайшей меланхолии и пессимизма. <...> Несомненно, ближайшей, непосредственной причиной гибели поэта было его продолжавшееся болезненное состояние. Но тогда же стало понятным и другое: смерть Есенина не мгновенная катастрофа. Это гибель человека, внутренне надорванного задолго до своего смертельного часа». При этом исследователь замечает: «Трагедия Есенина — трагедия человека, оказавшегося “в промежутке” между двумя эпохами в период великой исторической ломки»¹⁰.

Как противоречивое и неоднородное рассматривает творчество Есенина П. Ф. Юшин, видевший причину этой противоречивости в том, что в наследии поэта с большой искренностью и правдивостью

раскрывалась эволюция сознания непролетарских масс, вовлеченных в революцию пролетариатом. Путь Есенина — это путь от «певца патриархальной, нищей, обездоленной России до певца России социалистической, России ленинской»¹¹.

Из Есенина, которого уже невозможно скрыть от читателей, стали создавать советского поэта, воспевавшего революцию, однако не лишённого определенных противоречий, которые и привели его к гибели. Так, журнал «Коммунист» в 1958 году отмечает в связи с выходом в 1956 году в Нью-Йорке «Словаря русской литературы»: «В свете искренних исканий С. Есенина обнажается в полной мере фальшивость попыток представить его по своему духу далеким от советской поэзии, ее основных устремлений. <...> он сближается с “внутренней эмиграцией”, изображается стоящим в одном ряду с такими враждебными новому строю поэтами, как Н. Клюев, С. Клычков. Главная цель таких фальшивок — лишить творчество Есенина пафоса поэтических исканий, отделить его от исторического движения страны к новой жизни. На самом деле при всей сложности жизненного и творческого пути С. Есенина он стремился идти в ногу с народом, с революцией»¹².

«Основным, решающим, что резко отделило Есенина от всего буржуазно-декадентского лагеря, было полное и безоговорочное признание поэтом советской власти и выражение готовности служить своим творчеством народу. <...> Октябрь показал, что Есенин с народом, с революцией и советской властью»¹³, — утверждает К. Л. Зелинский в предисловии к есенинскому двухтомнику, изданному в 1956 году.

Однако подобные обусловленные временем оценки были тогда необходимыми рассуждениями, позволявшими авторам выйти к читателям, донеся до них свое мнение о творческом наследии Есенина. Как справедливо отметила Н. В. Корниенко, «помимо других выступлений, апологетическое слово Троцкого о Есенине (опубликовано в “Правде”) и “Злые заметки” Бухарина на десятилетия определяют не только судьбу наследия Есенина, но и саму возможность разговора о русской литературе как литературе национальной»¹⁴.

Установки, закрепившиеся со второй половины 1920-х годов, во второй половине столетия постепенно преодолеваются. Становится очевидным, что Есенина во всей полноте и многогранности невозможно понять, не рассматривая его как русского национального поэта. Об этом в первых же своих работах, посвященных Есенину, заявляет Ю. Л. Прокушев. Подчеркивая, что «поэзия Есенина — неотъемлемая часть нашего замечательного национального художественного наследства», исследователь заявляет, что главное в

есенинском творчестве — «сыновняя любовь поэта к русской земле, искренность и высочайшая правдивость чувств, широта души поэта и человечность, мужественные поиски выразительно простых художественных образов, открывающих как бы заново окружающий нас мир»¹⁵.

Тот же К. Л. Зелинский в отдельной статье рассматривает любовь поэта к Родине как «сокровенное у Есенина, составлявшее внутренний движущий пафос его поэзии, определившее его народность»¹⁶. «Национальный характер — понятие широкое и сложное, — напишет десятилетие спустя В. А. Шошин. — Даже талантливый поэт не в состоянии выразить национальный характер своего народа достаточно разносторонне. Но он может ярко передать ту или иную черту, ту или иную грань национального характера. Такая роль выпала на долю Сергея Есенина»¹⁷. Как певца Руси, творчество которого впитало великие традиции русской национальной поэзии, рассматривает Есенина П. Ф. Юшин.

Более полно Есенин как национальный поэт охарактеризован в 1980–1990-е годы. В. Г. Базанов в качестве основы есенинского мировосприятия рассматривает «крестьянский уклон» в его творчестве. «В преданности Есенина крестьянству, — пишет исследователь, — нужно видеть не бегство от современности, не желание укрыться под изыбаной крышей от революционной грозы. <...> Есенин без деревни — не Есенин. <...> Деревня помогает ему реализовать творческие замыслы, проявить свою индивидуальность»¹⁸. В. А. Солоухин отмечает: «Есенин был глубоко национальным поэтом, носителем русской национальной идеи»¹⁹. Т. К. Савченко объясняет актуальность изучения Есенина и его литературно-художественных взаимосвязей с современниками тем, что «во всей полноте встал вопрос о сохранении русского национального самосознания, о будущем России и ее народов»²⁰.

Значительную роль в развитии есениноведения сыграли есенинские чтения. Они проводились по инициативе Всесоюзного есенинского общества «Радуница» в разных городах Советского Союза. Со временем, после создания в ИМЛИ им. А. М. Горького Есенинской группы, есенинские чтения переросли в есенинские конференции, ежегодно проходящие на базе ИМЛИ РАН, Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина и Государственного музея-заповедника С. А. Есенина.

Наиболее масштабным среди этих научных встреч стал международный симпозиум «Столетие Сергея Есенина», прошедший в 1995 году. Во многих статьях, вошедших в изданный по его итогам сборник, говорится о Есенине как о национальном поэте, имеющем

при этом мировое значение. «Я глубоко убежден, — пишет Ю. В. Мамлеев, — что поэзия Есенина вступает в соприкосновение с самым сокровенным, тайным уровнем русской души, тем уровнем, который коренным образом связывает каждого русского с Россией и с самими собой. Поэзия Есенина — это контакт с сокрытым миром изначальных качеств русской души и русского бытия. Это введение в новый невидимый град Китеж, в град сокровенных пластов русского бытия. Вы, таким образом, входите в сокрытую сокровищницу собственной души, ибо русская душа и Россия метафизически одно и то же»²¹. Именно этим обстоятельством обуславливается особое влияние есенинской поэзии на его соотечественников и на людей русской культуры, проживающих в самых разных регионах мира. Но есенинское мировосприятие близко и представителям других культур. Об этом также пишет Ю. В. Мамлеев: «Тайна есенинской поэзии не только в ее образах и интонациях — в ней заложен и намек на то, чего нет и не может быть в словах. Стихи Есенина выводят к истокам, где уже язык бессилен и наступает власть великого молчания (“Я молчанью у звезд учусь”). В этом отношении поэзия Есенина близка к Упанишадам, к вечному Востоку; неудивительно поэтому, что, насколько я слышал, индусские студенты, изучающие у себя на родине русский язык, так любят Есенина»²². Отметим, что этим во многом объясняется и широкое распространение романсов и других музыкальных произведений на слова Есенина.

Сходные суждения высказывает и С. Г. Семенова: «То, что мы встречаем в поэзии Есенина, — это не русский характер, уплотненный бытом, конкретной реальностью, который рисовала отечественная реалистическая проза и драматургия: речь идет скорее об основных началах, устремлениях, стихиях народной души»²³.

На религиозный характер есенинской поэзии обращает внимание Ю. И. Сохряков, отмечая, что в творчестве Есенина «отразилось неповторимое православное мироощущение, для которого характерно светлое жизнепрятие»²⁴. «Есенину удалось сделать в поэзии то, чего не удавалось до него почти никому, — пишет исследователь. — Он сумел в образной поэтической форме выразить сокровенную суть русского человека — “нежность грустную русской души”, ее внутреннюю деликатность, которой изумлялись Ф. Достоевский, А. Твардовский и А. Солженицын. Именно эту нежность грустную русской души часто путают с тривиальной сентиментальностью»²⁵.

В 2004 году проходит международная научная конференция «Наследие Есенина и русская национальная идея: современный взгляд», многие доклады которой посвящены рассмотрению мировоззренческих аспектов. «Творчество Есенина, — отмечает О. Е. Воронова, —

воспринимается нами сегодня как художественное воплощение русской идеи прежде всего потому, что оно отражает в себе важнейшие доминанты самосознания народа — такие, как:

- национальный образ мира;
- национальный характер;
- национальный идеал.

Глубинная почвенность есенинского дара проявилась в том, что он связал русскую идею с русской верой, а веру — с любовью к Родине, осмыслив ее как высшую ценность...»²⁶

Есенинские научные конференции вносят существенный вклад в изучение есенинского наследия, в осмысление своеобразия его поэзии. Теперь Сергей Александрович Есенин предстает как великий русский национальный поэт, имеющий мировое значение.

При подготовке в 1989–2001 годах Полного собрания сочинений (ПСС) Есенина в семи томах (деяти книгах) составителями, авторами комментариев к публикуемым произведениям проведено всестороннее исследование их источников, раскрыта творческая история, проанализирована прижизненная критика. В этот период выходят и сборники-спутники этого собрания — «Новое о Есенине», а члены Есенинской группы готовят и выпускают совместно с другими специалистами ряд важных в плане создания источниковедческой базы изданий (подробнее об этом — в главе 1 части I).

Однако период становления, формирования яркого самобытного таланта, истоки есенинского творчества до настоящего времени раскрыты далеко не полностью. О детстве и юности поэта писали его современники — как при жизни поэта, так и в первые месяцы после его трагической гибели. Это были в основном воспоминания о детстве, краткая характеристика ранних произведений, пересказ автобиографий поэта. Естественно, что в то время есенинское творчество не получило сколько-нибудь цельного научного анализа.

В период подготовки первого тома «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина» (М., 2003; составитель раздела «1895 – июнь 1912» М. В. Скороходов, при участии сотрудников Государственного музея-заповедника С. А. Есенина О. Л. Аникиной, Л. А. Архиповой, Н. Н. Бердяновой (ныне — Бабицына)) продолжалась разработка источниковедческой базы, в том числе исследовались программы учебных курсов, по которым преподавали Есенину различные дисциплины. Было уточнено название учебного заведения в селе Спас-Клепики, в котором учился начинающий поэт — второклассная учительская школа. Благодаря обращению к архивным собраниям, периодическим изданиям конца XIX — начала XX века введены в научный оборот сведения об истории учебных заведений и

учителях Есенина, редкие документы включены в приложение к Летописи. Благодаря работе в библиотеках Е. А. Самоделовой и архивным разысканиям В. А. Дроздова в Летописи опубликованы не известные ранее сведения, касающиеся учебы Есенина в 1913–1915 годах в Московском городском народном университете им. А. Л. Шанявского.

Однако в ходе подготовки первого тома Летописи обследованы далеко не все архивы. Так, не проводилась работа в рукописном отделе ИРЛИ РАН, где находятся, в частности, записные книжки и различные деловые бумаги П. Н. Сакулина — профессора университета им. А. Л. Шанявского, автора одного из первых и при этом содержательного отклика на творчество Есенина — статьи «Народный златоцвет» в «Вестнике Европы» (1915, № 5). Не были доступны составителям Летописи некоторые редкие издания, заштабелированные в Российской государственной библиотеке на период ремонта, среди них — изданные на правах рукописи лекционные курсы преподавателей университета им. А. Л. Шанявского, школьные учебники и некоторые другие.

В период работы автора данной монографии в качестве исполнителя поддержанных РГНФ проектов № 06-04-00105а и № 09-04-00213а, выполнявшихся под руководством Н. И. Шубниковой-Гусевой, обследованы ранее не привлекавшие внимания специалистов архивные и библиотечные фонды. Далеко не все обнаруженные материалы могли войти в Летопись, что связано со спецификой этого фундаментального научного труда.

Так постепенно создавалась документальная база для написания настоящей монографии, посвященной периоду становления Есенина и в целом вопросам научной биографии. Мы предлагаем подробный анализ школьных программ и учебников, по которым занимался Есенин, анализируем лекционные курсы преподавателей народного университета им. А. Л. Шанявского. В монографии показано, как отразились знания, полученные в школе и в народном университете, в раннем творчестве Есенина; в научный оборот вводятся архивные материалы, обнаруженные в Отделе рукописей ИМЛИ РАН, Рукописном отделе ИРЛИ РАН, в фондах Центрального государственного архива г. Москвы, Государственного музея-заповедника С. А. Есенина (с. Константиново Рязанской области).

Монография — один из этапов подготовки научной биографии Есенина. Причем наиболее актуальным является исследование периода учебы и становления творческой индивидуальности, поскольку ему до настоящего времени уделялось значительно меньшее внимание, чем другим. Это имеет свои объективные причины. Прежде всего, скажется скудость источниковедческой базы. О детстве и юности Есе-

нина осталось мало воспоминаний, многие из них написаны односельчанами поэта обыденным языком, в связи с этим часть из них до настоящего времени не опубликована, а те, что размещены в последнее время в Интернете, не прокомментированы, не снабжены научным аппаратом, часто содержат неточности и опечатки. Вторая причина недостаточной изученности раннего творчества Есенина обусловлена тем, что к этому периоду относятся только его первые стихотворения, часто ученические и подражательные, а те, которые датированы 1910–1912 годами в подготовленном поэтом в 1925 году Собрании сочинений, не имеют рукописных источников (в связи с этим авторские даты аргументированно оспариваются исследователями).

Рассмотрение истоков поэзии Есенина актуально не только в контексте изучения его раннего творчества. В период учебы в Константиново и Спас-Клепиках Есенин глубоко овладел знаниями по русской истории, получил представление о жизни и деятельности великих князей, царей, императоров, подвижников православия. Он познакомился с выдающимися произведениями отечественной и мировой литературы, с биографиями писателей. Именно в период учебы возник интерес Есенина ко всему многообразию явлений русской и мировой истории и культуры. Исследователями отмечено, что Есенин при работе над своими произведениями исторической тематики обращался к монографиям историков, однако именно в школьные годы он получил довольно полное представление о деятельности Евпатия Коловрата, Марфы Посадницы, Петра I, св. Николая и других исторических деятелей и святых. В этот же период Есенин осваивал отечественную словесность, анализировал с учителями и одноклассниками произведения классиков русской литературы.

Изучение истоков есенинского творчества позволяет раскрыть новые грани его поэтического мира, показать многоаспектность творческих поисков, дать более глубокий и всесторонний анализ отдельных произведений Есенина.

Работа автора над есенинской темой началась в годы учебы на факультете русского языка и литературы Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина, переименованного в Московский педагогический государственный университет. Осмыслению есенинского наследия в широком историко-культурном и литературном контексте способствовало посещение лекций и практических занятий ведущих профессоров и преподавателей, среди которых непременно нужно назвать В. В. Агеносова, И. Н. Арзамасцеву, А. А. Газизову, Л. В. Занковскую, Н. М. Киселеву, В. И. Коровина, З. Н. Литвину, Н. П. Михальскую, А. К. Панфилова, Н. И. Прокофьева, О. А. Проскурина, В. К. Радзиховскую, С. В. Сапожкова, А. В. Терновского, О. И. Федотову, И. О. Шайтанова.

Автор выражает искреннюю признательность всем, кто своими ценными советами, предоставлением важных сведений, поддержкой содействовал подготовке данной книги. Работа в Есенинской группе ИМЛИ РАН позволила находиться в центре процессов, определяющих развитие современного есениноведения, общаться с коллегами из многих городов России и стран мира, участвовать в качестве организатора и докладчика в международных есенинских конференциях. Особая благодарность ученым, руководившим Есенинской группой, — Ю. Л. Прокушеву и А. Н. Захарову, нынешнему руководителю группы Н. И. Гусевой (Шубниковой-Гусевой). Неоценимую помощь в работе оказали члены группы Т. К. Савченко, Е. А. Самоделова, Н. М. Солобай, С. И. Субботин, В. П. Тарутин, Н. Г. Юсов, Ю. Б. Юшкин. Различные работы автора монографии, посвященные Есенину, неоднократно обсуждались на заседаниях Отдела новейшей русской и литературы русского зарубежья. Во время этих обсуждений ценные замечания высказывались заведующей отделом членом-корреспондентом РАН Н. В. Корниенко, сотрудниками отдела А. Г. Гачевой, А. П. Зименковым, Е. А. Паковой, С. Г. Семеновой, В. Н. Терехиной, Е. М. Трубиловой, А. М. Ушаковым.

Выражаю признательность сотрудникам Отдела рукописей ИМЛИ РАН, который работает под руководством Д. С. Московской, руководителям и сотрудникам других отделов Института — Л. Д. Громовой, В. Л. Кляусу, С. А. Небольсину. Данная работа стала возможна благодаря всесторонней поддержке архивных разысканий, проводившихся в фондах Российской государственной библиотеки, ИРЛИ РАН, Государственного литературного музея, Российского государственного архива литературы и искусства, Центрального государственного архива г. Москвы, Государственного музея-заповедника С. А. Есенина, руководителями и сотрудниками этих организаций.

Искренняя благодарность научному редактору книги — Т. К. Савченко, рецензентам, которые внимательно прочитали монографию и высказали ценные замечания и предложения, направленные на ее совершенствование, — Д. С. Московской, Е. А. Папковой и Н. И. Шубниковой-Гусевой. Множество конструктивных пожеланий высказала Н. В. Корниенко, прочитавшая монографию в верстке.

¹ Юсов Н. Г. Издания и публикации произведений Есенина в советской прессе 1933–1947 гг. // Поэтика и проблематика творчества С. А. Есенина в контексте Есенинской энциклопедии. М.; Константиново; Рязань: Лазурь, 2009. С. 423–443. О распространении поэзии Есенина в местах русского рассеяния говорится в статье: Штейн Э. Поэзия Есенина в лагерях ДИ-ПИ // Столетие Сергея Есенина: Международный симпозиум. Есенинский сб. Вып. III. М.: Наследие, 1997. С. 447–452.

- ² Сафонов В. И. Есенин на фронтах Великой Отечественной... Рязань: Новое время, 1995. С. 13–14.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же.
- ⁵ *Ози Тиз*. Читая поэму Есенина «Цветы» // Столетие Сергея Есенина, 1997. С. 251.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Гайсарьян С. З. Есенин С. А. // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. М.: Советская энциклопедия, 1964. Т. 2. Стб. 899–900.
- ⁸ Юшин П. Ф. Сергей Есенин. Идеино-творческая эволюция. М.: Изд-во Московского ун-та, 1969. С. 9.
- ⁹ Зелинский К. Л. Поэзия Сергея Есенина // Есенин С. Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1956. С. 5. См. также упоминания Горького даже в небольших энциклопедических статьях о поэте: Есенин С. А. // Большая советская энциклопедия / Гл. ред. Б. А. Введенский. 2-е изд. М.: Большая сов. энциклопедия, 1952. Т. 15. С. 539; Марченко А. М. Есенин С. А. // Большая советская энциклопедия / Гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1972. Т. 9. С. 100.
- ¹⁰ Наумов Е. И. Сергей Есенин. Жизнь и творчество. Л.: Гос. учебно-педагогическое изд-во. Ленинградское отделение, 1960. С. 262, 266.
- ¹¹ Юшин П. Ф. Поэзия Сергея Есенина 1910–1923 годов. М.: Изд-во Московского ун-та, 1966. С. 6.
- ¹² Щербина В. Ответ фальсификаторам // Коммунист. 1958. № 11. С. 89.
- ¹³ Зелинский К. Л. Поэзия Сергея Есенина. С. 13.
- ¹⁴ Корниенко Н. В. «Нэповская оттепель»: становление института советской литературной критики. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 65.
- ¹⁵ Прокушев Ю. Л. Сергей Есенин (Литературные заметки и публикация новых материалов) // Литературная Рязань. Литературно-художественный и публицистический альманах. Рязань: Издание газеты «Сталинское знамя», 1955. Кн. 1. С. 312, 340.
- ¹⁶ Зелинский К. Л. О Есенине // Октябрь. 1955. № 10. С. 180.
- ¹⁷ Шошин В. А. Поэт и мир (о творческой индивидуальности в советской поэзии). М.; Л.: Наука, 1966. С. 35.
- ¹⁸ Базанов В. Г. Сергей Есенин и крестьянская Россия. Л.: Советский писатель, 1982. С. 5–6.
- ¹⁹ Цит. по: Наследия Есенина и русская национальная идея: современный взгляд. Материалы Международной научной конференции. М.; Рязань; Константиново: Пресса, 2005. С. 3.
- ²⁰ Савченко Т. К. Сергей Есенин и его окружение. Литературно-творческие связи. Взаимовлияния. Типология. Автореф. ... дис. докт. филол. наук. М.: МПГУ им. В.И. Ленина, 1991. С. 1.
- ²¹ Мамлеев Ю. В. Духовный смысл поэзии Есенина // Столетие Сергея Есенина. С. 26.
- ²² Там же. С. 31. См. также: Мамлеев Ю. В. Есенин и кризис современной цивилизации // Там же. С. 368–374.
- ²³ Семенова С. Г. Стихии русской души в поэзии Есенина // Столетие Сергея Есенина. С. 57.
- ²⁴ Сохряков Ю. И. О религиозных мотивах в лирике Есенина // Там же. С. 120.
- ²⁵ Там же. С. 119.
- ²⁶ Воронова О. Е. Наследие Есенина и эволюция национальной идеи в русском художественно-философском сознании // Наследие Есенина и русская национальная идея: современный взгляд. С. 7. Вопрос о Есенине как теоретике национального искусства впервые ставит Н.И.Шубникова-Гусева в статье «Есенин как теоретик национального искусства (к постановке проблемы)» // Там же. С. 42–61.

Часть I

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ ЕСЕНИНА

Глава 1

СОЗДАНИЕ НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ ЕСЕНИНА КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ

Создание научных биографий писателей — закономерный этап научного осмысления их жизненного и творческого пути. Эта задача особенно актуальна применительно к отечественной литературе XX века. Нынешний этап ее изучения характеризуется наличием большого числа публикаций литературного наследия, изданием монографий, посвященных различным вопросам творчества, созданием очерков жизни и деятельности. Таким образом создаются предпосылки для подготовки научных биографий русских писателей¹.

Важнейшим условием, необходимым для написания научной биографии, является глубокое и всестороннее исследование наследия писателя, выявление источников и изучение творческой истории его произведений, характеристика прототипов героев. Необходимо также рассмотрение творчества автора в широком историко-литературном и культурном контексте эпохи, в которую он жил и творил. Этот контекст подразумевает выявление, систематизацию и анализ критических откликов на творчество рассматриваемого автора. Именно эти задачи являются ключевыми при подготовке научного собрания сочинений писателя. В ходе этой работы устанавливается основной текст каждого произведения, ставший воплощением последней авторской воли. Поэтому можно утверждать, что подготовленное в ИМЛИ РАН и выпущенное в 1995–2002 годах Полное собрание сочинений С. А. Есенина явилось одним из важнейших источников научной биографии поэта. Параллельно с работой над академическим собранием есениноведы, в том числе сотрудники Есенинской группы ИМЛИ РАН, проводили конференции, по итогам

1543347

которых издавались сборники-спутники этого собрания — «Новое о Есенине». Многие вошедшие в них статьи содержат важные материалы, которые также являются источниками научной биографии Есенина.

Еще до начала работы над собранием вышел в свет двухтомник «С. А. Есенин в воспоминаниях современников» (вступительная статья, составление и комментарии А. А. Козловского; М.: Художественная литература, 1986), который широко использовался для подготовки как собрания сочинений, так и «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина».

В качестве важных источников научной биографии необходимо рассматривать также публикации новых материалов, которые появились на ранних этапах работы над ПСС. Это книга «С. А. Есенин. Материалы к биографии» (составители: Н. И. Гусева (Шубникова-Гусева), С. И. Субботин и С. В. Шумихин; М.: Историческое наследие, 1992), в которую вошли не публиковавшиеся ранее или печатавшиеся с сокращениями воспоминания, дневниковые записи, документы; двухтомник «Русское зарубежье о Есенине»: том 1 «Воспоминания», том 2 «Эссе, очерки, рецензии, статьи» (вступительная статья, составление, комментарии Н. И. Шубниковой-Гусевой; М.: ИНКОН, 1993), впервые давший достаточно полное представление о восприятии жизни и творчества Есенина русским зарубежьем. К 100-летию со дня рождения поэта был издан четырехтомник «Сергей Есенин в стихах и жизни» (М.: Республика, 1995). Два его тома включают произведения поэта. В издание вошли также тома «Воспоминания современников» (составление и общая редакция Н. И. Шубниковой-Гусевой) и «Письма. Документы» (общая редакция Н. И. Шубниковой-Гусевой; составлен племянницами Есенина — С. П. Митрофановой-Есениной и Т. П. Флор-Есениной). В последнем из названных томов опубликованы, в том числе по архивным источникам, не только письма самого поэта (1911–1925 годы), но и адресованные ему письма (1914–1925 годы), а также письма, в которых упоминается поэт, содержатся сведения о его жизни и творчестве (1915–1984 годы).

Материалы, только часть которых могла быть использована в собрании, стали основой книг его составителей. Так, итогом работы над ПСС Есенина явилась монография Н. И. Шубниковой-Гусевой «Поэмы Есенина: От “Пророка” до “Черного человека”: Творческая история, судьба, контекст и интерпретация» (М.: ИМЛИ РАН, 2001), которая написана на основе материалов, собранных для третьего тома ПСС, вошедшего в себя «большие» поэмы Есенина. Анализу этих поэм посвящена и докторская диссертация Н. И. Шубниковой-

Гусевой. Есенинские главы, основной материал для которых был разработан и обобщен в ходе работы над академическим собранием, вошли в монографию Е. А. Самоделовой «Антропологическая поэтика С. А. Есенина: Авторский житетекст на перекрестье культурных традиций» (М.: Языки славянских культур, 2006). По итогам работы над томом I ПСС защитил кандидатскую диссертацию «Лирика С. А. Есенина: Проблемы текстологии и поэтики» (М.: ИМЛИ РАН, 1997) в форме научного доклада А. А. Козловский — автор комментариев к вошедшим в том произведениям.

Работа по созданию источниковедческой базы научной биографии Есенина не прекратилась и после выхода ПСС и продолжается в настоящее время. Безусловно, принципиально важный этап, необходимый для подготовки научной биографии, — создание летописи жизни и творчества. Несмотря на то, что при работе над академическим собранием сочинений Есенина были изучены все доступные источники его произведений, а некоторые из них впервые введены в научный оборот, сохранялось значительное число материалов, которые в силу разных причин не могли войти в комментарии к ПСС. Так, например, в этом собрании сочинений была возможность охарактеризовать только те публичные выступления поэта, афиши которых были доступны исследователям. В этом случае в собрании публиковалась афиша, а в комментариях к тексту по различным источникам (как на основе откликов в периодике и дневниковых записей, так и по мемуарным свидетельствам) давалась краткая характеристика этого события. Однако если афиши или программы не сохранились или их вовсе не существовало, в собрании невозможно было учесть такое выступление Есенина. Подобные события, являющиеся значимыми фактами биографии Есенина, отражены в летописи его жизни и творчества.

В книге 2 тома VII ПСС Есенина опубликовано 40 афиш и программ выступлений с участием поэта, проходивших на протяжении десятилетия — с 25 октября 1915-го по 29 ноября 1925 года (в последнем вечере Есенин не участвовал, так как лег на лечение в больницу, однако афиша сохранилась). Среди афиш и программ только одна сообщает о выступлении, относящемся к периоду заграничной поездки поэта, — 29 марта 1923 года в Берлине. Вместе с тем известно, что за неполные 15 месяцев, проведенные Есениным за пределами Советского Союза, прошло немало вечеров с его участием. Безусловно, все публичные выступления поэта должны быть всесторонне охарактеризованы в его научной биографии.

Важнейшая тема, актуальная как для ПСС, так и для биографических исследований (летописи жизни и творчества и научной биогра-

фии), — характеристика личных и творческих контактов писателя с его современниками. В академическом собрании сочинений не было возможности подробно раскрыть отношения Есенина с современниками. В этом издании можно было охарактеризовать только те страницы этих отношений, которые нашли непосредственное отражение в есенинских текстах. Так, если имелось посвящение произведения тому или иному лицу, дарственная надпись, упоминание того или иного человека в стихах, статье или письме Есенина, то комментарии включали краткую историю взаимоотношений. При этом, естественно, особое внимание уделялось характеристике того времени, когда появилось посвящение, дарственная надпись или упоминание в произведении. В летописи жизни и творчества имеется возможность отметить все известные эпизоды общения, взаимовлияния, даже просто совместные упоминания в печати имени Есенина и других лиц. Введение в Летописи в научный оборот подобных сведений значительно обогатило и расширило представление о жизненном и литературном пути Есенина, о его контактах с современниками.

Порой может даже показаться, что в Летописи возникает некая избыточность: нередко приводятся сведения, имеющие явно второстепенное значение и не оказавшие сколько-нибудь значительного влияния на жизнь и творчество поэта. Здесь учитывается опыт предшественников. В нашей стране на протяжении многих десятилетий создано немало летописей жизни и творчества как писателей, как и деятелей культуры, искусства, науки, политиков. Эти работы значительно отличаются друг от друга полнотой представленных сведений, объемом цитирования источников. При создании «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина» прежде всего учитывался опыт подготовки подобных трудов, посвященных классикам отечественной литературы. Так, известный литературовед, кстати, в молодости общавшийся с Есениным и оставивший воспоминания о нем, В. А. Мануйлов в предисловии к составленной им «Летописи жизни и творчества М. Ю. Лермонтова» справедливо отмечает: «Составитель летописи не всегда может предвидеть, что окажется для будущего исследователя существенным, а что останется маловажным. Некоторые факты и документы, кажущиеся нам второстепенными, при обнаружении новых материалов могут вдруг приобрести новый смысл и в сопоставлении с этими новыми материалами неожиданно оказаться в поле внимания исследователя. Поэтому летопись приходится строить с некоторым запасом и вводить в нее рядом с фактами первостепенной важности и факты второстепенные, на первый взгляд мало значительные»².

Именно наличие множества фактов, часть из которых впервые вводится в научный оборот, позволяет рассматривать «Летопись жизни и творчества С. А. Есенина» как важнейший источник научной биографии поэта, а работу по ее подготовке как серьезнейшую предпосылку, необходимую для ее создания.

Однако вернемся к вопросу о том, как представлены взаимоотношения Есенина с его современниками в разных типах научных изданий. Рассмотрим в качестве примера характеристику отношений Есенина со скульптором С. Т. Коненковым. В академическом собрании сочинений поэта Коненков упоминается несколько раз.

Написанная Есениным совместно с М. П. Герасимовым и С. А. Клычковым «Кантата» впервые прозвучала при открытии мемориальной доски жертвам революции, выполненной Коненковым. Этот факт отмечен в собрании сочинений Есенина, где воспроизведен фрагмент воспоминаний скульптора. По записям Коненкова приводятся сохранившиеся в его памяти есенинские строки, посвященные этому событию:

Пусть хлябь разверзнулась!
Гром — пусть!
В душе звенит святая Русь,
И небом лающий Коненков
Сквозь звезды пролагает путь³.

В письмах Есенина скульптор упоминается дважды — в 1921 и 1924 годах, однако в комментариях к ним о их общении не рассказывается. Весьма кратко история взаимоотношений Есенина и Коненкова характеризуются в комментариях к единственной сохранившейся дарственной надписи Есенина, адресованной скульптору. Судя по словам К. С. Коненкова, сына скульптора, была еще одна есенинская надпись — на его книге «Ключи Марии», однако ее текст и нынешнее местонахождение автографа неизвестны.

Интересно сохранившееся заявление Есенина и Клычкова, адресованное заведующему отделом изобразительных искусств Комиссариата народного просвещения, с просьбой о выдаче аванса в связи с работой над монографией о творчестве Коненкова. Сведений о реализации проекта не обнаружено. Есенин, Коненков, а также Клычков и П. В. Орешин составили и подписали в 1918 году «Заявление инициативной группы крестьянских поэтов и писателей об образовании крестьянской секции при Московском Пролеткульте». Коненков назван как автор скульптурного изображения поэта. Вот и все основные упоминания Сергея Тимофеевича в академическом собрании сочинений Есенина. Формат летописи жизни и творчества позволяет более широко раскрыть жизненные и творческие контакты поэта и

скульптора, охарактеризовать разные периоды их общения, достаточно широко представить свидетельства мемуаристов.

Значительно более подробно, чем в академическом собрании, цитируются в Летописи воспоминания Коненкова, посвященные открытию 7 ноября 1918 года в Москве на Красной площади мемориальной доски «Павшим в борьбе за мир и братство народов»⁴.

В Летописи по воспоминаниям Коненкова дается и ориентировочно датируется (ноябрем (?) 1917 года) посещение Есениным выставки работ скульптора, проходившей в его мастерской. В приводимом отрывке важно восприятие внимательным глазом скульптора облика поэта, а также сообщение мемуариста об этом событии и чтении Есениным своих произведений. «Читая стихи, он жестикулирует. Жесты его по-шалаяпински уместны, гармонируют с каждым словом. Светлые кудри развеваются, поправляя их, он поднимает руку к голове»⁵.

Однако факт знакомства поэта с Коненковым в летописи Есенина не отражен. Как полагает А. А. Козловский, первая встреча поэта и скульптора могла состояться в январе — феврале 1915 года, т. е. до поездки Есенина в Петроград⁶. Эта встреча довольно подробно описана Коненковым:

... познакомился я с Сережей Есениным, которого привел ко мне в мастерскую мой друг со времен баррикадных боев 1905 года поэт Сергей Клычков. Как они передавали потом, перед дверью Есенин услышал звучание лиры и поющие голоса и придержал своего провожатого.

— Стой, Сережа. Коненков поет и играет на лире.

Дослушав до конца песню, они вошли. Передо мной предстал светловолосый, стриженный в скобку мальчишка в поддевке.

— Поэт Есенин. Очень хороший поэт, — заторопился с похвалой Клычков, видя на лице моем удивление крайней молодостью незнакомца.

— Сережа знает и любит ваши произведения, — продолжал аттестовать друга Клычков, а Есенин, не дождавшись конца затянувшегося объяснения, порывисто, с подкупающей искренностью вставил свое слово в строку.

— Очень нравится мне и пенье ваших слепых. Я знаю некоторые из этих песен.

Клычков — в критическом обиходе именовавшийся не иначе как крестьянским поэтом — лучше нас мог пропеть Лазаря. Я взял в руки отложенную было в сторону лиру, и мы втроем довольно стройно спели песню об «Алексии божьем человеке, о премудрой Софии и ее трех дочерях Вере, Надежде, Любви»⁷.

Важно, что в воспоминаниях скульптора воспроизводятся исполнявшиеся Есениным произведения:

Вдруг Сережа сделался грустным и сам предложил:

— Я вам почитаю стихи.

Наша вера не погасла <...>

— Хорошо! Читайте еще.

И он весь напряжился, посветлел лицом и молодым, ломающимся, но сильным голосом стал читать нам веселые стихи о Руси, что тропой-дорогой разметала по белу свету свой наряд.

На плетнях висят баранки,
Хлебной брагой льет теплынь.
Солнца струганные дранки
Загораживают синь⁸.

С учетом времени создания этих стихотворений и датируется период знакомства Есенина с Коненковым.

В Летописи же упоминается их более поздняя встреча — в первые месяцы 1919 года, когда в мастерской скульптора находилась деревянная скульптурная группа «Степан Разин с ватагою». Эту скульптуру Есенин видел и позже (во время посещения 1-го Пролетарского музея в Москве) и ценил ее как «гениальную вещь»⁹.

Сообщается в Летописи о регулярных встречах Есенина со скульптором, например в сентябре — декабре 1919 года¹⁰, в ноябре — декабре 1920 года¹¹, в марте¹², летом и осенью¹³ 1921 года. Однако не отмечено, что Есенин в начале 1922 года провел у Коненкова несколько дней, воспользовавшись его гостеприимством. «В сочельник перед Рождеством, — вспоминает И. Старцев, — мы отправились с Есениным навестить Коненкова. Радушный хозяин, располагающая мастерская скульптуры и вино “пленили” нас на трое суток. На четвертый день мы сделали с Есениным “вылазку” и прошли, не заходя домой, прямо в книжный магазин на Никитскую»¹⁴.

К концу 1921 года отнесено в Летописи на основе воспоминаний Н. Д. Вольпин¹⁵ завершение работы Коненкова над есенинским бюстом. Однако сам скульптор дает в воспоминаниях иную дату: «Весной двенадцатого года Есенин позировал мне для портрета. Сеансы продолжались с неделю. Я вылепил из глины бюст, сделал несколько карандашных рисунков. Но несмотря на быстроту, с какой я справился с трудным портретом (надо сказать, работа эта увлекла меня настолько, что я вошел в азарт и не давал себе передышки), мои поэты заскучали и в один прекрасный день исчезли, как духи: куда-то уехали, кажется, в Самарканд. Есенинский бюст я переводил в дерево без натуры, корректируя сделанный с натуры портрет по сильному впечатлению, жившему во мне с весны восемнадцатого года»¹⁶. Поскольку известно, что Есенин выехал из Москвы в Туркестан 16 или 17 апреля 1921 года, можно предположить, что в первой половине апреля 1921 года он регулярно приходил в мастерскую Ко-

ненкова, позируя ему, а завершена работа была вскоре после 16 или 17 числа, т. е. во второй половине апреля 1921 года.

Отметим, что, по свидетельству современников, Есенин крайне внимательно относился к мнению Коненкова о своем творчестве. Так, Старцев вспоминал о поэте: «О творчестве своем распространяться не любил, но обижался, когда его вещи не нравились. Случалось, люди, скверно о нем отзывавшиеся, делались его врагами. Не обижался он только на одного Коненкова, которому считал обязанностью прочитывать все свои новые вещи. Коненков, хватаясь за бороду, подчас обрушивался на него криком, — и к поучениям его Есенин всегда прислушивался»¹⁷.

Встречи с Коненковым Есенин возобновил в августе 1923 года, после возвращения из заграничной поездки. Он бывал у скульптора с Н. А. Клюевым, А. А. Ганиным, М. Рабиновичем, а также с А. Л. Миклашевской. Последняя вспоминала: «В один из вечеров Есенин повез меня в мастерскую Коненкова. Коненкова в мастерской не было. Была его жена. Мы вошли в студию. Сергей сразу затих и весь сиял. Про него часто говорили, что он грубый, крикливый, скандальный. Потом я заметила, что он всегда радовался, когда сталкивался с настоящим искусством»¹⁸.

Собираясь в заграничную поездку, Коненков в конце 1923 года неоднократно заходил к поэту, но не заставлял его и непосредственно перед отъездом написал:

Дорогой Сережа!

Сегодня в 7 ч. 20 м. уезжаем в Америку. Очень грустно мне уезжать, не простившись с тобой. Несколько раз я заходил и писал тебе, но ты почему-то совсем забыл меня.

Я по-прежнему люблю тебя и ценю как большого поэта¹⁹.

Коненков 29 апреля 1925 года в письме Клычкову из Нью-Йорка передает привет Есенину: «Если встретишься с Сережей Есениным, передай ему наш привет. Я читал, что он решил “задрать штаны, бежать за комсомолом”. Для быстроты советую вмазать скипидару»²⁰.

Узнав в 1925 года адрес Коненкова в Нью-Йорке, Есенин записал его и собирался отправить письмо скульптору. Однако вскоре жизнь поэта трагически оборвалась.

Приведенный пример показывает, что в Летописи более подробно и разносторонне, чем в собрании сочинений, характеризуются взаимоотношения Есенина с Коненковым. При подготовке этого научного издания просмотрен и введен в научный оборот значительный пласт новых материалов. Однако еще раз подчеркнем, что в силу особенностей структуры Летописи и подачи материала в ней невозможно со всей полнотой отразить разные аспекты общения и творче-

ских связей Есенина с его современниками. В Летописи все события располагаются в хронологической последовательности, составить всеобъемлющую систему отсылок в печатном варианте этого труда невозможно. В связи с этим для того, чтобы получить представление о развитии отношений Есенина с другими людьми, необходимо использовать именную указатель, входящий в каждый том (и книгу) Летописи. Именной указатель ко всей Летописи планируется включить и в последнюю книгу этого издания.

Другой показательный пример — рассмотрение темы «Есенин и Качалов». С В. И. Качаловым Есенин неоднократно встречался, что отмечено в «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина». Без знакомства поэта со знаменитым актером и его молодым доберманом Джимом²¹ не было бы знаменитого есенинского стихотворения «Собаке Качалова». Однако важно, что актер еще до личного знакомства с поэтом включил в свой репертуар произведения Есенина.

Вернувшись с зарубежных гастролей в конце мая 1922 года, актер с семьей поселился «очень уютно в верхнем этаже маленького флигеля во дворе Художественного театра: три крохотных комнатки и кухня. В. И. сейчас же перевез к себе из Кунцева обеих сестер, к которым всегда относился с огромной нежностью и заботой, и с тех пор они жили с ним до конца жизни. Он очень любил эту свою квартиру и театральный двор с собаками и курами <...>»²².

Более подробно это местожительство Качалова описано в воспоминаниях его сына — В. В. Шверубовича: «Квартира Качаловых была в бывшей дворницкой, помещавшейся во втором этаже небольшого домика в глубине двора Художественного театра. Она состояла из трех крошечных комнаток, в которых жили Василий Иванович, Нина Николаевна, две сестры Василия Ивановича и почти постоянно ночевала не имевшая мало-мальски благоустроенного жилья О. И. Пыжова. Жили, вот уж поистине, “в тесноте, да не в обиде”. Небольшая столовая была ежевечерне (вернее сказать, еженощно, так как засиживались до двух-трех часов) полна — здесь постоянно бывали Судаков, Баталов, Еланская, Андровская, Сахновский, Марков, здесь часто бывали Таиров, Коонен, поэт Анатолий Мариенгоф со своей женой Никритиной, Николай Эрдман, скульптор Сарра Лебедева. Бывали Пильняк, А. Н. Толстой и Всеволод Иванов. Несколько раз был Есенин...»²³ Действительно, именно в эту квартиру, в которой Качалов прожил до конца 1928 года, неоднократно заходил Есенин.

Еще в июне — июле 1922 года Качалов выступал с чтением стихов поэта: «...В первых своих выступлениях в Художественном театре летом 1922 года он читал “Стихи о родине” Блока и Есенина. В июне и июле он играл сцены из “Гамлета” (сцены с королевой и с Розен-

кранцем и Гильденштерном), “На дне” и “У жизни в лапах”. Читал в театральных концертах речи Брута и Антония, пролог из “Анатэмы”, “Кошмар” из “Братьев Карамазовых”, стихи Пушкина, Блока и Есенина»²⁴.

Летом после непростого театрального сезона 1921/1922 годов Качалов жил у Эфросов в городе Алексине Тульской губернии, расположенном, как и есенинское Константиново, на Оке. И здесь, вдали от московской суеты, он читал по вечерам слушателям, прежде всего мхатовской молодежи, стихи, в том числе Есенина. «На самой опушке леса был выстроен летний театр с крошечной сценой и со зрительным залом мест на двести — двести пятьдесят, — вспоминает В. В. Шверубович. — Мы, четверо мхатовцев, сразу и с головой погрузились в эту жизнь. Сначала только смотрели спектакли и репетиции, но очень скоро вошли в работу. Василий Иванович, не признававший за собой способностей, а значит, прав режиссера и педагога, впрямую никого не учил, никаких замечаний не делал, советы давал самые осторожные — по поводу грима, костюма, манеры его носить, вообще манер и осанки, но влияние его, значение его в художественной жизни этой молодежи было и при этом его невмешательстве не меньшим. Он действовал на них самим своим существом, своей влюбленностью в поэзию, в слово. То, что он им читал, влияло на их вкус, вступало в борьбу с плохим вкусом части руководителей тогдашнего Малого театра; то, как он им читал, зарождало в них стремление к правде, к настоящей высокой и умной простоте, от которой было очень далеко (и от правды и от простоты) то, чему они учились у многих (правда, не у всех) своих учителей. А читал он им долгими вечерами, иногда целыми короткими летними ночами. Читал Пушкина, Тютчева, Лермонтова, Блока, Ахматову, Волошина, Есенина»²⁵.

С 30 ноября²⁶ до конца декабря 1922 года труппа МХАТ находилась в Париже. К этому периоду относится эпизод, описанный сыном Качалова: «Во Франции вино в ресторане намного дороже, чем при покупке в магазине, особенно при оптовой закупке. Наша хозяйка купила нам на винном складе несколько ящиков шампанского, бочонков столового вина, ящик коньяку <...>. Благодаря тому, что ресторанчик наш стал известен в Париже как место, где можно встретиться со всеми артистами МХАТ и с их друзьями — писателями, художниками, музыкантами, в него потянулись все русские эмигранты, которым было гораздо интереснее посидеть за полночь в обществе Москвина, Грибунина, Пашенной, Качалова и их друзей, чем вариться в собственном соку в какой-нибудь парижской “Москве” или “Волге”. Тем более что Качалов нет-нет да и почитает новые для

эмигрантов стихи Есенина, Маяковского, а Москвин организует хор, который споет не надоевшие “Черные глаза”, а какую-нибудь хорошую старую русскую песню, которую поют сейчас в Москве — настоящей Москве, а не в “Москве” парижской»²⁷.

После долгих гастролей по Европе и Америке 24 августа 1924 года «вся мхатовская труппа вернулась в Москву. В первые дни по возвращении старый театальный критик А. Р. Кугель встретил В. И. Качалова на улице. Через три года в своей маленькой монографии он рассказал об этой встрече: “Качалов был страшно рад, что вернулся, весь дышал весной. С обычной беспечностью, такой милой и открытой, он сообщил, что как хорошо, что во дворе Художественного театра из дворницкой ему переделали квартиру. В этой дворницкой, занесенной снегом и напоминавшей мещанский домишко на окраине уездного города, с нелепой сонеткой, с крылечком о трех ступенях, с низким входом, так что надо было нагнуться, переступая порог, Качалов, из дальних странствий возвратясь, возвеличенный европейской и американской славой и пропечатанный в самых разноязычных газетах, снова обрел себя, свою московскую сущность, свой родной чернозем, свой корень. Триумфальные странствования за границей, вероятно, кажутся ему далеким сном. Как говорится, отечества не унесешь на подошве, а московской земли — в частности. Есть люди, красивые люди, которые чем старше, тем становятся красивее. Таков Качалов”»²⁸. Именно к этому времени относятся мемуарные свидетельства сына актера, в которых заходит речь о Есенине:

В. В. Шверубович вспоминает, как в первые дни после возвращения они шли с Василием Ивановичем по московским улицам. Из уличной толпы до Качалова донеслись строки есенинских стихов. Радостно-приподнятый он сказал сыну:

— Слышишь? Есенин!

Тогда он еще не был лично знаком с поэтом, но возил с собой повсюду в чемодане книжки стихов Блока и Есенина²⁹.

Качалов откликнулся на трагическую гибель поэта. 30 декабря 1925 года на гражданской панихиде по Есенину в московском Доме печати он читал «Письмо матери» и «Этой грусти теперь не рассыпать...» 3 января 1926 года в Ленинграде исполнял произведения Есенина, А. А. Блока и В. В. Маяковского, затем выступал на вечерах памяти поэта во МХАТе, Доме печати, на вечере Всероссийского союза поэтов в Политехническом музее, в Доме Герцена³⁰. Позже Качалов продолжил выступать с чтением есенинских стихов: «В новом сезоне 1926/27 года <...> читал Пушкина, Маяковского, Блока, Есенина»³¹.

В мае 1928 года «состоялся в Харькове в помещении Госоперы вечер В. И. Качалова и В. Н. Поповой (“Эгмонт” с оркестром, “Клейкие листочки”, Маяковский, Есенин, Казин). “Он читает необыкновенно просто. Слово приобретает какую-то новую наполненную жизнь, свое особое сверкающее существование. В чтении Качалова хочется отметить еще одну черту — мужественность рисунка, мужественность чувства”, — писал рецензент “Вечернего радио”»³². К этому времени актер уже написал и опубликовал в журнале «Красная нива» свои воспоминания «Встречи с Есениным»³³.

Вероятно, о Есенине Качалов беседовал со своими современниками, в том числе с П. Н. Сакулиным, вместе с которым лечился летом того же 1928 года в Кисловодске³⁴. Однако достоверных сведений об этих беседах и их содержании не обнаружено.

Остановимся на характеристике еще одного современника Есенина, с которым неоднократно встречался поэт, — «футуристе жизни» Владимире (Вольдемаре) Робертовиче Гольцшмидте (1891?–1957), поскольку их взаимоотношения не охарактеризованы ни в академическом собрании сочинений Есенина, ни в Летописи. Об этом человеке известно немного. По непроверенной информации, в 1908 году он начал учиться в одном из высших учебных заведений Москвы. Б. Янгфельдт рассматривает его как «периферийную фигуру русского футуризма»³⁵, отмечая, что в 1918 году он числился сотрудником журнала анархистов «Революционное творчество».

Основными источниками сведений о Гольцшмидте являются воспоминания современников, посвященные участникам литературной жизни 1920-х годов — Есенину, Маяковскому и некоторым другим. Об общении Есенина с Гольцшмидтом упоминается в воспоминаниях Л. Ф. Файнштейна, сотрудника газеты «Бакинский рабочий», который в 1925 году переехал в Москву и стал техническим сотрудником Госиздата РСФСР.

Общаясь с Есениным и в Баку, и в Москве, Файнштейн написал о нем воспоминания «Сергей Есенин в Баку (1924–25)». Один из разделов озаглавлен «Владимир Хольцшмит». Фамилия искажена мемуаристом, такая ошибка понятна: поскольку Файнштейну, родившемуся в 1906 году в Благовещенске Амурской губернии, могли быть неизвестны фамилии современных ему поэтов европейской части России, он воспроизвел ее на слух.

Кстати, биография самого Файнштейна не прояснена. Вполне вероятно, что семья его родителей проживала в первые годы XX века в Баку, но затем была выслана, либо вынуждена была покинуть город из-за участия отца семейства или его ближайших родственников в революционной борьбе, либо был получен мандат на проведение

агитации в других районах России. В воспоминаниях бакинских революционеров фамилия Файнштейн упоминается неоднократно. Так, А. М. Хачиев (1874–1935), известный революционер, неоднократно подвергавшийся арестам и высылкам, по профессии рабочий-печатник, отмечал: «Впервые я прибыл в Баку в июле или в августе 1903 года из Ташкента, по мандату социал-демократической организации Закаспийской области. В Баку я установил связь с членом социал-демократической партии и членом Бакинского партийного комитета тов. Файнштейном, который работал в то время в городской управе. Файнштейн свел меня с членом Бакинского Комитета тов. Абрамом Эйзенбетом»³⁶. Братьев Иосифа, Григория и Бориса Файнштейнов упоминает С. М. Эфендиев³⁷.

Краткие сведения о Л. Файнштейне содержатся в базе данных Международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал» о репрессированных лицах, где кроме года и места рождения имеется следующая информация: «еврей; образование среднее; б/п; временно неработающий. Арестован 25 июня 1941 г. Приговорен, обв.: по ст. 58–10, 58–11. Приговор: к лишению свободы на 10 лет. Реабилитирован 3 марта 1962 г.»³⁸.

Есть сведения о том, что в 1923 году Файнштейн учился в Бакинском политехническом институте. Бакинская газета «Труд» сообщала, что он привлекался к ответственности по делу так называемого ордена «Пылающее сердце». Издание извещало читателей: «Цель общества заключалась в следующем. Под флагом ордена, возрождающего средневековый культ рыцарей, составленного из спаянных железной и суровой дисциплиной членов, прошедшие специальное испытание и искус на моральную и физическую выдержку, под страхом смертной казни обязавшихся хранить заветы и обычаи «ордена», соблюдать строжайшую конспирацию, связанных письменной присягой о невыходе из ордена, под флагом этого ордена создать крепкое, мощное духом и сильное материальными средствами, мещанско-дворянско-интеллигентское ядро, вокруг которого должна была сплотиться обанкротившаяся и потерявшая голову за 5 лет<ет> российской революции русская интеллигенция. Средства ордена составлялись из членских взносов от 25 до 1000 руб. золотом, для добывания же средств на организационную работу тройка³⁹ постановила предложить свои услуги бывшим бакинским нефтепромышленникам: за вознаграждение поджечь бакинские промыслы, дабы подорвать советскую промышленность изнутри и созданием переполоха и паники вынудить советскую власть идти на уступки в вопросе о возврате заводов, фабрик и промыслов прежним их владельцам»⁴⁰.

Ю. Е. Деген, В. Н. Успенский, В. К. Черников и Г. Р. Ортынов, признанные «идеологами, вдохновителями и главными инициаторами ордена, активными работниками его»⁴¹, были приговорены к расстрелу. Файнштейна, «хотя и посвященного, но малосознательного и несовершеннолетнего»⁴², освободили, аннулировав подписку о невыезде. Отметим, что Деген был одним из организаторов в Тифлисе студии поэтов «Фантастический кабачок», где бывали в числе прочих писателей Т. Табидзе и П. Яшвили, с которыми во время своего пребывания на Кавказе познакомился и довольно тесно общался Есенин. Естественно, он знал о судьбе Дегена и мог говорить о нем как с Табидзе и Яшвили, так и с Л. Файнштейном и его братом Семеном (с ним поэт также был знаком). Отметим, что по сведениям Л. Ю. Брик Есенин был знаком с Дегеным с 1916 года и именно на его петроградской квартире летом 1916 года впервые встретился с Маяковским⁴³.

Вернемся, однако, к Гольцшмидту. Биографические сведения о нем более полные, чем о Файнштейне. Но известен только краткий период его жизни, когда он активно гастролировал по России (соответственно, сохранились отклики на его многочисленные выступления) и встречался со своими более известными современниками (поэтому он упоминается в мемуарах, хотя в некоторых из них фамилия Гольцшмидта не называется, говорится о «футуристе жизни», известном тем, что он ломал о свою голову доски). К примеру, без фамилии он упоминается в «Охранной грамоте» Б. Л. Пастернака: «Маяковский извещал, что поставил меня на свою афишу вместе с Большаковым и Липскеровым, но также и с вернейшими из верных, в том числе и с тем, кажется, что разбивал лбом вершковы доски»⁴⁴.

О Гольцшмидте упоминал Н. Н. Захаров-Мэнский, воспоминания которого, хранящиеся в ГЛМ, были опубликованы в 1995 году в сборнике о Есенине. В них идет речь о «Кафе Четырех Бурлюков у Настасьинского переуллка», как называли «Кафе поэтов» Бурлюка, Гольцшмидта, Маяковского и Каменского⁴⁵.

Вероятно, Есенин и Гольцшмидт познакомились в Москве в 1918 году. Об этом свидетельствуют как воспоминания Захарова-Мэнского, так и Файнштейна, который писал о Баку 1924 года: «Я с Хольцшмитом случайно познакомился. Сказал о нем Есенину. Поэт ответил, что Хольцшмита знает...»⁴⁶ Подтверждают это предположение и мемуары Н. К. Вержбицкого: «В 1918 году он <Гольцшмидт; у автора — Хольцшмидт. — М. С.> выступал в Москве в “Кафе поэтов” и там познакомился с Есениным»⁴⁷.

Напомним, что «Кафе поэтов» открылось в Москве в помещении бывшей прачечной на углу Тверской улицы и Настасьинского пере-

улка осенью 1917 года и просуществовало до 14 апреля 1918 года⁴⁸. В тот период Есенин жил в Петрограде, однако не менее двух раз побывал в Москве. Первый приезд предположительно отнесен в «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина» к ноябрю 1917 года, когда поэт встречался с Коненковым, — и это событие зафиксировано в мемуарах скульптора. Второй приезд относится ко второй декаде марта 1918 года, когда поэт встречался с Андреем Белым и посетил редакцию журнала «Рабочий мир».

«Кафе поэтов» работало ежедневно, выступления поэтов и музыкальные номера продолжались с 7 часов вечера до 1 часа ночи. И. Г. Эренбург, рассказывая об этом кафе, отмечал: «Вспоминаю “Кафе поэтов” в Москве в 1918 году. Приходили туда люди, мало причастные к поэзии, — спекулянты, дамочки, молодые люди, именовавшие себя “футуристами”»⁴⁹. Один из основателей кафе В. В. Каменский вспоминал:

С первого же часа открытия в «Кафе поэтов» повалила густая лава своей братии и публики с улицы. Как именинный пирог, набилась наша расписанная хижина.

Гости засели за двурядные длинные столы из простых досок.

И вот на эстраде загремели новыми стихами поэты.

Тут же, на особом прилавке, продавались наши книги.

Сама публика требовала:

— Маяковского! <...>

Вызывали и других из присутствующих: Есенина, Шершеневича, Большакова, Крученых, Кусикова, Эренбурга⁵⁰.

О «Кафе поэтов» и Гольцшмидте сообщается в не опубликованных при жизни и сохранившихся, вероятно, лишь частично мемуарах Захарова-Мэнского, появившихся недавно в Сети в сопровождении подробных научных комментариев. Не отличавшийся особым поэтическим дарованием Гольцшмидт, являвшийся одним из основателей «Кафе поэтов», сумел со своими родными довольно быстро занять в нем все ключевые должности. Как отмечал С. Спасский, «это была одна из ловких операций проповедника “солнечной жизни”. Он поставил всех перед совершившимся фактом, одним ударом заняв главные позиции. Помимо старшей сестры, оперной певицы, еще раньше подрабатывавшей в кафе, за буфетной стойкой появилась его мамаша, за кассу села младшая сестра»⁵¹. Об этом же писал и И. Кремлев: «К тому времени, когда я впервые забрел в кафе поэтов, оно было откуплено неким Гольцшмидтом. Старшая сестра его давно подвизалась в футуристическом кафе, и он, посадив младшую в кассу, а мать за буфетную стойку, сделал его как бы семейной своей собственностью»⁵².

Обстановку «Кафе поэтов» довольно подробно описал Захаров-Мэнский: «Ранее в этом помещении была прачечная, — вспоминал он. — Фонарь у входа освещал маленькую черную дверь с надписью белой краской, гласившей — “Кафе поэтов”»⁵³. Свой директорский кабинет Гольцшmidt обклеил внушительного размера афишами, сообщавшими о его выступлениях в разных городах России. «Причем одна из афиш, — отметил Захаров-Мэнский, — указывала на то, что сам русский йог начал свое служение солнцу участием в одном из чемпионатов французской борьбы»⁵⁴.

Вход в кафе был платный. «Входная плата, в начале существования кафе, была в 3 рубля, внесшим же единовременно сотенную Гольцшmidt выдавал “билет действительного друга”, — продолжал Захаров-Мэнский. — Такой билет я получил на второй или на третий день моего знакомства с Гольцшmidtом, да, кстати сказать, их редко кто и приобретал, в большинстве Гольцшmidt попросту раздавал их близким “кафе” людям. “Билет действительного друга” выдавался на право посещения всех платных вечеров, включая экстраординарно-футуристические и подписывался обоими директорами: В. Гольцшmidtом и В. Каменским»⁵⁵.

Л. Никулин, вспоминая о Гольцшmidtе, писал о нем как о «довольно красивом, развязном молодом человеке», который «выступал перед публикой в шелковой розовой тунике и с золотым обручем на лбу»⁵⁶. По словам Эренбурга, в «Кафе поэтов» зимой 1917–1918 годов «оживлял публику <...> Гольцшmidt; на афишах он именовался “футуристом жизни”, стихов не писал, а золотил порошком два локона на голове, отличался необычайной силой, ломал доски и вышибал из кафе скандалистов»⁵⁷. Фамилия Гольцшmidtа встречается у Маяковского — в письме к Брик.

Р. Ивнев, останавливаясь на взаимоотношениях Есенина и Маяковского, рассказывал и о посещении ими упомянутого кафе. «В начале марта 1918 года, — сообщал мемуарист, — А. В. Луначарский, у которого я был секретарем, командировал меня в Москву в качестве своего секретаря-корреспондента. <...> Вскоре после моего приезда в Москву я начал встречаться с Маяковским в “Литературном кафе”, в Настасьинском переулке. <...> В те короткие приезды в Москву, которые совершал иногда Луначарский, он не раз бывал в этом кафе»⁵⁸.

М. Д. Ройзман в книге воспоминаний о Есенине довольно подробно передал внешний облик Гольцшmidtа и остановился на характеристике его выступлений:

На эстраду вышел атлетического сложения человек, напоминающий участников чемпионата французской борьбы, который недавно проходил

в цирке Р. Трущи. На футуристе жизни была желтая шелковая рубашка, напоминающая давнишнюю желтую кофту Маяковского. Ворот рубашки с глубоким вырезом открывал бычью шею, короткие рукава обнажали бицепсы. На лице футуриста жизни, на шее, на волосах лежали слои пудры бронзового цвета, что делало его похожим на индуса, йога.

Атлет развернул широкие плечи, вдохнул с шумом воздух, раздувая мощную грудь, и стал говорить о том, что каждому человеку нужно беречь свое здоровье и закаляться. Для этого носить летом и зимой легкую одежду, при любом морозе не надевать шапки, пальто или шубы. Он требовал, чтобы завтра утром каждый, кто слушает его, выбросил бы свои шапки, шляпы, шарфы, кашне, башлыки, сорочки, кальсоны, воротнички, особенно крахмальные, и т. д. и т. п. В доказательство своей «программы жизни» он тут же продемонстрировал свое отлично поставленное дыхание, поднятие тяжестей, сгибание некоторых железных предметов.

После этого первый русский йог потребовал внимательно слушать его и записывать. (Я и записал.) Он советовал всем, кто хочет приобрести хорошую осанку и форму, два раза в день применять древний способ йогов: «Ут-тапа-курм-асана».

— Вы принимаете позу петуха, — говорил футурист жизни, показывая, как это надо делать, — и, держась обеими руками за затылок, спокойно лежите минут десять, вытянувшись, как черепаха. Особенно для мужчин, — продолжал он, — рекомендую еще один древний способ йогов, благодаря которому вы приобретете могучую волю и духовную силу. Протяните кверху ноги, согните колени и старательно прикройте лодыжки руками, втяните шею в себя и ровно семь минут созерцайте кончик вашего носа...

В заключение футуристу жизни на огромном блюде принесли большую печеную картофелину, он положил ее целиком в рот, съел. Потом взял обеими руками блюдо, отвел его от себя подальше и с силой ударил им по своей голове. Голова первого русского йога осталась целой, а блюдо разлетелось на куски...⁵⁹

Вспоминал о выступлениях Гольцшмидта в «Кафе поэтов» и Д. А. Егоров: «Красивое лицо греческого, понимаете... как скульптуры вот греческие: аполлоновский профиль, курчавая головка, небольшой лоб стройный, — вот как греческая, понимаете. На нем полудамская кофта с квадратным вырезом, с оторочкой, и медальон. <...> Большой, порядочный медальон, он был в таком духе, как сейчас девушки вот носят модные. Там, в Настасьинском переулке, его выступления были беспомощны. Я его помню, если отклониться, когда этот Гольцшмидт вывешивал афиши по всей Москве — объявлял конференцию девушек. Он выступал в Политехническом музее вот перед девушками, пленяя их своей красотой, и плел всякую ерунду. Он брал на себя миссию, вообще, объяснить, как жить нужно, как укреплять тело и так далее. Он говорил, например: “Как вы спите, девушки? Ведь самая естественная поза для человека — это

поза нерожденного ребенка: он держится в чреве матери скорчившись, и его ручки положены между приподнятых коленочек”. Ну, Гольцшмидт, конечно, — это фигура проходящая. Рассказывали о том, что он раньше разбивал о свою голову такие дюймовые доски...»⁶⁰.

Гольцшмидт очень много ездил по России, выступая с лекциями. Во второй половине 1910-х годов он гастролировал в Крыму, на Кавказе, Урале, в Поволжье, Сибири, на Дальнем Востоке. Побывал в Японии, где издал антологию русского футуризма⁶¹. Спутником Гольцшмидта во время гастролей был поэт и авиатор Каменский. Он вспоминал: «Жил с “футуристом жизни” Гольцшмидтом, который тоже спасался <от призыва на службу — шла Первая мировая война. — М. С.>. Мы читали лекции в Ялте, Алушке, Симеизе, бродили по горам, подыскивая “отступление”, купались, как дельфины»⁶². В некоторые гастроли он отправлялся вместе с дочерью Н. Тэффи Еленой Бучинской, танцовщицей, иллюстрировавшей поэзию футуристов танцами-декламациями. С Гольцшмидтом она побывала в Челябинске, Омске, Томске, Красноярске, Иркутске, Чите. С исполнением «словопластических танцев» выступала и в московском «Кафе поэтов», причем порой обнаженной. В воспоминаниях Т. Фохт-Ларионовой отмечается: «В Настасьинском переулке, в каком-то пустом сарае футуристы открыли свое кафе “Стойло Пегаса” <так!>, расписав стены футуристическими рисунками. Иногда нас приглашали туда читать. Бывал там и Анатолий Васильевич Луначарский. Как-то поздно ночью, когда публика уже разошлась и остались только свои, Елена Бучинская голая танцевала на столе. Вокруг, по краям длинного стола, прикрепили свечи. Мама (она была со мной) сняла с себя египетский серебряный шарф. Он был сплошь заткан маленькими серебряными пластинками, напоминая кольчугу, и надела на Елену. Было это очень эффектно и, кстати, поприличнее»⁶³.

Екатеринбургская газета «Уральская жизнь» писала в апреле 1917 года: «Уже несколько дней по улицам нашего города гуляют странные люди, возмущающие обывателей своим внешним видом. Без шляп, легко, иногда необычно, причудливо одетые, они не укладываются в общий трафарет, установленный для всех. То “король футуристов” Вас. Каменский со своим оруженосцем Вл. Гольцшмидтом, исколесившие всю Россию и заглянувшие, наконец, на Урал. С ними иногда появляется и пепельноволосая в оригинальном костюме девушка, с черными узорами на матовом лбу»⁶⁴.

В откликах на выступления Гольцшмидта и его спутников как о чем-то экстравагантном чаще всего сообщалось о том, что этот не-

обычно одетый человек ломал о свою голову доски толщиной до пяти сантиметров и табуреты.

На Камчатке, в Петропавловске, Гольцшмидт выпустил в 1919 году свой оставшийся единственным сборник «Послания Владимира жизни на пути к истине» (издавались и тексты его лекций «Духовная жизнь и физическое развитие современного человека» и «Искания истинной любви и современный брак»). Он, как и многие его современники, говорил о необходимости жизнетворчества. Потому ли, что он явно проигрывал в поэтическом таланте своим добившимся на поэтическом поприще больших успехов современникам, или потому, что в литературу пришел после выступлений с силовыми атлетическими номерами и йоги, но его больше, чем эстетика литературы, интересовала эстетика человеческого тела. Исследовательница его жизни Н. Андерсон не без оснований указывает, что для Гольцшмидта художественными произведениями становились «трансгрессивные действия испытаний тела во взаимоотношениях с ситуацией и аудиторией — демонстрации телесной красоты и возможностей тела, натуралистские акции, тело как “памятник самому себе” в блистательном перформансе 1918 г.»⁶⁵.

Как и ряд его собратьев по футуризму, Гольцшмидт не избежал искушения писать манифесты и читать лекции, во время которых предлагал свои рецепты жизни. На одной из лекций он давал «три совета», следующим образом обращаясь к своим современникам: «Все вы слабовольные, бескрасочные в творческой жизни, готовые к уходу в иной мир, выполните честно мой жизненный совет и тогда вы увидите другую сторону жизни, ее переливные грани и загоритесь страстным желанием продолжать жизнь на земле»⁶⁶. Советы заключались в том, чтобы трое суток никуда не выходить, ни с кем не говорить, «заглушить уши свои» и не открывать глаза.

В произведении «Мой гимн» автор, обращаясь к «рахитикам души и телом»⁶⁷, заявлял:

Я футурист Влади-мир жизни
Я славлю солнце и любовь
Я знаю мировой отчизне
Нужна сверхсолнечная кровь

Я футурист Влади-мир песен,
Чудесных песен, земли и трав
И я всегда для всех небесен
И по земному гордо прав⁶⁸.

Кстати, последние строки этого стихотворения:

Эй вы — рахитики душой и телом,
Не для того пришел в мир к вам,

Чтобы заняться скучным делом,
Раздать богатства дуракам⁶⁹, —

созвучны есенинскому творчеству. Ср. у Есенина в «Небесном барабанщике» (1918):

Гей вы, рабы, рабы!
Брюхом к земле прилипли вы⁷⁰.

и в «Кобыльях кораблях» (1919):

В сад зари лишь одна стезя,
Сгложет рощи октябрьский ветр.
Все познать, ничего не взять
Пришел в этот мир поэт [II, 80].

В другом своем произведении, в котором в рамках одного текста перемежаются проза и стихотворные строки, Гольцшмидт, призывая к активному жизнетворчеству, писал: «Совсем нетрудно в каком-нибудь романе создать фантастического героя, он мертв или мало ценен. Дайте его живым, сотворите в своей личности. Быть поэтом на бумаге гораздо легче, чем в жизни, в отношении к окружающему миру. Яркость красок на полотне гораздо дешевле, чем в личной жизни человека, где она переливно оживает и дает различные движения»⁷¹; «Поэты, художники, философы, перенесите все ваше творчество в жизнь»⁷².

Дерзкий вызов пушкинскому «Памятнику» («Я памятник себе воздвиг нерукотворный...») — «Памятник Владимира жизни поставленный собственноручно в г. Москве 12 апреля 1918 г.». Стихотворение начинается строками: «Свой памятник протест условностям мещанства / Себе гранитный ставлю монумент»⁷³. Этот текст корреспондируется и со стихотворением Каменского 1916 года «Василий Каменский — Живой Памятник». Правда, памятник Каменского был из иного материала: «Долго ли буду стоять я — Живой / Из ядреного мяса Памятник»⁷⁴.

Впрочем, Гольцшмидт воздвиг себе и еще один памятник в Москве, на Театральной площади, правда, не гранитный, а гипсовой. О нем вспоминал Эренбург: «... Статуя была гипсовая, не очень большая и отнюдь не футуристическая — стоял голый Гольцшмидт. Прохожие возмущались, но не решались посягнуть на загадочный монумент. Потом статую все же разбили»⁷⁵.

Более детально описал это событие Ройзман, вспоминая о Есенине:

Этот же футурист жизни зимой 1918 года привез на сквер Театральной площади (ныне площадь Свердлова) на санках не смонтированную гипсовую полуфигуру. Он сказал сторожу, что должен

водрузить ее посредине занесенной снегом клумбы. Засыпавший от недоедания на ходу и привыкший ко всяким неожиданностям сторож только махнул рукой. Гольцшмидт вооружился лопатой, очистил вершину клумбы от снега, уравнил ее и водрузил подставку. Взяв торс, поставил его на стержни подставки. Потом принес голову, укрепил ее на шарнирах и встал рядом с бюстом. Конечно, собралась толпа.

— Товарищи москвичи! Перед вами временный памятник гениальному футуристу жизни Владимиру Гольцшмидту, — проговорил ловец славы Владимир Гольцшмидт. — Его друзья — четыре слона футуризма: Бурлюк, Хлебников, Маяковский, Каменский. Футурист жизни был первым русским йогом и звал всех к солнечной жизни. В память этого гения двадцатого века я прочту его стихи.

Владимир Гольцшмидт стал читать свое единственное стихотворение, где все, начиная от слов и кончая ритмом, было заимствовано у Василия Каменского, но восхваляло его, Владимира Гольцшмидта. Те, кто не знали его в лицо, аплодировали; а кто знал — стоял в недоумении. Футурист жизни взял лопату, положил на санки, быстро повез их за собой, заставляя расступиться толпу. Тогда кто-то крикнул ему вдогонку:

— Вы же и есть Владимир Гольцшмидт!

Сразу поднялся крик, шум. Привели сторожа, который было проснулся, но сейчас же снова задремал. Чья-то палка опустилась на голову гипсового гения. Потом другая. Через минуту на клумбе лежала груда черепков...⁷⁶

Известен и автор этого монумента — скульптор В. А. Ваганов. «В первый год революции, — рассказывал он, — я лепил для Дарвиновского музея скульптуру “кроманьонца” — доисторического человека. Однажды я услышал, что какой-то футурист, читающий лекции в Москве, замечательно сложен. Я решил его посмотреть. <...> Действительно, Гольцшмидт обладал прекрасной фигурой. <...> Он охотно согласился мне позировать, но с условием, что я сделаю фигуру по его проекту, который заключался в том, что он должен быть изображенным “гордо идущим, а пятки его должна кусать собака”. <...> Я сделал с него полуметровую фигуру, и Гольцшмидт тут же сообщил мне, что хочет ее поставить, как памятник. “Будет ли он стоять час или век — это неважно. Главное, что памятник себе я поставлю!” — убеждал он меня»⁷⁷.

В 1924 году Гольцшмидт оказался в Баку, в гостинице «Новая Европа», где в то время жил Есенин. Один из мемуаристов, Вержбицкий, отмечал, что встреча оказалась совсем недружественной: «Иногда дело доходило чуть ли не до драки. Но вот удивительно, — силач и боксер-профессионал Хольцшмидт <так!> вдруг начинал как-то робеть перед Есениным, в сущности — не очень сильным человеком. В самый напряженный момент, когда Есенин до белого каления доводил твердолобого “поэта жизни”, издеваясь над его “стихобредня-

ми», — Хольцшмидт вдруг засовывал свои могучие кулаки глубоко в карманы и молча уходил...»⁷⁸

К этим дням (5 октября 1924 года) относится и экспромт Есенина, начинающийся четверостишием:

Эх, жизнь моя,
Улыбка девичья.
За Гольцшмита пьем
И за Галькевича [IV, 257].

О последующей судьбе Гольцшмидта сведений пока обнаружить не удалось. Исследователи пишут, что он скончался в 1957 году в Ташкенте. Общение с ним Есенина, конечно, не очень важный факт биографии поэта (об их встречах в «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина» не упоминается), однако фигура «футуриста жизни» довольно колоритна, об их встречах пишет ряд мемуаристов, поэтому сложно согласиться с комментаторами четвертого тома академического собрания сочинений Есенина, утверждавшими, что их знакомство было шапочным.

Приведенные нами истории свидетельствуют о том, что несмотря на наличие таких важных источников, как академическое собрание сочинений и летопись жизни и творчества, при подготовке научной биографии Есенина потребуется провести дополнительные исследования, раскрыть новые аспекты взаимоотношений Есенина с его современниками.

В научной биографии в отличие от Летописи имеется возможность при рассмотрении жизни и творчества совмещать диахронический (общая последовательность глав) и синхронический (при рассмотрении узловых проблем, истории создания произведений, эволюции взглядов и образов, характеристики отношений с современниками и др.) подходы. К тому же автор научной биографии может значительно шире, чем в летописи, представить свою авторскую позицию, аргументировав ее документальными свидетельствами, высказать собственные гипотезы.

Отметим, что в отечественной литературоведческой науке создание летописи жизни и творчества писателя нередко непосредственно предшествует созданию его научной биографии. Показателен и интересен в этом отношении пример А. М. Пескова, недавно скончавшегося профессора МГУ им. М. В. Ломоносова. В 1990 году появилась его «Истинная повесть», посвященная жизни и творчеству Е. А. Боратынского. Затем исследователь подготовил летопись жизни и творчества писателя и наконец защитил в качестве докторской диссертации работу, являющуюся научной биографией Боратынского.

Необходимо отметить, что во время подготовки летописи Есенина выходили статьи, монографии, воспоминания, которые сразу же использовались создателями этого научного издания. Среди них в первую очередь необходимо назвать книгу Н. И. Шубниковой-Гусевой «Сергей Есенин и Галина Бениславская» (СПб.: Росток, 2008), которая стала самым цитируемым источником в четвертом и пятом томах Летописи.

Широко используются в Летописи и воспоминания современников о Есенине. Некоторые из них уже названы выше, отметим и следующие издания:

— Воспоминания о Сергее Есенине / Под общ. ред. Ю. Л. Прокушева. Сост. и примеч. А. А. Есениной, Е. А. Есениной, К. Л. Зелинского, А. А. Козловского, С. П. Кошечкина, Ю. Л. Прокушева. М.: Московский рабочий, 1965. Издание выходило также в 1975 году;

— Жизнь Есенина: Рассказывают современники / Сост. С. П. Кошечкин. М.: Правда, 1988;

— Как жил Есенин: Мемуарная проза / Сост., послесл. и коммент. А. Л. Казакова. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1992;

— Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова / Сост., указат. имен С. В. Шумихина и К. С. Юрьева, вст. ст., коммент. С. В. Шумихина. М.: Моск. рабочий, 1990.

Важный фактор, способствующий созданию научной биографии Есенина, — начало работы над Есенинской энциклопедией. Вопросы, связанные с составлением ее словника, выработкой критериев отбора материала, особенностями структуры, обсуждаются на сенинских конференциях последних лет. Статьи по этой тематике публикуются в сборниках, издающихся по итогам этих конференций, и на страницах выходящего ежеквартально журнала «Современное есениноведение». Хотя работа по созданию Есенинской энциклопедии находится сейчас на начальном этапе, сегодняшний уровень научного осмысления жизненного пути и творчества Есенина характеризуется наличием материалов, которые могут составить основу этого фундаментального научного труда.

Так, в академическом собрании сочинений Есенина раскрыта история создания его произведений и подробно охарактеризовано их восприятие прижизненной критикой. Это основа статей Есенинской энциклопедии, посвященных каждому есенинскому произведению. Безусловно, комментарии к академическому собранию сочинений поэта станут важнейшим материалом, на который будут опираться авторы энциклопедических статей. В них будет вводиться дополни-

тельный материал, связанный с посмертным бытованием есенинских текстов (их влияние на других авторов, создание музыкальных, драматических и иных произведений, переводы на иностранные языки, учет новейших исследований и др.). Есенинская энциклопедия и научная биография поэта — это издания, которые могут создаваться параллельно, а выявленные при работе над ними новые материалы использоваться как в той, так и в другой работе.

Важно остановиться еще на одном весьма существенном вопросе — степени достоверности тех источников, на которые опирается исследование. Проблема заключается в том, что при анализе источников и их сопоставлении друг с другом довольно часто обнаруживаются противоречия между содержащейся в них информацией. В результате всестороннего анализа необходимо установить, какие источники не являются достоверными, искажают характеризующиеся в них события. Приведем несколько подобных примеров.

Наиболее достоверными источниками считаются официальные документы. Обычно исследователи полностью доверяют им, используют в своих работах и на их основе строят гипотезы, стремясь максимально точно раскрыть ситуацию, охарактеризовать контекст и обстоятельства произошедшего события. Однако и официальные документы не лишены ошибок и описок, а тот исследователь, который доверяет им априори, становится создателем конструкции, на поверку оказывающейся ложной. Остановимся на одном событии в биографии Есенина.

Речь пойдет о военной присяге — Клятвенном обещании на верность службы, подписанном в числе других и Есениным. В этом документе после подписей принявших присягу солдат идет запись проводившего ее протоиерея Владимира Кузьминского. Им же проставлена и дата — «14 декабрь 1917 г.». П. Ф. Юшин, в 1960-е годы впервые обративший внимание на этот документ, на основе его даты — декабрь 1917 года — выдвинул гипотезу о том, что Есенин спустя несколько месяцев после отречения российского императора от престола побывал в Царском Селе, где «группировались и готовили монархический переворот верные царю слуги. 14 декабря (по старому стилю) поэт принимает в Царском Селе в Федоровском государственном соборе клятвенное обещание на верность царю»⁷⁹. Казалось бы, для такой гипотезы были все документальные основания, тем более что в присяге говорится об обещании «верно и нелицемерно служить не щадя живота своего до последней капли крови»⁸⁰ императору и наследнику престола.

Однако вскоре после выхода книги П. Ф. Юшина историк В. А. Вдовин доказательно опроверг эту гипотезу. Для этого ему по-

надобилось провести анализ всех документов, касающихся обстоятельств принятия клятвенного обещания. В. А. Вдовин обнаружил, что в архивном деле подшиты и хранятся несколько документов, связанных с принятием присяги. «В архивной папке, — отмечал исследователь, — одну и ту же дату — 14 декабря 1917 года — имеют две рядом подшитые присяги. На обеих стоит круглая печать Федоровского государева собора и одна и та же надпись: “К присяге приводит протоиерей Владимир Кузьминский”. Причем дата и надпись проставлены на этих двух присягах одними чернилами и одним почерком. Это бесспорно указывает, что записи сделаны одновременно одним и тем же лицом. Остальные четыре присяги, хранящиеся в этой папке, имеют даты: 16, 17, 18 и 21 января 1917 года»⁸¹. На основе проведенного анализа В. А. Вдовин сделал вывод о том, что в дату вкралась описка и все документы, подшитые в одно дело, относятся к январю 1917 года. Так была развеяна гипотеза о причастности Есенина к некоему монархическому заговору.

Приведем еще один пример. Много новых материалов о детстве и юности Есенина позволил установить просмотр подшивок выходивших в Рязани в конце XIX – начале XX века периодических изданий, а также «Церковных ведомостей». В результате нами было установлено точное название учебного заведения, в котором обучался Есенин, — Спас-Клепиковская второклассная учительская школа. Дело в том, что в своих биографиях поэт по-разному называл это учебное заведение. «Когда же я попрос, — писал он в автобиографической заметке 1922 года, — из меня очень захотели сделать сельского учителя и потому отдали в закрытую церковно-учительскую школу»⁸². «Когда мне сравнялось 12 лет, — сообщал он в автобиографии 1924 года, — меня отдали учиться из сельской земской школы в учительскую школу» [VII (1), 15]. На фотографии 1911 года, которой Есенин запечатлен вместе с другими учащимися школы, читается ее название: «Второклассная церковно-приходская школа». Таким образом, в различных источниках (в автобиографических текстах и на документальной фотографии) даются разные названия учебного заведения. К сожалению, исследователи творчества Есенина в течение нескольких десятилетий повторяли неточные названия. Лишь обращение к периодическим изданиям в ходе подготовки «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина» позволило установить точное название места учебы Есенина.

Школа в селе Спас-Клепики была открыта в 1896 году. В соответствии с «Разъяснениями по вопросу об устройстве второклассных церковно-приходских школ с учительскими курсами»⁸³ и другими документами она получила официальное наименование, которое и

запечатлено на фотографии. Однако система образования Российской империи претерпевала изменения, порой весьма существенные. Согласно Высочайше утвержденному 1 апреля 1902 года «Положению о церковных школах ведомства Православного Исповедания», церковные школы подразделялись на начальные и учительские. В свою очередь, учительские школы имели две ступени: второклассные и церковно-учительские⁸⁴. Выпускники второклассных учительских школ могли продолжать учебу в церковно-учительских школах, число которых было значительно меньше, чем количество второклассных школ. Если во второклассные учительские школы принимались лица в возрасте 13–17 лет, то в церковно-учительские — молодые люди и девушки в возрасте 15–17 лет. Таким образом, Есенин, которому к моменту поступления в школу не исполнилось и 14 лет, как по уровню образования, так и по возрасту мог поступить только во второклассную учительскую школу.

В «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина» не только исправлены повторявшиеся в течение многих лет неточности, но и републикованы в «Приложении» «Правила для второклассных школ» и другие документы, связанные с их деятельностью⁸⁵.

Третий пример, относящийся к выявлению достоверных / недостоверных источников, затрагивает те случаи, когда имеющиеся данные оказываются недостаточными для прояснения ситуации. Например, при просмотре газет нередко приходится сталкиваться с информацией о планируемых поэтических вечерах — это рекламные объявления. Их появление в печати отнюдь не означает, что вечер действительно состоялся, что в нем участвовали именно те поэты, которые названы в анонсе. Поэтому следует уделять внимание не только анонсам, но и отчетам об уже проведенных вечерах. Однако здесь встает иная проблема. Если в анонсах содержится официальная информация организаторов мероприятия, то в отчетах — субъективное мнение корреспондентов. Причем встречаются и материалы явно ангажированных репортеров, которые в пылу идейного противостояния искажают информацию, дают подробное описание лишь тех моментов, которые негативно характеризуют их оппонентов. Таким образом, и написанные по следам событий информационные материалы часто оказываются недостоверными, что в первую очередь объясняется крайним субъективизмом и предвзятостью их авторов.

Известно, например, что одно из первых заграничных выступлений Есенина имело широкий общественный резонанс — вечер «Нам хочется вам нежно сказать», прошедший в Берлине 1 июня 1922 года. Приехав 11 мая 1922 года в Берлин, Есенин в тот же день посещает редакцию газеты «Накануне» и оказывается в центре куль-

турной жизни эмиграции. Всюду он бывает с А. Кусиковым (об этом свидетельствуют не только репортажные заметки и воспоминания современников, но и фотографии⁸⁶), а вскоре встречается на улице с А. Н. Толстым. В ходе этого общения или последующих встреч возникает идея провести совместный вечер.

Этому мероприятию предшествовала серьезная подготовительная работа. За неделю до вечера в берлинских изданиях стала появляться соответствующая информация. Так, газета «Руль» 24, 27, 28, 30 и 31 мая 1922 года сообщала: «“Нам хочется Вам нежно сказать” (из Серг<ея> Есенина). <...> В четверг 1 июня 1922 г. Сергей Есенин, гр. Ал. Ник. Толстой, Александр Кусиков, А. Ветлугин. Начало в 8 часов вечера. Граф Ал. Ник. Толстой скажет вступительное слово: “О трех каторжниках”. Крестьянин Сергей Есенин: трагедия “Пугачев” (полностью), “Страна негодяев” и “Нежное против шерсти”. Черкес Александр Кусиков: “То, чего нет в Коране” и “Привет эмиграции”. Кандидат прав А. Ветлугин выскажется о “Голых людях” и “о сентиментальных убийцах”»⁸⁷. Предстоящий вечер анонсировался также в газетах «Накануне» и «Голос России». Это мероприятие еще до его проведения стало темой, вокруг которой возникла полемика между группами эмигрантов, придерживавшихся разных политических взглядов. 31 мая в газете «Накануне» публикуется заметка «Московский вечер в Берлине» (подпись: *W.*):

Есть, должно быть, какое-то странное знамение времени в этой необычной склонности к внешней грубости у этих поэтов революционной эпохи. Им во что бы то ни стало хочется слыть не поэтами, а буйными каторжниками и сентиментальными убийцами. <...> В Москве «номера» такого рода неизменно заканчивались срочной поездкой на автомобиле на Лубянку, в помещение че-ка <sic!>.

В Берлине эта опасность не грозит, и хотя бы по одному этому поэтам лучше бы отказаться от крикливых выходок такого рода, имеющих целью «*épater les bourgeois*». Поэты, в багаже которых есть такие произведения, как поэмы «Пугачев» или «То, чего нет в Коране», могли бы обойтись и без таких приемов, как усиление своих стихотворений так называемыми непечатными словами.

Но и при наиболее отрицательном отношении к этой вот грубости, — нельзя не указать на то, что вопли по этому поводу «Руля» и «Голоса России» о «гибели» русской поэзии и русской литературы, — по меньшей мере односторонни⁸⁸.

Ответом на эту анонимную публикацию является статья М.Л. Слонима «Скандал для саморекламы» в номере «Голоса России» от 1 июня — в тот день, на вечер которого было запланировано мероприятие с участием Есенина. Слоним пишет:

Несколько писателей и поэтов, прибавив неизвестно для чего к своим именам самые разнообразные определения («граф», «черкес», «крестьянин» и «кандидат прав»), устраивают в Берлине вечер саморекламы. «Накануне» предупреждает неопытного читателя, что удивляться «девизу» или названию этого «литературного вечера» не приходится, ибо в Москве вечера такого рода в Политехническом музее шли под гораздо более «крепкими» лозунгами: «Явление народу поэтов Есенина и Кусикова», «Штурм Москвы имажинистами и имажинятами» и т. п. вплоть до вечеров под названием «Скулящие кобели» или «Свинья верхом на месяце».

Не довольствуясь цитированием столь звучных девизов, «Накануне» пытается найти в этом нелепом и ненужном гаерстве какой-то сокровенный смысл. Для сменовеховской газеты в «склонности к внешней грубости у этих поэтов революционной эпохи» — странное знамение времени. <...> Но даже после якобы «осуждения» имажинят, «являющихся берлинскому народу», продолжая славные традиции «Скулящих кобелей», «Накануне» не преминуло ругнуть своих политических противников:

«Но и при наиболее отрицательном отношении к этой вот грубости нельзя не указать на то, что вопли по этому поводу “Руля” и “Голоса России” о “гибели” русской поэзии и русской литературы по меньшей мере односторонни».

Когда это «Накануне» пришлось слышать вопли «Гол<оса> России» о гибели русской литературы?

Мы не только твердо и глубоко верим в будущее русской литературы, но и сегодня, в ее нынешних достижениях, видим много радостного, яркого, жизненного.

Но «свинья верхом на месяце», но «приказ о всеобщей мобилизации ВЦИКа ордена имажинистов» — разве это имеет какое-нибудь отношение к литературе? Разве шум скандала, пьяные забавы, уличные подвиги хоть в малейшей степени связаны с поэзией?

Нам совершенно неинтересно, выворачивал ли один поэт тумбу в Москве, ездил ли другой к женщинам в 14 или 15 лет и был ли какой-нибудь «кандидат прав» спекулянтом или картежником. Важно, пишут ли они хорошие стихи, повести, рассказы, обладают ли они истинным даром творчества или нет. <...> Впрочем, соображения о литературе, о творчестве, о прочих «высоких вещах» одинаково чужды и «Накануне» и «наканунцам».

Самое существенное для них — поднять побольше шума вокруг самих себя, привлечь на свои вечера, доклады, конференции побольше публики. И так как любителей скандала всегда много — то «успех обеспечен». А только это и требуется⁸⁹.

Сходным образом отвечает оппонентам из «Накануне» и газета «Руль», сообщая в анонимной заметке от 1 июня: «Берлинские сменовеховцы устраивают вечер с выступлением графа, крестьянина, черкеса и кандидата прав. Все объявления об этом вечере так явно рассчитаны на скандал, что даже “Накануне” смутилось. Оно пытается оправдаться тем, что в Москве еще не то было. Там дело дошло

вплоть до вечеров под названием “Скулящие кобели” или “Свинья верхом на месяце”⁹⁰.

Вечер «Нам хочется вам нежно сказать» в берлинском Блютнер-зале открылся словом А. Толстого, затем выступили А. Ветлугин и А. Кусиков. Есенин впервые публично прочитал монолог Номаха из поэмы «Страна Негодяев». Судя по газетным откликам и воспоминаниям, ход вечера и прозвучавшие выступления не соответствовали его названию и рассчитанным на эпатаж скандальным заявлениям о том, что на вечере выступят «три каторжника», «голые люди», «отъявленные негодяи».

В номере от 3 июня газета «Руль» поместила статью «Голые люди», посвященную прошедшему вечеру (подпись: А. Л-р):

Берлин сподобился на короткое время переселиться в Москву с ее шумными литературными выступлениями доморожденных «гениев», поэтов-имажинистов и просто скандалистов. В Блютнер-зале под руководством графа Толстого ряд «каторжников» и «голых людей» обнажились перед берлинской публикой. Зало было почти переполнено, но публика в большинстве случаев была или «своя», или просто состояла из любителей сенсационных выступлений и скандалов. Однако ожидания их не оправдались. Вечер прошел сравнительно спокойно.

А. Толстой в своем вступительном слове указал на то, что перед публикой продефилируют сейчас хулиганы, каторжники, подлещи, бесшабашные люди и т. п. Ассортимент этих ласкательных эпитетов Толстого по адресу своих сотоварищей по выступлению мог бы быть еще значительно продолжен. Несмотря на это, Толстой, однако, указал, что их необходимо принимать такими, какие они есть, потому что они талантливые люди. Их дает нам такими современная Россия, в которой, по выражению Толстого, людям вспарывают живот, конец кишки прибавляют к дереву, а затем гоняют вокруг этого дерева. Русские поэты, музыканты, художники не могут отделиться от современной русской жизни, а она — в достаточной мере безобразная.

Выступивший затем «кандидат прав» Ветлугин, который должен был говорить о голых людях, успел только сказать, что он голый. Шумный хохот собравшихся приостановил его излияния так, что публика не могла узнать дальнейший ход мыслей почтеннейшего кандидата в этом направлении. <...> С развязным видом, в расстегнутой шелковой рубаше и руки в карманах читал свои стихи новое светило «черкес» Кусиков. И поразил всех как своей сильной поэмой «Пугачев», так и покровом модного смокинга «крестьянин» Есенин.

Одинаковым с выступавшими вниманием публики пользовалась сидевшая в ложе Айседора Дункан.

Три четверти десятого г. Есенин заявил, что за поздним временем (?) их просят очистить зал, так что конец программы должен был быть смят. Было скучно⁹¹.

Газета «Голос России» в анонимной заметке «Вечер “наканунцев”» дала несколько иную информацию. Так, в противоположность

«Рулю» сообщалось: «Большой зал на две трети пуст». Впрочем, общая оценка схожа с той, которую дал «Руль»: «“Эмигрантщина” расходилась скучающая, разочарованная. Кое-кто ожидал шума, каких-то протестов и ничего, конечно, не случилось; вообще — “ничего особенного”»⁹².

На следующий день о вечере в двух материалах расскажет газета «Накануне». В отчете А. П. Вольского (подпись: А. В.) «Нам хочется Вам нежно сказать...» сообщается:

Собирались говорить «о трех каторжниках», «Стране негодяев», «Голых людях», приветствовать эмиграцию.

Некоторые уверяли, что Ветлугин оголится на сцене в целях иллюстрации.

Это предвещало пикантную сенсацию; «Руль» и «Голос России» насторожились.

Были командированы самые борзые репортеры, уже по пути сочинявшие «впечатления очевидцев».

И вдруг — полное разочарование.

Граф Толстой, вместо того, чтобы живописать съедение представителя Ара, остановил свое внимание на судьбах русских писателей, прокленных в огне революции, на этих «отъявленных негодях», отмеченных к стыду своему дарованием, которого «не заключаешь, как не заключаешь солнца».

Жестокая эпоха, жестокие, прямолинейные таланты. Ничего не поделаешь.

Но публика сообразила, что нужно сделать.

Она встречала и провожала всех «трех каторжников» шумными аплодисментами, восторженно приветствовала гениального крестьянина в дурно сшитом смокинге, и огненного черкеса, и едкого кандидата прав. <...> Читались прекрасные, вдохновенные стихи, которым только мелкий тупица не простит их бестрепетной смелости. И говорились прекрасные слова о примирении личности с левиафаном революционного коллектива; о неотразимом стремлении к братскому объятию людей, трагически разъединенных жестокой нелепостью гражданской войны»⁹³.

В статье С. С. Лукьянова «Земля и Солнце» в этом же номере значительное внимание уделяется выступлению Есенина:

... я слушал Есенина. Слушал и видел, непосредственно осязал новую Россию, ее стихийный пафос новых озарений, ее боль в прошлом, ее святую ненависть в настоящем.

Слушал, и чудилось: на эстраде не странная фигура переодетого в европейца крестьянина Есенина, а вечный бунт, вольный скиф, пронесший через столетия свое обвеянное степными ветрами, запечатленное желтыми стрелами солнца, бурной волей души озаренное лицо.

То искаженное судорогой страдания и ненависти, то просветленное высшим знанием, даруемым Землею ее пророкам — лицо поэта преобразалось в лик Революции. Не революции сегодняшнего дня, а

той — извечной, что бросает свой вызов пустым, невнемлющим небесам, свои проклятия — опустошенным, глухим душам толстобрюхих.

«Митинговый поэт»...

«Поэт революции»...

Да, митинговый поэт революции, и именно поэтому — а не «не смотря на это» — великий поэт.

Великая творческая стихия русской революции своим крылом коснулась души поэта — и та вскричала криком проснувшейся от долгого сна земли, взревела ревом раненого зверя.

Но пролились во взметенное сердце горячие лучи мерного Солнца, крик оборвался и полилась охваченная неясными руками строгой нимфы ритмическая речь.

Родился поэт, сын Земли и Солнца⁹⁴.

Названные нами, а также другие источники о берлинском вечере Есенина приводятся в книге 2 тома 3 «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина». Благодаря системе внутренних отсылок, содержащихся в конце летописных статей, читатели Летописи смогут найти на ее страницах цитаты из разных источников и самостоятельно сопоставить их. В соответствии с научной концепцией издания составители летописи стремились к беспристрастности и избегали субъективной характеристики событий, полемики с авторами газетных материалов. В летописи приводятся различные взгляды и оценки, принадлежащие современникам и характеризующие ситуацию в синхроническом аспекте. Задача же научной биографии заключается в том, чтобы дать анализ события с помощью использованных в летописи, а при необходимости и других источников, рассмотреть это событие в контексте всего жизненного и творческого пути Есенина. В аналитическом подходе, в рассмотрении события как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах — отличия научной биографии от летописи жизни и творчества.

Автор научной биографии не вправе игнорировать даже мелкие информационные материалы, оказавшиеся в поле его зрения. Их надо учитывать, однако непременно отмечать степень достоверности материала, т. е. давать не только сам документ, но и его характеристику, комментарий к нему.

Важный источник биографических сведений — дневниковые записи. Как правило, они делаются непосредственно после описываемых событий и довольно точно их характеризуют. Сравнительно высокую достоверность имеют и письма, отправленные адресатам вскоре после событий. В дневниках и письмах появляются детали, которые в позднейших воспоминаниях, написанных годы, а порой и десятилетия спустя, обычно не воспроизводятся. А если и воспроизводятся, у исследователей зачастую возникает вполне закономерное сомнение в их достоверности.

Мемуары — это источник, требующий вдумчивого всестороннего анализа и перекрестной проверки содержащегося в них фактического материала. На субъективность и значительное число неточностей в мемуарах обращали внимание многие биографы. Так, В. А. Катанян в книге «Маяковский. Литературная хроника» отмечает: «В очень небольшой степени использованы воспоминания современников — только в тех случаях, когда факты, встречающиеся в них, могли быть перекрестно или документально проверены»⁹⁵.

Л. Р. Коган в «Предисловии» к «Летописи жизни и творчества А. Н. Островского» пишет: «В мемуарной литературе об А. Н. Островском часто встречаются путанные, а порой неверные сообщения <...>, этим же часто грешат воспоминания друзей Островского»⁹⁶. Однако полностью отказаться от воспоминаний современников в биографических исследованиях невозможно. Очень часто мемуары содержат единственную информацию о событии, интересную характеристику персонажа и его окружения. Более того, мемуары делают более читабельной биографическую работу. Она насыщается жизненными подробностями, живыми характеристиками и деталями.

Нередко в мемуарах описываются события, которые невозможно ни опровергнуть, ни подтвердить теми свидетельствами, степень достоверности которых значительно выше. Биограф оказывается в довольно сложной ситуации, поскольку в том случае, если он будет игнорировать доступные ему мемуары, биографическое исследование окажется обедненным событиями. Если же он широко использует мемуарные свидетельства, то вынужден прибегать к реконструкции, интерпретации. В значительной степени именно поэтому практически любое биографическое исследование является субъективным, отражающим взгляды и приоритеты биографа. Если автор научной биографии непременно отмечает, что вынужденно прибегает к реконструкции событий, опираясь на доступные ему источники, то автор беллетризованной биографии может не соблюдать эти правила, давая волю своей фантазии.

Поскольку у биографа практически всегда есть возможность напрямую высказать свое мнение, он, приводя цитату из воспоминаний, вправе охарактеризовать степень ее достоверности. Но, руководствуясь своим пониманием значимости мемуарного свидетельства или же сомневаясь в его достоверности, может и не включать его в свою работу.

При этом биограф должен следовать принципу: документы и материалы, содержащие недостоверные сведения, нельзя рассматривать в качестве источников научного исследования.

В любой работе биографического плана в силу недостаточности источников различные периоды жизни и деятельности писателя характеризуются с разной степенью полноты. И наличие подобных «белых пятен» тоже важно. «Некоторая неравномерность и неполнота в отдельных моментах объясняется состоянием наших источников, — отмечает Н. К. Пиксанов в статье “От редакции”, открывающей “Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева”. — В этом отношении “Летопись” имеет ту негативную полезность, что раскрывает <...> слабые участки в изучении писателя и ставит задачи дальнейших исследований»⁹⁷.

Ю. М. Лотман, касаясь вопросов создания научных биографических трудов, констатирует: «... свод документов всегда содержит пропуски и дает нам взгляд с позиции внешнего наблюдателя (даже когда мы имеем дело с, казалось бы, идеальным документом — дневником; наивная вера в аутентичность содержащихся там сведений и интерпретаций чаще всего оказывается иллюзорной). <...> Отношение документа к тексту <...> биографии можно сопоставить с жизнью человека и отражением ее в семейном альбоме: перед нами ряд фотографий, некоторые моменты жизни представлены обильно, но есть и лакуны. Главное же, жизнь глядит на вас остановленными мгновениями, неподвижными картинками, порой искусственным выражением лиц, отрывками. А надо восстановить ее непрерывное течение, снять искажающий эффект искусственности...»⁹⁸

Серьезность данной проблематики обусловлена и тем, что многие источники, в том числе авторские тексты, свидетельства мемуаристов, сведения, содержащиеся в газетных и журнальных публикациях, не датированы. Такие материалы, безусловно, являются источниками биографических исследований, однако написание на их основе летописной статьи в летопись жизни и творчества или раздела — в научную биографию требует дополнительных изысканий и коррекровок. Уточнение датировок — важная научная задача, которую приходится решать биографам.

В каждом конкретном случае требуется всесторонний анализ источника с целью выявления степени его достоверности. Подобная работа является достаточно сложным и продолжительным, но необходимым этапом подготовки биографического исследования.

Кроме создания документальной базы подготовка научной биографии подразумевает и выработку определенных научных критериев, наличия общего понимания не только роли автора в литературном процессе его эпохи, но и его вклада в отечественную культуру, его значимости для современников и потомков.

Определение главной идеи жизни персонажа, которому посвящено жизнеописание, принципиально важно. Оно позволяет автору научной биографии четко сформулировать идею своего биографического исследования и в соответствии с этой идеей отбирать и группировать доступный ему биографический материал. Обратимся к опыту С. А. Макашина, автора научной биографии М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ученый отмечает: «Биограф должен, в идеале, знать все о своем герое, о его окружении, о его связях со временем. <...> Автор стремился в своем труде к возможно полному учету всех документально-биографических источников о Салтыкове, как печатных, так и неизданных, архивных. <...> Разумеется, далеко не все собранные материалы имели право на то, чтобы быть введенными в книгу. Многие и не вошли в нее, но знание этих материалов укрепило скрытый фундамент исследования»⁹⁹. Под биографией С. А. Макашин понимает «изложение внешних и внутренних связей личности героя не просто в хронологической или какой-либо другой последовательности, а как выражение главной идеи его жизни, линии его духовного развития и их, употребляя слово Герцена, “одействия”»¹⁰⁰.

Вопросы, связанные с изучением не только поэтики, творческой биографии и истории текстов, но и в целом масштаба фигуры Есенина в развитии отечественной и мировой литературы (и, шире, культуры), его актуальности для нынешних читателей, школьного и вузовского преподавания, постоянно становятся предметом обсуждения на ежегодных международных есенинских конференциях. Сами эти конференции и публикуемые по их итогам сборники, как уже было отмечено, — важная составляющая современного есениноведения. Благодаря этой многолетней работе накоплен объемный фактический материал, раскрыты творческие связи Есенина с его современниками и писателями других поколений, представителями разных стран и культур, прослежены эволюция творческого пути Есенина и развития его поэтики. Невозможно перечислить здесь даже основные темы, подробно рассмотренные на есенинских конференциях, но можно констатировать, что теперь Есенин понимается как значимая фигура русской и мировой поэзии¹⁰¹, писатель, воспринявший ее величайшие достижения и обогативший поэзию новыми поэтическими образами, существенно повлиявший на развитие отечественной поэтической традиции.

В научной биографии Есенина его необходимо рассматривать как великого русского национального поэта. Такое понимание позволит, учитывая многообразный, различный по значимости и степени достоверности материал, показать прежде всего то главное в жизни и

творчестве Есенина, благодаря чему он стал классиком русской литературы XX века.

¹ См.: Шубникова-Гусева Н. И. Научная биография С. А. Есенина как проблема // Проблемы научной биографии С.А.Есенина: Сб. трудов по материалам Международной науч. конф., посвящ. 114-летию со дня рождения С. А. Есенина. Рязань: Пресса. 2010. С. 8–41.

² Мануйлов В. А. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. АН СССР / Ин-т рус. лит. (Пушкин Дом). М.; Л.: Наука, 1964. С. 4.

³ Есенин С. Полн. собр. соч. / Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН / Гл. ред. Ю. Л. Прокушев. Т. 4 / Сост., подгот. текстов и коммент. С. П. Кошечкин, Н. Г. Юсов. М.: Наука; Голос, 1996. С. 490. Далее это издание цитируется в тексте, том и страница указываются в угловых скобках.

⁴ См.: Летопись жизни и творчества С. А. Есенина / Ин-т мировой лит. РАН Т. 2 / Гл. ред. А. Н. Захаров; Общ. ред. и предисл. А. Н. Захаров. Сост. В. А. Дроздов, А. Н. Захаров, Т. К. Савченко. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 176–178.

⁵ Там же. С. 67.

⁶ См.: С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Сост. и коммент. — А. А. Козловский. М.: Художественная литература, 1986. Т. 1. С. 485. С этой датировкой согласны также С. П. Кошечкин, С. П. Митрофанова-Есенина (Есенина), С. И. Субботин и Н. И. Шубникова-Гусева — комментаторы другой публикации фрагмента из воспоминаний С. Т. Коненкова — см.: Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников / Сост. и общ. ред. Н. И. Шубниковой-Гусевой, подгот. текстов и коммент. С. П. Кошечкина, С. П. Митрофановой-Есениной, С. И. Субботина и Н. И. Шубниковой-Гусевой. М.: Республика, 1995. С. 523.

⁷ С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 285.

⁸ Там же. С. 285–286.

⁹ Старцев И. Мои встречи с Есениным // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 412.

¹⁰ Летопись жизни и творчества С. А. Есенина. Т. 2. С. 300.

¹¹ Там же. С. 430.

¹² Летопись жизни и творчества С. А. Есенина / ИМЛИ им. А. М. Горького РАН. Т. 3. Кн. 1 / Гл. ред. А. Н. Захаров; Сост. В. А. Дроздов, А. Н. Захаров. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 81.

¹³ Там же. С. 144, 165, 205, 220–221, 225.

¹⁴ Старцев И. Мои встречи с Есениным // Сергей Есенин глазами современников / Сост. и коммент. — Н. И. Шубникова-Гусева. СПб.: Росток, 2006. С. 482.

¹⁵ См.: Как жил Есенин: Мемуарная проза / Сост., послесл. и коммент. А. Л. Казаков. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1992. С. 281–282.

¹⁶ С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 290.

¹⁷ Старцев И. Мои встречи с Есениным // Там же. С. 412.

¹⁸ Сергей Есенин глазами современников. С. 232.

¹⁹ Сергей Есенин в стихах и жизни: Письма, документы / Общ. ред. — Н. И. Шубникова-Гусева; сост.: С. П. Митрофанова-Есенина и Т. П. Флор-Есенина; коммент.: С. П. Митрофанова-Есенина, С. И. Субботин и др.; подгот. текстов и указатель имен — С. И. Субботин. М.: Республика, 1995. С. 231–232.

²⁰ Новый мир. 1989. № 9. Сентябрь. С. 198.

²¹ Фотографию 1927 года из собрания Музея МХАТ, на которой запечатлены Качалов и Джим, см.: Летопись жизни и творчества С. А. Есенина / ИМЛИ им. А. М. Горького РАН. Т. 5. Кн. 1. Гл. ред. Н. И. Шубникова-Гусева; Сост.: Н. И. Шубникова-Гусева при участии С. И. Субботина и Н. Г. Юсова; Сост. разд.: А. Н. Захаров, Т. К. Савченко, М. В. Скороходов, Н. М. Солобай. М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 663.

²² Ежегодник Московского художественного театра. 1948 г. Т. II. М.: Искусство, 1951. С. 744.

²³ Шверубович В. В. О старом Художественном театре / Вступ. ст. — В. Я. Виленкин. М.: Искусство, 1990. С. 650.

- ²⁴ Ежегодник Московского художественного театра. 1948 г. Т. II. С. 744.
- ²⁵ *Шверубович В. В.* О старом Художественном театре. С. 393–394.
- ²⁶ *Виноградская И. Н.* Жизнь и творчество К. С. Станиславского. Летопись: В 4 т. Т. 3. 1916–1926. М.: Всероссийское театральное общество, 1973. С. 330–331.
- ²⁷ *Шверубович В. В.* О старом Художественном театре. С. 496–497.
- ²⁸ Ежегодник Московского художественного театра. 1948 г. Т. II. С. 754–755; выделено в издании. См. также: *Кугель А. В.* Качалов. Жизнь и творчество. М.; Л.: Кинопечать, 1927. 32 с.
- ²⁹ Ежегодник Московского художественного театра. 1948 г. Т. II. С. 744.
- ³⁰ См.: Там же. С. 761.
- ³¹ Там же. С. 766.
- ³² Там же. С. 772.
- ³³ Красная нива. 1928. 8 января. № 2. С. 18–19.
- ³⁴ Ежегодник Московского художественного театра. 1948 г. Т. II. С. 772.
- ³⁵ *Янгфельдт Б.* Любовь это сердце всего: В. В. Маяковский и Л. Ю. Брик. Переписка 1915–1930. М.: Книга, 1991. С. 199.
- ³⁶ *Хачиев А.* Три периода работы в Баку // Двадцать пять лет бакинской организации большевиков. Баку: Кооперативное изд-во при БК АКП «Бакинский рабочий», 1924. С. 137.
- ³⁷ *Эфендиев С.М.* Эпизоды партийной работы // Там же. С. 196.
- ³⁸ Режим доступа: <http://lists.memo.ru/d33/f379.htm>. Дата обращения: 20.05.2013. Источник: Книга памяти Республики Башкортостан.
- ³⁹ В нее входили двадцатипятилетний литератор Ю. Е. Деген (см. о нем: *Никольская Т.* Юрий Деген // *Russian Literature*. 1988. Т. XXIII. Р. 101–112) и студенты Бакинского политехнического института В. Н. Успенский (24 года) и В. К. Черников (22 года).
- ⁴⁰ От АЗЧЕКА // Труд. Баку. 1923. 8 августа. № 175. С. 1.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ *Парнис А. Е.* Примечания и дополнения // *Катанян В. А.* Маяковский: Хроника жизни и деятельности / Отв. ред. А. Е. Парнис. 5-е изд., доп. М.: Советский писатель, 1985. С. 524.
- ⁴⁴ *Пастернак Б.* Воздушные пути: Проза разных лет / Вступ. ст. — Д. С. Лихачев; сост., подгот. текста и подбор ил.: Е. В. Пастернак и Е. Б. Пастернак; коммент.: С. С. Гречишкин и А. В. Лавров. М.: Советский писатель, 1982. С. 274.
- ⁴⁵ *Захаров-Мэнский Н. Н.* Только несколько слов... // Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников. С. 180.
- ⁴⁶ *Файнштейн Л.* Сергей Есенин в Баку (1924–25 г.) // Сергей Александрович Есенин. М.: Гос. изд-во, 1926. С. 121.
- ⁴⁷ *Верхбицкий Н.* Встречи с Есениным. Тбилиси: Заря Востока, 1961. С. 83.
- ⁴⁸ История этого кафе кратко охарактеризована в кн.: *Крусанов А. В.* Русский авангард. 1907–1932. Ист. обзор.: В 3 т. Т. 2. Кн. 1. М.: НЛЮ, 2003. С. 312–320.
- ⁴⁹ *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь: Воспоминания: В 3 т. Т. 1. М.: Советский писатель, 1990. С. 235. Ст. с хроникальной заметкой: «Кафе полно матросов, солдат-красногвардейцев, рабочих. Все стоят. С эстрады кремлевским колоколом бьет декламация Маяковского. И то, что, застав дышание, блестя глазами и одерживая сопение носов, вращивают в себя глыбы слов, и то, что взрывы аллодисментов переходят в восторженный гул земляных легионов, приветствующих трибуна, — это так непохоже на прежнее и поражает достигнутой возможностью сплавить аудиторию с поэтом в грозное целое» (Творчество. Владивосток. 1920. № 5). Цит. по: *Катанян В. А.* Маяковский: Хроника жизни и деятельности. С. 136.
- ⁵⁰ *Каменский В.* Путь энтузиаста. Автобиографическая книга. Пермь: Кн. изд-во, 1968. С. 209, 210.
- ⁵¹ *Спасский С.* Маяковский и его спутники. Л.: Советский писатель, 1940. С. 97.
- ⁵² *Кремлев И.* В литературном строю: Воспоминания. М.: Московский рабочий, 1968. С. 29.
- ⁵³ Режим доступа: <http://lucas-v-leyden.livejournal.com/108311.html>. Дата обращения: 10.03.2013.
- ⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Никитин Л. Люди и странствия: Воспоминания и встречи. М.: Советский писатель, 1962. С. 56–57.

⁵⁷ Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Т. 1. С. 260.

⁵⁸ Иванев Р. Встречи, которых не забыть // Огонек. 1968. № 29. С. 23.

⁵⁹ Ройзман М. Все, что помню о Есенине. М.: Советская Россия, 1973. С. 17–18.

⁶⁰ Из Собрания фонодокументов им. В. Д. Дувакина. Подг. текста Д. Радзишевского. Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20031125_arh-pr.html. Дата обращения: 10.03.2013.

⁶¹ Сведения о поездках и выступлениях Гольцшмидта содержатся в трехтомнике А. В. Крусанова «Русский авангард. 1907–1932. Исторический обзор».

⁶² Каменский В. Путь энтузиаста. С. 193.

⁶³ Фохт-Ларионова Т. Воспоминания... // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альм. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. архив, 2001. [Т.] XI. С. 659. Ср. с воспоминаниями Е. Т. Барковой: «Там <в “Кафе поэтов”> происходили действительно ужасные вещи, голые какие-то девушки танцевали без всякого прикрытия: Анна Гольцшмидт (сестра Гольцшмидта), Елена Бучинская, кажется, дочь Тэффи, Поплавская. Ну, это было, когда мало было публики» (Воспоминания Екатерины Тимофеевны Барковой о В. В. Маяковском / Публ. Е. А. Снегиревой // Маяковский продолжается: Сб. науч. статей и публ. архивных материалов. М., 2009. Вып. 2. С. 233).

⁶⁴ Виноградов С. Аккорды жизни // Уральская жизнь. Екатеринбург. 1917. № 82. Цит. по: Крусанов А. В. Русский авангард. 1907–1932. Т. 2. Кн. 2. С. 62.

⁶⁵ Андерсон Н. Авангард как тело и представление: Случай Гольцшмидта // Гольцшмидт Владимир. Послания Владимира жизни с пути к истине / Сост., предисл. и комм. Н. Андерсон. [Б. м.]: Salamandra P. V. V, 2010. С. 8.

⁶⁶ Там же. С. 18.

⁶⁷ Там же. С. 30.

⁶⁸ Там же. С. 29.

⁶⁹ Там же. С. 30.

⁷⁰ Есенин С. Полн. собр. соч. / Ин-т мировой лит. РАН / Гл. ред. Ю. Л. Прокушев. Т. 2 / Подгот. текстов и коммент. — С. И. Субботин. М.: Наука; Голос. 1997. С. 69. Далее это издание цитируется в тексте, том и страница указываются в угловых скобках.

⁷¹ Андерсон Н. Авангард как тело и представление: Случай Гольцшмидта. С. 32.

⁷² Там же. С. 33.

⁷³ Там же. С. 34.

⁷⁴ Каменский Василий. Его — моя биография великого футуриста. М.: Тип. Т. Ф. Дортман, 1918. С. 220.

⁷⁵ Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Т. 1. С. 260.

⁷⁶ Ройзман М. Все, что помню о Есенине. С. 18–19.

⁷⁷ Кремлев И. В литературном строю. С. 30.

⁷⁸ Вержбицкий Н. Встречи с Есениным. С. 83–84.

⁷⁹ Юшин П. Ф. Поэзия Сергея Есенина. М.: Изд-во Московского ун-та, 1966. С. 227.

⁸⁰ Есенин С. Полн. собр. соч. / Ин-т мировой лит. РАН / Гл. ред. Ю. Л. Прокушев. Т. 7. Кн. 2 / Общая ред. — С. И. Субботин; Сост., подгот. текстов и коммент.: В. А. Дроздов, А. Н. Захаров, С. П. Кошечкин, С. С. Куняев, Ю. А. Паркаев, Т. К. Савченко, Е. А. Самоделова, М. В. Сороходов, С. И. Субботин, Л. М. Шалагинова, Н. И. Шубникова-Гусева, Н. Г. Юсов, Ю. Б. Юшкин. М.: Наука; Голос, 2000. С. 226. Далее это издание цитируется в тексте, том и страница указываются в угловых скобках.

⁸¹ Вдовин В. А. Документы следует анализировать // Вопросы литературы. 1967. № 7. Июль. С. 190.

⁸² Есенин С. Полн. собр. соч. Ин-т мировой лит. РАН / Гл. ред. Ю. Л. Прокушев. Т. 7. Кн. 1 / Сост., подгот. текстов и коммент. А. Н. Захаров, С. П. Кошечкин, Т. К. Савченко, М. В. Сороходов, С. И. Субботин, Н. Г. Юсов. М.: Наука; Голос, 1999. С. 9. Далее это издание цитируется в тексте, том и страница указываются в угловых скобках.

⁸³ См.: Церковные ведомости. 1896. № 34. 24 августа. С. 331.

⁸⁴ См.: Церковные ведомости. 1902. № 15–16. 14 апреля. С. 80.

⁸⁵ Летопись жизни и творчества С. А. Есенина / Ин-т мировой лит. РАН. Т. 1 / Гл. ред. Ю. Л. Прокушев; Общ. ред. и вступ. слово — Ю. Л. Прокушев; Сост.: М. В. Скороходов, С. И. Субботин; Сост. разделов: Е. А. Самоделова, М. В. Скороходов, С. И. Субботин, Л. М. Шалагинова, Ю. Б. Юшкин при участии О. Л. Аникиной, Л. А. Архиповой, Н. Н. Бердяновой, В. А. Дроздова, Н. Г. Юсова. М.: ИМЛИ РАН, 2003. См. также: *Скороходов М. «Образование получил в учительской школе...»* // Новая книга России. 2002. № 8. С. 42–45.

⁸⁶ См., например: *Есенин С.* Полн. собр. соч. / Ин-т мировой лит. РАН / Гл. ред. Ю. Л. Прокушев. Т. 7. Кн. 3 / Общ. ред. — С. И. Субботин; Сост. и коммент.: С. П. Кошечкин, В. Е. Кузнецова, Ю. Л. Прокушев, М. В. Скороходов, С. И. Субботин, Н. Г. Юсов, Ю. Б. Юшкин. М.: Наука, 2002. С. [162–164], фото № 61–65. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

⁸⁷ Летопись жизни и творчества С. А. Есенина / Ин-т мировой лит. РАН. Т. 3. Кн. 2 / Гл. ред. А. Н. Захаров; Сост. А. Н. Захаров, С. И. Субботин; Сост. разд.: М. В. Скороходов, Н. И. Шубникова-Гусева. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 57.

⁸⁸ Там же. С. 61.

⁸⁹ Там же. С. 63–64.

⁹⁰ Там же. С. 64.

⁹¹ Там же. С. 68–69.

⁹² Там же. С. 69.

⁹³ Там же. С. 70.

⁹⁴ Там же. С. 71.

⁹⁵ *Катанян В.* Маяковский. Литературная хроника. М.: Советский писатель. 1945. С. III.

⁹⁶ *Коган Л. Р.* Летопись жизни и творчества А. Н. Островского / Министерство культуры РСФСР. Гос. литературный музей. [М.]: Госкультпросветиздат, 1953. С. 7–8.

⁹⁷ *Пиксанов Н. К.* От редактора // Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева / Сост. М. К. Клеман; Под ред. Н. К. Пиксанова. М.; Л.: Academia, 1934. С. 10.

⁹⁸ *Лотман Ю. М.* Биография — живое лицо // Новый мир. 1985. № 2. С. 229.

⁹⁹ *Макашин С.* Салтыков-Щедрин. Середина пути. 1860–1870-е годы. Биография. М.: Художественная литература, 1984. С. 4.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Тема творческих связей Есенина с мировой литературой на протяжении многих лет разрабатывается Н. И. Шубниковой-Гусевой. Недавно вышла ее книга ««Объединяет звуком русской песни»: Есенин и мировая литература» (М.: ИМЛИ РАН, 2012. 528 с.).

ИЗ ОПЫТА СОЗДАНИЯ НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ

Для подготовки научной биографии Есенина необходимо изучение типологии и структуры многочисленных подобных исследований, посвященных жизни и творчеству русских писателей, а также деятелей истории и культуры. Традиция подготовки и издания научных биографий в нашей стране насчитывает не одно десятилетие. За это время накоплен значительный опыт, который требует обобщения и научного осмысления; его результаты должны быть учтены и использованы при создании в будущем новых биографий, в том числе научной биографии Есенина.

В последние годы появилось немало книг, посвященных есенинской биографии¹, однако научная биография поэта так и не написана. Подобная ситуация характерна для большинства русских писателей не только XX, но и XIX века. Это связано с тем, что создание научной биографии возможно лишь при достаточно подробном и всестороннем изучении не только творческого, но и жизненного пути автора. Написание научной биографии — важный этап и один из итогов комплексного изучения жизненного и творческого пути писателя. Сделаем краткий, но крайне необходимый в контексте данной работы экскурс в историю биографических исследований.

Интерес к биографиям современников и людей прошедших эпох характерен для всех периодов современной цивилизации. Без знания биографий государственных деятелей, людей, сыгравших значительную роль в развитии науки, литературы, культуры, искусства, невозможно представить как давно ушедшие века, так и недавнее прошлое. Люди издавна старались увековечить память о своих предках. Прежде всего это проявилось в развитии похоронных обрядов, в создании разнообразных надгробных сооружений. На подобных сооружениях с глубокой древности появлялись надписи, где нередко излагались основные факты жизни усопшего. «Жизнеописание — древнейший род литературы, корнями уходящий в первобытное сознание, в поминальные обряды»², — пишет Я. Кумок. А. И. Рейтблат же полагает, что биография как жизнеописание «возникает одновременно с историей (историографией) в момент разлома родового, мифологического сознания и выделения индивидуума из некото-

рой цельности (рода, племени, полиса и т. д.). Причем если история служит новой общественной идентификации, обретению смысла существования социальной общности, то для личности аналогичную функцию выполняет биография. Широкое развитие биографирование получает в тот период, когда оказываются под вопросом сословные различия, изначально предписанные нормы социального поведения, и индивид получает возможность самостоятельно выбирать жизненный путь»³.

М. М. Бахтин выделяет основные типы автобиографий, возникших на классической греческой почве: платоновский (наиболее отчетливо проявился в «Апологии Сократа» и «Федоне» Платона), риторическая автобиография и биография, в основе которых лежит «энкомион» — гражданская надгробная и поминальная речь. «Исходный пункт энкомиона, — отмечает ученый, — идеальный образ определенной жизненной формы, определенного положения — полководца, царя, политического деятеля. Эта идеальная форма — совокупность требований, предъявляемых к данному положению: каким должен быть полководец, перечисление свойств и добродетелей полководца. Все эти свойства и добродетели и раскрываются затем в жизни прославляемого лица. Идеал и образ умершего сливаются»⁴. По мысли ученого, на основе энкомиона возникла первая автобиография в форме защитительной речи — автобиография Сократа — публичный апологетический отчет о своей жизни, оказавшая значительное влияние на мировую литературу. «... древняя биография, — писал в 1843 году В. Т. Плаксин, — представляла только жизнь общественную; греки изображали жизнь только людей государственных и преимущественно военачальников; а ежели и сохранили памятование о поэтах и философах, то именно потому, что они имели сильное влияние на ход дел общественных. Почти то же должно сказать и о римлянах»⁵.

С. С. Аверинцев ведет историю биографии с IV века до н. э.⁶ Со времен античности до наших дней дошло мало биографий и автобиографий. Скудость биографических сведений в античный период отмечал еще В. В. Сиповский. «Отрывочные и случайные факты биографического свойства, — писал он, — попадают лишь у греческих историков, в сочинениях Павсания, Страбона, Филострата, Диогена Лаэртца и Дионисия Галикарнасского, у римских — Варрона, Цицерона, Плиния, особенно у Квинтилиана и Авла Геллия»⁷.

С. С. Аверинцев показывает, что основу для раннехристианских и средневековых жизнеописаний заложили прежде всего античные авторы⁸. В одной из своих работ ученый рассматривает биографию Прокла Диадоха (около 412–485), написанную его учеником Мари-

ном, «как типичное житие языческого чудотворца, вполне сопоставимое с памятниками христианской агиографии»⁹.

Интерес к биографии был характерен для Средневековья, для Древней Руси. Д. С. Лихачев в книге 1970 года «Человек в литературе древней Руси» приводит слова В. О. Ключевского: «Житие — не биография, а назидательный панегирик в рамках биографии, как и образ святого в житии — не портрет, а икона»¹⁰. Однако сам Д. С. Лихачев говорит о биографии: «Степенная книга служит ярким образцом интереса к личности русских исторических деятелей. Вся русская история сводится в ней к биографиям великих князей и митрополитов, к их характеристикам. Но в каждой из этих биографий и характеристик нет еще пока ничего качественно нового. Весь арсенал средств для характеристик заимствован в Степенной книге, как это неоднократно отмечалось уже, из житийной литературы или реже из Хронографа»¹¹; «Сами по себе исторические события занимают в Хронографе подчиненное положение. Не события, а личности властителей привлекают к себе внимание автора»¹². Некоторые письменные памятники Древней Руси — это не биографии, а источники для биографии того или иного деятеля. В Древней Руси зарождаются не только биографические жанры, но и мемуарная литература, являющаяся одним из важнейших источников биографических исследований.

На исходе Средних веков и в раннем Возрождении появляются переходные формы от самоотчета-исповеди к автобиографии. В этот период, как отмечает М. М. Бахтин, нет принципиальных различий между биографией и автобиографией. Надо учитывать, что под биографией или автобиографией (жизнеописанием) ученый понимает «ту ближайшую трансгрессиентную форму, в которой я могу объективировать себя самого и свою жизнь художественно»¹³, т. е. рассматривает с позиций теоретика романа биографию, имеющую художественно-биографическую ценность, а не создание биографии как способ научного постижения личности и деятельности человека. М. М. Бахтина интересовали не только биографические произведения, но и биографические составляющие иных текстов.

Во второй половине XVIII века в России растет внимание не только к литературным произведениям, число которых заметно увеличивается, но и к их авторам. «В русской литературе, в которой традиция достоверности текста и безбиографизма автора (протопоп Аввакум — яркое исключение, лишь подтверждающее общее правило) держалась особенно долго, дойдя до начала XVIII в., проблема писательской биографии встала, естественно, с особой остротой»¹⁴, — отмечает Ю. М. Лотман.

Однако биографические элементы есть уже в первой русской «Риторике» Макария (1620), в которой «содержание “показующего рода” составляют “похвала или похуление”. <...>

В “Риторике” Михаила Усачева схема биографии в “роде показующем” пополнена новыми пунктами и подкреплена примерами по сравнению с “Риторикой” Макария»¹⁵.

В 1768 году в Лейпциге вышло «Известие о некоторых русских писателях», где было представлено 42 персоналии. В 1772 году в России появилась первая книга, собравшая краткие биографические сведения о писателях. Это был «Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий собрал Николай Новиков». Как явствует уже из пространного заглавия, для написания биографий Н. И. Новикову потребовалось провести серьезную собирательскую работу. Однако автор предупреждает читателей, что не смог сообщить сведения обо всех известных авторах и добиться полноты информации о каждом из них. В предисловии к своему труду, в который включено 317 имен светских и духовных писателей, ученых и переводчиков, Н. И. Новиков отметил: «Польза, от таковых книг происходящая, всякому просвещенному читателю известна; не может также быть неведомо и то, что все европейские народы прилагали старание о сохранении памяти своих писателей: а без того погибли бы имена всех в писаниях прославившихся мужей. Одна Россия по сие время не имела такой книги, и, может быть, сие самое было погребелию многих наших писателей, о которых никакого ныне не имеем мы сведения»¹⁶. Таким образом, составление словаря рассматривалось Н. И. Новиковым как важная просветительская задача. Его книга стала ценным пособием по истории русской литературы.

Почти целое десятилетие, с 1790 по 1798 год, в Москве выходили 14 частей издания «Словарь исторический, или Сокращенная библиотека <...> Перевод с французских исторических словарей, с приобщением к оному деяний и жития великих князей и государей все-российских и прочих, мужеством, подвигами и дарованиями отличившихся к благоденствию и славе <...> отечества особ».

В 1802 году появился «Пантеон российских авторов» Н. М. Карамзина, где под гравированными портретными изображениями давались «надписи», порой довольно пространные, биографического содержания. «... к началу XIX века, — отмечает Ю. М. Лотман, — в русской культуре утверждается мысль о том, что именно поэт, в первую очередь, имеет право на биографию. Частным, но характерным штрихом при этом явился утвердившийся обычай прикладывать к сочинениям портреты авторов. Прежде это делалось лишь для умер-

ших или при жизни признанных классическими писателей. И если прежде в портрете подчеркивались знаки государственных или иных полномочий (лавровый венок, перст, указующий на бюст воспеваемого поэтом государя, книги поэта (ученость), его ордена (заслуги) и т. п.), теперь читателю предлагается всмотреться в лицо, подобно тому как мы, получая важное сообщение от незнакомого человека, всматриваемся в черты его лица и мимику, желая получить основания для доверия или недоверия»¹⁷.

В 1805–1807 годах в журнале «Друг просвещения» ежемесячно печатались фрагменты «Нового опыта исторического словаря о российских писателях». Материалы эти не подписывались. Их автором, считавшим себя продолжателем дела Н. И. Новикова, был Е. А. Болховитинов, в будущем — митрополит Киевский Евгений. В предисловии к словарю он отмечает: «История писателей есть существенная часть литературы, потому что они составляют даже эпохи и периоды ее. Но знать писателей чужестранных есть посторонняя для нас честь, а не знать своих отечественных есть собственный стыд наш»¹⁸. Понимая, что достичь полноты представленных авторов и собранных сведений вряд ли возможно, Е. А. Болховитинов приглашал читателей (как в свое время и Н. И. Новиков) к работе по дополнению словаря. В 1818 году Е. А. Болховитинов издал «Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина» в двух частях. Второе дополненное издание появилось в 1827 году.

Свои материалы, в том числе рукописные, Е. А. Болховитинов переслал для дополнения и доработки И. М. Снегиреву, который выпустил первую часть книги, включавшую биографии на буквы от «А» до «Г», в 1838 году, уже после смерти митрополита. Назывался этот труд так — «Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, служащий дополнением к Словарю писателей духовного чина, составленному митрополитом Евгением». Это издание закончил М. П. Погодин, выпустивший в 1845 году под тем же заглавием I и II тома Словаря. Назовем также восьмитомный «Словарь достопамятных людей русской земли» (1836–1847) Д. Н. Бантыш-Каменского.

Как видим, работа, начатая Н. И. Новиковым, продолжалась на протяжении всей первой половины XIX века.

В этот период появились и представления о том, что же представляет собой биография. А. Ф. Мерзляков понимал под биографией, или жизнеописанием, «повествование о судьбе, поступках и свойствах какой-нибудь знаменитой особы»¹⁹, полагая, что биографы должны выбирать таких персонажей, жизнь которых занимательна и богата происшествиями. В соответствии с канонами классицизма

биография должна быть нравоучительной, поэтому биографу следует описывать лишь те случаи из жизни, которые «должны служить уроком или спасительным примером для подражания»²⁰. Вместе с тем биограф, по мнению А. Ф. Мерзлякова, «должен представить в ясном свете все деяния особы, им описываемой, показать начало и влияние оных, отличить заслуги и достоинства без малейшего пристрастия, не укрывать от читателя недостатков, наконец упомянуть о намерениях, о дурных и добрых предприятиях, хотя бы они были неудачны или служили к помрачению славы описываемого характера»²¹. В биографическом описании необходимо учитывать значимость конкретного события в жизни человека, и центральным событиям уделять большее внимание, чем менее важным. Если люди, которым посвящается биография, оказали существенное влияние на историческую эпоху, это должно быть отмечено особо.

Уделял внимание биографическим сведениям о писателях и Н. И. Греч. Так, в его книгу «Избранные места из русских сочинений и переводов» (1812) включено приложение «Известия о жизни и творениях писателей, которых труды помещены в сем собрании». В «Опыте краткой истории русской литературы» (1822) приводятся краткие биографические справки и обзоры творчества писателей. «Жизнеописание, или биография, — пишет Н. И. Греч, — есть повествование о жизни и судьбе одного человека, написанное им самим или другими»²². Он подробно характеризует особенности биографии как предмета исследования²³. Н. И. Греч первым указывает на необходимость отбора и систематизации фактов при написании биографии. При этом факты и события, признаваемые более важными, центральными, должны описываться более подробно, а менее значительные — по возможности кратко. То есть признается определенная иерархия событий жизни, которая находит непосредственное отражение в биографии.

Довольно подробно писал о биографии Н. Ф. Кошанский в «Частной риторике», изданной в 1832 году и выдержавшей несколько переизданий. «Цель жизнеописаний, — отмечает он, — двоякая: 1) передать потомству память и дела героя, великого, добродетельного мужа; 2) показать в нем пример для образования нравственности, рассудка и воли»²⁴. Как видим, Н. Ф. Кошанский называет две важнейшие функции, которые выполняет биография: сохранение памяти о человеке и воспитательная функция. Не только достоинства, но и слабости великих людей оказываются поучительными для потомков. Жизнеописание, по Н. Ф. Кошанскому, должно характеризовать всю жизнь человека — от детства до последних минут жизни. Исследователь отмечает и основные правила, которые должен соблюдать био-

граф: «Достоинство жизнеописаний заключается: 1) в знании избирать такие черты жизни, которые возвышают душу нравственностью, добродетелью; 2) в искусстве излагать деяние занимательно и приятно; 3) в способности рисовать характер героя натурально, яркими чертами, и 4) в приятном, привлекательном слоге»²⁵.

В. Т. Плаксин в «Учебном курсе словесности...» 1843 года рассматривает биографию (жизнеописание) в качестве материала для истории, однако в биографическом сочинении излагаются, по его мнению, дела менее значимые, чем в истории, поскольку биография посвящена одному человеку и даже исторические события характеризуются в ней по отношению к личной жизни этого человека. «Это история в малом виде, которая излагает происхождение, возраст и воспитание, полную жизнь и смерть одного человека, рассматривая его как отдельный малый мир, который то находился в отношениях с другими, то замыкался в самом себе...»²⁶ Автор отмечал важную задачу биографа — рассмотрение фактов жизни человека в контексте исторических событий, причем эти события предлагалось характеризовать, исходя из того, насколько они повлияли на жизнь описываемой личности. В. Т. Плаксин отмечает, что не каждый человек заслуживает жизнеописания. Они прежде всего пишутся о людях знаменитых или же о тех, образ жизни или превратности судьбы которых могут быть поучительны. Т. е. в качестве актуальной функции биографий рассматривается функция воспитательная. Цель жизнеописания — «знание человечества в частных его проявлениях»²⁷.

Согласно В. Т. Плаксину, биографии близка некрология, которая имеет ряд отличий от биографии: «она, во-первых, описывает иногда дела и таких людей, которые, по незначительности жизни, не могут быть предметом жизнеописания; во-вторых, изображает одни только заслуги, только похвальную сторону; потому что она пишется вскоре после смерти, в утешение родственников и друзей покойного; в-третьих, она, как произведение временное, обстоятельное, не нуждается в последовательности и доказанности, которых требует биография»²⁸.

О биографии (жизнеописании) в 1830–1840-е годы писали также А. И. Галич²⁹, П. Е. Георгиевский³⁰, И. И. Давыдов³¹, А. А. Охотин³².

В отличие от предшественников К. П. Зеленецкий в «Курсе русской словесности для учащихся» (1847) выявляет различия между жизнеописанием, как понятием более широким, и биографией. «Жизнеописанием, — пишет он, — называется повествование о действиях и судьбе какого-либо знаменитого исторического лица. <...> Жизнеописание близко подходит к истории, но отличается от нее тем, что во всем своем изложении имеет в виду одно главное дейст-

вующее лицо, тогда как история дает это преимущество одному лицу перед другими только в те моменты его жизни, когда он является главным действующим в политическом мире»³³. Автор отмечал, что жизнеописание — это повествование обо всей жизни того лица, судьбу которого излагает, — от колыбели до последних дней жизни. В качестве основного источника жизнеописания он рассматривает исторические записки. Под биографией К. П. Зеленецкий понимает «жизнеописание краткое, содержащее в себе означение одних только главнейших действий какого-либо лица, более или менее замечательного <...>. Содержа в себе одно очертание жизни, она отличается небольшим объемом и может иметь предметом важнейшие черты жизни не только лица, знаменитого в истории, но и вообще известного современникам в том или другом кругу общественной деятельности»³⁴.

Таким образом, по К. П. Зеленецкому, биография отличается от жизнеописания меньшим объемом и менее пространством изложением событий, а также может описывать жизнь менее известного человека. Если в качестве примеров жизнеописания К. П. Зеленецкий рассматривает «Историю царствования Императора Карла V» Дж.-М. Робертсона, описания жизни Петра Великого, Екатерины II и их сподвижников, то в качестве биографий — статьи из биографических и исторических словарей.

Вопросы, связанные с созданием биографий, затрагивал и журнал «Современник». Так, П. А. Плетнев, обращая внимание на систематизацию сведений биографического характера в предисловиях, в 1838 году отметил: «При двенадцатом издании Хемницера находится предисловие, составленное И. П. Сахаровым. Он собрал в нем все, что можно было найти и сказать о жизни автора и его сочинениях. Надобно желать, чтобы все наши лучшие прежние писатели издаваемые были с такими приложениями. Обработка биографии и библиографии приближает появление общей истории литературы нашей»³⁵.

Характеризуя этот период развития русской литературы, Ю. М. Лотман подчеркивает: «Писатели начала XIX в. не просто живут, а создают себе биографии. Теория романтизма и пример Байрона оказываются здесь исключительно благоприятными параллельными импульсами. <...> Резко растет биографическая мифологизация. В этом отношении характерна литературная судьба самого «безбиографичного» русского поэта той поры — И. А. Крылова. Вокруг его имени возникает целое облако биографических легенд, складывающихся в своеобразную мифологию. Характерен и процесс мифологизации личности Пушкина...»³⁶

«Жизнь сочинителя есть драгоценный комментарий к его сочинениям»³⁷, — метко заметил в 1834 году А. И. Герцен³⁸.

Ведется в то время и работа над первой персональной монографией о писателе. Автор ее — князь П. А. Вяземский. Его книга «Фонвизин»³⁹ увидела свет в 1848 году⁴⁰. П. А. Вяземский еще в статье 1830 года «О Сумарокове» писал: «... находка биографических и характеристических памятников о нем <А. П. Сумарокове. — М. С.> может нас порадовать, нас, для коих старина наша так еще нова, а любопытство так сильно, ибо мы, разделяя общую европейскую жадность к запискам историческим или анекдотическим, должны довольствоваться чужими сплетнями за неимением своих»⁴¹.

«Биографическая часть, которая придает литературе так много красок, движения и личности, была долго у нас в совершенном забвении, — пишет Вяземский в 1840-е годы. — Можно было думать, что книги наши писаны какими-то жителями луны, о коих ни малейших сведений не имеем. Ныне биографическая любознательность пробудилась. Мы не довольствуемся знать печатного автора, но хотим узнать рукописного, неизданного человека. Вопросаем не одни гласные свидетельства, оставленные нам литературною деятельностью его, но подслушиваем и келейный голос его, с позволительною нескромностию шарим в письменном столе его, перебираем частную переписку, прокрадываемся в домашний быт его. И прекрасно! Конечно, главное в жизни хорошего писателя это письменные творения его, но для полного изучения его самого, для извлечения из них всей возможной пользы, нужно иногда проверить его с ними. Да к тому же, кроме ожидаемой пользы, можно принять здесь в соображение и ожидаемое удовольствие. Любопытство, даже некоторого рода нескромность, впрочем, в границах благонамеренности и приличия, служат нам побуждением к приобретению истинных наслаждений: что ни говори, а все мы правнуки Евы. Все мы причастны греху любопытства. <...> Чем человек известнее и замечательнее, тем более дорожим и маловажными указаниями и дополнительными о нем подробностями»⁴². Как видим, П. А. Вяземский называет важнейшие источники, необходимые для написания биографии.

Приведенный обзор показывает, что к середине XIX века в России были изданы как биографические словари писателей и первая персональная биография, так и обозначены основные источники биографии, т. е. был создан достаточно надежный фундамент для дальнейших биографических исследований.

Интерес к изучению биографии был характерен и для Европы. Появление научных биографий В. Я. Лакшин относит к концу XVIII века, когда Дж. Босуэллом был создан «не имевший себе рав-

ных труд» «Жизнь Сэмюэла Джонсона», который «являлся образцом для английских ученых-биографов XIX века, когда были созданы труды “Жизнь Вальтер Скотта” Д. Лобхарта (т. 1–7, 1836–1838), “Жизнь Дж. Мильтона” Д. Мэссона (т. 1–6), “Жизнь Чарльза Диккенса” Дж. Форстера (т. 1–3, 1872–1874)»⁴³.

Заметным и во многом новаторским биографическим исследованием стала книга И. С. Аксакова «Биография Федора Ивановича Тютчева», изданная в 1886 году. Как справедливо отмечено В. Н. Касаткиной, «жанр биографии был органичен для Ивана Сергеевича. Ведь его обширный эпистолярный, адресованный родным, — это тоже своего рода автобиография, гигантская по объему, вобравшая в себя жанровое многообразие писем»⁴⁴. Заметим, что автобиография и биография другого лица, написанная с использованием разных источников, отнюдь не тождественны. Однако написание биографии близкого ему по духу человека действительно было для И. С. Аксакова делом органичным. Тем более что над спецификой подачи материала в биографии он размышлял задолго до того, как приступил к работе над жизнеописанием Тютчева.

Интересно в этом отношении письмо И. С. Аксакова родителям от 27 августа 1854 года. Сообщая об опубликованных в «Северной пчеле» материалах Ф. В. Булгарина, характеризующих некоторые факты биографии Н. В. Гоголя, И. С. Аксаков касается общих вопросов создания биографических трудов и отмечает, что люди, обладающие художническими натурами, «способны делать страшные глупости и простым, ясным, здравым умом не отличаются — большей частью. Так и должно быть. Все это очень понятно и легко может быть объяснено»⁴⁵. Т. е. объяснять творческую личность надо с учетом ее особенностей. Творческий человек во многом не похож на окружающих его людей именно в силу своих неординарных способностей. Порой же в биографиях возникает совсем иное понимание описываемого персонажа: «будто какое-то отношение “жреца в храме искусства” к художнику. <...> Следует еще также заметить биографам, что они оказывают плохую услугу лицу, ими описываемому, выкапывая весь сор и хлам из всех углов его души. Надобно рассматривать в человеке дела его жизни, его цель, его стремление, идеал, живущий в его душе — и уже по отношению к этой существенной стороне можно касаться частных и мелочей его жизни. Человек сам себя очищает; внутренняя его работа над собою есть тайна между им и Богом, и только Богу известно, какие плеве́лы жили в его душе и исторгнуты им»⁴⁶.

Это замечание чрезвычайно важно, поскольку оно апеллирует к отечественной православной традиции, в соответствии с которой

подвиг внутренней духовной жизни человека, его борений и метаний скрыт от постороннего взгляда, тем более от такого взгляда, который старается, заметив червоточину или ошибку, подчеркнуть ее, выпятить, намереваясь опорочить этим «проступком» (часто мнимым) всю остальную жизнь человека. Потому так эмоционален И. С. Аксаков: «... поднимут сор, выброшенный давным-давно за окно, начнут рыться в пыли под стульями, — вместо того, чтобы любоваться светлым и просторным покоем; напылят снова, примутся наводить справки о выброшенном соре и проч. и проч. <...> Пойдут теперь переворачивать Гоголя как человека во все стороны, без всякого уважения к святине души, к священным правам личности человека! Отыскался где-то сор, но история этого сора в душе человека — нам скрыта»⁴⁷.

В соответствии с таким пониманием вопроса о приоритетах, которые, безусловно, необходимо учитывать при создании жизнеописаний, И. С. Аксаков работал над биографией Тютчева. В книге отражен весь жизненный и творческий путь писателя, начиная с семьи и рождения; широко цитируются воспоминания, письма, стихи, статьи. В этой биографии много говорится о славянофилах, литературной и общественной жизни, в которой, как известно, самое живое участие принимали как сам Тютчев, так и его биограф. Есть и интересные авторские размышления. На эту особенность биографии обратил внимание еще Н. Н. Страхов. «И вот появляется, — пишет критик, — книга такого известного писателя, как И. С. Аксаков, в которой с любовью и серьезностью подробно изложены ход и значение поэтических произведений Тютчева и вместе изображена жизнь этого человека, одного из замечательнейших русских людей по уму и убеждениям. <...> Тютчев славянофил, политический деятель, один из людей, красноречиво громко проповедовавших свои мнения среди общества. Все это изложено в книге, но биограф сделал еще больше — он повел речь вообще о славянофильстве, об основных убеждениях всего этого направления...»⁴⁸.

В то время изучение писательских биографий включалось и в образовательный процесс. Как отмечает Ю. А. Михайлова, «в 60–70-х г. XIX в. школа целью образования, в том числе и литературного, ставила воспитание человека и гражданина. Желание воспитать подрастающее поколение на конкретных примерах, а не на примерах литературных персонажей, привело к тому, что воспитательным средством стали служить биографии писателей. <...> В изложении биографий и в рекомендациях к их изучению во главу угла ставились неповторимые черты человека, имя и поступки которого сохраняются для потомков. Этот подход разрабатывали и претворяли в

жизнь методисты В. И. Водовозов, В. П. Острогорский, В. Я. Стоюнин»⁴⁹.

Значительное внимание биографиям уделял академик А. Н. Веселовский. Как точно подметил А. А. Демченко, внимание ученого «к биографическому жанру неслучайно; оно доказывает, что при строго научном построении истории литературы миновать проблему личности художника невозможно. С другой стороны, поиски Веселовским синтеза исторического и психологического в объяснении писательской личности озадачили перспективными в его практике исследователя-биографа»⁵⁰.

Во второй половине XIX века широкое распространение имели «Материалы к биографии», среди которых следует отметить книги П. И. Бартенева «А. С. Пушкин. Материалы для его биографии» (М., 1855) и «Пушкин в Южной России. Материалы для его биографии» (М., 1862; М., 1914)⁵¹. Книги П. В. Анненкова «Материалы для биографии А. С. Пушкина» (1855; переиздание: «А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений П. В. Анненкова». 1873) и «А. С. Пушкин в александровскую эпоху» (1874) уже в 1930-е годы получили высокую оценку Г. О. Винокура: «... это действительно биографии. В них мы находим не просто собрание фактов и умелую их обработку, но связный, увлекательный рассказ о жизни Пушкина, проникнутый общей и цельной идейной концепцией. Другого такого рассказа пушкинская биографическая литература не знает»⁵².

Выходили во второй половине XIX — начале XX века и многочисленные биографические издания, такие, как «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых» (1889–1904; было издано 6 томов, издание не завершено) и «Русский биографический словарь» (изд. под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А. А. Половцова, т. 1–25; 1896–1918) Русского биографического общества⁵³. Г. Н. Геннади ежегодно с 1858 по 1877 год печатал в журналах некрологи умерших за год писателей. Д. Д. Языков, продолживший подобную практику, с 1885 по 1916 год ежегодно отдельными книгами выпускал сборники некрологов писателей. А. П. Добрыв издал в 1900 году книгу «Биографии русских писателей среднего и нового периодов». Выходили и сборники биографий других известных людей: «Русские композиторы» В. С. Баскина (вып. 1–4, М.; СПб., 1886–1895), «Наши художники...» Ф. И. Булгакова (т. 1–2, СПб., 1990), «Словарь русских художников» Н. П. Собко (т. 1–3, СПб., 1893–1899), «Наши петербургские артисты» Л. М. Карачунского (СПб., 1896), «Материалы для истории на-

учной и прикладной деятельности в России по зоологии...)» (т. 1–4, М., 1888–1892) и др.

Подробных же биографических исследований было не так много. «Капитальные работы в России XIX века высятся кое-где в море биографических мелочей — биографических очерков, литературных портретов, “характеристик”, “силуэтов”, “этюдов”»⁵⁴, — справедливо замечает В. В. Афанасьев.

Нельзя не отметить, что внимание к вопросам биографии, составление летописей жизни и творчества, которые назывались в ту пору «трудами и днями», вызывало и негативную, а порой и скептическую оценку. Приведем один из таких откликов, принадлежащий А. М. Евлахову: «Г. Лернер, например, в “Трудах и днях Пушкина” предлагает нам результат своих “научных” занятий великим поэтом, заключающихся в том, что им “изучено” все, что делал и говорил Пушкин в каждый день своей недолгой жизни, — хотя никому не известно, для чего нам нужно знать всю эту дребедень и что она может объяснить в творчестве гениального художника»⁵⁵. А. М. Евлахов, сторонник психологического метода изучения литературы⁵⁶, и в других своих работах выступал противником «биографизма». «Ни биография художника, ни история его родины не имеют ни малейшего отношения к его творчеству, — писал он в книге “Герхарт Гауптман”, — об этом я неустанно твердил во всех своих научных работах, на протяжении целого ряда лет»⁵⁷.

Несмотря на некоторые скептические оценки (которых, впрочем, было немного) интерес к биографиям, в том числе и к биографиям писателей, на протяжении всего XIX века неуклонно возрастает. Биографические исследования рассматривались не только как важнейший источник для создания истории русской литературы, но и как ценный материал, необходимый для преподавания отечественной словесности и воспитания учащихся.

В начале XX века в России сформировалось представление о необходимости комплексного изучения биографии и произведений писателя. Так, П. С. Коган в статье 1916 года писал: «Первым стимулом, привлекающим нас к жизни и личности писателя, являются его творения. <...> В личности и жизни писателя мы ищем все, что служит к выяснению общественного значения сказанного им слова»⁵⁸.

Биографическая тематика актуальна в то время и для работ, посвященных воспитанию и образованию. В 1909 году выходит книга А. С. Черняева «Воспитательная система, основанная на биографиях великих людей». Отмечая недостатки современной ему системы образования и воспитания, А. С. Черняев предлагает собственную достаточно оригинальную систему, которая заключается в том, что «в

течение 8 лет пребывания учащегося в средней школе читаются биографии знаменитых людей, примерно раз или два в неделю. Весь курс состоит из 250 или 500 биографий, подобранных по добродетелям и нравственно полезным качествам. Эти биографии должны быть: 1) педагогически подходящи и обработаны в смысле живости и увлекательности изложения, чтобы действовать главным образом на чувства и волю, 2) расположены по следующим основаниям: а) доступности изложения и самого биографического материала соответствующему возрасту, б) сообразно преобладающему в данном возрасте развитию психических сил, например, чувств, ума, воли, в) со стороны отдельных нравственных и общественно полезных качеств. <...> Лицо, которому будет поручено чтение, должно быть само проникнутым верою в действие примера и должно пользоваться авторитетом среди учащихся»⁵⁹. Подобное чтение рассматривалось, как видим, не как один из методов преподавания какого-либо предмета, а как своеобразный курс нравственного развития и воспитания. Судя по числу биографий, с которым предполагалось знакомить учащихся, каждый из биографических текстов планировалось читать в течение одного урока, т. е. эти биографии должны быть достаточно краткими. А. С. Черняев предлагает читать биографии самых разных людей: святых подвижников, гуманистов, изобретателей, коммерсантов, промышленников, государственных деятелей, писателей. И даже «мучеников науки», чтобы слушатели поняли, что «какой-нибудь физический закон, изложенный преподавателем в 10–15 минут, был открыт благодаря неимоверно трудной работе, усилию какого-либо выдающегося ученого, продолжавшемуся в течение всей жизни»⁶⁰. Так предлагалось способствовать выработке у учащихся идеалов, которые должны помочь им осмыслить собственное призвание.

Сходного мнения придерживался и В. Я. Стоюнин, полагавший, что «только в том случае история литературы может возбудить интерес у учащихся, если они поймут, как жизнь отражается в литературе, как высказывается в литературе личность писателя»⁶¹.

В книге В. М. Фишера, изданной в серии «Библиотека воспитания и обучения», отмечена последовательность школьного изучения биографии и творчества писателей: «Определив общую форму произведений, переходим к содержанию, обусловленному этой формой. Тут приходится принять во внимание биографические данные, объясняющие, почему для избранной формы, продиктованной отчасти традицией, поэт использовал те, а не иные из своих наблюдений над окружающей его многоликой и многозвучной жизнью»⁶².

Как видим, в дореволюционной России писательские биографии изучались как с целью более полного восприятия произведения, так и для духовно-нравственного воспитания учащихся.

К сожалению, в рамках данной главы нет возможности хотя бы кратко остановиться на рассмотрении иноязычных биографических исследований, поскольку, как отмечено Г. Е. Померанцевой, «только в одной Америке в промежуток времени с 1916 по 1930 год было опубликовано 4800 биографий. И процесс быстро ускорялся: в <19>29-м году появились 667 новых работ, в <19>32-м эта цифра достигла 699»⁶³.

В 1900 году скончался издатель серии «Жизнь замечательных людей» Ф. Ф. Павленков, через несколько лет прекратился выпуск книг серии, в которой было опубликовано 200 биографий. К 1916 году относится замысел биографической серии М. Горького. «Горький хотел, — отмечают Г. Е. Померанцева и С. Н. Семанов, — чтобы биографии были написаны лучшими писателями современности, чтобы это была беспристрастная повесть жизни героя, эволюция его души, раскрытая на фоне жизни общества. Горький просит Романа Роллана взяться за биографию Бетховена, с готовностью обсуждает его встречное предложение — создать биографию Сократа. Одновременно убеждает Уэллса заняться жизнеописанием Эдисона, спрашивает, кто из английских писателей мог бы дать биографии Диккенса, Байрона, Шелли. Он надеялся видеть Жанну д'Арк в исполнении Адольфа Шатобриана, Колумба — Фритьофа Нансена. Сервантеса предполагал получить от Бунина, Дарвина — от Тимирязева. Сам собирался написать жизнь Гарибальди»⁶⁴.

В конце 1910-х — 1920-е годы предпринимались издания серий биографий. В 1930-е годы при деятельном участии М. Горького начала издаваться биографическая серия «Жизнь замечательных людей». В 1931 году биографическую серию включили в план изданий Комиссии по истории знаний АН СССР. Однако серия стала выходить в другом издательстве — журнально-газетном объединении. Позже редакция серии «Жизнь замечательных людей» стала частью издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Выходили биографии и на языках народов СССР. В 1935 году были основаны армянская и грузинская ЖЗЛ. В дальнейшем появились абхазская, азербайджанская, казахская, латвийская, литовская, каракалпакская, молдавская, таджикская, туркменская, узбекская, украинская, чувашская, якутская серии ЖЗЛ.

«Литературная газета», сообщая в 1932 году о подготовке серии, так характеризовала ее специфику: «Главная задача издания — дать подробный марксистский анализ той социальной среды, в которой

великим людям приходилось жить и работать; показать их упорную и самоотверженную работу; выяснить различие положений человеческой личности в эпоху докапиталистических, капиталистических отношений и в период строительства социализма»⁶⁵. Тематика и проблематика книг, выходящих в серии «Жизнь замечательных людей» до настоящего времени, оказались значительно шире этих рамок.

Однако вернемся к главной теме данной главы — освещению вопросов становления и развития научной биографии в России.

Известный филолог В. Н. Перетц в работе 1914 года предложил рассматривать биографию в числе «вспомогательных наук» в литературоведении⁶⁶. «Биография писателя, — отмечал ученый, — представляется для нас немаловажной. Зная ее, мы точнее можем определить круг литературных влияний на писателя; иногда по ее указаниям — безошибочно можем прийти к определенным источникам его творчества. У нас, правда, любят посвящать иногда слишком много усилий, внимания и времени биографическим разысканиям. Мы не принадлежим, однако, к фанатическим приверженцам самодовлеющих биографических разысканий: собирать сведения о раннем детстве писателя, о его поведении, об отношениях к родным и знакомым, обо всей закулисной, интимной стороне его жизни — вряд ли настолько полезно, чтобы уделять им все силы, забывая о главном, — об итогах творчества, о самых поэтических произведениях. Не всегда эти мелочи важны, — ибо не всегда дают материал для истолкования произведений»⁶⁷. Как видно из приведенной цитаты, В. Н. Перетц, относя биографию к вспомогательным литературоведческим дисциплинам, считал необходимым изучение биографии писателя лишь в той степени, в которой это помогает осмыслению его произведений. Такое понимание вписывается в общую концепцию курса лекций ученого, в котором говорится о необходимости изучения истории литературы как процесса развития и смены жанров и стилей. В. Н. Перетц считал необходимым изучать произведения не только крупных авторов, но и писателей второго и даже третьего ряда, поскольку без их творчества невозможно представить общую историю развития словесности. Остановливаясь на особенностях древнерусской литературы, ученый отмечал: «В области древней литературы мы сталкиваемся с затруднительным случаем: мы большею частью совершенно не находим данных для биографии писателей. Нам приходится на основании памятника создавать биографию, а затем оценивать памятник в зависимости от восстановленной из него биографии. Образуется *circulus vitiosus*. Но здесь же отсутствие биографии иногда позволяет нам выяснять лучшим, объективным образом цену

самого памятника по статистическим данным и путем раскрытия его литературной истории»⁶⁸. Таким образом, пусть и косвенно, ученый отмечает значимость изучения биографии писателя для анализа его творчества.

Характеризуя особенности предложенного им «филологического метода изучения памятников литературы», В. Н. Перетц в качестве одного из «моментов исследования» называет биографию: «Биография автора выясняет детали сочинения и его тенденции в связи с историческими условиями создания памятника. Личность автора — необходимая почва создания литературного произведения. Сквозь нее проходят и преломляются интересы эпохи и ее идеи»⁶⁹. По мнению ученого, «тщательное изучение биографии» характерно для представителей историко-психологического метода: «Отражение личности поэта в литературном произведении <...> выражается в полном воспроизведении его личности, его мирозерцания и переживаний»⁷⁰.

Нельзя не отметить значительную роль исследований, в том числе и биографической направленности, выполненных в харьковской лингвистической школе, основоположником которой был А. А. Потебня. Как справедливо отмечает Ал. Цейтлин, «коллективные сборники “Вопросы теории и психологии творчества” (восемь томов) создали настоящую традицию Потебни <...> было издано большое количество монографий о новых художниках слова; но что всего важнее — харьковская школа подвергла блестящему изучению вопросы психологии творчества. Личность художника вызвала к себе в ту пору огромный интерес не в плоскости биографии только, а в области его психологии»⁷¹.

Несколько биографических работ, посвященных русским историческим деятелям, написано историком С. Ф. Платоновым. Одна из первых подобных работ ученого — небольшая по объему брошюра «Царь Алексей Михайлович»⁷². В ней русский государь больше предстает не как государственный деятель, а как личность, охарактеризовать которую помогают его сочинения и письма. Это подчеркивает и подзаголовок — «Опыт характеристики». Основанная на глубоком знании исторического процесса книга С. Ф. Платонова написана хорошим литературным языком, поэтому могла быть прочитана широким кругом читателей.

Другая книга С. Ф. Платонова, к тому времени уже академика, посвященная Борису Годунову⁷³, — уже не краткий «опыт характеристики», а подлинное биографическое исследование, состоящее из трех глав: «Карьера Бориса», «Политика Бориса» и «Трагедия Бориса». В книге характеризуется не только личность и деятельность

Годунова, но и широкий исторический контекст — например, в разделах «Вопрос о верховной власти в Московском государстве», «Боярство в исходе XVI века», «Международное положение Московского государства после смерти Грозного. Правительственные задачи Бориса». Это позволяет С. Ф. Платонову рассматривать жизнь и деятельность Годунова как исторического персонажа. Такой подход оптимален при обращении к биографии государственного деятеля.

Значительное внимание вопросам биографии уделялось в 1920-е годы. Н. А. Рыбников в книге 1920 года «Биографии и их изучение», характеризуя особенности научной биографии, отметил: «Выбирая в качестве объекта жизнь, представляющую общий интерес, биография дает описание этой жизни, в большей или меньшей степени удовлетворяющее требованиям исторической науки. <...> со стороны формы биография начинает подчиняться требованиям, выдвигаемым научными методами. Она уже не ограничивается простым перечислением фактов жизни описываемого лица, она должна создавать цельный образ данной личности, ее внутренней духовной стороны. Поскольку же биография имеет дело с человеческой личностью, — она может представлять научный интерес и со стороны содержания, т. е. стать объектом исследования для наук, с той или иной стороны изучающих эту личность»⁷⁴. Таким образом, Н. А. Рыбников подходит к вопросу об особенностях научной биографии и ее роли в развитии научного знания. Современный исследователь, оценивая взгляды Н. А. Рыбникова с точки зрения психолога, отмечает: «идея применения биографического подхода в психологии была, безусловно, плодотворна и прогрессивна, хотя с современной точки зрения способ ее воплощения в конкретных исследованиях вызывает возражения»⁷⁵.

Книга Н. А. Рыбникова вышла в серии «Библиотека биографического института». Наряду с исследовательской и издательской деятельностью этот институт проводил «занятия в семинарии по биографиям» с целью «коллективного ознакомления с методами изучения биографического материала»⁷⁶. Среди тем семинария — «Биография как объект научного изучения», «Психологический метод изучения биографий», «Психоанализ и биографии», «Биографический метод в изучении психологии творчества», «Жития святых как биографический материал», «Биографический метод в изучении форм литературного произведения», «Биографии и история», «Биографы классической древности», «Плутарх как биограф», «С. А. Венгеров и его предшественники, работа их как биографов русских писателей», «Биографии и иконография», «Письма как биографический материал», «Семейные архивы как биографический материал», «Ме-

муары как биографический материал», «Дневник как биографический материал»⁷⁷. Даже этот выборочный перечень тем показывает, что Н. А. Рыбников и его коллеги классифицировали основные источники, необходимые для создания научной биографии: иконография, переписка, мемуары современников, дневники.

Позже Н. А. Рыбников подготовил второе издание книги «Биографии и их изучение», которая однако не была издана. В дневнике ученого сохранилось лишь оглавление книги. В нем «аргументируется интерес к биографии со стороны различных наук. Отдельно выделена глава: “Биография в собственном смысле слова”. Видимо, учтена и работа Г. О. Винокура “Биография и культура”. Далее в качестве биографических источников рассматриваются: автобиографии, детские дневники, письма, роман-биография, житийный материал, иконография. Биографические идеалы школьников даны под углом зрения влияния биографий. В заключение следует изложение различных методов изучения биографии: историометрический, статистический, характеристический, графический. Наконец, практическая часть: как организовать работу по биографиям»⁷⁸.

А. П. Скафтымов, выступая 27 января 1922 года с публичной лекцией в Саратовском университете, говорил: «И всякий вопрос, какого бы мы ни коснулись в области процесса созидания, потребует от нас справок биографического характера. Вот уже и нужно изучение биографии. <...> Данные внешней биографии, данные всевозможных литературных и исторических справок и сопоставлений имеют смысл не сами по себе, а лишь постольку, поскольку они несут с собой упрощение или усложнение психологии творчества. <...> Соотношение жизни и произведения искусства должно устанавливаться не непосредственно, а через личность автора. Жизнь просачивается и отслаивается в составе художественного произведения не механическим завоевателем и пришельцем, а волею (сознательно или подсознательно) художника. Художник несет в себе веяния и жизнь эпохи и среды, а произведение несет дух художника»⁷⁹.

Классической работой, посвященной биографии, является статья Б. В. Томашевского «Литература и биография»⁸⁰. Ученый в небольшом, но емком исследовании поставил вопрос о соотношении биографии писателя с его произведениями: «... многих биографов нельзя заставить осмыслить художественное произведение иначе, чем факт биографии писателя»⁸¹. Для других же — всякий биографический анализ произведения есть вненаучная контрабанда, забегание с заднего крыльца. <...> вопрос стоит прямо — нужна нам биография поэта для понимания его творчества или не нужна»⁸².

Этого вопроса касался и М. М. Бахтин в работе «Автор и герой в эстетической деятельности». «Самым обычным явлением даже в серьезном и добросовестном историко-литературном труде, — писал ученый, — является черпать биографический материал из произведений и, обратно, объяснять биографией данное произведение, причем совершенно достаточными представляются чисто фактические оправдания, то есть попросту совпадение фактов жизни героя и автора, производятся выборки, претендующие иметь какой-то смысл, целое героя и целое автора при этом совершенно игнорируются; и следовательно, игнорируется и самый существенный момент — форма отношения к событию, форма его переживания в целом жизни и мира. <...> Все сказанное нами отнюдь не имеет в виду отрицать возможность научно продуктивного сопоставления биографии героя и автора и их мировоззрения, продуктивного как для истории литературы, так и для эстетического анализа. Мы отрицаем лишь тот совершенно беспринципный, чисто фактический подход к этому, который является единственно господствующим в настоящее время, основанный на смешении автора-творца, момента произведения, и автора-человека, момента этического, социального события жизни, и на непонимании творческого принципа отношения автора к герою. <...> для пользования художественным произведением как источником для биографии совершенно недостаточны обычные в исторической науке приемы критики источников, ибо они как раз не учитывают специфической структуры его...»⁸³

В уже названной выше работе «Литература и биография» Б. В. Томашевский учитывал лишь «литературные функции» биографии и рассматривал ее как традиционную спутницу художественных произведений. Он справедливо отмечал, что «расчет на то, что их жизнь будет постоянным экраном для их произведений» побуждал писателей «создавать себе искусственную биографию-легенду с намеренным подбором реальных и вымышленных событий»⁸⁴. К таким писателям, сознательно творившим из своей жизни легенду, Б. В. Томашевский относит Вольтера и Руссо, Байрона и Льва Толстого, Пушкина и Лермонтова. Заметим, что к этому типу авторов принадлежит и Есенин. Так, С. Ю. и С. С. Куняевы в начале своей книги «Сергей Есенин» характеризуют наиболее значимые, на их взгляд, особенности личности и биографии Есенина: «... жизнеописание его <Есенина. — М. С.>, вырастающее из стихов, писем, уголовных дел, мемуаров, биографий и автобиографий, конечно же, легендарно. И конечно же, горы страниц о нем <...> чрезвычайно противоречивы. Во многих воспоминаниях поэт предстает алкоголиком, психически нездоровым человеком, самовлюбленным эгоистом,

перешагивающим через людские судьбы, хулиганом и хамом. Не приходится сомневаться, что многое из мемуаров подобного рода — житейская правда. Поразительно другое. Поток воспоминаний о Есенине как о “черном человеке” не в силах ни размыть, ни изменить в наших глазах светоносную есенинскую легенду. Темная легенда о нем не в силах уничтожить легенду светлую. В сказочном облике поэта, загадочность которого с течением времени не только не исчезает, а, напротив, разрастается до гигантских размеров, приобретая немыслимые масштабы, так или иначе высвечиваются все его лучшие черты: ум, человечность, обаяние, гениальность, мужская стать, искренность...»⁸⁵ В книге Куняевых не раз заявлено, что Есенин целенаправленно создавал собственную легенду, свой поэтический миф. Миф о нем создавали и некоторые его современники, а также целые поколения исследователей. В результате, как полагают авторы книги, миф о Есенине «из явления истории переродился в явление природы»⁸⁶. К этой теме обращались и другие исследователи⁸⁷.

Изучение биографии — это, по мысли Б. В. Томашевского, не только и не столько изучение реального жизненного пути человека, сколько бытовавших в его бытность легенд: «... историку литературы чрезвычайно важно заняться реставрацией этих легенд, очищением их от позднейших наслоений и приведением к чистому “каноническому” виду. <...> Если Пушкин пишет “Моцарт и Сальери”, то важно не то, в каких действительных отношениях находились эти композиторы (и их биография — документальная, следовательно — здесь не поможет), а то, что существовала легенда об отравлении Моцарта Сальери, что ходили слухи, что Бомарше отравил своих жен, как бы ни были неосновательны подобные легенды»⁸⁸.

Согласно Б. В. Томашевскому, в середине XIX века «появились писатели без биографии. Всякие попытки примыслить им биографию и спроецировать их творчество на эту биографию — всегда увенчиваются комическим эффектом. Таким образом, без биографии является Некрасов. То же можно сказать про Островского и Фета. Их произведения замкнуты в самих себе. Ни одна черта их биографии не проливает никакого света на смысл их произведений. <...> Понятно — у этих писателей есть своя — житейская биография. В эту биографию, как житейский факт, входит и их писательская деятельность. Но это — биография частного человека, может быть и интересная для историка культуры, но не для историка литературы»⁸⁹. Б. В. Томашевский отмечал, что ситуация начала меняться в конце XIX века:

Сначала это был робкий интерес к «хорошим людям». Мы переболели ту полосу, когда писатель был обязательно «хорошим чело-

веком». Мы переболели образы этих надломленных страдальцев, этих угнетенных и чахоточных поэтов. Переболели мы всем этим до тошноты.

В XX веке появился особый тип писателей с биографией⁹⁰ — демонстративно выкрикивавших: смотрите, какой я нехороший и бесстыдный. Смотрите и не отворачивайтесь, потому что все вы такие же нехорошие, но только вы малодушны и скрываетесь. А я смел, раздеваюсь нагишом и хожу на публике не стесняясь.

Это была реакция на сладковатого «хорошего человека»⁹¹.

Поэтом с «лирической биографией» Б. В. Томашевский считал Блока: «Его стихи — лирическая повесть о себе, и его читатели из третьих рук всегда были осведомлены о главнейших событиях его жизни»; «Блоковская легенда — неизбежный спутник его поэзии»⁹². Книги же представителя футуризма Маяковского — «откровенный дневник, где отмечается все интимное и тем пресекаются пути будущим биографам к созданию и какой-то другой, внелитературной биографии»⁹³.

Иной позиции придерживался в то время П. С. Коган. «Литературное произведение — явление общественное, а не индивидуальное, — писал он в книге 1924 года “Литература этих лет. 1917–1923”. — Оно возникает с неизбежной необходимостью, как возникает в процессе борьбы всякое другое орудие на известной стадии развития, когда является в нем необходимость. Искать в художественном произведении его автора это значит говорить о второстепенном. Это все равно, что объяснять появление железной дороги или моста в данном месте вдохновением инженера, а не совокупностью экономических условий»⁹⁴. Естественно, что при подобном подходе интерес к биографии автора — творца произведения — заметно ослабевает.

Данную позицию разделял О. М. Брик. «“Опояз” полагает, что нет поэтов и литераторов, — есть поэзия и литература, — писал он в первом номере журнала “ЛЕФ”. — Социальная роль поэта не может быть понята из анализа его индивидуальных качеств и навыков. Необходимо массовое изучение приемов поэтического ремесла, их отличия от смежных областей человеческого труда, законы их исторического развития. Пушкин не создатель школы, а только ее глава. Не будь Пушкина, “Евгений Онегин” все равно был бы написан. Америка была бы открыта и без Колумба»⁹⁵. Такая позиция вообще была характерна как для футуристов, так и для представителей ЛЕФа. В статье С. М. Третьякова «Откуда и куда (Перспективы футуризма)», опубликованной в том же номере «ЛЕФа», отмечалось: «Должен создаваться человек-работник, энергичный, изобретательный, солидарно-дисциплинированный, чувствующий на себе веление класса-творца и всю свою

продукцию отдающий немедленно на коллективное потребление. В этом смысле футурист должен быть менее всего собственником своего производства. Его борьба — с гипнозом имени и связанных с именем патентов на приоритет. Самоутверждение мещанское, начиная от визитной карточки на двери дома до каменной визитной карточки на могиле, ему чуждо; его самоутверждение — в сознании себя существенным винтом своего производственного коллектива. Его реальное бессмертие — не в возможном сохранении своего собственного буквосочетания, но в наиболее широком и полном усвоении его продукции людьми. Неважно, что имя забудут, — важно, что его изобретения поступили в жизненный оборот и там рожают новые усовершенствования и новую тренировку»⁹⁶. При такой постановке вопроса биография конкретного автора становится чем-то второстепенным. Нельзя, однако, не отметить, что сами футуристы в декларациях, манифестах и иных теоретико-литературных произведениях противопоставляли себя всей прежней и современной им литературе («мы первые...»), т. е. выдвигали каждого участника своих групп в качестве самоценной личности.

Не менее категорично высказывался и В. Ф. Переверзев. В статье 1928 года «Творчество Гончарова» он заявлял: «Я изучаю не творца, а творение; не биографию, а произведение. <...> В литературном факте наименее интересным моментом я считаю его связь с авторской личностью и потому не ищу в творчестве отражения жизни писателя. Литературное явление — факт социальной жизни, и раскрытие его смысла сводится к пониманию социальной природы этого факта»⁹⁷. В работе В. Ф. Переверзева 1929 года «Проблемы марксистского литературоведения» утверждалось: «Для научного осмысления литературных явлений бесполезно копаться в личной биографии писателя, потому что не в личности писателя кроется тайна стиля. Также бесполезно копаться в так называемом “окружении”, в тех явлениях, событиях, лицах, которые служили “натурой”, “прототипом”, “моделью для художника”»⁹⁸.

Столь ожесточенные нападки на биографизм, на внимание к биографии писателя повлекли и соответствующие изменения в школьном преподавании литературы. Программа 1927 года исключала биографии писателя из школьного курса. Приоритет отдавался анализу социальной направленности произведения. Показательно в этом отношении изменение взглядов на место биографии в школьном преподавании литературы М. А. Рыбниковой, одного из наиболее известных методистов того времени. В ее работе «Построение курса литературы», опубликованной в 1922 году, есть главка «Против истории литературы в школе и — за пристальное изучение автора».

Методист предлагала уделять особое внимание «пристальному» изучению того или иного автора, медленному чтению его произведений, длительному осмыслению его творческой индивидуальности. Такое изучение биографии и произведений одного автора может продолжаться нескольких месяцев. Рассказ учителя включает краткую биографию писателя, всестороннему знакомству с ней способствуют доклады учащихся, создание выставок. Для более глубокого усвоения материала предполагается использовать возможности таких предметов, как рисование, живопись, музыка. «Личность автора, — писала М. А. Рыбникова, — вот тот единственный центр, вокруг которого мы можем воистину крепко сдвинуть все им созданное»⁹⁹.

В более поздней книге, изданной в 1930 году, М. А. Рыбникова отмечала: «Нужно ли для целей уяснения социогенезиса литературных фактов — прибегать к биографии. По возможности все вычитывать из романа, из текста. Биография допустима лишь в самом живом изложении, в страницах мемуаров (Пушин о Пушкине, Анненков о Гоголе, Горький о Толстом) или в автобиографии (Гоголь, Есенин, Серафимович). Почему так. Опять-таки для того, чтобы удовлетворить желание знать: как жили те люди. Даты, города, порядок фактов — все это не важно. Нужно и важно получить живую картину быта, поскольку она типична для эпохи и для среды. Не индивидуальное знакомство с Михайловским или Ясной Поляной, а представление о дворянской усадьбе, о быте помещиков, окруженных родословными, французскими книгами, нянюшками, портретами дедов и бабушек, обставленных услугами дворни, наслаждающихся природой, охотой, верховой ездой, музыкой, пением, творчеством. Вот об этом нужно иметь понятие. А сколько раз в кого Пушкин был влюблен, это неважно, или важно постольку, поскольку это дает пример “науки страсти нежной”, той науки, которой “истинный был гений” герой пушкинского романа»¹⁰⁰. По мнению М. А. Рыбниковой, «причины литературных фактов» следует искать «не столько в индивидуальной жизни поэта, сколько в общественном бытии его класса в данный исторический момент, в общих воздействиях общественно-политического порядка, формировавших идеологию, в воздействиях литературных традиций, почему-либо соответствующих общественности данного периода»¹⁰¹. В советской школе, считала М. А. Рыбникова, половину времени надо уделять изучению современной литературы, чтобы «противопоставить ее героев героям классических романов»¹⁰²; «литература наших дней нам нужна на ролях плаката, лозунга, агитки. Революционные праздники, советские кампании — все это должно быть красочно, ярко обслужено словом»¹⁰³.

В. Ф. Переверзев в докладе «Принципы преподавания литературы в школе II ступени» предлагал «выбросить из школьного преподавания литературы биографический и общеисторический фактический материал»¹⁰⁴.

Таковы были последствия преобладания в то время вульгарно-социологического подхода к изучению литературы. И понятно, что это не способствовало изучению биографии.

Однако некоторые методисты, такие как В. В. Голубков, все же считали необходимым изучение писательских биографий и полагали, что «общее содержание, вылитое в том или ином литературном произведении, может быть понято... через биографию»¹⁰⁵.

Как один из источников творчества рассматривал факты биографии А. Вознесенский. «Источниками творчества, — писал он, — являются, с одной стороны, условия социально-политической и умственной жизни, а с другой — личной, явления биографического характера»¹⁰⁶.

В обращении к вопросам биографии видел одно из проявлений специализации, наметившейся в литературоведении, А. Цейтлин, стоявший на позициях формализма. «Как говорить о творчестве писателя, — вопрошал он, — когда у нас ни об одном нет сколько-нибудь полной и методологически (а не только эмпирически) правильно построенной биографии?»¹⁰⁷

В № 1 журнала «Искусство» за 1923 года была опубликована статья Н. К. Пиксанова «Новый путь литературной науки», в которой автор прогнозировал возрождение интереса к писательским биографиям. «Отрешаясь от увлечений момента и вдумываясь в дальнейшие судьбы русской литературной науки, — писал ученый, — можно уверенно сказать, что она возвратится к историзму в широком смысле, усовершенствовав только приемы изучения историко-социологического и отказавшись от публицистического дидактизма. Возродится и биографический жанр, только осложнившись теми психологическими общими знаниями и приемами, коих так недостает биографам-словесникам, слишком мало знакомым с научной психологией (а иногда, по особенностям предмета, и с психопатологией)»¹⁰⁸.

На проблемах, связанных с биографией писателей и биографическими исследованиями, Н. К. Пиксанов останавливался и в книге 1924 года «Два века русской литературы». «Я хотел обратить внимание историков литературы, — писал исследователь, — на назревшую потребность в монографическом изучении Полонского, Плещеева, Майкова, Гаршина, Надсона»¹⁰⁹. Для всех них накопились обширные и ценные материалы, обеспечивающие объективные результаты ис-

следования. Естественно, что прежде чем поставить детальные вопросы, необходимо начать с общего осмотра материалов, с ревизии поэтических текстов, с выработки внешней биографии и т. п.»¹¹⁰.

Вопросы изучения биографии писателя затрагивались также в книге П. Н. Сакулина 1925 года «Социологический метод в литературоведении». Ученый рассматривал особенности подхода к вопросу о биографии представителей разных научных направлений. Привел он и мнение социологической школы, теоретиком которой выступал. «Исторические явления, — писал П. Н. Сакулин, — всегда рассматриваются как результат коллективного творчества. Художник же выражает свою творческую волю в том, что создает произведение, и оно навсегда остается конкретным фактом литературной жизни. Как бы мало ни было произведение, историк литературы, если говорить принципиально, не может его игнорировать. Творец и его творения это — те единственные реальности, с которыми мы имеем дело. <...> нисколько не поступаясь принципами своей методологии, историк-социолог должен признать, что творческой индивидуальности принадлежит существенная роль, что она служит литературным фактором первостепенной важности, что писатель — не простое, механическое орудие, а живой, сознательный творец»¹¹¹.

В одном из примечаний П. Н. Сакулин отметил «важность биографии писателя»: «Мы не будем говорить об особом биографическом “методе”: в нашей методологической концепции для него нет места. Но собирание и изучение биографических материалов представляет огромную важность. Личность налагает индивидуальный отпечаток на свое творчество, хотя бы оно и шло в русле целого течения. В художественном творчестве индивидуальному моменту принадлежит существенная роль. Биография помогает освещать этот индивидуальный момент»¹¹².

Такая позиция крайне важна. «Собирание и изучение биографических материалов» — это и работа комиссий по литературному наследию умерших писателей, и написание мемуаров, и сохранение личных архивов, и формирование фондов в музеях, и создание мемориальных экспозиций писателей.

В середине 1920-х годов начал заниматься вопросами биографии Г. О. Винокур. В тезисах доклада «Биография как научная проблема», датированных «13.X.24.», он отмечал: «Биография, в противовес обычному пониманию, есть проблема не психологическая, а культурно-историческая»¹¹³ и имеет своим предметом историю индивидуальной жизни личности, включая в поле своего изучения все признаки (интеллектуальные, психические, психофизические и т. п.), с которыми личность вообще дана в истории культуры»¹¹⁴. Г. О. Ви-

нокур говорил о необходимости изучения личности в разных ее проявлениях и при этом обязательно в широком контексте эпохи. Он относил изучение биографии к наукам, близким к филологии (но отнюдь не рассматривал в качестве одной из филологических дисциплин!), располагая ее на стыке филологических и исторических наук: «По своим методам и приемам биография примыкает к филологии, поскольку овладение источниками биографии возможно лишь путем интерпретации исторических памятников. В связи с этим возникает проблема размежевания биографии и смежных областей исторического знания»¹¹⁵.

Для Г. О. Винокура, полемизировавшего с Б. В. Томашевским, призывавшим изучать «биографические легенды», возникавшие при жизни писателей и создававшиеся не без их участия, неприемлемо рассмотрение биографии с опорой на творчество писателя: «Вопрос об обратном соотношении между наукой о литературе и биографией, т. е. о литературном памятнике как источнике биографии, — должен быть решен отрицательно, поскольку литература понимается нами не только как исторический документ, но и как предмет искусства, эстетический, обладающий в силу этого бытием фиктивным и условным, а потому и не могущий служить материалом исторических исследований»¹¹⁶.

Более детально на вопросах, связанных с биографией и ее изучением, Г. О. Винокур остановился в книге 1927 года «Биография и культура». Если в тезисах 1924 года ученый предлагал рассматривать изучение биографии как науку, лежащую на стыке филологии и истории, то в 1927 году относил изучение биографии к сфере исторических дисциплин: «Личная жизнь как предмет науки и изучающая ее биография находятся <...> в рамках истории и исторической науки»¹¹⁷; «... современная биография <...> как наука, сильно отставшая от своей матери — истории»¹¹⁸. Но при этом историки и биографы по-разному интерпретируют одни и те же события: «Для историка собственное имя — только с и м в о л, указывающий на некоторые конкретные исторические положения и события. Смерть Юлия Цезаря или Павла I — для него не даты их личной истории, а даты р и м с к о й и р у с с к о й истории. Вот почему, между прочим, для историка это не столько смерть, сколько убийство, т. е. факт общественный, тогда как для биографа самое убийство есть только род смерти»¹¹⁹.

Поскольку Г. О. Винокур рассматривал биографию с позиций историка, изучающего не отдельные факты, а исторический процесс во всем многообразии его проявлений, то он считал необходимым создавать биографии не той или иной конкретной личности, а биогра-

фии деятелей целого исторического периода. Изучение биографии отдельной личности, по мысли ученого, крайне затруднительно. «К примеру, нельзя знать биографию Пушкина, не зная одновременно биографий Дельвига, Куницына, Нащокина, Николая I и т. д.»¹²⁰. Это замечание совершенно справедливо, поскольку биография любого человека в значительной степени складывается в процессе его общения с другими людьми. Знание фактов биографии одного человека позволяет подтвердить или опровергнуть получаемые из разных источников материалы к биографии другого¹²¹.

Г. О. Винокур поставил вопрос о предмете, которым занимается биография: «... собственно личность как таковую биография не изучает. Соответствующие заглавия и подзаголовки в биографических работах на самом деле всегда означают историю личной жизни. В старину в этом отношении выражались точнее. Во времена Пушкина можно было сказать: Вяземский пишет жизнь Фонвизина. А еще раньше — еще проще. Вот первый пришедший в голову пример: Ж и т и е У ш а к о в а, написанное Радищевым. Здесь предмет биографии назван с безукоризненной точностью»¹²². «История личной жизни», по Винокуру, должна рассматриваться прежде всего с точки зрения тех законов, по которым она развивается: «Жизнь изучаемой личности мы оцениваем тогда не с точки зрения отвлеченного, гипостазированного “идеала”, а только с точки зрения тех законов и норм, которые мы можем открыть в самой личной жизни, нами изучаемой. Открываемые нами тогда “ошибки”, “заблуждения”, “противоречия” и пр. суть для нас только средство понимания и истолкования, а не судебное постановление или общественный приговор»¹²³.

Далеко не всякий исторический факт, произошедший в годы жизни того или иного человека, становится для него значимым, т. е. может рассматриваться как факт его биографии: «... исторический факт (событие и т. п.), для того чтобы стать фактом биографическим, должен в той или иной форме быть пережит данной личностью. Переживание и есть та новая форма, в которую отливается анализируемое нами отношение между историей и личностью: становясь предметом переживания, исторический факт получает биографический смысл, — так может быть сформулирован этот новый шаг в глубь биографической структуры. <...> Пережить что-либо — значит сделать соответствующее явление событием в своей личной жизни»¹²⁴.

Как видим, Г. О. Винокур использовал для рассмотрения проблемы биографии термины, относящиеся к сфере не исторических, а психологических и социологических дисциплин. И это неслучайно,

поскольку биография понимается ученым прежде всего как жизне-описание *личности*. Он критически оценивал биографии, написанные с точки зрения такого историка, для которого личность интересна прежде всего своим влиянием на историческое развитие. «На самом деле в биографиях речь идет вовсе не только о переживаниях героя как его духовном опыте, — писал ученый. — Наиболее привычной формой биографии, как раз наоборот, является такая, в которой речь идет не столько о переживаниях, сколько о деятельности данного лица. Биография Ленина рассказывает о русской революции, биография Александра Великого — о его завоеваниях, биография Каткова — о его статьях по польскому вопросу, биография Шлейхера — о его грамматиках и т. п. Но в строгом смысле все это вовсе не биография, во всяком случае не только биография. Все это соответствующие истории (политическая, военная, литературная)¹²⁵, к которым по причинам чисто технического свойства (удобство изложения, педагогические нужды и т. п.) присоединяются и биографические сведения в собственном смысле»¹²⁶.

Если биограф не может в полной мере использовать методы, характерные для исторического исследования, он должен применять другие, заимствованные из такой области научного познания, как психология. Если Б. В. Томашевский говорил о «биографических легендах», то Г. О. Винокур — о «фиктивных биографиях»: «Стилизуемый свое поведение персонаж так сливается с тем образом и идеалом, который постоянно находится перед его внутренним взором, что перестает сознавать границы действительного и идеального, подлинного и фиктивного. То, что является лишь каноном и предписанием, принимается им тогда за фактическое и жизненное. Так возникают фиктивные биографии, в создании которых главная доля участия принадлежит непременно самому герою. В такой фиктивной биографии фиктивны не сами факты, а только та экспрессивная манера, которая им сообщается. Сочиняется здесь не личная жизнь как таковая, а только ее стиль»¹²⁷.

В книге «Биография и культура» Г. О. Винокур описал «стадии» создания биографии, этапы работы над ней. «За описанием в истории, — полагал исследователь, — всегда следует *истолкование*, и историческое изучение только тогда считается завершенным, когда предмет исследования: 1. включен в общую связь с остальными историческими явлениями, и 2. в контексте самой этой исторической связи истолкован с точки зрения некоторых общих и высших принципов исторического понимания. Историческое изучение проходит здесь как бы три стадии. Первая стадия — *антискварная*»¹²⁸. Вторая — философско-историческое изучение, тре-

тя — область философской биографии. Интересны и значимы, по Г. О. Винокуру, биографии личностей незаурядных, оказавших существенное воздействие на общественное, культурное или научное развитие. Акцент в биографическом описании должен делаться на наиболее существенном, центральном в жизни того или иного человека. Ученый отмечал: «... никому не был бы любопытен слабый стихотворец Суворов, если бы он не был знаменитым полководцем. Судьба поэта уже по одному тому, что он поэт, — есть судьба совсем особая, даже и в том случае, если она целиком совпадает своими внешними событиями с судьбой генерала»¹²⁹.

Вопросы, касающиеся отличий «биографических исследований» от биографий также обсуждались в более поздней работе Г. О. Винокура — его статье 1937 года «Ранние биографии Пушкина». «Существенная особенность настоящей биографии, — отмечал ученый, — заключается в том, что она является законченным изображением жизненного пути своего героя. Биография — это особый род исторического повествования, которое совершенно так же отличается от монографического биографического исследования, как цельное, законченное изображение исторической судьбы человечества или отдельного народа — от частных исторических исследований и монографий на специальные исторические темы. Биографическое исследование может отличаться большой содержательностью и глубиной, оно может представлять выдающийся научный интерес — и все же оно не будет биографией в подлинном смысле этого термина, если читатель не найдет в нем законченного образа героя во всей полноте его жизненной судьбы. Для того чтобы написать действительно хорошую биографию, мало быть ученым. Недостаточно исчерпывающим образом знать все факты, составляющие историю жизни избранной личности, надо еще обладать особым умением собрать эти факты в одну цельную картину, умением изобразить и рассказать изученную жизнь как своеобразное историческое событие, представляющее объективную важность и значительность для каждого. <...> биография — это не просто наука, но также и особый вид литературного искусства...»¹³⁰ Как видим, Г. О. Винокур различал биографическое исследование, которым, по его мнению, можно считать работу, посвященную освещению тех или иных вопросов, касающихся биографии, и собственно биографию — исследование, характеризующее весь жизненный и творческий путь человека.

Определенный итог дискуссиям середины 1920-х годов о значимости изучения биографии писателя подвела статья Г. Лелевича «Марксистское литературоведение и биография художника (К по-

становке вопроса)», опубликованная в № 3 журнала «Звезда» за 1926 год. Автор статьи писал об «оживленных спорах» на эту тему, «возникших настоящей весной в Научно-исследовательском институте литературы и языка 1-го Московского университета»¹³¹ и отмечал, что «противники биографий чрезвычайно сужено толкуют слово “биография”. Тов. Коган, например, считает участие Байрона в греческом восстании или взаимоотношения Пушкина с декабристами фактами не биографического порядка! <...> Конечно, если выбросить из биографии все, что относится к общественной деятельности писателя, такая выхолощенная биография вряд ли будет полезна историку. Но ведь в том-то и дело, что это будет не б и о г р а ф и я , а искусственно отобранные наименее важные ее клочки. Говоря о биографии, я имею в виду совокупность всех сведений о жизни и деятельности данного лица, за исключением его литературных произведений»¹³². Г. Лелевич показал, что, изучая творчество писателя, необходимо учитывать и факты его биографии. В качестве одного из примеров было высказано суждение о Есенине: «Или самоубийство Есенина и его богемное житие в имажинистский период не позволяют ярче воссоздать эту историческую фигуру именно в ее социальной конкретности, чем это можно было бы сделать только на основании стихов Есенина?»¹³³

В 1930-е годы главенствующие позиции в советской науке занимает марксистское литературоведение, специфика которого наиболее последовательно отражена в выходявшей в 1929–1939 годах «Литературной энциклопедии». «Марксизм-ленинизм не отрицает подсобного, второстепенного значения писательской биографии, — говорится в изданном в 1934 году седьмом томе, — но ему чужда фетишизация этой биографии, тех “обыденных привычек” писателя, той домашней обстановки, которая очень часто не имеет никакой связи с творчеством и которая во всяком случае никак его не определяет»¹³⁴. В некоторых статьях энциклопедии говорится и о научной биографии. Так, в статье о Н. О. Лернере сообщается, что его биографическая канва «Труды и дни Пушкина» (М., 1903, изд. 2-е, СПб., 1910) «до настоящего времени сохраняет по своему материалу значение первостепенного труда, заменяя отсутствующую до сего дня научную биографию Пушкина»¹³⁵. Заметим, что работа Н. О. Лернера — это не научная биография в том понимании, которое вкладывается в это понятие в настоящее время.

Авторы «Литературной энциклопедии» сопоставляют с научной биографией даже мемуары: «Если центр тяжести переносится с автора на лиц, с которыми он чем-либо был связан в прошлом, возникает форма биографических воспоминаний. Таковы

напр. мемуары Н. Прокоповича о Гоголе, Горького о Л. Толстом, не дающие цельной научной биографии, но доставляющие для нее ценнейший материал»¹³⁶.

Д. Д. Благой в работе «Проблемы построения научной биографии Пушкина», опубликованной в 1934 году, высказал аргументированное мнение о необходимости комплексного изучения биографии и творчества художника слова, оперируя не только к филологической, но и к исторической науке: «Уже давно и справедливо сказано, что слова поэта — это его дела. Никому не придет в голову рассказывать о жизни и личности любого исторического деятеля без всестороннего рассмотрения и оценки того, что им сделано. <...> Не творчество без жизни, по Плетневу, не жизнь без творчества, по Вересаеву, а творческая жизнь Пушкина, живое единство человека-художника — вот что должно составить предмет подлинной его биографии, завершающего цельного синтетического исследования о его жизни и творчестве»¹³⁷. Писатель привлекает биографа, а затем и читателей созданных им биографий тем, что он является автором значимых для развития литературы текстов. Внимание к произведениям должно быть главенствующим при создании биографии писателя.

Сходную точку зрения, рассматривая, однако, биографию не писателя, а историка, высказала М. В. Нечкина в книге «Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества». Ученый отметила неразработанность в исторической науке биографической темы: «Русская историческая наука, посвященная отечественной истории, прошла длинный путь — трудный, сложный, полный противоречий. История науки сейчас тщательно изучается. Но — удивительное дело! — ни об одном из выдающихся историков дореволюционной России еще нет больших монографий, книг, им в целом посвященных. О писателях есть¹³⁸, об историках — нет. Таких работ нет ни о Татищеве, ни о И. Н. Болтине, ни о М. М. Щербатове, ни о Н. М. Карамзине, ни о С. М. Соловьеве... <...> В настоящей книге читателю предлагается опыт истории жизни и творчества В. О. Ключевского»¹³⁹. «Я предпочла, — пишет М. В. Нечкина, — структуру: историческое развитие творческих процессов, взаимосвязанных с его <В. О. Ключевского. — М. С.> временем и с вплетающимся в них биографическим потоком событий. Жизнь историка, создание им научных трудов должны на фоне эпохи и в тесной связи с ней пройти перед нами этап за этапом¹⁴⁰. <...> Ключевский считал, что “главные биографические факты” в жизни ученого — его книги. Это дает основание наименованием его книг назвать главы, говорящие о процессах их возникновения, их создания»¹⁴¹.

«Главные вехи в биографии писателя — его книги»¹⁴², — указывал и С. А. Макашин, автор четырехтомной биографии М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Неслучайно филологи Д. Д. Благой и С. А. Макашин и историк М. В. Нечкина сходятся в одном: *важнейшие события, которые необходимо в первую очередь отразить в жизнеописании выдающегося человека, — это его произведения, т. е. значимые результаты его деятельности.*

В декабре 1945 года в Пушкинском Доме была защищена первая кандидатская диссертация, темой которой стала научная биография писателя — «Жизнь и творчество Лермонтова. Детство и отрочество». Ее автор, В. А. Мануйлов, посвятил большинство глав хронологическому описанию биографии классика русской литературы: «Семейная хроника», «Детство», «Первые поездки на Кавказ», «Отрочество», «Москва и подготовка в Университетский пансион». В последней, шестой главе рассматривается тема «Пушкин в жизни и творчестве юного Лермонтова». Диссертационное исследование завершается обширными «Примечаниями» и «Приложениями», которые можно рассматривать как «материалы к биографии М. Ю. Лермонтова»¹⁴³. Начало жизненного и творческого пути другого участника литературного процесса XIX века — В. Г. Белинского — рассматривала В. С. Нечаева¹⁴⁴.

Научные биографии, по мнению Н. Ф. Бельчикова, — это труды, «основанные на обширных материалах, почерпнутых из работ предшественников и обнаруженных самими исследователями в итоге поисков и разысканий в архивах, забытых журналах, публикациях <...>. В них читатель находит освещение многих важных проблем, переоценку устаревших положений и взглядов, касающихся биографии и произведений писателя...»¹⁴⁵

В послевоенный период важность биографических моментов в преподавании курсов литературы отмечали методисты. Г. К. Бочаров, система обучения литературе которого базировалась на разработках известного методиста конца XIX — начала XX века В. П. Острогорского, подчеркивал важное воспитательное и образовательное значение биографического рассказа учителя: «Если мы хотим обстоятельно изложить биографию писателя, мы не обойдемся без связи с его творчеством и, наоборот, при характеристике его творчества нам понадобятся биографические факты»¹⁴⁶. По мнению методиста, учитель не обязательно должен рассказывать всю биографию писателя, а знакомить учащихся лишь с теми ее эпизодами, фактами, которые необходимы для понимания изучаемого произведения. Личность и жизнь писателя должны стать образцом для уча-

щихся. В качестве биографических материалов могут использоваться как научные биографии писателей, так и художественные биографии («романы, повести и пьесы Тынянова, Сергеева-Ценского, Новикова, Булгакова»¹⁴⁷). В качестве образцов биографических рассказов учителя в книге приводятся материалы о М. Ю. Лермонтове, Н. А. Некрасове, о гибели А. С. Пушкина.

Позже М. Г. Качурин и М. А. Шнеерсон подчеркнут, что «стремление увидеть и понять индивидуальный облик писателя не есть лишь один из возможных аспектов изучения литературы. Таков основной путь, определяемый самой сутью литературы»¹⁴⁸.

«Вслед за В. В. Голубковым и Г. К. Бочаровым, — отмечает исследователь истории преподавания литературы Ю. А. Михайлова, — методисты Г. И. Беленький, И. Е. Каплан, Т. Ф. Курдюмова, С. А. Леонов, Н. Д. Молдавская, З. Я. Рез своими исследованиями также установили связь между жизнью и творчеством писателей. Биография, считают они, может служить ключом к творчеству писателя, с ее помощью можно вскрыть много подводных течений в изучаемом произведении и провести более полный разбор произведения. Этот подход, на наш взгляд, должен быть приоритетным в школьном изучении биографии»¹⁴⁹.

С 1949 года стали выходить книги С. А. Макашина, посвященные биографии М. Е. Салтыкова-Щедрина. «По своему содержанию и построению настоящая книга, — писал ученый, — соединяет в себе два вида жизнеописательных трудов: “Материалы для биографии” и собственно “Биографию”...»¹⁵⁰

Лекции, в которых рассматривались особенности писательских биографий, читал в Ленинградском университете В. М. Жирмунский. Считая, что биография писателя является «одним из вспомогательных моментов построения истории литературы»¹⁵¹, ученый отмечал: «Вопросы биографии писателя и значение ее изучения для истории литературы можно расчлениить на три более специальные проблемы: 1) личная биография писателя, его переживания и отношения к творчеству; 2) социальная биография писателя; 3) литературная биография, то, что имеет отношение к литературной жизни писателя»¹⁵².

Значительным событием в научном изучении биографий в нашей стране стало создание в 1959 году серии «Научно-биографическая литература», которую начала выпускать Академия наук СССР. Эта серия продолжает выходить и в настоящее время, в течение длительного времени издается в едином оформлении. Идентично и большинство заглавий. Обычно называется герой книги — имя, отчество и фамилия, а нередко и годы его жизни. Среди книг последних лет можно назвать следующие: А. Г. Назаров «Карл Максимович Бэр,

1792–1876» (М.: Наука, 2008); О. Г. Строева «Иосиф Абрамович Рапопорт, 1912–1990» (М.: Наука, 2009); Т. В. Богатова «Александр Абрамович Воскресенский, 1808–1880» (М.: Наука, 2011); Э. И. Колчинский «Кирилл Михайлович Завадский, 1910–1977» (СПб.: Нестор-История, 2013). Значительно реже в заглавии отмечается, что предметом изучения стала не вся жизнь человека, а только какие-то направления его деятельности (например: Р. А. Симонов «Кирик Новгородец — русский ученый XII века в отечественной книжной культуре». М.: Наука, 2013).

Следует отметить также такие биографические серии, как «Пламенные революционеры» (Госполитиздат), «Жизнь в искусстве» (издательство «Искусство»), «Пионер — значит первый» («Молодая гвардия»). Значительный импульс изучению биографии дал историко-биографический альманах «Прометей», выходящий с 1966 года.

При создании научной биографии необходимо учитывать ее отличия от других биографических работ. «Автор строго научной биографии, — отмечал И. Л. Андроников, — не только не ставит перед собою цели создать художественный образ, а, наоборот, старательно и б е ж а е т этого»¹⁵³.

Об особенностях научной биографии, ее отличиях от биографического художественного произведения писала Е. Муза: «Н а у ч н а я биография <...> имеет одно важнейшее и принципиальное отличие от литературного произведения: в ней нет места художественному вымыслу. Это вовсе не значит, что научная биография оперирует только неопровержимыми фактами: в ней присутствуют и свое, авторское, осмысление этих фактов, и любые предположения, догадки, гипотетические концепции, не говоря уже о главном — своем толковании личности героя»¹⁵⁴. Но если в художественном произведении вымысел дается как безусловная реальность и, лишь обладая специальными знаниями, мы можем отделить исторический факт от создания художника, то в научной биографии любая догадка и гипотеза предстают (или должны представлять) именно в качестве догадки и гипотезы»¹⁵⁵.

В 1978 году была издана первая часть книги А. А. Демченко «Н. Г. Чернышевский: Научная биография». Автор предлагает следующее определение научной биографии: «Под научной биографией как самостоятельным типом литературоведческого исследования принято понимать — в самой общей формулировке — широкое научно-документальное описание жизни изучаемого деятеля. Цель научной биографии — установление исторического места писателя, кропотливое изучение оказавших на него влияние внешних и внут-

ренных обстоятельств, складывающихся из общеисторических, социальных факторов, а также выводимых из знания ближайшего окружения (семейного, дружеского, враждебного). Целью такого жизнеописания является также стремление научно объяснить причины и следствия переломных моментов в жизни и творчестве писателя, разработать концепцию творческой личности»¹⁵⁶. Это первое научно выверенное определение научной биографии в отечественной филологии.

«Предмет научной биографии — жизнь писателя, — констатирует А. А. Демченко. — Научная биография отличается полнотой исследуемых фактов, самостоятельными источниковедческими разысканиями, стремлением обобщить, существенно дополнить и уточнить имеющиеся знания о жизни писателя»¹⁵⁷.

В. Я. Лакшин в докторской диссертации «А. Н. Островский. Проблемы научной биографии» справедливо отметил, что «научная биография — такой же законный элемент литературоведческой науки, как и монографическое исследование творчества или анализ формы художественного произведения. Научная биография, изучающая рост и движение личности автора, взятой в общественных связях и противоборствах эпохи, способна бросить новый свет и на понимание творчества писателя»¹⁵⁸. По мнению ученого, жанр научной биографии писателя характеризуется следующими основными чертами:

1) Научная биография писателя рассматривает личность автора и его творчество в их неразрывном единстве. Биография не должна подменять, разумеется, монографический анализ творчества, с исчерпывающей полнотой вскрывающий взаимосвязи формы и содержания: мир образов, структуру произведения, стиль, композицию и т. п. Произведение интересует исследователя-биографа в той мере, в какой оно представляет весомый факт в прижизненной судьбе творца и литературы его времени, а также постольку, поскольку оно отражает его личность.

2) Научная биография ставит своей целью показать развитие творческой личности не как имманентный процесс, а в теснейшей связи с эпохой, общественными движениями и «веяниями» времени, литературными спорами и влияниями, идейно-художественной близостью литераторов, выражающейся в создании направлений, школ и «кружков».

3) Научная биография, стремясь к максимальной полноте и вместе с тем не располагая всей суммой фактов, может прибегнуть к реконструкции отдельных моментов судьбы художника. Однако в отличие от «романизированных» или беллетризованных биографий, всякая гипотеза психологичес-

кого или фактологического характера в научной биографии должна быть основана на достаточном массиве косвенных свидетельств и материалов, а также строго оговорена гипотетичность всякого реконструируемого эпизода¹⁵⁹.

Подводя краткие итоги, необходимо отметить, что внимание исследователей к научному изучению биографии в течение XX века постоянно росло. Со второй половины 1910-х годов стали появляться исследования, посвященные различным вопросам создания биографии, которая причислялась то к историческим, то к филологическим наукам, некоторые исследователи сближали ее с психологией и социологией. Так постепенно определялось место биографики на стыке разных научных дисциплин.

Биографическая тема актуальна и для исследований последних десятилетий. Круг работ, в которых рассматриваются проблемы, связанные с особенностями биографических исследований, в том числе научных биографий, достаточно широк. Так, неоднократно проходили дискуссии и «круглые столы», посвященные этой тематике¹⁶⁰.

В середине 1980-х годов тема биографической литературы входит и в круг научных интересов Ю. М. Лотмана. В статье 1985 года «Биография — живое лицо» ученый справедливо отмечает, что «смешение этих двух типов книг — биографии автора и анализа им созданных произведений — редко приводит к удаче. Конечно, жизнь творческой личности неотделима от истории произведения, но биография описывает творчество под другим углом, нежели монография»¹⁶¹. Именно по такому пути — создания научных биографий, посвященных различным вопросам жизни и творчества, и творческих биографий, изучающих в хронологической последовательности творческую эволюцию того ли иного автора, — и идет развитие литературоведческой науки.

Ю. М. Лотман отмечает и отличия научной биографии от других биографических работ. «Биографическая монография научного типа, — констатирует он, — может ограничиться документом. Неслучайно возникновение таких биографических жанров, как документальный монтаж (например, «Книга о Лермонтове» П. Е. Щеголева) или летопись жизни, положительное значение которых в случае умелого составления бесспорно. Однако биография для массового читателя не может пойти по этому пути. Она должна дать встающий за документами живой и целостный человеческий образ. <...> Автор научной монографии может ограничиться указанием, что о жизни Крылова на протяжении ряда лет нам практически ничего не известно. Автор беллетризованной биографии вынужден заполнить этот пробел»¹⁶². В биографии, замечает Ю. М. Лотман, принципиально

важно сбалансированное соотношение, паритет между фактами и событиями жизни и творчества того человека, которому посвящена работа, и вкраплениями событий, составляющих контекст его жизненного пути.

Другая работа Ю. М. Лотмана этого периода — «Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора)». В ней ученый затрагивает тему, которой в 1920-е годы посвятил статью Б. В. Томашевский, — «людей с биографией» и «людей без биографии» (Б. В. Томашевский писал о «писателях с биографией» и «писателях без биографии»). «Далеко не каждый реально живущий в данном обществе человек имеет право на биографию, — отмечает Ю. М. Лотман. — Каждый тип культуры вырабатывает свои модели “людей без биографии” и “людей с биографией”. <...> При всей разнице между идеальным жизнеописанием средневекового святого, состоящим из набора топиков, и биографией нового времени, описывающей неповторимые черты человека, между ними есть нечто общее: из всей массы людей, жизнь и деяния которых не делаются предметом описания и не вносятся в коллективную память, выбирается некто, имя и поступки которого сохраняются для потомков. Первые, с точки зрения текстов своей эпохи, как бы не существуют, вторым же приписывается существование. В код памяти вносятся только вторые. С этой точки зрения только вторые “имеют биографию”»¹⁶³.

Развивая высказанные в статье 1985 года идеи о том, что человек, имеющий биографию, существенно отличается от обыденного, среднего уровня, а в чем-то и противостоит среде, представителем которой является, Ю. М. Лотман пишет: «Культурная память устроена двояко: она фиксирует правила (структуры) и нарушения правил (события). Первые абстрактны как нормы, вторые конкретны и имеют человеческие имена. Такова разница между предписаниями закона и строками хроники. Из последней родится биография. Однако для того чтоб она родилась, между “тем, кто имеет биографию”, и тем, кто ее не имеет, но будет ее читать, должно появиться еще одно лицо — тот, кто ее напишет»¹⁶⁴. Е. Г. Местергази в статье 2003 года «“Литературная биография” как историко-культурный феномен. Б. В. Томашевский и Ю. М. Лотман: линия преемственности» отметила, что «проблема формирования биографии оказывается не просто некой психологической задачей, стоящей перед отдельным индивидом, а гораздо более сложной проблемой культуры в целом»¹⁶⁵.

В 2004 году вышла книга Ю. В. Манна, посвященная Н. В. Гоголю. Хотя называется она «Гоголь. Труды и дни: 1809–1845», но это не продолжение традиции «Трудов и дней» Н. О. Лернера, т. е. не

подневная летопись, а замечательный образец научной биографии, написанной человеком, многие годы занимающимся изучением творческого наследия и жизни великого русского писателя XIX века. «...любая биография Гоголя, в том числе и предлагаемая, — отмечает ученый, — это не только его жизненный, но и “духовный путь”, как назвал свою известную книгу К. Мочульский (1934)»¹⁶⁶.

Интерес к биографии приводит к появлению и развитию биографики, особенности которой охарактеризованы в статье А. Л. Валевского «Биографика как дисциплина гуманитарного цикла»:

Двусмысленный характер современных определений биографии связан с вопросом «биография — это наука или искусство?»

Приверженцами концепции биографии как науки являются прежде всего историки, в том числе историки науки, литературы, философии. <...> Эта концепция характеризуется следующими требованиями к биографическому повествованию: в о-первых, ориентацией на строгую объективность изложения и объяснения биографического материала; в о-вторых, основное исследовательское усилие биографа направлено на процедуру обобщения, типизации персонажа. Для научной биографии непререкаемой аксиомой является «чистота» интерпретации, в тексте должны отсутствовать какие-либо оценочные суждения со стороны биографа¹⁶⁷.

Различные вопросы, связанные с изучением биографии, поднимаются на ежегодно проводимых в Санкт-Петербурге с 2003 года биографических чтениях памяти В. В. Иофе. Открывая первую научную встречу, Б. И. Беленкин отметил, что на этих чтениях «могут быть выработаны, в числе прочего, и общие методологические подходы — как в составлении биографических текстов различных форматов, так и в расширении и освоении биографии в дальнейших исследованиях»¹⁶⁸. Значительный интерес представляют публиковавшиеся в материалах чтений статьи А. И. Рейтблата¹⁶⁹. Постоянный участник этих чтений — и автор данной работы¹⁷⁰.

Отметим также, что в последние десятилетия защищено несколько кандидатских и докторских диссертаций, в которых рассматриваются проблемы биографии писателей, ученых, политических деятелей и деятелей культуры.

Эти исследования можно разделить на несколько групп.

Первая группа — творческие биографии¹⁷¹. В работах данного направления интерес исследователей сосредоточен на рассмотрении творчества в хронологической последовательности. Как правило, в таких исследованиях затрагивается лишь тот временной промежуток, на который приходится активная творческая деятельность. Годы дет-

ства и творческого становления специально не рассматриваются, не изучается и родословная персонажа.

Вторая группа — научные биографии¹⁷². Авторы подобных работ стремятся с возможно большей полнотой охарактеризовать весь жизненный и творческий путь человека. Рассматривается не только период творчества, значительное место уделяется детским и юношеским годам — периоду формирования творческой личности или политического деятеля. Как правило, в исследованиях этой группы говорится и о близких родственниках, прежде всего родителях, которые заметным образом повлияли на становление личности. Характеризуется и широкий историко-культурный и / или политический контекст эпохи. Это позволяет проследить жизнь и творчество в эволюционном развитии.

Следует выделить саратовскую школу изучения научной биографии, которая развивается под руководством Адольфа Андреевича Демченко — доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой литературы и методики ее преподавания Института филологии и журналистики национального исследовательского Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Некоторые исследователи уделяют значительное внимание теоретической составляющей биографического исследования, рассмотрению истории вопроса¹⁷³. К этой группе работ примыкают и научные биографии ученых¹⁷⁴.

Прояснить особенности научной биографии как исследовательского жанра, выявить ее отличия от других биографических работ поможет сопоставительный анализ научных биографических исследований различных жанров, посвященных одному писателю.

Если составители летописи жизни и деятельности (творчества) стремятся включить в нее как можно больше материалов, прежде всего малоизвестных или вновь обнаруженных в ходе научно-поисковой работы, то авторы научной биографии более строго отбирают материал, исходя из общего замысла и концепции своего труда. Первостепенное внимание в научной биографии уделяется наиболее значимым материалам, фактам жизни и творчества. Значительная часть источников, необходимых для летописи, может не войти в научную биографию.

В контексте сопоставительного анализа значительный интерес представляет докторская диссертация А. М. Пескова «Жизнь и творчество Е.А.Боратынского. Научная биография» (1996), включающая объемное приложение «Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского». Наличие в рамках одного исследования текстов, относящихся к двум биографическим жанрам — летописи жизни и творче-

ства и научной биографии, позволяет выделить их специфические черты и особенности построения, проследив, как теоретические выкладки А. М. Пескова проявляются в его работах.

«Цель “Летописи”, — пишет А. М. Песков, — сообщение уточненной и новой информации о Боратынском; цель написанной на основе “Летописи” биографии — адекватная систематизация сведений о его жизни и творчестве»¹⁷⁵. «Именно “Летопись” и справочные материалы, — справедливо указывает автор диссертации, — являются первичным научным результатом предпринятого исследования. Написанная на основе “Летописи” биография Боратынского посвящена анализу взаимосвязи между творчеством и повседневной жизнью поэта»¹⁷⁶.

Рассмотрим различия между летописью и научной биографией в труде А. М. Пескова на примере хронологического отрезка с октября 1818 до конца 1819 года.

В «Летописи» отмечаются следующие события:

— октябрь (?) 1818 года: приезд Боратынского из Москвы в Петербург, вероятно, первое время живет у дядюшки Петра Андреевича.

— ноябрь (?) 1818 года: письмо Боратынского матери, написанное на французском языке, в котором, в частности, говорится: «Я получил одно из ваших писем...» (2, 75). Это дает возможность вычленить из цитируемого письма еще одно событие — получение Боратынским письма от матери после его приезда в Петербург. В источнике, на который ссылается А. М. Песков, письмо датируется 1818 годом, автор летописи сужает датировку: «Ноябрь (?) 1818», учитывая то обстоятельство, что письмо написано Боратынским спустя более чем через месяц после его отъезда из Москвы («вот уже более месяца от вас нет вестей» — 2, 75).

— с ноября — декабря (?) 1818 года: Боратынский вместе с прапорщиком лейб-гвардии Егерского полка А. И. Шляхтинским снимает квартиру в доме В. Ежевского (Гижевского). Предположительное окончание времени проживания Боратынского и Шляхтинского на этой квартире дано в тексте статьи: «Видимо, они живут здесь до осени 1819 г.» (2, 76). В «Летописи» желательно указывать начало и завершение события, т. е. в данном случае правильнее было обозначить временной интервал: «Ноябрь — декабрь (?) 1818 — август — сентябрь 1819».

— ноябрь — декабрь (?) 1818 года: недатированное письмо Боратынского к матери, написанное по-французски. В нем говорится о съеме квартиры, т. е. информация из письма служит документальным подтверждением того факта, о котором говорилось в предыду-

шей летописной статье: «Я не сообщал вам своего адреса, ибо сам еще не знал, где поселюсь. — Мы сняли квартиру вместе с г-ном Шляхтинским — у нас три прелестные комнаты...» (2, 76). Было бы оправдано перенести этот и последующий фрагменты текста письма Боратынского (о В. Ежевском, его жене и дочери) в предыдущую статью, что позволило бы охарактеризовать обстановку, в которой Боратынский провел около 10 месяцев.

Цитируемый А. М. Песковым текст письма позволяет вычленить несколько событий в жизни поэта, которые можно было бы выделить в отдельные летописные статьи, а именно:

1) неизвестное письмо Боратынского матери, отправленное непосредственно перед приводимым. Обоснование — фрагмент цитируемого письма: «В последнем письме я говорил вам о некоей мадам Эйн-Гросс <Ein-gross>, с которой я познакомился...» (2, 77).

2) ежедневные встречи и беседы с Эйн-Гросс, происходящие после полудня. Об этом также говорится в письме Боратынского матери: «Мы размышляем с нею <Эйн-Гросс> о дружбе, о любви, о любовных увлечениях, об эпикурействе, о стоицизме — словом, обо всем. Я посещаю ее каждый день после полудня, и пока мне это не наскучило; следует, однако, признать, что в ожидании лучшего я был бы даже склонен влюбиться в эту божественную женщину, но не тревожьтесь, я слишком безрассуден, чтобы решиться на серьезное безрассудство» (2, 77);

— конец 1818 — начало 1819 года: встреча Боратынского с братьями Ираклием и Львом, двоюродным братом А. А. Рачинским, со старым другом А. Креницыным, знакомство с В. К. Кюхельбекером и А. А. Дельвигом, а потом и с друзьями последнего — А. С. Пушкиным, В. А. Эртелем, П. Н. Чернышевым, П. Л. Яковлевым. Более точная дата указана в беллетризованной биографии «Истинной повести» А. М. Пескова: «Еще до определения в полк, в ноябре или декабре, у него появились новые знакомцы: Дельвиг и Кюхельбекер»¹⁷⁷.

«У Кюхельбекера, — отмечает автор летописи, — Боратынский встречал воспитанников пансиона М. И. Глинку, Н. А. Маркевича (знакомство без продолжения), Н. А. Мельгунова, С. А. Соболевского (с ними знакомство продолжится в Москве с конца 1825 — начала 1826 г.), Л. С. Пушкина. Может быть, тогда же Боратынский познакомился с П. В. Нащокиным...» (2, 78–79). В «Истинной повести» А. М. Песков пишет об этом подробнее: «В конце 818-го года — начале 819-го Петербург одаривал Боратынского новыми знакомцами в обилии, несравненно большем, нежели в годы пажеской жизни. У Кюхельбекера в мезонине бывали отроки — Левушка Пушкин,

Соболевский из благородного пансиона при Главном Педагогическом институте, заходил лицейский Пушкин (Жанно), пил чай Плетнев <...>. Мог оказаться Боратынский в одну из суббот у Жуковского <...>. Мог познакомиться с Глинкой (Федором Николаевичем — сочинителем “Писем русского офицера”, ближайшим человеком у петербургского генерал-губернатора Милорадовича, поэтом и членом всех видимых и невидимых обществ). Наверное, тогда же Боратынский узнал и Николая Ивановича Гнедича — учителя трагических актеров и первого нашего настоящего переводчика Гомера. Видимо, еще до того, как Измайлов в “Благонамеренном” напечатал отданные ему Дельвигом стихи Боратынского, Боратынский увидел и благонамеренных членов михайловского общества любителей словесности, наук и художеств. Видел он и солидного господина Николая Ивановича Греча, в очках — издателя “Сына отечества”¹⁷⁸.

Предположительно отмечены и другие встречи. В этой же летописной записи говорится о знакомстве Боратынского с И. А. Болтиным в апреле 1819 года, т. е. о событии, произошедшем в другой временной промежуток.

— 1819, «в течение всего года»: говорится о продолжающемся событии (начавшемся в 1818 году) — о том, что Боратынский и Шляхтинский до августа — сентября снимают квартиру у Ежевского (Гижевского), с августа — сентября место Шляхтинского занял Дельвиг. Поскольку Боратынский пробудет в Петербурге до 11 января 1820 года (см.: 2, 85), вероятно, что проживание на съемной квартире будет продолжаться до этого времени. Однако в летописи это обстоятельство не отмечено.

— январь ... декабрь 1819 года: запись в альбом Яковлева трех стихотворений Боратынского.

— 8 февраля 1819 года: «Боратынский определен рядовым в лейб-гвардии Егерский полк» (2, 80). В тексте этой летописной статьи отмечено: «Кто помогал Боратынскому попасть именно в гвардию (что позволяло жить в столице) — неизвестно» (2, 80). Ходатайства, способствующие зачислению Боратынского в гвардию, было бы уместно выделить в отдельную летописную статью.

— до 11 февраля 1819 года: Дельвиг передает А. Е. Измайлову для публикации в «Благонамеренном» стихотворение Боратынского «Пожилой женщине, и все еще прекрасной...»

— 11 февраля 1819 года: цензурное разрешение «Благонамеренному» (часть 5, № 4), где состоялась первая публикация Боратынского.

— 28 февраля 1819 года: выход «Благонамеренного» со стихотворением Боратынского.

— 14 марта 1819 года: цензурное разрешение «Благонамеренному» (часть 6, № 6), где появятся три стихотворения поэта — «К Алине» («Тебя я некогда любил...»), «Любовь и дружба (В альбом)» («Любовь и дружбу различают...»), «Портрет В...» («Как описать тебя? я, право, сам не знаю...»).

— 31 марта 1819 года — выход этого номера «Благонамеренного».

— около 6 апреля¹⁷⁹ 1819 года: письмо Боратынского матери, написанное по-русски. Поздравление с Воскресением Христовым, которое приходилось на 6 апреля. Из текста письма можно было, на наш взгляд, вычленить два события:

1) получение Боратынским денег от матери. «Любезная маменька, — говорится в письме. — Благодарю вас от всего сердца за присылку денег 500 р. на мои нужды» (2, 82);

2) посещение Е. И. Нелидовой, о котором также сказано в письме: «Мы сегодня были у Катерины Ивановны, которая нас очень обласкала» (2, 82).

— 2 мая 1819 года: цензурное разрешение «Благонамеренному» (часть 6, № 9), где публикуется эпиграмма Боратынского на П. И. Шаликова. В тексте летописной статьи упомянуты еще два события, которым можно было бы посвятить отдельные записи:

1) выход «Сочинений кн. Шаликова» (часть 1, М., 1819), поскольку эта книга — «вероятный повод для эпиграммы» (2, 82);

2) выход упомянутого номера «Благонамеренного» — 14 мая 1819 года.

— 8–29 июня 1819 года: лейб-гвардии Егерский полк («видимо, Боратынский тоже» — 2, 82) находится в Красном Селе под Петербургом.

— 22 июля 1819 года: цензурное разрешение «Сыну Отечества» (часть 55, № 30) с «Посланием к Креницыну» Боратынского. Текст летописной статьи позволяет выделить еще два события:

1) получение текста послания редактором журнала Гречем. «Может быть, — пишет А. М. Песков, — послание “К Креницыну” доставил Гречу Кюхельбекер» (2, 82);

2) выход журнала 26 июля 1819 года.

— 29 июля 1819 года: цензурное разрешение «Сыну отечества» (часть 55, № 31) с посланием «К Дельвигу» («Так, любезный мой Гораций...») Боратынского. Отдельные летописные статьи могли быть посвящены упомянутым в названной статье событиям:

1) выход номера журнала — 2 августа 1819 года;

2) написание Дельвигом ответного послания «К Евгению»:

За то ль, Евгений, я — Гораций...
Что, пьяный, в миртовом венке
Пою вино, любовь и граций,
Как он, от шума вдалеке...

— 6 августа 1819 года: день рождения Дельвига (21 год). «Видимо, — полагает А. М. Песков, — у него собираются друзья (среди которых должен быть и Боратынский), с чем связано его стих. “В день моего рождения...”»

— 20 августа 1819 года: выход «Благонамеренного» (часть 7, № 15) со стихотворением «Прощанье» («Простите, милые досуги...»). Дата цензурного разрешения в данном случае не отмечена.

— 24 августа 1819 года — здесь в одной летописной записи объединено несколько событий, произошедших в разное время:

1) перевод Шляхтинского, с которым Боратынский проживал в одной квартире, в Орловский пехотный полк;

2) скорый предполагаемый отъезд Шляхтинского, после чего Боратынский снимает квартиру с Дельвигом;

3) написание Боратынским послания Шляхтинскому «Пускай измаранный листок...»

— после 24 августа — сентябрь (?) — декабрь: Боратынский и Дельвиг снимают новую квартиру или Дельвиг переезжает на квартиру в доме Ежевского (Гижевского). В этой же летописной статье говорится о совместно написанном гекзаметре:

Там, где Семеновский полк, в пятой роте, в домике низком,
Жил поэт Боратынский с Дельвигом, тоже поэтом.
Тихо жили они, за квартиру платили не много,
В лавочку были должны, дома обедали редко,
Часто, когда покрывалось небо осеннею тучей,
Шли они в дождик пешком, в панталонах трикотых тонких,
Руки спрятав в карман (перчаток они не имели!),
Шли и твердили шутя: «Какое в россиянах чувство!»¹⁸⁰

Написание указанного произведения, на наш взгляд, также заслуживает отдельной летописной статьи.

— осень 1819 года: «Новые хлопоты старших родственников о высочайшем прощении Боратынского» (2, 84).

— 2 декабря 1819 года: цензурное разрешение на журнал «Сын отечества» (часть 58, № 49), где опубликовано послание Шляхтинскому. Указана дата выхода издания — 6 декабря.

— 31 декабря отмечено два события: выпущен из Пажеского корпуса брат Боратынского Ираклий; Боратынский, Дельвиг и Кюхельбекер встречают Новый год у Яковлева.

Итак, в летописи А. М. Песков довольно подробно сообщает, основываясь на различного рода свидетельствах, как о событиях, происходящих в жизни Боратынского, так и близких ему людей (отъезд Шляхтинского из Петербурга, выпуск из Пажеского корпуса брата Ираклия и т. п.). При этом далеко не всегда из используемых для создания летописи источников вычлняются факты, которые позволяют фиксировать, характеризовать, а порой и довольно точно датировать события, важные для жизни и творчества Боратынского. Прежде всего это касается истории создания произведений. В рассматриваемом фрагменте летописи нет отдельных статей, в которых говорилось бы о создании Боратынским стихотворений. Исключения составляют тексты, записанные в альбом Яковлева: «Мы будем пить вино по гроб...», «В пустых расчетах, в грубом сне...», «Здесь погребен армейский капитан...» Они имеют широкую датировку: январь — декабрь 1819 года.

Понятно, что не всегда есть возможность точно определить не только дату, но и временной отрезок, в течение которого создавался тот или иной текст. Однако в летописях, в том числе и в работе А. М. Пескова, довольно широко используются приблизительные датировки или авторские предположения («вероятно, познакомился...»; «скорее всего встречался...»; «вероятно, привел Боратынского на заседания...»), поэтому отсутствие дат создания стихотворений вызывает явное недоумение.

При этом предположительно датировать некоторые произведения, на наш взгляд, вполне возможно. Так, в исследовательской литературе о Е. А. Боратынском, в том числе и в рассматриваемой летописи, говорится, что эпиграмма

Дамон! ты начал — продолжай,
Кропай экспромты на досуге;
Возьмись за гений свой: пиши, черти, марай;
У пола нежного в бессменной будь услуге;
Наполни вздохами растерзанную грудь;
Ни вкусу не давай, ни разуму потачки —
И в награждение любимцем куклы будь
Или соперником собачки¹⁸¹, —

связана с выходом в 1819 году сочинений Шаликова, к которому и обращена. Следовательно, стихотворение написано в 1819 году, в период от времени выхода в свет книги до 2 мая, когда на журнал с эпиграммой было получено цензурное разрешение.

Послание «К Креницыну» датируется в собраниях сочинений Боратынского 1819 годом¹⁸². Текст стихотворения свидетельствует о

том, что оно посвящено другу, с которым лирический герой встретился после разлуки:

Товарищ радостей младых,
Которые для нас безвременно увяли,
Я свиделся с тобой! В объятиях твоих
Мне дни минувшие, как смутный сон, предстали!¹⁸³

Поскольку 22 июля 1819 года было получено цензурное разрешение на номер «Сына отечества» с текстом этого произведения, можно приблизительно установить время его создания.

Послание «К Дельвигу» («Так, любезный мой Гораций...»), как свидетельствует текст произведения —

Но теперь я муз и граций
Променял на вахтпарад¹⁸⁴, —

было написано после определения Боратынского на военную службу, т. е. после 8 февраля 1819 года, и не позднее 29 июля того же года, когда было получено цензурное разрешение на печатание «Сына отечества» с текстом этого произведения.

В подготовленную А. М. Песковым и изданную «Новым литературным обозрением» в 1998 году «Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского. 1800–1844» практически не внесено изменений по сравнению с приложением к диссертации. Здесь также в основном тексте не говорится об истории создания стихотворений. В конце книги помещен «Указатель сочинений Боратынского», но и в нем указывается лишь летописная статья, в которой упомянуто данное произведение. Например, стихотворение «К Дельвигу» («Дельвигу»; «Так, любезный мой Гораций...»): 1819, июль, 29, т. е. дата получения цензурного разрешения на печатание номера журнала, включающего это произведение; «Прощанье» («Простите, милые досуги...») — 1819, авг. 20, т. е. дата выхода журнала. Таким образом, творческая история и время создания произведения в рассматриваемом фрагменте летописи не отражены.

Для летописи важна не только датировка произведений, но и рассказ о знакомстве и общении писателя со своими современниками. К сожалению, в «Летописи жизни и творчества Е. А. Боратынского» об этом говорится очень кратко, несмотря на то, что А. М. Песков в своей более ранней книге «Боратынский. Истинная повесть» (1990) уделял этой теме значительное внимание. В частности, он писал: «В<ольное> О<бщество> любителей словесности, наук и художеств образовалось в незапамятные времена — еще в начале столетия, после восшествия императора Александра. К 818-му году из первобытных членов самым действенным, не считая многоученого Востокова,

остался Александр Ефимович Измайлов — автор многих сочинений в прозе и стихах, за некоторые из коих злоумный Воейков ославил его писателем не для дам (что, разумеется, почти сущая ложь). Александр Ефимович издавал с 1818-го года журнал “Благонамеренный”, где печатал сочинения сотрудников своего Общества, в коем он и был теперь председатель. Дельвиг, Кюхельбекер и Боратынский, пока были вместе, часто-таки бывали на Песках, в квартире Александра Ефимовича, или в Михайловском замке, где собирались друзья словесности, наук и художеств»¹⁸⁵.

Теперь рассмотрим, как события периода с октября 1818 по декабрь 1819 года характеризуются в научной биографии Боратынского, которая, собственно, и является темой диссертационного исследования А. М. Пескова.

При обращении к жанру научной биографии у исследователя жизненного и творческого пути Боратынского появляется больше возможностей не просто для документального фиксирования, а для научного описания событий. Перед нами уже не текст летописи, где необходимо по возможности наиболее точно датировать то или иное документально зафиксированное или реконструируемое на основе имеющихся источников событие. В научной биографии предстает связанное изложение событий в соответствии с хронологией.

В тексте научной биографии при необходимости даются отсылки на летописные статьи, сообщающие о событиях или персонажах и их отношениях с Боратынским. Порой автор ссылается и на другой свой труд — «Боратынский. Истинная повесть», где в ряде случаев проведена авторская реконструкция событий.

По подбору событий (но не по их характеристике) научная биография в целом следует за летописью. Но здесь более заметен автор-исследователь. Так, предположительно характеризуется военная служба Боратынского:

Вряд ли служба его была тяжелой, все-таки устроен он был, безусловно, по протекции, сам был нрава тихого, и твердо можно сказать, что не подвергался ни наказаниям, ни унижениям со стороны офицеров. Командиром лейб-гвардии Егерского полка был тогда К. И. Бистром — видимо, вполне достойный человек <...>. Здесь же, в Егерском полку служил Шляхтинский, а также новый знакомец, приятель Дельвига и Эртеля — Павел Чернышев <...>; видимо, были и другие лейб-егерские офицеры, с которыми Боратынский имел приятельские отношения. Словом, обстановка внутри полка складывалась, скорее всего, вполне благополучно.

Однако о самой службе Боратынского в Егерском полку мы знаем немногое. <...> Узнать настроения Боратынского в первый год его солдатской службы можно только по его стихам, ибо за весь 1819 год

сохранилось только одно письмо — краткая записка к маменьке... (1, 113–115).

В приведенном фрагменте очень много предположений. Автор работы, отмечая, что о службе Боратынского «мы знаем немного», говорит об отсутствии наказаний и унижений, о сложившихся приятельских отношениях с однополчанами, о благополучии. Для научной биографии здесь недостаточно документальной базы. Однако это не связано с тем, что исследователь недостаточно изучил имеющиеся документы. Они неизвестны и, вероятно, уже не будут выявлены. Подобные ситуации возникают перед авторами научных биографий нередко, ставя перед ними очень серьезный вопрос, вызванный наличием в биографии «белых пятен». В работе, посвященной анализу творчества писателя в целом или отдельных его произведений, можно обойти эти «белые пятна» или высказать субъективную авторскую интерпретацию, а в летописи, основанной на документах, — опустить ту или иную дату (нет фактов — нет и летописной статьи!). В научной биографии исследователь должен писать обо всем жизненном и творческом пути писателя, опираясь на имеющиеся источники и на собственную концепцию. И здесь не обойтись без гипотез, для подтверждения которых требуется целая система доказательств.

Далее А. М. Песков пишет, к сожалению, не акцентируя на этом внимания, о времени создания стихотворений: «Видимо, по копиям, выполненным дружеской рукой, были опубликованы в “Сыне отечества” и “Благонамеренном” и другие стихотворения, написанные Боратынским в 1819 г.» (1, 116).

Время создания произведения, ключевые этапы авторской, а также редакторской работы над ним, т. е. творческая история произведения¹⁸⁶, — основа творческой биографии любого писателя. Эти важнейшие факты должны фиксироваться как в летописи, так и в научной биографии.

В основном тексте диссертации А. М. Песков останавливается на отношениях Боратынского с Дельвигом, который «стал тем самым конфидендом, доверенным лицом, задушевым другом, который так был необходим Боратынскому» (1, 117). Относительно проживания друзей высказано несколько предположений: «Видимо, осенью 1819 г., после отъезда Шляхтинского из Петербурга, Дельвиг переехал к Боратынскому в Семеновские роты (либо он поселился на той же квартире у В. Гижевского, либо была снята новая квартира, неподалеку от прежней — в Пятой роте; ныне Рузовская улица)...» (1, 117). Отмечается также, что с «этой эпохой совместного квартирования» связана «поэма Боратынского “Тиры”» (1, 117), которая будет написана в 1820 году. Приводимые А. М. Песковым отрывки

из этой поэмы и совместного гекзаметра Боратынского и Дельвига «Там, где Семеновский полк, в Пятой роте, в домике низком...» иллюстрируют исследование. По мысли ученого, это «тексты, запечатлевшие ярче, чем известные мемуарные свидетельства (см.: Гаевский 1854), атмосферу повседневного быта обоих поэтов» (1, 117).

Использование фрагментов произведений автора, о котором рассказывает научная биография, для характеристики эпохи, того или иного периода жизни или конкретного эпизода, характерно для многих подобных исследований. Включение таких текстов, если оно органично, становится сильной стороной как летописей, так и научных биографий.

Анализ фрагмента замечательного диссертационного исследования А. М. Пескова позволил выявить общие черты и отличия летописи жизни и творчества от научной биографии. Автор работы отмечал: «Задача диссертации — установление взаимосвязи между творческой деятельностью Боратынского и его повседневной жизнью и реконструкция единого в своей основе художественного и бытового самосознания поэта. В диссертации рассмотрены прежде всего проблемы творчества Боратынского, обусловленные переживаниями и событиями его частной жизни, непосредственно связанные с творчеством. Именно такой подход к материалу является, по мысли автора диссертации, наиболее приемлемым для составления научного жизнеописания писателя и может быть назван собственно биографическим способом исследования»¹⁸⁷. Безусловно, задача, поставленная А. М. Песковым в его работе, успешно выполнена.

В качестве другого примера рассмотрим биографические работы В. П. Купченко о М. А. Волошине.

В. П. Купченко всю свою жизнь посвятил изучению жизни и творчества Волошина, собирая и систематизируя факты, выявленные им в разных источниках. «Он написал биографию Волошина, и даже в двух вариантах, — пишет Н. А. Богомолов. — Наконец, “Труды и дни Волошина” — летопись его жизни и творчества. <...> современный читатель, не поленившийся прочесть труды Купченко, получает возможность увидеть несравненно более сложную и интересную личность его героя, к которой сам исследователь долго и не без труда пробивался. Теперь именно от этого понимания Волошина поэта, художника, человека будут еще долгие годы отталкиваться настоящие читатели»¹⁸⁸. Н. А. Богомолов отметил один из важнейших результатов деятельности В. П. Купченко — он исследовал и представил в качестве книг обширнейший материал, который позволяет не только познакомиться с подлинной биографией Волошина, но и по-

нять глубинный смысл его творчества, узнать о разных аспектах многогранной деятельности его.

Краткая «Хронологическая канва жизни и творчества М. А. Волошина», составленная В. П. Купченко, вошла в «Приложение» к изданной в серии «Литературные памятники» книге Волошина «Лирика творчества»¹⁸⁹. В «Хронологическую канву...» включены основные даты жизни и творчества, приводятся краткие цитаты из автобиографий и писем поэта.

Этот же с небольшими изменениями¹⁹⁰ вариант «Хронологической канвы...» вошел в книгу 1994 года «Крым Максимилиана Волошина», одним из авторов-составителей которой выступил В. П. Купченко. В новой книге широко представлены иллюстрации и цитаты из различных источников — автобиографий, писем, заметок Волошина, приводятся его стихотворения, а также даются фрагменты статей из периодических и других изданий.

С привлечением широкого пласта документальных источников написана книга В. П. Купченко «Странствие Максимилиана Волошина. Документальное повествование», охватывающая период с 1900 года до смерти писателя. Это первая научная биография Волошина. Затем В. П. Купченко подготовил двухтомное издание «Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества», второй том которого вышел уже после смерти исследователя. Наличие двух этих изданий — научной биографии и летописи жизни и творчества — позволяет провести их сопоставительный анализ, отметив, как факты и события отражаются в разных биографических жанрах.

Повествование в книге «Странствие...» начинается с последнего года XIX столетия — 1900-го, с того периода, когда Волошин вернулся в Россию из заграничного путешествия. «1900-й год, стык двух столетий, был годом моего духовного рождения»¹⁹¹, — отметит он позже в одной из автобиографий.

В летописи указана точная дата приезда Волошина в Ташкент — 17 сентября 1900 года, воскресенье. В «Странствии...» это событие не зафиксировано. Зафиксировано сообщение, помещенное в «Справочном указателе» «Туркестанских ведомостей» от 21 сентября, о прибытии в город Волошина — как одного из специалистов, направленных для проведения изыскания трассы Оренбург-Ташкентской железной дороги.

Если в летописи лишь кратко сообщается о событиях (например: «9 октября, пн. Вечером караван проходит мимо развалин города Саурана — крепости, построенной китайцами, потом служившей киргизам. МВ с Вяземским верхами поднимаются на стену, любуясь

закатом»¹⁹²), то в научной биографии есть возможность представить более развернутую картину:

Вместе ездили они и к развалинам древнего города Саурана, лежавшего несколько в стороне от их маршрута. Эта крепость была построена китайцами, потом служила киргизам, и — вот уже три столетия — ее высокие стены из необожженного кирпича обтачивает степной ветер. Они въехали на стену. Внизу, в широком четырехугольнике двора, на фундаментах разрушенных домов топорщилась трава, синели груды изразцов, когда-то облицовывавших стены мечетей. А впереди... «Впереди — бесконечная красновато-бурая пустыня, чем дальше, — тем мутнее, все синее и горы на горизонте, — писал Макс двоюродному брату Яше Глотову. — Все ровно — ни холмика, ни деревца. Только фата-моргана разворачивает по горизонту свои раскрашенные декорации... Тишь полная. Слышно, как стелется по земле степной ветер... слышно, как звенит сухой “джюсан”... Под лучами заходящего солнца степь пылает красным пламенем. Все, что было днем серо, плоско и бесцветно, теперь ожило и оделось в самые яркие, ослепительные краски. От старых стен поползли густые сине-фиолетовые тени... Горы розовеют и синеют. Все становится ярче, ярче — и начинается постепенно потухать. Степь одевается сиреневато-пепельным оттенком»... А через полтора года, уже в Париже, возникнет стихотворение «Пустыня», — в котором будет запечатлено, среди других, и это, тогда уже далекое видение:

...Но только мертвый зной спадет
И брызнет кровь лучей с заката —
Пустыня вспыхнет, оживет,
Струями пламени объята.
Вся степь горит — и здесь, и там,
Полна огня, полна движений,
И фиолетовые тени
Текут по огненным полям.
Да одиноко городища
Чернеют жутко средь степей:
Забывших дел, умолкших дней
Ненарушимые кладбища...¹⁹³

Сжатое в летописи в два слова — «любуюсь закатом», — в научной биографии событие разворачивается в целый сюжет, в котором органично соединены авторское повествование, пространная цитата из письма Волошина и стихотворные строки. В летописи же об этом стихотворении будет упомянуто очень кратко: «1902. <...> 13 (26) мая, пн. <...> Вечером записывает в тетради строки стих-я о пустыне» (1, 110).

О письме Волошина Я. А. Глотову в летописи будет сказано под датой 23 октября, но процитирует В. П. Купченко строки о Париже,

а об остальном содержании скажет кратко: «Самые сильные впечатления — развалины Саурана и закаты в степи» (1, 81).

В летописи упоминается о письме Волошина к А. М. Петровой от 3 ноября 1900 года, в котором его автор вспоминает о полнолуниях в течение года. В научной биографии цитаты из этого письма, где говорится о полнолуниях, которые Волошин наблюдал и в Ташкенте, и в Москве, и в Константинополе, и в Риме, и у Гох-Йоха, дают возможность совершить несколько экскурсов в прошлое, кратко сообщив о событиях, произошедших до осени 1900 года.

Поскольку Волошин был в курсе политических событий, что отразилось, в частности, в его письмах, в летописи отмечаются важнейшие из подобных фактов. Например: начало февраля 1901 года: «Вторая всероссийская студенческая забастовка, охватившая 35 высших учебных заведений и 30 тысяч студентов» (1, 84); 14 февраля 1901 года: «В Петербурге П. Карпович, в знак протеста против репрессий относительно студентов, смертельно ранит министра народного просвещения Н. П. Боголепова» (1, 84); 24 февраля 1901 года: «Отлучение Л. Н. Толстого от Церкви Синодом, всколыхнувшее общественность России» (1, 85). В письме к А. М. Пешковскому от 5 марта 1901 года Волошин упомянет о беспорядках в Москве и свой отъезд за границу назовет личным протестом против происходящего. В «Странствии...» же о кратком пребывании Волошина в Москве не упоминается.

Некоторые дни, например, начало 1917 года, расписаны в летописи по часам. В «Странствии...» события этого периода сгруппированы: встречи со старыми знакомыми, новые знакомства, выступления с чтением стихов, посещение театров и т. п. Такая подача материала дает возможность кратко и емко представить спектр деятельности, личных и творческих контактов Волошина. Естественно, что политические события 1917 года широко представлены и в летописи, и в научной биографии: начало в Петрограде политической забастовки, ее превращение во всеобщую, победа революции в Петрограде, всеобщая политическая забастовка в Москве, отречение Николая II от престола, создание Временного правительства. В летописи информация о политических событиях дается более подробно, так, в записи от 4 марта сообщается: «Днем — парад на Красной площади, не вместившей всех: войска протянулись до Устинского моста, “публика залила все прилегающие улицы”. “Везде — красные флаги с лозунгами многочисленных организаций, куски красной материи — на фонарях, карнизах, шпилях; два красных знамени на памятнике Минину и Пожарскому, возле которого собралось духовенство <...> с

хоругвями, иконами и хором певчих" ("Рус. ведомости", 5 марта, с. 5)»¹⁹⁴.

«Весь март и половину апреля, до самого отъезда из Москвы, Волошин активно участвует в закипевшей повсюду общественной деятельности»¹⁹⁵, — отмечает В. П. Купченко в «Странствии...», а в летописи приводит соответствующие свидетельства современников:

— Е. Бальмонт: «Февральские дни мы проводили с Максом в Москве. Радостные и возбужденные ходили с толпой по улицам, вечера проводили на собраниях у знакомых. Нина не ходила в школу, в чем Макс ее поддерживал; она бегала с ним по Москве, забиралась на грузовики, ездила в тюрьмы освобождать заключенных, и с восторгом говорила, что Макс один понимает по-настоящему, что такое свобода»¹⁹⁶.

— В. В. Вересаев — о собрании писателей 14 марта 1917 года в МХТ: «Бердяев, Булгаков, Волошин, много разных профессоров говорили о необходимости довести войну до победного конца. <...> В этих кипящих спорах в фойе театра дружески, без вражды сошлись представители самых различных общественных и литературных группировок» (2, 15).

— автор материала в газете «Раннее утро» за 14 марта 1917 года, сообщавший, что Волошин 12 марта на собрании литераторов и журналистов под лозунгом «Отечество в опасности» «указывал на невозможность для русской демократии сделать предательство по отношению к французской и английской демократии, отдав ее на разгром германских армий» (2, 15).

Эти и другие приводящиеся в летописи цитаты неопровержимо свидетельствуют о том, что Волошин принимал активное участие в различных мероприятиях, имевших политическую окраску. Поэтому включение в летопись его жизни и творчества и в научную биографию значимых политических событий, происходивших в России в 1917 году, является не только оправданным, но и необходимым. Эти события позволяют представить в научных биографических исследованиях общественно-политический контекст, в котором протекали жизнь и творчество Волошина.

С середины апреля 1917 года Волошин находился в Коктебеле и Феодосии. Осенью центральные газеты поступали в Крым со значительной задержкой. «Мы находимся в глубоком беспокойстве, не получая газет с севера и не зная, что происходит сейчас с Петербургом и Москвой»¹⁹⁷, — писал поэт 2 октября 1917 года Р. Тумаркину. «До нас уже давно не доходят никакие сведения — ни писем, ни газет»¹⁹⁸, — сообщал он в письме Петровой 25 декабря 1917 года. Такое томительное ожидание информации о происходящем в стране,

переписка Волошина и, главное, его поэтическое творчество показывают, что его глубоко волновали политические новости. Поэтому в летопись включаются такие факты общественно-политической жизни, как вооруженное восстание против Временного правительства в Петрограде (25 октября 1917 года), бои в Москве, закончившиеся поражением юнкеров (3 ноября), избрание на Всероссийском церковном соборе патриархом московского митрополита Тихона (5 ноября), объявление советского правительства о решении начать переговоры с Германией (15 ноября). В «Странствии...» о подобных событиях говорится в основном в контексте стихотворений и писем Волошина. В. П. Купченко констатирует: «Только 6 ноября из случайного номера “Южного края” поэт узнает о “московских ужасах”. “Не хочу верить всему в полном объеме, — пишет он Цетлину, — но самое отсутствие телеграмм из Москвы говорит о смуте и ужасе”. Наконец, 10 ноября неожиданно явившиеся из Москвы Марина Цветаева и Сергей Эфрон привозят весть о перевороте»¹⁹⁹; «В начале сентября он <М. А. Волошин. — М. С.> пояснял Глотову, что ему “нужен известный исторический разбег, чтобы иметь возможность реагировать художественно” на современность. “Нельзя ничего видеть и понимать, находясь в кипении событий, — повторял он позже А. Жуковской. — А действительность можно заклинать только пониманием”»²⁰⁰; «“Россия как государство, как империя, как Левиафан, сейчас действует и ведет себя, как во Христе юродивый”, — пишет Волошин Сабашниковой 17 ноября. 19-го эти чувства и мысли оформляются в стихотворение “Святая Русь”:

...Поддалась лихому подговору,
Отдалась разбойнику и вору,
Подожгла посадки и хлеба,
Разорила древнее жилище, —
И пошла поруганной и нищей,
И рабой последнего раба...»²⁰¹

Если о событиях, происходивших в центре России, в летописи сообщается выборочно, то о том, что совершается в Крыму, в частности в Феодосии, Ялте, Коктебеле и его окрестностях, — более подробно. Это обусловлено тем, что Волошин не только узнавал об этих событиях, но и был свидетелем некоторых из них, а порой и участником. Так, в летописной статье от 12 января 1918 года зафиксировано: «Узнав, что крестьяне, поделив сельскохозяйственное имущество Юнге, собираются делить мебель, книги и картины, телеграфирует об этом в Феодосию и вечером идет сам в экономию. Вступает в переговоры с крестьянами, а “среди ночи” прибывает отряд красногвардейцев из Феодосии (во главе с Н. Кедровым), остановивший

разгром» (2, 39). Подобные факты находят отражение и в научной биографии Волошина. Например, сообщается о событиях февраля 1918 года, когда поэт находился в Коктебеле:

Из Феодосии идут все более тревожные вести. С Кавказского фронта, из Трапезунда, прибыло 10 тысяч солдат, которые «съели весь хлеб, привезли массу орехов... и продают живых турчанок на базаре». Затем накатывает волна контрибуций на буржуазию: «В Феодосии уже все капиталисты (биржевой комитет) сидят в тюрьме — пока не уплатят миллионов», — сообщает Волошин Оболенской 25 февраля. «Я немного удивляюсь тому, почему так медлят... с массовыми избиениями буржуев, — добавляет он. — Все-таки русский народ ужасно добродушен и его надо долго раскачивать. Но, в конце концов, мы еще придем к этому».

Через два дня предлагают уплатить контрибуцию (в три тысячи рублей) и Волошину. Поначалу ему удастся внушить коктебельскому Земельному комитету, что «поэты и художники буржуями быть не могут», но затем с него все-таки взыскивают тысячу рублей²⁰².

В летописи отмечаются важнейшие события политической жизни:

— окончание работы в Москве 31 декабря 1925 года XIV съезда ВКП(б), провозгласившего курс на индустриализацию страны с преимущественным развитием тяжелой промышленности [2, 287];

— выступление на Всесоюзной конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1927 года И. В. Сталина, который объявил о конце нэпа и призвал к ликвидации кулачества как класса [2, 371];

— высылка Л. Д. Троцкого в Алма-Ату 28 мая 1928 года [2, 386];

— завершение Шахтинского процесса 6 июня 1928 года [2, 387];

— пуск Сталинградского тракторного завода 17 июня 1930 года [2, 460];

— начало в Москве судебного процесса Союзного Бюро меньшевиков 1 марта 1931 года [2, 483].

Приведенные примеры не свидетельствуют о том, что летопись Волошина или его научная биография превращаются в хронику общественно-политической истории. Главное — творчество и жизнь человека, которому посвящено исследование. Но поскольку всегда, особенно в судьбоносные для истории страны моменты, общественно-политические события не только важны в личном плане (во многом определяют особенности деятельности и повседневного быта), но и в значительной степени обуславливают тематику и проблематику художественных произведений, широко обсуждаются в письмах, оставляют заметный след в мемуарах, то включение в летопись и научную биографию соответствующих фактов является закономерным.

В. П. Купченко справедливо отмечает, что Волошин в своем поэтическом творчестве «не мыслит в категориях политики: у него духовный взгляд...»²⁰³ При биографическом изучении жизни и деятельности любого писателя, в том числе и Волошина, первостепенное внимание должно уделяться важнейшим этапам творческой биографии.

Рассмотрим особенности подачи материалов этой тематической группы на материале книг В. П. Купченко.

Временем своего духовного рождения Волошин считал 1900 год. Он писал: «Литературная моя деятельность, если не считать моих детских стихотворений, началась с 1900 года библиографическими заметками и статьями в “Русской мысли”, а потом фельетонами в газете “Русский Туркестан”»²⁰⁴. Литературный же дебют Волошина состоялся еще в 1895 году, когда его стихотворение было опубликовано в Феодосии — в сборнике памяти директора гимназии В. К. Виноградова.

В летописи отмечается время написания и публикации литературных произведений Волошина, в том числе и не имеющих точной даты, работы над сборниками, а также создания акварелей. Например:

— 1904, первая декада июля (?). «Пишет очерк “Национальный праздник 14 июля в Париже”, отправляет в “Русь” (статья была набрана, но не опубликована <...>)» (1, 123);

— 1904, 8 (21) ноября. «В г. “Русь” № 328 — статья об Осеннем салоне: “Серпантин Парижа. (Осенние цветы — осенняя живопись. Редон. Каррьер)”» (1, 126);

— 1905. 12 (25) июня. «Утром пишет стих-е “Resignation (В зеленых сумерках дрожа и вырастая)” — и им заканчивает письмо к МВС <М. В. Сабашниковой. — М. С.>, начатое вчера» (1, 138);

— 1920. Сентябрь (?). «Составил сб. “Стихотворения. Книга вторая. 1910–1920”, включавший 94 стих-я; рукопись была отправлена М. О. Цетлину в Париж...» (2, 107);

— 1921. С 22 по 31 мая (?). «Составляет план книги “Неопалимая купина. Стихи <о> Революции” в составе 45 стих-ий, предполагаемой к изданию на правах рукописи Феодосийско-коктебельским Союзом поэтов (изд-во “Киммерика”)» (2, 126);

— 1927. 19 сентября. «Написана акварель “Залив”, подаренная затем А. Сидорову» (2, 360);

— 1927. 24 ноября. «Пишет акварель с видом Карадага и “Солнце в тумане”» (2, 367);

— 1928. 16 июня. «Пишет стих-е “Весь жемчужный окоем...”, посвященное МС <М. С. Сабашниковой. — М. С.>» (2, 388).

При наличии соответствующих материалов в Летописи сообщается об этапах работы над произведениями:

— 1904. В течение года. «Начинает стих-е “Дрожало море вечной дрожью...” и перевод из Верхарна “Рыболовы (Хлопья тумана садят-ся на окна...)”» (1, 129);

— 1906. 2 (15) марта. «Закончил стих-е “Ангел мщения” (и послал его в “Русь”); читал его Бальмонту и Гринвальд» (1, 155);

— 1920. 13 августа (31 июля). «Заканчивает работу над стих-ем “Северо-восток (Расплясались, разгулялись бесы...)”, пометив: “Во время болезни и бессонных ночей и северо-востока”» (2, 104);

— 1921. 14 мая. «Работал над стих-ем “Потомкам”» (2, 125);

— 1921. 21 мая. Заканчивает стих-е “Потомкам (Кто передаст потомкам нашу повесть?...)”» (2, 125);

— 1927. 13 сентября. «Работал над стих-м “Четверть века”» (2, 359);

— 1927. 24 октября. «Работает над стих-м “Четверть века”» (2, 364);

— 1927. 14 декабря «Работает над “Четвертью века”» (2, 370);

— 1928. 2 мая. «Работает над стих-ем “Россия (истоки)”» (2, 383).

В летописи фиксируются отправленные и полученные Волошиным письма, часто пересказывается их содержание, сообщается тема и (или) цитируются фрагменты.

В случае наличия соответствующих данных приводятся и сведения о принимаемых Волошиным медицинских процедурах, посещении врачей, поставленных диагнозах, диетах, весе, объеме талии и т. п.

В летописи и научной биографии раскрывается и широкий круг общения Волошина с современниками, в том числе приезжавшими в Коктебель. Сообщается и о творчестве живших у Волошина в Коктебеле писателей. Так, например, дается информация о том, что 1 августа 1927 года И. А. Новиков начинает в Коктебеле работу над повестью «Камни» [2, 354], 2 июля 1929 года М. А. Тарловский пишет стихотворение «Ираклийский полуостров», а на следующий день — стихотворение «Коктебель» [2, 431]. В летописи на основе записей в домовоей книге Волошиных фиксируется время прибытия в Коктебель и отъезда из него писателей, художников, артистов, журналистов. Частично эти сведения отражены и в «Странствии...» Таким образом, в летописи и научной биографии Волошина вводятся в научный оборот материалы, необходимые при изучении жизни и творчества многих деятелей культуры и искусства.

Как было отмечено выше, в этих биографических работах охарактеризованы многие разноплановые факты и события. В качестве

примера, показывающего, насколько широко они представлены в названных книгах, рассмотрим тот отрезок 1909 года, когда Волошин находился в Коктебеле. Поэт переехал из Санкт-Петербурга в Феодосию и Коктебель во второй декаде апреля, а 1 сентября выехал обратно.

В «Странствии...» этому периоду посвящен второй раздел шестой главы. «Летом 1909 года, — пишет В. П. Купченко, — в Коктебеле состоится настоящий “сбор поэтов”. 21 мая приезжает А. Н. Толстой с женой, тридцатого — Дмитриева и Гумилев. К тому времени Волошин написал уже несколько стихотворений <...>. Гости быстро перенимают этот творческий настрой — и для каждого из них коктебельское лето оказывается временем высоких свершений»²⁰⁵. «Показателен для коктебельской обстановки — творческой и непринужденной, — отмечает исследователь, — и тот конкурс поэтов, о котором рассказывает Дымшиц-Толстая: “Однажды поэты устроили творческое соревнование. Они заставили меня облачиться в синее платье, надеть на голову серебристую повязку и позировать им, полулежа на фоне моря и голубых гор”. Стихотворения Волошина, Гумилева и Толстого, посвященные С. И. Толстой, были вскоре опубликованы; еще один “портрет” принадлежит Дмитриевой»²⁰⁶. В «Странствии...» рассказывается и о том, как был создан псевдоним Е. И. Дмитриевой — Черубина де Габриак, а также об отношениях поэтессы с Н. С. Гумилевым и Володиным, о посвященном ей Максимилианом Александровичем венке сонетов.

В летописи число охарактеризованных событий значительно больше, чем в научной биографии. Так, в ней отмечены следующие факты, как непосредственно связанные с жизнью и творчеством Волошина, так и характеризующие его литературное и личное окружение:

— Волошин во второй половине апреля в Коктебеле работает «над статьями и переводами для ж<урнала> “Аполлон”. Пишет стих-я “К этим гулким морским берегам...” (от лица женщины), “В молочных сумерках за сизой пеленою...” (о Версале), “Дубы нерослые подьют облак крон...”, заканчивает “Парижа я люблю осенний строгий плен...” Работает над стих-ми “Я верен Божьему завету...”, “Венеция” и над “гимном Аполлону»» (1, 220–221);

- осуществление Володиным других творческих замыслов;
- его поездки, знакомства, встречи, выступления с чтением стихов;
- многочисленные письма и открытки, написанные Володиным и полученные им;
- поездки Волошина в Феодосию;

- развитие отношений Волошина с Дмитриевой, обсуждение создаваемого образа мифической поэтессы Черубины де Габриак — юной красавицы-испанки из богатого аристократического рода;
- дневниковые записи Волошина;
- фотоснимки, сделанные Волошиным;
- выход из печати изданий с публикациями стихотворений и статей поэта;
- информация о предполагаемом издании его книг;
- упоминания имени Волошина и отклики на его произведения в периодике и переписке современников;
- дарственные надписи на книгах, сделанные в Коктебеле;
- прошедшие в Санкт-Петербурге собрания, посвященные журналу «Аполлон», в котором Волошин будет заведовать литературно-критическим отделом, анонсы журнала «Аполлон» в печати;
- переписка людей, собирающихся отправиться в Коктебель;
- приезд к Волошину в Коктебель гостей, их общение с поэтом, создание ими произведений, их отъезд из Коктебеля;
- упоминания в переписке родных и близких Волошина, их поездки.

Анализ книг и других работ В. П. Купченко, посвященных биографии Волошина, показывает, что собранный исследователем материал систематизировался и отбирался им в зависимости от жанра литературоведческого труда. Если в летописи жизни и творчества — «Труды и дни Максимилиана Волошина» — в хронологической последовательности представлен весь выявленный исследователем материал, характеризующий личную и творческую жизнь писателя, его восприятие современниками и раскрывающий контекст эпохи, то в научной биографии события отбираются и выстраиваются внутри того или иного периода в тематические группы. Это дает возможность последовательно раскрыть в научной биографии различные сюжеты: путешествие Волошина, его работу над реализацией того или иного творческого замысла, перипетии отношений с тем или иным человеком, дать емкую и краткую характеристику политической ситуации и т. д. Подобного не может быть в летописи, где необходимость соблюдения хронологической последовательности приводит к тому, что тематически разнородные события соединены под одной датой или идут последовательно под соседними датами, а одна тема или даже один сюжет (например, создание произведения, поездка и т. п.) разделены другими записями. В. П. Купченко как автор научной биографии выстроил ее в соответствии с общим замыслом, уделив большее внимание самым важным и значительным, с его точки зрения, событиям. В летописи выстроить иерархию намного

сложнее, поскольку необходимо отмечать все события, так или иначе связанные с общей темой исследования, — жизнью и творчеством Волошина. В летописи отметить значимость наиболее важных, центральных событий практически невозможно: о важнейших фактах, к которым относятся этапы работы над произведениями, творческие контакты, выступления, в летописи порой сообщается очень кратко, а о некоторых менее значительных событиях — более пространно, с цитатами. Это обусловлено несколькими причинами. Во-первых, сведения о малозначительных событиях нередко вводятся в научный оборот впервые, поэтому возникает необходимость привести цитату. Во-вторых, в тех случаях, когда требуется пересказать письмо, сообщить о результатах встречи, необходим больший объем, чем для того, чтобы сообщить о создании, этапе работы или публикации произведения. Таким образом, объем летописной статьи не связан с ее значимостью в хронологическом ряду.

Подводя итоги, отметим, что в настоящее время научная биография — распространенный научный жанр, использующий в целом те же источники, что и другие научные биографические работы. Опыт подготовки научных биографий свидетельствует о том, что при работе над ними требуются дополнительные исследования, архивные поиски, а также систематизация и отбор материала. Необходимо определить основную идею научной биографии. Это даст возможность провести целенаправленный отбор фактов и событий, выстроить исследование, сбалансировать объем цитат, взятых из различных источников.

¹ С. А. Есенин. Материалы к биографии. М.: Историческое наследие, 1992; Куняев С. Ю., Куняев С. С. Сергей Есенин. М.: Молодая гвардия, 2005; Лекманов О., Свердлов М. Сергей Есенин. Биография. СПб.: Вита Нова, 2007 и др.

² Кумок Я. Биография и биограф // Вопросы литературы. 1973. № 10. С. 29.

³ Рейтблат А. И. Биографируемый и его биограф // Право на имя. Международные чтения памяти В. В. Иофе 18–19 апреля 2003. СПб., 2004. С. 55–56.

⁴ Бахтин М. Формы времени и хронотопа. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. Эпос и роман / Сост. С. Г. Бочаров. Вст. ст. В. В. Кожин. СПб.: Азбука, 2000. С. 64.

⁵ Плаксин В. Т. Учебный курс словесности, с присовокуплением предварительных понятий о человеке вообще, о его познавательных силах, о свойствах и связи мыслей; краткой теории изящных искусств и примеров во всех родах прозаических и поэтических сочинений. СПб., 1843. С. 153.

⁶ Аверинцев С. С. Добрый Плутарх рассказывает о героях, или Счастливый брак биографического жанра и моральной философии // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 2 т. Т. 1 / Под ред. С. С. Аверинцева. Изд. 2-е. М.: Наука, 1994. С. 638.

⁷ Сиповский В. В. История литературы как наука. СПб.; М.: Издание Товарищества М. О. Вольф, 1906. С. 6.

⁸ Аверинцев С. С. Добрый Плутарх рассказывает о героях. С. 641.

⁹ Аверинцев С. С. Эволюция философской мысли // Культура Византии. IV – первая половина VII в. М.: Наука, 1984. С. 70.

¹⁰ Цит. по: Лихачев Д. С. Человек в литературе древней Руси. М.: Наука, 1970. С. 10.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 84.

¹³ Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. С. 171.

¹⁴ Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Лотман Ю. М. О русской литературе: Статьи и исследования (1958–1993). История русской прозы. Теория литературы. СПб.: Искусство–СПб, 1997. С. 809.

¹⁵ Тумина Л. Е. Русская риторика XVII–XX веков: Учение о повествовании / Отв. ред. Т. А. Ладыженская. М.: УРСС, 2002. С. 27.

¹⁶ Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях // Новиков Н. И. Избр. соч. / Подг. текста, вст. ст. и коммент. Г. П. Макогоненко. М.; Л.: Гос. изд-во художественной литературы, 1951. С. 277.

¹⁷ Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте. С. 810.

¹⁸ Друг просвещения. 1805. Ч. 1. № 1. С. 35.

¹⁹ Мерзляков А. Краткая риторика, или Правила, относящиеся ко всем родам сочинений прозаических. Изд. 4-е. М., 1828. С. 74.

²⁰ Там же. С. 75.

²¹ Там же. С. 76.

²² Греч Н. И. Учебная книга русской словесности, или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе, с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики и истории русской литературы. Изд. 2-е. Ч. 2. СПб., 1830. С. 316.

²³ Там же.

²⁴ Кошанский Н. Ф. Частная риторика. Изд. 7-е. СПб., 1849. С. 61.

²⁵ Там же. С. 63.

²⁶ Плаксин В. Т. Учебный курс словесности, с присовокуплением предварительных понятий о человеке вообще, о его познавательных силах, о свойствах и связи мыслей; краткой теории изящных искусств и примеров во всех родах прозаических и поэтических сочинений. СПб., 1843. С. 153.

²⁷ Там же. С. 155.

²⁸ Там же. С. 156.

²⁹ Галич А. Теория красноречия для всех родов прозаических сочинений, извлеченная из немецкой библиотеки словесных наук. СПб., 1830.

³⁰ Георгиевский П. Е. Руководство к изучению русской словесности, содержащее общие понятия об изящных искусствах, теорию красноречия, пиитику и краткую историю литературы. СПб., 1836.

³¹ Давыдов И. И. Чтения о словесности. Курс 2. М., 1837.

³² Охотин А. Учебник русской словесности для средних учебных заведений (с примерами из лучших отечественных писателей). СПб., 1843.

³³ Зеленецкий К. П. Курс русской словесности для учащихся. Частная риторика. Одесса, 1849. С. 43.

³⁴ Там же.

³⁵ Плетнев П. А. Сочинения и переписка. Т. II. СПб., 1885. С. 264.

³⁶ Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте. С. 810–811.

³⁷ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Академия наук СССР. Ин-т мировой лит. Т. I. М.: Академия наук СССР, 1954. С. 62.

³⁸ Более определенно выскажется по этому поводу спустя 110 лет К. А. Федин: «Учит не только искусство. Учит его создатель. Что больше повлияло на литературу конца XVIII века — “Кандид” или Вольтер? “Эмиль” или Руссо? Автор освещал сочинение своей жизнью. Образы русских писателей XIX века нередко оспаривали первенство влияния у своих произведений. <...> Биографии Достоевского и Толстого формировали русскую

литературную мысль наряду с произведениями этих писателей» (Горький среди нас. Ч. 2. М.: Гослитиздат, 1944. С. 138.

³⁹ Вяземский П. Фонвизин. СПб., 1848.

⁴⁰ «Биографический уклон имели многие предисловия к сочинениям того или иного писателя. Подобные предисловия предшествовали развившимся позднее историко-литературным монографиям, — писал А. Л. Гришунин. — Так, известная книга Вяземского о Фонвизине непосредственно вылилась из его предисловия к сочинениям драматурга, издававшимся П. П. Бекетовым...» (Гришунин А. Л. Историко-литературные и текстологические работы 30–40-х годов <XIX века> // Возникновение русской науки о литературе. М.: Наука, 1975. С. 336).

⁴¹ Вяземский П. О Сумарокове // Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1879. Т. II. С. 167.

⁴² Вяземский П. Н. М. Карамзин // Там же. С. 301–302.

⁴³ Лакшин В. Я. А. Н. Островский. Проблемы научной биографии. Автореферат дис. ... докт. филол. наук. М.: Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 1981. С. 1.

⁴⁴ Касаткина В. Н. И. С. Аксаков — биограф Ф. И. Тютчева // Иван Сергеевич Аксаков и его биография Федора Ивановича Тютчева. Комментарий. М.: Книга и бизнес, 1997. С. 37.

⁴⁵ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1892. Т. 3. С. 65.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 65–66.

⁴⁸ Аксаков И. С. Биография Федора Ивановича Тютчева. М.: Типография М. Г. Волчаннинова, 1886. Репринтное воспроизведение: М.: Книга и бизнес, 1997. С. 3.

⁴⁹ Михайлова Ю. А. Научно-методические подходы к изучению писательских биографий на уроках литературы в основной школе. Дис. ... канд. пед. наук. М.: Российская академия образования. Ин-т общего среднего образования, 2003. С. 30.

⁵⁰ Демченко А. А. Научно-биографическое изучение русских писателей-классиков. Н. Г. Чернышевский. Дис. ... докт. филол. наук. Л., 1981. С. 49.

⁵¹ Работы подобного рода издавались и в дальнейшем. См., например: Материалы для биографии М. Бакунина / Под ред. В. Полонского. Т. I–III. М.: Государственное изд-во, 1923–1928; Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова. Сб. первый. Исследования и материалы / Под ред. Н. Л. Бродского, В. Я. Кирпотина, Е. Н. Михайловой, А. Н. Толстого. М.: Гослитиздат, 1941; *Вырыпаев П. А.* Лермонтов. Новые материалы к биографии / Научн. ред. и вст. ст. В. А. Мануйлов. Воронеж: Центрально-Черноземное кн. изд-во, 1972 и мн. др.

⁵² Винокур Г. О. Ранние биографии Пушкина // Винокур Г. О. Собр. трудов. Статьи о Пушкине / Сост. С. В. Киселева, подг. текста и коммент. Н. Г. Шелогуровой, сопровождающая ст. Р. М. Цейлина. М.: Лабиринт; Брандес, 1999. С. 40.

⁵³ В названных и других биографических изданиях появлялись не только биографии писателей, но и других известных людей. В этом контексте следует обратить внимание на авторитетное мнение Ю. М. Лотмана, отметившего: «Существенно обратить внимание на одно обстоятельство, характерное именно для русской культуры: право писателя на биографию и, соответственно, читательский интерес к жизни создателя текста именно как к его биографии возникают значительно раньше, чем те же категории в отношении к художникам, композиторам или артистам» (Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте. С. 812).

⁵⁴ Афанасьев В. Выбор героя — поступок нравственный // Литературная газета. 1986. № 37. 10 сентября. С. 4.

⁵⁵ Евлахов А. М. Введение в философию художественного творчества. Опыт историко-литературной методологии. Т. III. Методы научные и нерациональные. Ростов-на-Дону. 1917. С. 532. Ср. также с более поздней оценкой работы Н. О. Лернера: «... книга эта конечно может быть названа отнюдь не «историей жизни и творчества Пушкина», какой она слышит в пушкиноведении, а, в лучшем случае, лишь летопись, являясь по огромному, хотя в значительной степени механическому труду, на нее затраченному, по количеству тщательно собранных фактических данных своего рода венцом «археологических» изысканий в области пушкинской биографии» (Благой Д. Д. Проблемы построения научной

биографии Пушкина // Литературное наследство. Т. 16–18. М.: Журнально-газетное объединение, 1934. С. 259).

⁵⁶ «Психологический же метод, исходя именно из того положения, что в художественном творчестве нужно видеть лишь отражение психологии художника, а не человека, т. е. отражение художественных, а не реальных переживаний, — по существу ничего общего с биографическим методом не имеет» (*Евлахов А. М.* Введение в философию художественного творчества. Опыт историко-литературной методологии. Т. III. С. 546).

⁵⁷ *Евлахов А. М.* Гергарт Гауптман. Путь его творческих исканий. Ростов-на-Дону: Типография Н. А. Пастуха, 1917. С. IV.

⁵⁸ Голос минувшего. 1916. № 7–8. С. 420.

⁵⁹ *Черняев А. С.* Воспитательная система, основанная на биографиях великих людей. СПб.: Типо-литография А. Э. Винеке, 1909. С. 5–6.

⁶⁰ Там же. С. 7.

⁶¹ *Стоюнин В. Я.* О преподавании русской литературы. СПб.: Изд. И. Д. Сытина, 1913. С. 21.

⁶² *Фишер В. М.* Опыт систематического прохождения литературы в средней школе // Библиотека воспитания и обучения / Под ред. А. Е. Флерова. № 8. М.: Изд. журн. «Педагогическое обозрение», 1914. С. 10.

⁶³ *Померанцева Г. Е.* Биография в потоке времени. ЖЗЛ: замыслы и воплощения серии. М.: Книга, 1987. С. 6. См. также: *Garraty J. A.* The Nature of Biography. N. Y., 1957; *Mauoris A.* Aspects of Biography. Camb., 1929.

⁶⁴ *Померанцева Г., Семанов С.* Предисловие // ЖЗЛ. Каталог. 1933–1973. Изд. 2-е, испр. и дополн. М.: Молодая гвардия, 1976. С. 8.

⁶⁵ Литературная газета. 1932. 5 июля.

⁶⁶ См.: *Перетц В. Н.* Вспомогательные науки // Перетц В. Н. Из лекций по методологии истории русской литературы. История изучений. Методы. Источники. Киев: Типография 2-й Артели, 1914. С. 221–233.

⁶⁷ Там же. С. 223.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. С. 345.

⁷⁰ Там же. С. 134.

⁷¹ *Цейтлин Ал.* Проблемы современного литературоведения // Родной язык в школе. Научно-педагогический сб. Сб. 8. М.: Государственное изд-во, 1925. С. 4.

⁷² *Платонов С. Ф.* Царь Алексей Михайлович. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1912. С. 15.

⁷³ *Платонов С. Ф.* Борис Годунов. Пг.: К-во «Огни», 1921.

⁷⁴ *Рыбников Н.* Биографии и их изучение. М.: Государственное изд-во, Биографический институт, 1920. С. 3.

⁷⁵ *Мошкова Г. Ю.* Биографический метод и проблема психологии личности ученого // Вопросы психологии. 1994. № 2. Март – апрель. С. 133.

⁷⁶ *Рыбников Н.* Изучение биографии (Темы семинария, указатель литературы). Биографический ин-т. Вып. XIX. М.: Типография рабочего кооператива «Печатный техник», 1922. С. 3.

⁷⁷ Там же. С. 3–14.

⁷⁸ *Померанцева Г. Е.* Биография в потоке времени. ЖЗЛ: замыслы и воплощения серии. М.: Книга, 1987. С. 319.

⁷⁹ *Скафтымов А. П.* К вопросу о соотношении теоретического и исторического знания в истории литературы // Ученые записки Государственного Саратовского ун-та им. Н. Г. Чернышевского. Т. I. Вып. 3. Словесно-историческое отделение педагогического факультета. Саратов, 1923. С. 63, 64.

⁸⁰ Книга и революция. Ежемесячный критико-библиографический журн. 1923. № 4 (28). С. 6–9.

⁸¹ Вопрос о соотношении между «произведением» и «жизнью» остается актуальным на протяжении длительного периода. Так, в 1975 году Б. И. Бурсов отметит: «Я считаю неверным утверждение, что нет ничего в произведении, чего не было бы в самом писателе».

Есть масса примеров, когда писатель перерастает свое произведение. И, наоборот, бывает, что в произведении нет равного тому, что есть в авторе. <...> художник никогда не исчерпывает себя любым, даже гениальным, из своих творений» (Диалог Б. Бурсов — Н. Эйдельман: Душевные импульсы // Литературная газета. 1975. 3 декабря. № 49. С. 5). Ему в той же беседе возразит Н. Я. Эйдельман: «... я думаю, что нет ни одного произведения, по которому нельзя было бы “вычислить” личность автора. <...> чтобы “вычитать” из книги нечто для создания биографии, надо обладать субъективным художественным даром» (Там же). И. Л. Андроников подчеркнет: «... судьбы Радищева, Рылеева, Бестужева-Марлинского, Александра Одоевского, Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Шевченко, Полежаева, Чаадаева, Герцена, Огарева, Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Достоевского, Некрасова, Льва Толстого, Блока, Горького, Есенина, Маяковского — это биографии трагические и героические, биографии-судьбы, сливающиеся с биографиями великих стихов и великой прозы. <...> Я думаю, что лучшая биография поэта — это его стихи, в которых он является перед нами таким, каким был и каким х о т е л быть» (Андроников И. Ступени человеческого опыта // Вопросы литературы. 1973. № 10. С. 56. Выделено автором статьи). Нам же представляется оптимальной точка зрения, высказанная Д. Д. Благой при анализе стихотворения А. С. Пушкина «Поэт» («Пока не требует поэта. . .»): «В основе этого стихотворения — биографический факт. <...> Но этот конкретный биографический факт, явившийся толчком к написанию “Поэта”, как это почти всегда бывает у Пушкина, поднят им на высоту больших и широких художественных обобщений» (Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина. (1826–1830). М.: Советский писатель, 1967. С. 207).

⁸² Книга и революция. 1923. № 4. С. 6.

⁸³ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 11–13.

⁸⁴ Книга и революция. 1923. № 4. С. 6–7. Интересна в этом контексте работа Ю. М. Лотмана «Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора)» (1986), в которой автор отмечает: «... биография автора становится осознанным культурным фактом именно в те эпохи, когда понятие творчества отождествляется с лирикой. В этот период квазibiографическая легенда переносится на полюс повествователя и так же активно заявляет свои претензии на то, чтобы подменить реальную биографию. Этот закон дополнительности между сюжетностью повествования и способностью реальной биографии создателя текста к мифологизации может быть проиллюстрирован многочисленными примерами от Петрарки до Байрона и Жуковского» (Лотман Ю. М. О русской литературе: Ст. и исследования. (1958–1993): История русской прозы. Теория литературы / Вступ. ст. И. А. Чернов. СПб.: Искусство-СПб, 1997. С. 807).

⁸⁵ Куняев С. Ю., Куняев С. С. Сергей Есенин. Изд. 2-е, испр. и значительно доп. М.: Молодая гвардия, 1997. С. 5–6.

⁸⁶ Там же. С. 18.

⁸⁷ См., например: Шубникова-Гусева Н. И.: «Я хожу в цилиндре не для женщин...». Ряжские как образ в творчестве Есенина // Литературная учеба. 1998. Кн. 4–5–6. Июль – декабрь. С. 124–151; Ее же. Есенин как писатель притчеписец // Новое о Есенине: Исследования, открытия, находки. Материалы научн. конф., посв. 106-летию со дня рождения С. А. Есенина. Рязань — Константиново: Пресса, 2002. С. 76–97.

⁸⁸ Книга и революция. 1923. № 4. С. 8.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Именно «для писателя с биографией, — писал Б. В. Томашевский, — учет фактов его жизни необходим, поскольку в его произведениях конструктивную роль играло сопоставление текстов с биографией автора и игра на потенциальной реальности его субъективных излияний и признаний. Но эта нужная историку литературы биография — не послужной список и не следственное дело, а та творимая автором легенда его жизни, которая единственно и является литературным фактом. Что же касается “документальных” биографий, то все они отходя в область истории культуры, наравне с биографиями генералов и изо-

бретателей, и для литературы и ее истории могут явиться лишь внешним, хотя бы и необходимым, справочным, подсобным материалом» (Книга и революция. 1923. № 4. С. 9).

⁹¹ Книга и революция. 1923. № 4. С. 9.

⁹² Там же.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Коган П. С. Литература этих лет. 1917–1923. Иваново-Вознесенск: Книгоиздательское товарищество «Основа», 1924. С. 9. Комментируя эти слова, П. Н. Сакулин заметил противоречия этого высказывания П. С. Когана и его практической деятельности как критика и литературоведа: «Действительно ли личность автора есть всецело продукт своей социальной среды? Действительно ли ей принадлежит лишь второстепенное значение, и для нас безразлично, кто написал произведение? <...> Были же у П. С. Когана какие-нибудь основания для того, чтобы в книжке “Литература этих дней” останавливаться на отдельных личностях (см., напр., главы о Блоке, об Есенине)?» (Сакулин П. Н. Социологический метод в литературоведении. М.: Кооперативное изд-во «Мир», 1925. С. 130).

⁹⁵ Брик О. М. Т. н. «формальный метод» // ЛЕФ. Журнал левого искусства. 1923. № 1. С. 213. Выделено автором статьи.

⁹⁶ Третьяков С. Откуда и куда? (Перспективы футуризма) // ЛЕФ. Журнал левого искусства. 1923. № 1. С. 201.

⁹⁷ Переверзев В. Ф. У истоков русского реализма / Сост.: В. Ф. Переверзев, В. В. Переверзев. Вст. ст. — П. А. Николаев. М.: Современник, 1989. С. 664.

⁹⁸ Переверзев В. Ф. Проблемы марксистского литературоведения // Литература и марксизм. 1929. Кн. 2. С. 21.

⁹⁹ Рыбникова М. А. Построение курса литературы // Рыбникова М. А. Работа словесника в школе. М.; Пб.: Государственное изд-во. 1922. С. 9.

¹⁰⁰ Рыбникова М. А. Методика преподавания литературы. М., 1930. С. 27–28.

¹⁰¹ Там же. С. 28.

¹⁰² Там же. С. 29.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Цит. по: Звезда. 1926. № 3. С. 181.

¹⁰⁵ Голубков В. В. Изучение литературы в школе второй ступени. М.; Л.: Государственное изд-во, 1930. С. 11.

¹⁰⁶ Вознесенский А. Проблема «описания» и «объяснения» в науке о литературе // Родной язык в школе. Научно-педагогический сб. М.: Работник просвещения, 1926. Кн. 11–12. С. 40.

¹⁰⁷ Цейтлин Ал. Проблемы современного литературоведения. С. 5.

¹⁰⁸ Искусство. Журн. Российской академии художественных наук. 1923. № 1. С. 97.

¹⁰⁹ В работе, посвященной А. Н. Островскому, Н. К. Пиксанов говорил о необходимости создания «большой фактической биографии», которая могла бы претендовать на «научную самостоятельность» (Пиксанов Н. Итоги и задачи изучения Островского // Александр Николаевич Островский. 1823–1923. Сб. статей к столетию со дня рождения. Иваново-Вознесенск: Книгоиздательское тов-во «Основа», 1923. С. 146).

¹¹⁰ Пиксанов Н. К. Два века русской литературы. Пособие для высшей школы, преподавателей словесности и самообразования. Изд. 2-е, перераб. М.: Государственное изд-во, <1924>. С. 11–12. В конце книги (с. 257–258) приводится библиография по теме «Приемы и границы биографического анализа в литературных исследованиях».

¹¹¹ Сакулин П. Н. Социологический метод в литературоведении. С. 132–133, 138. Выделено автором.

¹¹² Там же. С. 223.

¹¹³ Ср. с высказыванием М. М. Бахтина: «Нет художественно-биографического задания и у чисто научной формы биографии культурного деятеля — это чисто научно-историческое задание...» (Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 132).

¹¹⁴ Винокур Г. Биография и культура. Русское сценическое произношение. М.: Русские словари, 1997. С. 11.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Винокур Г. Биография и культура. Русское сценическое произношение. С. 11.

¹¹⁷ Винокур Г. Биография и культура. Труды Государственной академии художественных наук. Философское отделение. Вып. II. М., 1927. С. 19.

¹¹⁸ Там же. С. 57.

¹¹⁹ Там же. С. 20. Здесь и далее в цитируемом источнике выделено Г. О. Винокуром.

¹²⁰ Там же. С. 21.

¹²¹ Так, при подготовке «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина» (М.: ИМЛИ РАН, 2003-) широко используются такие издания: Катанян В. Маяковский: Хроника жизни и деятельности. Изд. 5-е, доп. М.: Советский писатель. 1985; Крусанов А. В. Русский авангард. 1907–1932 (Исторический обзор): В 3 т. М.: Новое литературное обозрение, 2003. Т. 2. Футуристическая революция (1917–1921). Кн. 1 и 2; Летопись жизни и творчества А. М. Горького: В 4 вып. / АН СССР. Ин-т мировой лит. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Вып. 3: 1917–1929; Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1 / Отв. ред. А. Ю. Галушкин. Ч. 1. Москва и Петроград. 1917–1920 гг. М.: ИМЛИ РАН, 2005; Ч. 2. Москва и Петроград. 1921–1922 гг. М.: ИМЛИ РАН, 2005; Попов В., Фрезинский Б. Илья Эренбург. Хроника жизни и творчества. СПб.: Лина. 1993. Т. 1. 1891–1923. Это необходимо для установления фактов возможных совместных выступлений и поездок писателей, их встреч и т. п. Порой вновь обнаруженные и вводимые в научный оборот сведения позволяют внести коррективы и уточнения в уже вышедшие из печати издания, посвященные жизни и деятельности того или иного писателя или деятеля культуры.

¹²² Винокур Г. Биография и культура. С. 27–28.

¹²³ Там же. С. 58.

¹²⁴ Там же. С. 37, 39.

¹²⁵ Интересны в этом контексте размышления И. П. Золотусского: «Когда-то В. Гиппиус составил любопытную “синхроническую канву” мировых событий, соответствующих годам жизни Гоголя. Это был необходимый ф о н , без которого невозможно представить себе не только биографию Гоголя, но и его сознание. Все — от дат великих переворотов, географических открытий и рождений других гениев — вошло в эту “канву”. Выстраивался своего рода мировой контекст (конечно, не расшифрованный), в который вписывалась судьба автора “Мертвых душ”. Но это был свет лишь с о д н о й стороны. Ибо тут же обнаруживалась другая. Обнаруживался контекст литературный, в свою очередь дробящийся на литературное окружение эпохи и на собственно литературную судьбу писателя, на то состояние литературной мысли, которое существовало как внутри страны, так и в мире. И возникал контекст истории Украины и истории рода Гоголей, истории знакомства его родителей и самого времени (и обстоятельств) рождения их сына» (Золотусский И. Концепция или судьба? // Литературная газета. 1975. № 35. 27 августа. С. 4. Выделено автором статьи).

¹²⁶ Винокур Г. Биография и культура. С. 43.

¹²⁷ Там же. С. 53.

¹²⁸ Там же. С. 56.

¹²⁹ Там же. Выделено автором цитируемой работы. Ср. с точкой зрения современного исследователя: «Обычно на первом плане при выборе объекта биографирования — социальная ценность персонажа, его вклад в жизнь общества (разумеется, в рамках господствующих представлений). <...> Соответственно, писались биографии правителей, военачальников, духовных лиц, позднее — людей искусства, предпринимателей, спортсменов и т. д. Простой же человек (рабочий, крестьянин, домохозяйка и т. п.) считается недостойным биографирования, и биографии подобных людей обычно не пишутся. И сухой и грубый военачальник станет героем биографии, а душевная, добрая и высоко ценимая семейная женщина — нет» (Рейтблат А. И. Биографируемый и его биограф // Право на имя. Международные чтения памяти В. В. Иофе. 18–19 апреля 2003. СПб., 2004. С. 57).

¹³⁰ Винокур Г. О. Ранние биографии Пушкина // Винокур Г. О. Собр. трудов. Статьи о Пушкине. С. 34–35.

¹³¹ Звезда. 1926. № 3. С. 181.

¹³² Там же. С. 182. Выделено автором статьи.

¹³³ Там же. С. 187.

¹³⁴ Цейтлин А. Методы домарксистского литературоведения // Литературная энциклопедия. Т. 7. М.: ОГИЗ РСФСР, Гос. словарно-энциклопедическое изд-во «Советская энциклопедия», 1934.

¹³⁵ Литературная энциклопедия. Т. 6. М.: ОГИЗ РСФСР, Государственное словарно-энциклопедическое изд-во «Советская энциклопедия», 1932. Стб. 302.

¹³⁶ Р. К. Мемуарная литература. 1. Объем и состав понятия // Литературная энциклопедия. Т. 7. Стб. 133. Выделено автором статьи.

¹³⁷ Благой Д. Д. Проблемы построения научной биографии Пушкина. С. 267. Выделено автором цитируемой работы.

¹³⁸ К сожалению, научных биографий писателей создано немного, о чем неоднократно с сожалением писали историки литературы. Б. Л. Модзалевский в статье, опубликованной в 1929 году, сокрушался, что «тогда как работы о Пушкине исчисляются не сотнями, а тысячами, — мы до сих пор не имеем ни одной монографически полной, научно написанной биографии поэта» («Пушкин», 1929. С. 277). Спустя 5 лет, в 1934 году, Д. Д. Благой писал: «... в то время как монографии о великих писателях Запада исчисляются десятками, наша литературная наука за огромный, столетний период, отделяющий нас от смерти Пушкина, не смогла создать цельной, синтетической и вместе с тем научно значимой книги о жизни и творчестве величайшего представителя нашей литературы» (Благой Д. Проблемы построения научной биографии Пушкина. С. 247).

¹³⁹ Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М.: Наука, 1974. С. 5.

¹⁴⁰ Вспоминая об этой книге М. В. Нечкиной, А. В. Санцевич в 1993 году отметил: «Наибольшим достижением представляется вплетение биографии историка в описание его творчества, ибо это соответствует принципу историзма. Образцом такого труда, на наш взгляд, может служить известная монография М. В. Нечкиной о В. О. Ключевском» (Санцевич А. В. Место биографии историка в историографических исследованиях // Биография как вид исторического исследования. Сб. научн. трудов. Тверь: Тверской государственный ун-т, 1993. С. 33).

¹⁴¹ Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. С. 53.

¹⁴² Макашин С. Салтыков-Щедрин. Середина пути. 1860–1870-е годы. Биография. М.: Художественная литература, 1984. С. 5. Сходное мнение высказывал и В. И. Порудоминский: «Творчество составляет главное содержание биографии художника. Каждое создание есть факт биографический» (Порудоминский В. Прошлое без грима // Литературная газета. 1975. 29 октября. № 44. С. 5).

¹⁴³ Мануйлов В. А. Жизнь и творчество Лермонтова. Ч. 1. Детские, отроческие и юношеские годы Лермонтова. [Л.], 1945.

¹⁴⁴ Нечаева В. С. В. Г. Белинский. Начало жизненного пути и литературной деятельности. 1811–1830. [М.]: Изд-во Академии наук СССР, 1949.

¹⁴⁵ Бельчиков Н. Ф. Пути и навыки литературоведческого труда. Академия наук СССР. М.: Наука, 1965. С. 278.

¹⁴⁶ Бочаров Г. К. Живое слово преподавателя литературы в V–VII классах. Методическое пособие для учителя. М.; Л.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1947. С. 15.

¹⁴⁷ Там же. С. 31.

¹⁴⁸ Качурин М. Г., Шнеерсон М. А. Изучение личности писателя в работе над художественным текстом (лирика Некрасова) // Искусство анализа художественного произведения. М.: Просвещение, 1971. С. 140.

¹⁴⁹ Михайлова Ю. А. Научно-методические подходы к изучению писательских биографий на уроках литературы в основной школе. Дис. ... канд. пед. наук. М.: Российская академия образования. Институт общего среднего образования, 2003. С. 36.

¹⁵⁰ Макашин С. Салтыков-Щедрин. Середина пути. 1860–1870-е годы. Биография. С. 4.

- ¹⁵¹ Жирмунский В. М. Введение в литературоведение. Курс лекций / Под ред. З. И. Плавской, В. В. Жирмунского. Изд. 2-е. М.: Едитореал УРСС, 2004. С. 108.
- ¹⁵² Там же. С. 133.
- ¹⁵³ Андроников И. Ступени человеческого опыта // Вопросы литературы. 1973. № 10. С. 57. Выделено автором статьи
- ¹⁵⁴ Сходного мнения придерживаются и историки. Так, В. Б. Александров отмечал: «В историческом портрете встречаются две личности — личность изображаемого лица и личность исследователя. И в этой встрече оба ее участника должны быть достойны друг друга» (Александров В. Б. Исторический портрет и его функции в историческом познании // Биография как вид исторического исследования. Сб. научн. трудов. Тверь, 1993. С. 6).
- ¹⁵⁵ Муза Елена. Не занимательности ради // Литературная газета. 1975. 10 сентября. № 37. С. 4.
- ¹⁵⁶ Демченко А. А. Н. Г. Чернышевский. Научная биография. Ч. 1 / Под ред. Е. И. Покусаева. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1978. С. 8.
- ¹⁵⁷ Демченко А. А. Научная биография писателя. Проблемы изучения: Учебное пособие по спец. курсу для студентов филол. факультета. Саратов: Изд-во Саратовского педагогического ин-та, 1994. С. 68.
- ¹⁵⁸ Лакшин В. Я. А. Н. Островский. Проблемы научной биографии. Автореферат. С. 10.
- ¹⁵⁹ Там же. С. 4–5. Выделено автором диссертационного исследования.
- ¹⁶⁰ Их обзор см.: Скороходов М. В. Научная биография писателя: источники и проблемы подготовки // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения / Отв. ред. Н. В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 614–615.
- ¹⁶¹ Лотман Ю. М. Биография — живое лицо // Новый мир. 1985. № 2. С. 228.
- ¹⁶² Там же. С. 229.
- ¹⁶³ Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте. С. 804–805.
- ¹⁶⁴ Там же. С. 806.
- ¹⁶⁵ Литературная учеба. 2003. Книга пятая. Сентябрь – октябрь. С. 107. См. также другие работы этого исследователя: Местергази Е. Г. Теоретические аспекты изучения биографии писателя: Творческая судьба В. С. Печерина. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: ИМЛИ РАН, 1998. 17 с.; Ее же. Художественная словесность и реальность: документальное начало в отечественной литературе XX в. Дис. ... докт. филол. наук. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 246 с.; Ее же. В. С. Печерин как персонаж русской культуры. М.: Совпадение, 2013. 300 с.
- ¹⁶⁶ Манн Ю. Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. М.: Аспект-Пресс, 2004. С. 6. См. также: Воронаев В. А. Гоголь в последнее десятилетие его жизни: Новые аспекты биографии и творчества. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М.: Московский государственный ун-т им. М. В. Ломоносова, 1997.
- ¹⁶⁷ Лица: Биографический альманах. <Вып.> 6. М., СПб.: Феникс; Atheneum. 1995. С. 46. Выделено автором статьи. См. также: Некрасова Н. В. Биографика // Теория и методология исторической науки: терминологический словарь. Российская академия наук, Ин-т всеобщей истории; Отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 31–33.
- ¹⁶⁸ Чтения памяти Вениамина Иофе. Право на имя: биографии XX века. Биографический метод в социальных и исторических науках. СПб., 2004. С. 4.
- ¹⁶⁹ Рейтблат А. И. Биографируемый и его биограф (К постановке проблемы) // Чтения памяти Вениамина Иофе. Право на имя: биографии 20 века. Биографический метод в социальных и исторических науках. СПб., 2004. С. 53–62 (перепечатано в: Право на имя: Биографика 20 века. Чтения памяти Вениамина Иофе: Избранное. 2003–2012. СПб., 2013. С. 413–422); Его же. Нравственные мотивации биографа // Вторые чтения памяти В. В. Иофе. Право на имя. Биография как парадигма исторического процесса. СПб., 2005. С. 3–8; Его же. Некролог как биографический жанр // Право на имя: Биография вне шаблона. СПб., 2006. С. 3–10 (перепечатано в: Право на имя: Биографика XX века. Чтения памяти Вениамина Иофе: Избранное. 2003–2012. С. 624–632); Его же. Что не попадает в биографию? // Пятые чтения памяти Вениамина Иофе. Право на имя. Биографика 20 века. Эпоха и личность: ракурсы исторического понимания. СПб., 2008. С. 3–11; Его же. Этапы и источники

построения биографического нарратива // Восьмые чтения памяти Вениамина Иофе. Право на имя: Биографика 20 века. СПб., 2011. С. 3–14.

¹⁷⁰ См. след. статьи: *Скорыходов М.* Научная биография как исследовательский жанр // Шестые чтения памяти Вениамина Иофе. Право на имя: Биографика 20 века. СПб., 2009. С. 139–147; *Его же.* Выявление источников и определение степени их достоверности как этап биографического исследования // Седьмые чтения памяти Вениамина Иофе. Право на имя: Биографика 20 века. СПб., 2010. С. 161–166; *Его же.* Статьи о «второстепенных персонажах» персональных энциклопедий: отбор и структурирование материала // Восьмые чтения памяти Вениамина Иофе. Право на имя: Биографика 20 века. СПб., 2011. С. 25–32; *Его же.* Литературная критика как источник биографических сведений // Девятые чтения памяти Вениамина Иофе. Право на имя: Биографика 20 века. СПб., 2012. С. 74–80; *Его же.* Отклики на смерть как материалы к биографии // Десятые чтения памяти Вениамина Иофе. Право на имя: Биографика 20 века. СПб., 2013. С. 131–139.

¹⁷¹ См., например: *Корниенко Н. В.* Творческая биография и текстология А. П. Платонова (в художественной лаборатории писателя) : Дис. ... докт. филол. наук. М.: ИМЛИ РАН, 1992; *Воропаев В. А.* Гоголь в последнее десятилетие его жизни: Новые аспекты биографии и творчества. Автореферат; *Малкина М. А.* М. Ермолова. Опыт документальной проверки биографии и легенды. Дис. ... канд. искусствоведения. М.: Министерство культуры России. Российская академия театрального искусства (ГИТИС), 1997; *Волчина В. Н.* Научная биография А. И. Некрасова. Дис. ... канд. физ.-мат. наук. М.: Московский государственный ун-т им. М. В. Ломоносова, 2000; *Трусова И. С.* Арсений Несмелов: Поэтическая биография. Дис. ... канд. филол. наук. Владивосток: Дальневосточный государственный ун-т, 2000; *Ганцева Д. В.* Андрей Соболев: Творческая биография. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург: Уральский государственный ун-т им. А. М. Горького, 2001; *Ходаковский Е. В.* Александр Козенс: творческая биография, художественное и теоретическое наследие. Дис. ... канд. искусствоведения. СПб.: Санкт-Петербургский государственный ун-т, 2004; *Дубровин А. А.* Творческая личность и духовное наследие Н. А. Львова. Дис. ... докт. искусствоведения. СПб.: Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия, 2004; *Герцман Е. Е.* Порфирий Успенский: творческая биография и научное наследие. Дис. ... канд. ист. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный ун-т, 2004; *Накано Ю.* Творческая биография Андрея Синявского сквозь призму литературного ампула Абрама Терца. Дис. ... канд. филол. наук. М.: Московский государственный ун-т им. М. В. Ломоносова, 2007; *Миронов А. В.* Владимир Нарбут: творческая биография. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург: Уральский государственный ун-т им. А. М. Горького, 2007; *Фокин А. А. И. Д.* Сургучев: творческая биография писателя в свете художественной антропологии. Дис. ... докт. филол. наук. Ставрополь: Ставропольский государственный ун-т, 2008; *Откидач Н. А. А. Т.* Губин: творческая биография писателя и ее художественное воплощение. Дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь [Место защиты: Кубанский государственный ун-т], 2011 и др.

¹⁷² См., например: *Егоров А. А.* Питт Младший: Политическая биография. Дис. ... докт. ист. наук. Ставрополь: Ставропольский государственный ун-т, 2001; *Кианская О. И.* Научная биография П. И. Пестеля. Дис. ... докт. ист. наук. Саратов: Саратовский государственный ун-т им. Н. Г. Чернышевского, 2002; *Кулаковская Р. Л.* Научная биография А. Е. Кулаковского: личность поэта и его время. Дис. ... канд. филол. наук. Якутск: Якутский государственный ун-т им. М. К. Амосова, 2003; *Барыкина И. Е.* Граф Д. А. Толстой и его труды. Дис. ... канд. ист. наук. СПб.: Санкт-Петербургский ин-т истории, 2006; *Варфоломеев Ю. В.* Николай Константинович Муравьев: научная биография. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Саратов: Саратовский государственный ун-т им. Н. Г. Чернышевского, 2007; *Березкина С. В.* Проблемы историко-культурного контекста в научной биографии А. С. Пушкина. Дис. ... докт. филол. наук. СПб. [Место защиты: Томский государственный ун-т], 2010; *Коваева А. А.* Зинаида Райх — актриса Всеволода Эмильевича Мейерхольда: к проблеме создания научно-документированной актерской биографии. Дис. ... канд. искусствоведения. М.: Российский ун-т театрального искусства (ГИТИС), 2013 и др.

¹⁷³ Холиков А. А. Биография писателя как теоретико-литературная проблема: на материале жизни и творчества Д. С. Мережковского с 1865 по 1919 год. Дис. ... канд. филол. наук. М.: Московский государственный ун-т им. М. В. Ломоносова, 2009; *Его же*. Биография писателя как жанр. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009; *Медведева Е. А.* Жанр научной биографии в русском литературоведении конца XIX – начала XXI вв.: на материале работ, посвященных Н. С. Тихонравову. Дис. ... канд. филол. наук. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный ун-т, 2011.

¹⁷⁴ См., например: *Меркулов С. А.* Научная биография профессора Томского университета Василия Васильевича Сапожникова: 1861–1924 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Томск: Томский государственный ун-т, 2010; *Крапошина Н. В.* Академик Н. К. Никольский (1863–1936): этапы научной биографии. Дис. ... канд. ист. наук. СПб.: Санкт-Петербургский ин-т истории РАН, 2010; *Бен Е. Н.* Научная биография исследователя Сибири Вячеслава Петровича Косованова. Дис. ... канд. ист. наук. Красноярск [Место защиты: Национальный исследовательский Томский государственный ун-т], 2011; *Чегодаев А. Б.* Научная биография сиолога П. И. Каменского. Дис. ... канд. ист. наук. Красноярск [Место защиты: Национальный исследовательский Томский государственный ун-т], 2011; *Бахтина Е. В.* Библиотеквед, педагог и общественный деятель В. Ф. Сахаров (1901–1986): реконструкция научной биографии. Дис. ... канд. пед. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный ун-т культуры и искусств, 2014.

¹⁷⁵ *Песков А. М.* Жизнь и творчество Е. А. Боратынского. Научная биография. Дис. ... докт. филол. наук. Автореф. М.: Московский государственный ун-т им. М. В. Ломоносова, 1996. С. 2.

¹⁷⁶ *Песков А. М.* Жизнь и творчество Е. А. Боратынского. Научная биография. Дис. ... докт. филол. наук. М.: Московский государственный ун-т им. М. В. Ломоносова, 1996. Т. 1. С. 344. Далее в данной главе ссылки на диссертационное исследование приводятся с указанием в круглых скобках после цитаты тома и страницы: т. 1 — при цитировании основного текста диссертации — научной биографии Боратынского, т. 2 — при цитировании приложения — «Летописи жизни и творчества Е. А. Боратынского».

¹⁷⁷ *Песков А. М.* Боратынский. Истинная повесть. М.: Книга, 1990. С. 64. Эта книга — интереснейшее явление в отечественной биографической литературе. О ее особенностях метко написал в предисловии к ней О. А. Проскурин: «Книга необычна. С одной стороны, это научное исследование. Событийная канва повествования строго документирована (в чем убедится всякий, кто возьмет на себя труд заглянуть в примечания). Заинтересованный читатель встретит здесь десятки впервые опубликованных писем и фрагментов из неизданной переписки родственников Боратынского, найдет существенные уточнения, касающиеся жизненного пути поэта (начиная с даты рождения и кончая историей передвижения его из Финляндии в Петербург и обратно в 1820–25 годах), его литературных и бытовых отношений, вех его творческой эволюции. Из плена времени выйдут неведомые прежде знакомцы Боратынского, оставившие свой след в его судьбе... Без новых фактов, рассыпанных в книге, теперь не обойдется ни один исследователь Боратынского. Это, так сказать, бесспорные вещи. Есть в книге и гипотезы, — но и они рождены не беззаботной фантазией, а исследовательской мыслью. Эти гипотезы научны в своей основе. Такова, например, реконструкция “лирического романа”, посвященного знаменитой С.Д.П. — хозяйке известного литературного салона С. Д. Пономаревой. И в то же время книга эта — факт не только науки, но в определенной мере и литературы. И дело не в “беллетризме”, столь любезном сердцу авторов многих биографических повествований. Традиционного историко-романного “беллетризма” в книге нет. Дело также не в “слоге” или “занимательности”. Дело в жанре. Книга имеет жанровое обозначение, являющееся частью заглавия: “Истинная повесть”, — и сочинитель постоянно напоминает о нем читателю, дабы тот не забывал об отличии его сочинения от других, привычных жанров — научных и беллетристических» (Режим доступа: http://az.lib.ru/b/baratynskij_e_a/text_0101.shtml Дата обращения: 10.02.2014).

¹⁷⁸ *Песков А. М.* Боратынский. Истинная повесть. С. 69.

- ¹⁷⁹ У А. М. Пескова ошибочно указано «6 марта». Исправлено в кн. «Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского». М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 91.
- ¹⁸⁰ См., например: *Боратынский Е. А.* Полн. собр. соч. Т. 1. Стихотворения. М.; Augsburg: Im Werden Verlag, 2000. С. 155.
- ¹⁸¹ Там же. С. 11.
- ¹⁸² См., например: *Боратынский Е. А.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 12. «Едва ли не первым стихотворением в Петербурге было дружеское послание “К Креницыну”», — писала И. Медведева в статье «Ранний Баратынский» (Там же. С. XLVIII).
- ¹⁸³ См., например: *Боратынский Е. А.* Полн. собр. соч. Т. 1. Стихотворения. С. 12.
- ¹⁸⁴ Там же. С. 15.
- ¹⁸⁵ *Песков А. М.* Боратынский. Истинная повесть. С. 92. Выделено автором.
- ¹⁸⁶ «Творческая история произведения, — говорил еще в 1922 году Н. К. Пиксанов, — начинается, когда возникает первый его замысел, и кончается, когда поэт наложил последний штрих на его текст. Иногда эта история длится до конца жизни поэта, никак не могущего замкнуть круга творческих работ и переработок» (*Пиксанов Н.* Новый путь литературной науки // Искусство. Журн. Российской академии художественных наук. М., 1923. № 1. С. 112). В основе статьи — доклад, прочитанный автором на заседании литературной секции Российской академии художественных наук 28 мая 1922 года. Сказанные ученым слова полностью применимы и к Боратынскому, который многие свои произведения, в том числе и ранние, в последующем перерабатывал. Каждое обращение автора к своему тексту — важный факт его биографии.
- ¹⁸⁷ *Песков А. М.* Жизнь и творчество Е. А. Боратынского. Научная биография. Автореферат. С. 2.
- ¹⁸⁸ *Богомолов Н. А.* Путь к Волошину // Купченко В. П. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1917–1932. СПб.: Алетей; Симферополь: Сонат, 2007. С. 606.
- ¹⁸⁹ *Волошин М.* Лики творчества. Изд. подгот. В. А. Мануйлов, В. П. Купченко, А. В. Лавров. Изд. 2-е, стереотипное. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1989. С. 777–800.
- ¹⁹⁰ Например, в издании 1989 года: «1915. Начало (середина) апреля. Стихотворения “Ночь весеннего равноденствия”, “Парижу”, “Париж зимой”, “Аполлон”, “Весна”. Сближение с М. О. и М. С. Цетлиными» (*Волошин М.* Лики творчества. С. 791); в издании 1994 года: «1915. Апрель. Сближение с М. О. и М. С. Цетлиными. Стихотворения “Парижу”, “Париж зимой”, “Весна” и др.» (Крым Максимилиана Волошина: Автографы, рисунки, фотографии, документы, открытки из государственных и частных собраний. Фотоальбом / Авт.-сост. З. Д. Давыдов, В. П. Купченко. Киев: Мистецтво, 1994. С. 140).
- ¹⁹¹ *Волошин М.* Лики творчества. С. 781.
- ¹⁹² *Купченко В. П.* Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1876–1916. СПб.: Алетей. 2002. С. 80–81. Далее ссылки на это издание даются в данной главе в тексте в угловых скобках с указанием тома [1] и страницы.
- ¹⁹³ *Купченко В.* Странствие Максимилиана Волошина: Документальное повествование. СПб.: Logos. 1996. С. 9–10.
- ¹⁹⁴ *Купченко В. П.* Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1917–1932. С. 14.
- ¹⁹⁵ *Купченко В.* Странствие Максимилиана Волошина: Документальное повествование. С. 231.
- ¹⁹⁶ *Купченко В. П.* Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1917–1932. С. 14. Далее ссылки на это издание даются в данной главе в тексте в угловых скобках с указанием тома [2] и страницы.
- ¹⁹⁷ Цит. по: *Купченко В.* Странствие Максимилиана Волошина: Документальное повествование. С. 242.
- ¹⁹⁸ Цит. по: Крым Максимилиана Волошина. С. 187.
- ¹⁹⁹ *Купченко В.* Странствие Максимилиана Волошина: Документальное повествование. С. 242.

²⁰⁰ Там же. С. 242–243.

²⁰¹ Там же. С. 243.

²⁰² Там же. С. 249.

²⁰³ Там же. С. 244.

²⁰⁴ Цит. по: Крым Максимилиана Волошина. С. 70.

²⁰⁵ Купченко В. Странствие Максимилиана Волошина: Документальное повествование. С. 123.

²⁰⁶ Там же. С. 124.

ЕСЕНИН КАК РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПОЭТ

В последние годы появилось немало исследований, авторы которых рассматривают творчество Есенина в широком литературном и культурно-историческом контексте. Безусловно, подобный анализ очень важен. Однако при этом нельзя забывать, что развертывание контекста, раскрытие творческих контактов и взаимных влияний должно опираться на понимание роли и значимости Есенина в русской поэзии, в отечественной культуре. Используя терминологию И. А. Ильина, примененную им к рассмотрению поэзии И. А. Бунина, можно сказать, что творчество Есенина «первоначально и самостоятельно, оно не живет чужими перепевами и не нуждается в этом; у него свое видение, свои образы и свои слова»¹. Неслучайно поэтому, что Есенина неоднократно интерпретировали то как кулацкого поэта, попутчика, то как советского писателя, безоглядно принявшего советскую власть, то как антисоветчика, рассматривавшего Советский Союз как Страну Негодяев. И действительно, в есенинских произведениях можно найти строки и образы, которые, в отрыве от его творческого развития, могут быть использованы для иллюстрации любого из этих тезисов. Прав И. А. Ильин, написавший: «Всякая нарочитая тенденция — и “прогрессивная”, и “реакционная”, и просто рассудочно-выдуманная — нехудожественна. Она эстетически фальшива...»² Личность и творчество Есенина некорректно рассматривать в жестких рамках, определяемых политической и тем более политологической терминологией. Отметим, что и термин, которым определяют то направление, характерным представителем которого считают Есенина — новокрестьянская поэзия, — крайне узок и не охватывает всей широты и полифонии творчества (не только поэтического!) Есенина и близких ему по мировосприятию писателей. С. С. Куняев предлагает другой термин — поэзия русского возрождения. Предлагаемый термин более точен, но требует пояснений при употреблении. Есенин шире новокрестьянской поэзии. Как метко заметил Ю. Л. Прокушев, «Есенин — это сама Россия»: «Только глубоко национальный художник способен через себя, через авторское “я”, мир своих мыслей и чувств раскрыть

характер народа и выразить пафос своего времени, его историческую суть»³.

Здесь нельзя не отметить параллели в изучении есенинского наследия в метрополии и русской эмиграции. В середине — второй половине 1950-х годов, когда в Советском Союзе после длительного перерыва возобновилось изучение творчества Есенина — появились его собрания сочинений, исследования его творчества, публикация неизвестных ранее писем и произведений, активизировалась работа по мемориализации памятных есенинских мест, — перебравшийся на постоянное жительство в Нью-Йорк русский эмигрант второй волны В. К. Завалишин создает замечательное исследование творчества Есенина — очерк жизни и творчества поэта в составе оставшейся неизданной книги «Русская литература послевоенного периода (1917–1951 гг.)» (машинопись книги с правкой автора хранится в Бахметьевском архиве Колумбийского университета, Нью-Йорк, США)⁴. Если рассматривать хронологию есениноведения, нельзя не признать, что очерк Завалишина — одна из первых масштабных работ о творчестве поэта — взгляд уже не его современника, который отразился в опубликованных при жизни поэта критических статьях и первых посмертных воспоминаниях, а исследователя младшего поколения (хотя Завалишин был моложе Есенина всего на 20 лет). Когда в метрополии еще только начинали осмысливать значимость Есенина для русской поэзии XX столетия и с оговорками, постепенно вводили его в число «избранных», Завалишин назвал Есенина «великим русским национальным поэтом», обратив к нему в контексте русской поэзии «послереволюционного периода» слова, ранее сказанные А. А. Григорьевым о А. С. Пушкине: «Есенин — наше все!» Однако эта фраза, написанная Завалишиным в середине 1950-х годов, так и не была опубликована! В английском варианте книги ее нет — статья о Есенине заканчивается словами Г. В. Иванова из предисловия к парижскому изданию произведений поэта. Георгий Владимирович писал: «Обрести право опять назвать Пушкина “нашим всем”, подняться до него, дело долгое и трудное, которое еще очень нескоро удастся России»⁵.

О Есенине как русском национальном поэте во всеуслышание заявили сразу же после его трагической гибели. По фасаду Дома печати, в котором прощались с поэтом, протянулась широкая красная лента с надписью: «Тело великого русского национального поэта СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА покоится здесь».

Уже в день смерти появилась впервые опубликованная в вечернем выпуске ленинградской «Красной газеты», а затем растиражированная по изданиям многих городов и государств информация о са-

моубийстве Есенина. Эта информация не требовала тогда доказательств и не вызвала печатных опровержений. И уже под эту информацию, под напечатанное официальное заключение, не имевшее обоснований, стали подводить базу почти все, писавшие о Есенине в те трагические дни, — авторы некрологов, воспоминаний, поэтических произведений. Однако уже в первые дни и недели после гибели Есенина современниками была охарактеризована значимость его творческого наследия для русской литературы.

Вот лишь несколько характерных цитат. «В его лице потерял один из крупнейших талантов современности»⁶, — констатировал И. И. Садофьев.

«В литературе он станет рядом с Блоком, — заявил С. М. Городецкий, один из первых поэтов, с которым Есенин не только познакомился, но и сблизился во время первого приезда в Петербург весной 1915 года. — Незабываемый по чистоте звука лиризм его стихов, воспоенный деревней, а не дворянством, даже шире захватил читателя, чем блоковский голос»⁷.

«Есенин! Умер один из прекраснейших поэтов!»⁸ — читаем в некрологе П. С. Когана «Сергей Есенин».

В докладе, прозвучавшем в Ленинграде на вечере работников печати, посвященном памяти Есенина, В. Правдухин сказал: «...он, как никто из нас, рассказывал нам о своей слабости, корни которой мы пытались обнаружить, <...> он порой пушкинскими словами прорыдал нам о своей молодости, о своем одиночестве, о своей бесприютной головушке, о потерянных любви и дружбе, о родине, о русской матери, — за все это наше существо наполняется глубочайшим преклонением перед этим поэтом-юношей. Его стихи зовут нас призывно и нежно, как звала его мать к родному дому, к братству, дружбе, любви, которыми мы обязаны будем после Есенина до краев наполнить наше существование. И навсегда сохранит русская литература фигуру поэта, который с такой глубокой болью искал то, что вечно ищет человечество, — счастье. То, о чем в тоске изошел кровью национальный поэт. И как национальный поэт, после Кольцова, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, он был первым после них. После Пушкина он первый по глубине и своеобразию своего таланта. Может ли Россия забыть поэта и равнодушно выкинуть его из своего сердца. Нет!

Вечная память Сергею Есенину!»⁹

«Песни Есенина остались недопетыми, но и того, что написано им, достаточно, чтобы поставить его рядом с Кольцовым и выше всех других поэтов, вышедших из крестьянских рядов, — констатировал в неподписанном некрологе ленинградский журнал «Цели-

на". — Его окрыленные песни, всегда искренние и пленительно-звучные, войдут в сокровищницу нашей поэзии, как очень крупная, неподдельная драгоценность»¹⁰.

«Крупнейший из поэтов современья... — писал о Есенине Л. М. Леонов в материале "Умер поэт". — Его песни поют везде — от благонадежных наших гостиных до воровской тюрьмы. Потому что имел он в себе песенное дарование, великую песенную силу в себе носил»¹¹.

«Погиб величайший поэт... — отмечал А. Н. Толстой. — Его поэзия есть как бы разбрасывание обеими пригоршнями сокровищ его души»¹².

«Сергей своей поэзией воссоздал свою биографию или его биография создала поэзию, — не знаю, как вернее, — написал вскоре после гибели поэта один из его близких знакомых Б. А. Пильняк. — Сергей выполнил свой долг перед Россией, перед русской культурой, перед своей эпохой, перед своим поколением»¹³.

«Для меня же Есенин был, — отметил в первые часы после получения известия о его смерти М. А. Осоргин, — среди живых и творящих — самым большим и чистым, подлинным, настоящим русским поэтом его поколения. <...> Поэзия Есенина могла раздражать, бесить, восторгать — в зависимости от вкуса. Но равнодушным она могла оставить только безнадежно равнодушного и невосприимчивого человека. Стихи же его последних двух лет, не все, но многие, большинство (особенно "Москва кабацкая") волновали таким высоким волнением, какого уже давно не дают нам переживать другие поэты. <...> на простых и чутких струнах сердца умел играть только Сергей Есенин, и, после Блока, только его поэзия ощущалась как дар свыше, как то, за что можно простить не одно "хулиганство"»¹⁴.

О том, что творчество Есенина оказало сильнейшее воздействие на его поэтов-современников, свидетельствуют разыскания Н. В. Корниенко, в том числе ее статья «"Покрой есенинский мне узок": Есенинский текст и комсомольская поэзия в 1925–1926 гг.»¹⁵. Конечно, далеко не все звучавшие на вечерах и появлявшиеся в печати размышления о Есенине и о его месте в русской литературе были искренними. «В еще большее уныние повергла меня вся эта панихидная болтовня, — писал в январе 1926 года В. А. Мануйлов. — Я выслушал все траурные заседания терпеливо. Скулили профессора о том, что, мол, "не уберегли паренька в лапоточках, поэта голубой Руси". Перевирая каждую цитату, тот самый "литературный деятель", который вчера еще ругался в редакции, теперь распространялся о трагедии поэта, выражавшего определенную идеологию определенного шатающегося слоя. Все эти самодовольные лицемеры,

отворачивавшиеся от Сергея при его жизни здесь, среди нас, в Баку, — теперь говорили о потере величайшего русского поэта, бывшего чуть ли не другом всех этих ораторов, льющих крокодиловы слезы»¹⁶.

Рассмотрение Есенина как великого русского национального поэта крайне актуально в настоящее время, когда после выхода его полного собрания сочинений и планируемого в ближайшие годы завершения «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина» насущной задачей становится создание подробной научной биографии поэта.

Подобное фундаментальное исследование, несмотря на значительное число работ, посвященных рассмотрению жизни и деятельности Есенина, пока не создано. Однако шаги в этом направлении предпринимались. Так, немало нового материала включила впервые изданная к 100-летию со дня рождения поэта книга Ст. Ю. и С. С. Куняевых «Сергей Есенин». Эта книга не претендует на статус научной биографии, вписываясь в жанровое многообразие биографических книг серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия».

На научность претендует книга О. А. Лекманова и М. И. Свердлова «Сергей Есенин: Биография». Во вступлении к ней заявлено: «В нарушение сложившейся традиции авторы подлежащего жизнеописания Сергея Есенина не ставили своей целью во что бы то ни стало обелить (или очернить) поэта в глазах читателя. Нам хотелось по возможности беспристрастно рассказать о Есенине, передоверив восторги и инвективы мемуаристам и современным поэту критикам, чьи голоса звучат на каждой странице этой книги»¹⁷. Действительно, в биографии, написанной О. А. Лекмановым и М. И. Свердловым, широко цитируются воспоминания современников, причем авторы дают им оценку, порой довольно развернутую. Так, в воспоминаниях соучеников Есенина по Константиновскому земскому четырехгодичному училищу, по мнению биографов, «расписаны его <Есенина> чудесные дарования, проявлявшиеся в самых различных областях»¹⁸; «в мемуарах не обошлось без красочных рассказов о чрезвычайно рано пробудившейся в мальчике социальной сознательности»¹⁹; «почти житийным зачином открываются мемуары о детстве Есенина, записанные за его матерью»²⁰ и т. п. Безусловно, любые мемуары отражают субъективное мнение автора, к тому же, созданные порой многие годы, а иногда и десятилетия спустя после описываемых в них событий, они не лишены ошибок и искажений. И потому биографы не только имеют право, но даже обязаны давать собственную оценку цитируемым воспоминаниям и другим материалам. Точно подметил А. И. Рейтблат: «Поскольку биография — рас-

сказ, то элементы должны иметь смысловую связь, а все внесмысловые, не укладывающиеся в логику, как правило, опускаются»²¹.

Подобным образом и поступают О. А. Лекманов и М. И. Свердлов, давая оценку воспоминаниям и другим источникам и используя лишь те цитаты, которые соответствуют цели их биографической работы. В их книге применение этого естественного для любого биографа метода входит в противоречие со сформулированной авторами целью работы — беспристрастное рассмотрение биографии Есенина. Вместо постулируемой беспристрастности они оказались в плену крайнего субъективизма. Слабостью этой книги явилось и то обстоятельство, что авторы не сформулировали «главной идеи жизни» (С. А. Макашин) исследуемого писателя, сосредоточившись на «разоблачении» циркулирующих вокруг имени Есенина легенд и мифов.

В результате рассматриваемая книга, не имеющая внутреннего стержня, не смогла удовлетворить критериям, предъявляемым к научным биографиям²². Она стала одной из довольно многочисленных в настоящее время, но неудавшихся попыток «разоблачения мифов». Она не дает понимания значимости Есенина, его жизни и творчества для русской духовности, для отечественной литературы. Книга «Сергей Есенин: Биография» оказалась в ряду тех изданий, авторы которых идут на сознательное «разоблачение» отнюдь не из интересов изучения литературного процесса и прояснения малоизвестных фактов жизни и творчества его крупнейших представителей. Книги подобного типа точно охарактеризовал А. И. Рейтблат в статье «Нравственные мотивации биографа»: «... в современной постперестроечной России формируется и иной <чем ранее. — М. С.> подход к биографии со стороны биографов и читателей. Тут персонаж — объект не поклонения, а скандального интереса, и интересен он не столько своей профессиональной деятельностью, сколько частной жизнью. Герой здесь — поп-звезда (в этой роли может, впрочем, выступать и спортсмен, и писатель, и даже политический деятель), а задача биографа — не воспеть его, а “сорвать покровы”, рассказать о “тайнах” его жизни, описать миф (ср. название одной из книжных серий — “Женщина-миф”), и т. п. Соответственно, биограф видит свою задачу не в том, чтобы сохранить у потомков память о герое, а в том, чтобы заработать побольше денег и по возможности прославиться»²³.

Нет опоры на «главную идею жизни» и в статье «Сергей Есенин», вошедшей в книгу «Русская литература 1920–1930-х годов. Портреты поэтов». Предлагаемый читателю «портрет» Есенина начинается с рассмотрения особенностей «художественно-философского мира» поэта, а не с определения его роли в русской поэзии и культуры²⁴.

Это наложило отпечаток и на весь очерк, преобладающая часть которого посвящена рассмотрению поэтики Есенина.

Выше уже приводилось авторитетное мнение одного из крупнейших отечественных исследователей писательских биографий — С. А. Макашина, многие десятилетия посвятившего изучению жизни и деятельности М. Е. Салтыкова-Щедрина, результатом которого стало создание первой масштабной научной биографии писателя и общественного деятеля. С. А. Макашин отмечал, что в научной биографии «изложение внешних и внутренних связей личности героя» должно быть выражением «главной идеи его жизни». «Главной идеей жизни Салтыкова была идея общественного служения»²⁵. Исходя именно из такого понимания личности Салтыкова-Щедрина, автор и выстраивал свои биографические книги, ставшие на многие годы образцом научной биографии писателя.

Автор биографического исследования не может быть беспристрастным, поскольку важен и значим как отбор материала, так и его систематизация и выстраивание в соответствии с предлагаемой исследователем иерархией биографических фактов и событий.

В последние годы наблюдается значительное расширение спектра тех фактов в жизни человека, которые биографы считают достаточно важными для включения в биографию. Характеризуя современные тенденции развития биографических жанров, А. И. Рейтблат отмечает сближение биографии с повседневностью, что выражается «в биографировании самых разных, в том числе и не считавшихся ранее престижными и достойными запечатления социальных сфер (бизнес, спорт, развлечения, секретные службы и т. п.), в отражении в биографиях “частной жизни”, эротической стороны человеческой жизни и т. п., в показе негативных сторон деятельности биографируемого»²⁶.

Однако такой «расширительный» подход, пренебрегающий иерархией событий, происходящих в жизни человека, на наш взгляд, значительно снижает ценность биографических исследований. В результате применения подобной методики значительное место в биографии отводится равно центральным, узловым событиям и малозначимым, проходным, второстепенным (а то и третьестепенным). Для научного исследования биографии требуется не только всестороннее изучение всего комплекса доступных исследователю источников, но и группировка их в соответствии со сформулированной целью работы и пониманием «главной идеи жизни» писателя.

Акцент в биографическом исследовании должен делаться на наиболее существенное, центральное в жизни человека. Безусловно, важнейшие события в жизни и деятельности писателя — это его про-

изведения. Именно их рассмотрение и анализ должны занимать основное место в научном исследовании биографии, с ними должна быть соотнесена не только цель исследования, но и понимание «главной идеи жизни» писателя.

Для успешной работы по созданию научной биографии Есенина необходимо определить место поэта в истории отечественной литературы. Научная биография Есенина, творчество которого притягательно для нескольких поколений писателей и читателей, должна быть основана на представлении о нем как о великом русском национальном поэте.

Как уже отмечалось, творчество Есенина при его жизни не получило заслуженно высокой оценки. Такова судьба не только Есенина. Так, только после гибели Пушкина, тоже трагической, «Московский наблюдатель» напишет, что Пушкин — «честь нашей народной жизни, нашей души, нашего слова»²⁷. А М. П. Погодин, получив известие о смерти поэта, скажет студентам Московского университета, что сочинениями Пушкина «начинается новая эпоха в русской литературе, эпоха национальности»²⁸. Много позже появятся статьи и книги, рассматривающие Пушкина как великого русского национального поэта. Только Н. В. Гоголь в статье «Несколько слов о Пушкине» еще в 1832 году отметил: «При Имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте»²⁹.

Наше обращение к Пушкину отнюдь не случайно. Путь Есенина-поэта, взятый как целостность и цельность, — есть путь к пушкинскому пониманию поэзии и русской истории. К тому же применительно к Пушкину в отечественном литературоведении и культуре, в богословии и философии наиболее полно и глубоко разработан вопрос о Пушкине как великом русском национальном поэте. Поэтому для нас важно обратиться к опыту изучения жизни и творчества Пушкина.

В год 100-летия поэта в статье И. Татарского, опубликованной в «Богословском вестнике», прозвучали очень актуальные для нас суждения. «... Пушкин принадлежит, — писал автор, — к разряду тех редких творческих натур, которые, действуя в кругу современных интересов своего общества, этим самым создают его будущее и через то уже не могут быть отнесены лишь к области прошедшего. <...> Только в Пушкине русская жизнь и природа впервые встретила своего вдохновенного певца и только у него одного даже и встречающиеся отклонения от русской действительности <...> неизменно изобилуют оттенками народного чувства. Вот почему он и явился первым решительным провозвестником русского народного духа в

нашей литературе и только он один мог о себе с полным правом сказать:

И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа»³⁰.

Есенин, конечно, был уже не первым, но идущим непосредственно в пушкинском озарении, в пушкинском свете.

И. Татарский, характеризуя обращение Пушкина к зарубежным авторам, совершенно справедливо отметил, что «все они — Шенье, Байрон, Гете и Шекспир — обозначают собою лишь приходящие ступени в раскрытии собственных поэтических дарований в Пушкине, — ступени, по которым он постепенно восходил к полному уразумению общих задач и законов художественного творчества. И можно думать, что именно благодаря им Пушкин и достиг такого уразумения»³¹.

Данный подход применим и к Есенину. Исследования последних лет убедительно показывают, что Есенин был широко начитанным и достаточно эрудированным человеком, знавшим и отечественную, и зарубежную литературу³². Это знание помогало развитию его таланта, становлению его поэтической индивидуальности. Изучение европейских писателей (вновь процитируем И. Татарского) «не только не обезличило, но даже возвысило общее национальное значение нашего поэта, придав народной стихии в его произведениях высшую и совершеннейшую форму»³³. Знания и широта кругозора обогащают поэтический мир Есенина.

Именно как русский национальный поэт Есенин оказал значительное влияние на многих авторов, пишущих на разных языках мира. Об этом свидетельствуют, в частности, материалы международной научной конференции «Сергей Есенин и мировая культура». Мнение литературоведов — исследователей творчества Есенина — разделяют и многочисленные читатели его произведений. Так, Гюлаб Мартиросян, представитель армянской общины в Рязани, отмечает: «Благодаря моему школьному учителю Вазгену Gabriеляну и духовному наставнику Гургену Мартиросову с пятого класса я стал поклонником поэзии великого, истинно национального русского поэта Сергея Есенина. Сначала на армянском языке в прекрасных переводах великого Варпета Егише Чаренца, затем в подлиннике до моего сознания стали доходить все прелести глубинных истоков есенинской мысли»³⁴.

Для понимания Есенина как русского национального поэта важное значение имеет обращение к творчеству одного из крупнейших русских философов — И. А. Ильина. В книге «О тьме и про-

светлении» Ильин рассматривает прозу трех представителей русской литературы — Бунина, А. М. Ремизова и И. С. Шмелева, в творчестве которых, по его убеждению, наиболее ярко проявились три разных типа русской литературы. Как русского национального писателя И. А. Ильин предлагает прочитать Шмелева, в романах и повестях которого «загорелись и засияли глубины русского национального простонародного и всенародного духа». «Символом его творчества, — резюмирует И. А. Ильин, — стал человек, восходящий через чистилище скорби к молитвенному просветлению»³⁵.

Как и Шмелев, Есенин «с самого начала искал света». Эта устремленность ощущается уже в ранних письмах, адресованных другу по спас-клепиковской школе Григорию Панфилову.

В одном из первых, еще несовершенных по уровню мастерства стихотворений, отправленных в 1912 году с письмом Панфилову, читаем:

В этой могиле под скромными ивами
Спит он, зарытый землей,
С чистой душой, со святыми порывами,
С верой зари огневой³⁶.

«Мрак <...> раскрылся ему по-настоящему, — писал И. А. Ильин о Шмелеве, — лишь тогда, когда покинул свое древнее лоно и начал гасить и сияние веры, и молнию совести, и искру стыда. Тогда поэт был настигнут “ночью” мира (Тютчев) и дал ей накрыть себя с головою»³⁷. Такое было и с Есениным в конце 1910-х годов. Но, как и в Шмелеве, в Есенине «русский дух ответил <...> на восстание тьмы — негодованием, духовно-художественным обличением, национальным самоутверждением и мировой скорбью»³⁸. Для Есенина это период преломления, который явственно замечен уже в «Москве кабацкой», и последующей устремленности к свету, просветлению, к передаче этого духовного опыта читателям.

И сердце по-старому бьется,
Как билось в далекие дни [III, 185].

Точно охарактеризовал особенность поэтического мира Есенина А. В. Гулин: «Оставаясь полностью самим собой, этот художник вместил в себе одном словно бы несколько поэтов. Исключительная широта внутреннего диапазона, столкновение не сходящихся крайностей присущи ему как мало кому еще в истории русской литературы. Но в этих взлетах и падениях, стремительных переходах от святости к безбожию, от кротости к буйству и все-таки вечной способности подниматься на свет являет себя сама Россия новой эпохи»³⁹.

Рассмотрение Есенина как русского национального поэта, безусловно, делает особенно актуальным анализ его творчества в контексте православных традиций. Как показано в нашей работе 1995 года, в значительной степени посвященной анализу маленьких поэм Есенина 1917 — начала 1919 годов, даже в этих произведениях, считающихся «богоборческими», Есенин «опирался не только на христианские образы, но и на конкретные библейские тексты, переосмысливал по отношению к происходившей на его глазах революции ветхозаветные и евангельские события. <...> Есенин в ряде произведений строит новый мир, исходя не из реального исторического контекста, а обращаясь к догрехопадному периоду истории. Иной мир, возникающий в творчестве поэта — это единый мир живущих и умерших, космос, не знающий деления на земной и небесный уровни»⁴⁰. И. В. Евсин справедливо отмечает, что «при всех своих сомнениях Есенин ни в одном из произведений не отрекается от Бога, даже в поэме “Инония” не утверждает, что Его нет»⁴¹.

В свете рассмотрения жизни и творчества Есенина как русского национального поэта в контексте русской православной традиции актуальным становится и вопрос о его гибели. А. В. Гулин отмечает:

Вопрос о последних минутах великого русского художника не есть <...> только вопрос восстановления исторической правды. Если он собственными взлетами и падениями выразил путь своего народа, то и последний его миг, в определенном смысле, явился воплощением русской судьбы в ее наиболее важных, устремленных в будущее чертах. Огромное движение, проделанное Есениным за его жизнь, главные итоги этого движения слишком противоречат мысли о его самоубийстве. Одухотворенность поздней его поэзии способна убеждать: не участь висельника Иуды, а честная мученическая смерть во искупление грехов была дарована ему в конце.

Разве нет у нас права предположить, что слуги «прескверного гостя» (какие бы причины ни скрывались за их действиями) решили уничтожить светлый дар, который оказался в итоге им неподвластен? И в этом случае кончина Есенина обретает великий смысл, во всем сопричастный его родине, даже в самой смерти вечно побеждающей своих ненавистников. Потому что можно уничтожить сосуд, наполненный светом, но сам свет, саму любовь убить невозможно. Не эти ли очевидные истины заставили священника после разговора с матерью поэта, несмотря на то, что церковь, исключая особые случаи, не молится о самоубийцах, совершить заочное отпевание раба Божия Сергея?⁴²

Панихиды по Есенину совершались после его смерти в нескольких церквях, совершаются и сейчас. «В Казанской церкви села Константиново Сергея Александровича заочно отпел его духовный наставник протоиерей Иоанн Смирнов, — пишет И. В. Евсин, — а в соседнем с селом Константиново селе Федякино — священник Ва-

сий Гаврилов. Его правнук А. Б. Калякин вспоминает, что отец Василий служил панихиды по Есенину вплоть до своего ареста в 1938 г.»⁴³.

Серьезная работа была проделана в ходе деятельности Комиссии Всероссийского писательского Есенинского комитета по выяснению обстоятельств смерти поэта. Судебно-медицинскими экспертами, криминалистами, другими специалистами были проанализированы сохранившиеся документы, связанные со смертью Есенина, в них не было выявлено фактов, свидетельствующих в пользу версии об убийстве Есенина. Однако это вовсе не означает, что не было самого убийства.

Как русского национального поэта рассматривают Есенина и многие русские писатели. Так, В. Ф. Боков, отвечая в середине 1960-х годов на вопросы английского есениноведа Гордона Маквея, отметил:

Я всегда считал и считаю, что Есенин — величайшее национальное явление в русском искусстве. <...> Я ставлю Есенина рядом с Андреем Рублевым. Оба они апостолы певучей человечности, оба изрекли из русского быта великие создания художественного духа, оба пропели нежную песню живой плоти, паря на крыльях великого одухотворения. <...> Для меня поэзия Есенина, как древняя церковь Покрова на Нерли — стоит, белеет на зеленом лугу и из дальних веков седой старины зовет меня, современника, к себе, присесть, отдохнуть, подумать, кто я, человек, есть, что я на земле должен делать, как я обязан относиться к своему ближнему.

Есенин — ярко-зеленая травинка под ослепительно синим небом России. Она и бессильна и могуча, ее можно примять, но можно и обойти. Есенин — природа, Есенин — дух, Есенин — великая любовь, которая, собственно, и творит все лучшее, что есть на земле...⁴⁴

Спустя три десятилетия, в год 100-летнего юбилея Есенина, Н. Н. Матвеева, отвечая на вопрос корреспондента журнала «Российская провинция» И. И. Ростовцевой, отметила: «Значение и роль Есенина огромны. Он постепенно приобретает рядом с Пушкиным его “равноапостольский” статус, символически запечатлевая великий и таинственный грех раздвоения национальной культуры...»⁴⁵ «... то, что передал нам Есенин, на своем высшем уровне, входит в сферу уже залитературную, в ту почти не выразимую тайную сферу, где властителем является, быть может, сам источник нашего русского бытия, или его самый тайный пласт, — пишет Юрий Мамлеев. — Я глубоко убежден: это качество связано с тем, что поэзия Есенина вступает в соприкосновение с самым сокровенным, тайным уровнем русской души, с тем уровнем, который коренным образом связывает каждого русского с Россией и с самим собой»⁴⁶.

Именно благодаря тому, что в творчестве Есенина и в его биографии отразились многообразные, порой противоречивые черты русского национального характера, русской духовной культуры, изучение его наследия, выяснение фактов его биографии по-прежнему остается актуальной задачей. В связи с этим наследие Есенина необходимо рассматривать как значимую часть не только отечественной литературы, но и русской духовности.

¹ Ильин И. О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин. Ремизов. Шмелев. М.: Скифы, 1991. С. 29.

² Там же. С. 10.

³ Прокушев Ю. Прозрения Гения (Штрихи к портрету Героя Летописи) // Летопись жизни и творчества С. А. Есенина. Т. 1. С. 9.

⁴ Подробнее см.: Коломийцева Е. Ю., Скороходов М. В. В. К. Завалишин о С. А. Есенине (по материалам Бахметьевского архива Колумбийского университета США) // Современное есениноведение. 2014. № 29. С. 6–36.

⁵ Иванов Г. Есенин // Есенин Сергей. Стихотворения 1910–1925 / Под ред. и со вст. ст. Г. Иванова. Париж: Книгоиздательство «Возрождение», [1951]. С. 31.

⁶ И. С. Сергей Есенин // Жизнь искусства. 1926. № 1. С. 24.

⁷ Городецкий С. Сергей Есенин // Искусство трудящимся. 1926. 5 января. № 1. С. 3.

⁸ Красная панорама. 1926. № 2. С. 6.

⁹ Правдухин В. Сергей Есенин // Сибирские огни. 1926. № 1–2. Апрель – январь. С. 183.

¹⁰ [Б. п.] Памяти Сергея Есенина // Целина. 1926. № 2. С. 22.

¹¹ 30 дней. 1926. № 2. С. 17.

¹² Толстой Ал. О Есенине // Там же. С. 18.

¹³ Пильняк Бор. О Сергее Есенине // Журналист. 1926. Январь. № 1. С. 49.

¹⁴ Осоргин М. «Отговорила роща золотая...»: Памяти Сергея Есенина // Последние новости. Париж. 1925. 31 декабря.

¹⁵ Корниенко Н. В. «Покрой есенинский мне узок»: Есенинский текст и комсомольская поэзия в 1925–1926 гг. // Поэтика и проблематика творчества С. А. Есенина в контексте Есенинской энциклопедии. М.; Константиново; Рязань: Лазурь, 2009. С. 178–239.

¹⁶ Мануйлов В. «О Ленине так не жалели...» // Кузнецов В. Тайна гибели Есенина. По следам одной версии. М.: Современник, 1998. С. 233.

¹⁷ Лекманов О., Свердлов М. Сергей Есенин: Биография. СПб.: Вита Нова, 2007. С. 8.

¹⁸ Там же. С. 15.

¹⁹ Там же. С. 16.

²⁰ Там же. С. 17.

²¹ Рейтблат А. И. Что не попадает в биографию? // Право на имя. Биографика 20 века. Эпоха и личность: ракурсы исторического понимания. Пятые чтения памяти Вениамина Иофе 16–18 апреля 2007. Сб. докладов. СПб., 2008. С. 8.

²² О подобных критериях см., например: Скороходов М. В. Научная биография как исследовательский жанр // Право на имя. Биографика 20 века. Шестые чтения памяти Вениамина Иофе 16–18 апреля 2008. Сб. докладов. СПб., 2009. С. 139–147.

²³ Рейтблат А. И. Нравственные мотивации биографа // Вторые чтения памяти В. В. Иофе. Право на имя. Биография как парадигма исторического процесса. 16–18 апреля 2004. СПб., 2005. С. 8.

²⁴ См.: Захаров А. Н., Савченко Т. К. Сергей Есенин // Русская литература 1920–1930-х годов. Портреты поэтов: В 2 т. Т. 1. / Ред.-сост. А. Г. Гачева и С. Г. Семенова. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 167. В ряде других вошедших в том биографических очерков мнение авторов исследований о поэте, жизнь и творчество которого рассматривается, при-

существует. Так, С. Г. Семенова пишет о В. Хлебникове как о «признанной звезде русского футуризма, великом поэтическом новаторе XX века» (Там же. С. 391). В. В. Маяковский рассматривается А. М. Ушаковым и С. Г. Семеновой как одна «из ключевых фигур русской поэзии XX века». Авторы исследования заявляют: «...почти всё, что сделано Маяковским в искусстве, отличают особое мироощущение и миропонимание, особый духовный настрой, особый взгляд на задачи искусства, особая художественная выразительность. Это именно то, что вошло с Маяковским в русское искусство XX столетия» (Там же. С. 426).

²⁵ Макашин С. Салтыков-Щедрин. Середина пути. 1860–1870-е годы. Биография. С. 4.

²⁶ Рейтблат А. И. Биографируемый и его биограф // Право на имя. Международные чтения памяти В. В. Иофе 18–19 апреля 2003. СПб., 2004. С. 61.

²⁷ Цит. по: Веселовский А. Н. Пушкин национальный поэт. СПб., 1899. С. 3.

²⁸ Там же. С. 4.

²⁹ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Т. 8. Статьи / Ред.: Н. Ф. Бельчиков, Б. В. Томашевский М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 50.

³⁰ Богословский вестник. 1899. Июнь. № 39. С. 241–242.

³¹ Там же. С. 247.

³² См.: Шубникова-Гусева Н. И. «Объединяет звуком русской песни...»: Есенин и мировая литература. М.: ИМЛИ РАН, 2012. 528 с.

³³ Богословский вестник. 1899. Июнь. № 39. С. 248.

³⁴ Режим доступа: <http://www.mecenat-and-world.ru/4-5/martiros.htm> Дата обращения: 10.01.2013.

³⁵ Ильин И. О тьме и просветлении... С. 199.

³⁶ Есенин С. Полн. собр. соч. / Ин-т мировой лит. РАН / Гл. ред. Ю. Л. Прокушев. Т. 6 / Сост. и общ. ред. — С. И. Субботин; Подгот. текстов и текстологич. коммент.: Е. А. Самоделова, С. И. Субботин; Реальный коммент.: А. Н. Захаров, С. П. Кошечкин, С. С. Кушняев, Г. Маквей, Ю. А. Паркаев, Ю. Л. Прокушев, Т. К. Савченко, М. В. Скороходов, С. И. Субботин, Н. И. Шубникова-Гусева, Н. Г. Юсов. М.: Наука; Голос. 1999. С. 17. Далее это издание цитируется в тексте, том и страница указываются в угловых скобках.

³⁷ Там же. С. 198–199.

³⁸ Там же. С. 199.

³⁹ Гулин А. В. «В сердце светит Русь...» Духовный путь Сергея Есенина // Литература в школе. 2001. № 4. С. 8. См. также: Воронова О. Е. Концепция национальной идеи в творчестве С. А. Есенина // Сергей Есенин и русская история Сб. научн. трудов. М.: Константиново; Рязань. 2013. С. 30–47.

⁴⁰ Скороходов М. В. Раннее творчество С. А. Есенина в историко-культурном контексте («Радунница» 1916 г. и маленькие поэмы 1917–1918 гг.). М.: ИМЛИ РАН, 1995. С. 171–172.

⁴¹ Евсин И. В. Судьба и вера Сергея Есенина / По благословению митрополита Симона (Новикова). Рязань: Зерна, 2007. С. 89.

⁴² Гулин А. В. «В сердце светит Русь...» Духовный путь Сергея Есенина // Литература в школе. 2001. № 6. С. 19.

⁴³ Евсин И. В. Судьба и вера Сергея Есенина. С. 121.

⁴⁴ Российская провинция. 1995. № 4. С. 6.

⁴⁵ Режим доступа: http://sergeiesenin.lit-info.ru/press/anketa_s_voprosame_o_esenine.html Дата обращения: 10.08.2014.

⁴⁶ Мамлеев Ю. В. Духовный смысл поэзии Есенина // Столетие Сергея Есенина. Международный симпозиум / Есенинский сборник. Вып. III. / Ред.-сост.: А. Н. Захаров, Ю. Л. Прокушев. М., 1997. С. 25–26.

НАСЛЕДИЕ ЕСЕНИНА В КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Исследователи жизни и литературного наследия отечественных писателей справедливо уделяют приоритетное внимание анализу литературных истоков их творчества, рассмотрению того, как проявляются традиции русской словесности в произведениях того или иного автора. При этом иные истоки творчества часто оказываются на периферии исследовательского внимания. Такая ситуация справедлива и по отношению к отечественному и мировому историческому наследию, которое порой оказывало весьма существенное влияние на мировоззренческие ориентиры писателей, на формирование их интереса к определенной исторической эпохе, деятельности того или иного исторического персонажа. В рамках нашей темы важно рассмотреть вопрос о наследии Есенина в контексте русской истории. В одной из следующих глав на конкретных примерах будет показано, как сведения по русской истории, почерпнутые поэтом в годы учебы, воплотились в есенинских текстах. В примечаниях к тексту данной главы приводится библиография — те работы, которые являются источниками научной биографии поэта.

Отметим, что русских писателей не принято рассматривать в качестве исторических деятелей, однако биографические справки о некоторых из них включаются в исторические энциклопедии; некоторые русские писатели занимают важное место в трудах историков. К примеру, в фундаментальной 16-томной «Советской исторической энциклопедии» (М.: Советская энциклопедия, 1961–1976) есть статьи о М. В. Ломоносове, Н. М. Карамзине, А. С. Пушкине, В. К. Кюхельбекере, И. И. Пущине, М. Е. Салтыкове-Щедрине, Л. Н. Толстом (и толстовстве) и ряде других писателей.

Художественные произведения, а тем более публицистические работы, письма и дневниковые записи писателей широко и с успехом используются историками в качестве историографического материала. Естественно, что творчество Есенина более всего интересно филологам, которые рассматривают наследие поэта в разных аспектах, раскрывая малоизвестные страницы его творческой и личной биографии, изучая традиции, поэтику, образную систему, особенно

сти лексики и другие вопросы. Однако ежегодно проходящие международные научные есенинские конференции, о которых уже не раз говорилось выше, убедительно свидетельствуют о широком интересе к Есенину, его жизни и творчеству довольно широкого круга специалистов — философов, искусствоведов, переводчиков, социологов, психологов, библиотечных и музейных работников, историков, культурологов, журналистов, методистов и специалистов ряда других научных направлений, представителей разных стран и народов. Такой комплексный подход к изучению наследия Есенина и — шире — есенинского феномена в отечественном культурном пространстве, анализ влияния Есенина на русский космос и на национальную самоидентификацию актуален и продуктивен. Как и в 1920-е годы, есенинская тема остается необычайно острой и злободневной. Как тогда, так и сейчас находятся как хулители, так и защитники национальных идеалов, ярким выразителем которых является поэт. В качестве показательных примеров напомним о полемике, развернувшейся на страницах журнала «Новое литературное обозрение»¹ после выхода книги Н. В. Корниенко «“Нэповская оттепель”: Становление института советской литературной критики» (М., 2010), одним из главных героев которой является Есенин, — с одной стороны, и книги А. М. Марченко «Есенин: Путь и беспутье» (М., 2012), вызвавшей рецензии на страницах «Дня литературы»² и «Нашего современника»³, — с другой.

Тема «Наследие Есенина в контексте отечественной истории» очень широкая, в данной монографии нет возможности охарактеризовать ее всеобъемлюще. Этой теме была посвящена международная есенинская конференция, прошедшая в 2012 году, в Год российской истории, — «Есенин и русская история», по итогам которой в 2013 году был выпущен сборник научных трудов. Эта книга, открывающая серию изданий «Есенин в XXI веке», включает статьи, в которых исследуются многие аспекты заявленной темы: «Сергей Есенин и русская история: проблемы и художественные решения» (Н. И. Шубникова-Гусева), «Концепция национальной идеи в творчестве С. А. Есенина» (О. Е. Воронова), «Сергей Есенин и анархисты» (Д. И. Рублев), «Сергей Есенин и социалисты-революционеры: размышления о Борисе Донском» (Я. В. Леонтьев) и др. В ряде статей рассматривается историческая и историко-культурная основа произведений Есенина. Н. М. Солобай на основе анализа документов федеральных архивов раскрывает историю села Константинова. Одна из статей — Е. Н. Астаховой — рассматривает один из малоизвестных периодов истории есенинской малой родины — строительство Кузьминского гидроузла, а затем и Кузьминской ГЭС.

К настоящему времени глубоко и всесторонне исследованы многие исторические личности и события, нашедшие отражение в произведениях Есенина. Исследованиям этого направления способствовала работа по подготовке и изданию томов академического собрания сочинений Есенина, где в реальных комментариях к произведениям и письмам дается подробная характеристика основных исторических источников, оказавших влияние на образную систему и формирование взглядов поэта. Особенно пристальное внимание в комментариях уделяется источникам, появившимся в то время, когда Есенин работал над своими текстами. Важный материал, в том числе связанный с раскрытием роли исторических событий в судьбе поэта и характеризующий его общение с историческими деятелями, содержится в «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина».

При подготовке научной биографии необходимо всестороннее осмысление тех реалий, в которых жил поэт, исторических событий, свидетелем, а часто и непосредственным участником которых он становился. Протоиерей Сергей Рыбаков ставит вопрос о духовном значении есенинской поэзии революционного времени. Он отмечает, что лирика Есенина «несет в себе печать иного мира и грусть от видения разрушения старого бытия, которая неизбежна и нормальна для любого человека. Любовь к устойчивым формам жизни, неприятие уродства новообразований, отвращение от крикливой пустоты революционной фразеологии — все это мы находим в тонких лирических стихах. <...> одним из тех, кто в поэтической форме запечатлел блики Божественного сияния над Россией, кто раскрыл истинную устремленность русской души к небесному, горнему миру, был и остается наш народный поэт Есенин»⁴.

В современном есениноведении рассмотрены образы многих исторических персонажей в произведениях Есенина. Подробно и всесторонне изучена историческая составляющая «Пугачева»⁵, «Страны Негодяев»⁶, отрывка из поэмы «Гуляй-поле» («Ленин») ⁷, «Песни о Евпатии Коловрате»⁸, «Баллады о двадцати шести»⁹ и ряда других произведений¹⁰.

На протяжении нескольких десятилетий интенсивно разрабатываются вопросы художественного историзма в творчестве Есенина¹¹. Так, неоднократно анализировалась эволюция образа Марфы Борецкой, получившей известность во многом благодаря повести Н. М. Карамзина «Марфа Посадница» и одноименному есенинскому произведению¹². Важной вехой в исследовании исторической основы маленькой поэмы Есенина «Ус» стала публикация на страницах есениноведческого журнала статьи, содержащей биографические

сведения о сподвижнике Степана Тимофеевича Разина Василии Родионовиче Усе¹³.

Рассматриваются исследователями и другие темы, связанные с историческими персонажами в произведениях Есенина. Так, Станислав Видов сопоставил молитвенное наследие святителя Тихона Задонского и лирику Есенина¹⁴. Разрабатываются и такие темы, как жанр исторической поэмы в наследии Есенина — «Песнь о великом походе»¹⁵. Некоторые исследователи в анализе исторической темы обращаются в своих работах одновременно к нескольким есенинским произведениям¹⁶.

Другой важный вопрос, который невозможно обойти вниманием в связи с рассматриваемой темой, — это общение Есенина (творческое и личное) с его современниками — политическими и общественными деятелями XX века, оказывавшими существенное влияние на формирование политики и основных направлений развития России. Остановимся лишь на некоторых фигурах.

Во время военной службы в годы Первой мировой войны¹⁷ поэт находился в подчинении уполномоченного Ее Величества по полемому Царскосельскому военно-санитарному поезду № 143 Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полковника Д. Н. Ломана. Ранее с ним, в то время штаб-офицером для поручений при коменданте Царскосельского дворца, лейб-гвардии Павловского полка, познакомился Н. Ключев. Сын полковника Юрий был крестником императора Николая II. Есенин выступал и лично был представлен членам императорской фамилии¹⁸. Отметим, что Ломан был хорошо знаком со многими русскими художниками и архитекторами. Как вспоминает его сын Ю. Д. Ломан, «по вечерам в гостиной или кабинете отца собирались художники, архитекторы, музыканты, собиратели древностей и литераторы. Велась горячие споры о русской старине, о чистоте нашей речи и о возрождении художественной Руси. Из гостей мне запомнились художники В. М. и А. М. Васнецовы, М. В. Нестеров, Н. К. Рерих, И. Я. Билибин; архитекторы А. В. Щусев, А. В. Померанцев и С. С. Кричинский, заходил руководитель великорусского оркестра В. В. Андреев, а коллекционер древних русских икон академик Н. П. Лихачев привозил показывать редчайшие древние иконы. Когда отец бывал в Москве, он непременно встречался с Васнецовым, Щусевым и Нестеровым»¹⁹.

В более поздние годы поэт общался со многими руководителями советского государства. Так, с М. И. Калининым он встречался в родной Михаилу Ивановичу Верхней Троице Тверской губернии²⁰, а также приходил к нему на прием в Москве. С Л. Д. Троцким, кото-

рому адресовано оставшееся неотправленным письмо поэта, в 1924 году состоялась личная встреча. Интенсивным было общение поэта с С. М. Кировым — в ту пору, когда он был Первым секретарем ЦК Коммунистической партии Азербайджана.

В круг общения Есенина входили редакторы партийных и общественно-политических изданий, руководители региональных партийных организаций и органов советской власти. В первые после-революционные годы Есенин активно печатался в левозэровских изданиях и встречался и с некоторыми руководителями партии левых эсеров. Темы «Есенин и эсеры» и «Есенин и “скифы”» разрабатываются историком Я. В. Леонтьевым²¹, материалы откликов на смерть поэта в левозэровских изданиях исследовала Н. М. Солобай²².

На протяжении довольно длительного времени Есенин общался с поэтом и переводчиком Л. И. Каннегисером, имя которого вошло в историю России в августе 1918 года, когда он застрелил председателя Петроградского ЧК М. С. Урицкого и вскоре был казнен²³. Есенин познакомился с Каннегисером, тогда начинающим поэтом, во время первого приезда в Петроград весной 1915 года, а затем часто бывал у него в гостях, встречался с ним у общих знакомых, они вместе путешествовали по окрестностям Константинова.

Подробности общения Есенина с историческими деятелями 1920-х годов активно разрабатываются в последние годы, довольно подробно охарактеризованы. Так, в течение нескольких лет В. И. Артеменко документирует тему «Есенин и Троцкий», исследуя архивы и малотиражные публикации воспоминаний²⁴. Тему «Есенин и А. А. Богданов» разрабатывал Н. Г. Юсов²⁵. Документируются отношения поэта с рядом других политических деятелей первых лет советской власти²⁶. Однако многие темы остаются еще недостаточно изученными, в том числе тема «Есенин и революционные события в России»²⁷.

Список важных и актуальных для изучения творчества Есенина исторических тем можно продолжить²⁸, включая в него и изучение есенинского наследия на уроках истории²⁹.

Подробная характеристика важной для современного есениноведения темы, лишь кратко здесь охарактеризованной, должна быть представлена в Есенинской энциклопедии. В этом издании будет помещена краткая информация прежде всего о тех исторических деятелях, с которыми Есенин общался. Предлагаемый ниже список является предварительным и будет скорректирован в процессе подготовки энциклопедии. Для нас же важно, что биографии названных ниже исторических деятелей должны в той или иной мере интересоваться

автора научной биографии поэта. При этом (как в энциклопедии, так и в научной биографии) необходимо учитывать значимость исторических деятелей в жизни и творчестве Есенина. Расширенный вариант списка включает следующие фамилии:

— Александра Феодоровна (урожд. принцесса Гессен-Дармштадтская Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатрис; 1872–1918), российская императрица, с 1894 года — супруга императора Николая II;

— Блюмкин Яков Григорьевич (Симха-Яков Гершевич; 1900–1929), сотрудник ВЧК-ОГПУ и Политуправления Реввоенсовета Республики, член «Ассоциации вольнодумцев»;

— Богданов А. (наст. имя и фамилия Александр Александрович Малиновский; 1873–1928), политический деятель, философ, экономист, ученый-естествоиспытатель, теоретик пролетарского искусства, публицист, автор научно-фантастических романов;

— Буденный Семен Михайлович (1883–1973), военачальник, командующий Первой конной армией, Маршал Советского Союза;

— Бухарин Николай Иванович (1888–1938), советский, партийный и государственный деятель;

— Волин (наст. имя и фамилия Иосиф Ефимович Фрадкин) Борис Михайлович (1886–1957), государственный и партийный деятель, публицист;

— Воровский Вацлав Вацлавович (1871–1923), советский партийный и государственный деятель, публицист, литературный критик, дипломат, в 1920 году — директор Госиздата РСФСР;

— Воронский Александр Константинович (1884–1937), писатель, литературный критик, в 1917–1920 годы — член ВЦИК, в 1920-е годы — редактор журналов «Красная новь» и «Прожектор»;

— Деникин Антон Иванович (1872–1947), русский военачальник, участник русско-японской и Первой мировой войн, командир Добровольческой армии (1918–1919), главнокомандующий вооруженными силами Юга России (1919–1920), мемуарист, публицист;

— Елизавета Феодоровна (урожд. принцесса Гессен-Дармштадтская Елизавета-Александра-Луиза-Алиса; 1864–1918), великая княгиня Дома Романовых, основательница Марфо-Мариинской обители в Москве;

— Ионов (наст. фам. Бернштейн) Илья Ионович (1887–1942), профессиональный революционер, издательский работник;

— Каледин Алексей Максимович (1861–1918), русский военачальник, генерал от кавалерии, Донской войсковой атаман;

— Калинин Михаил Иванович (1875–1946), государственный и партийный деятель, Председатель ВЦИК СССР и РСФСР, Председатель Президиума Верховного Совета СССР;

— Каменев (наст. фамилия Розенфельд) Лев Борисович (1883–1936), революционер, партийный и государственный деятель, публицист, журналист, критик;

— Керенский Александр Федорович (1881–1970), политический и общественный деятель, депутат Государственной думы Российской империи, в 1917 году — министр-председатель Временного правительства России;

— Киров (наст. фам. Костриков) Сергей Миронович (1886–1934), государственный и политический деятель, в 1921–1925 годах — первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана;

— Колчак Александр Васильевич (1874–1920), политический деятель, полярный исследователь, ученый-океанограф, участник Русско-японской и Первой мировой войн, один из лидеров Белого движения;

— Кони Анатолий Федорович (1844–1927), русский юрист, судья, государственный и общественный деятель, литератор;

— Ленин (наст. фамилия Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924), профессиональный революционер, политический деятель, теоретик марксизма, организатор Коммунистической партии, руководитель Советского государства;

— Литвинов Максим Максимович (наст. фамилия Макс Валлах; 1876–1961), советский государственный и партийный деятель;

— Ломан Дмитрий Николаевич (1868–1918), штаб-офицер для особых поручений при Дворцовом коменданте, ктитор Феодоровского Государева собора, начальник Царскосельского полевого военно-санитарного поезда № 143 им. Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны;

— Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933), литературный критик, теоретик литературы, драматург, публицист, государственный и общественный деятель, народный комиссар РСФСР по просвещению;

— Майский Иван Михайлович (наст. фамилия Я. М. Ляховецкий; 1884–1975), политический деятель, дипломат, первый редактор журнала «Звезда»;

— Малиновский Роман Вацлавович (1876–1918), политический деятель, большевик, секретный сотрудник Охранного отделения департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи;

— Мария Николаевна (1899–1918), великая княжна, дочь императора Николая II и императрицы Александры Феодоровны;

— Мария Феодоровна (урожд. Мария-София-Фредерика-Дагмар), российская императрица, супруга императора Александра III;

— Махно (наст. фамилия Михненко) Нестор Иванович (1888–1934), анархист, в 1918–1921 годах предводитель крестьянского повстанческого движения на юге Украины, командующий Революционной повстанческой армией Украины;

— Маширов-Самобытник (Маширов) Алексей Иванович (1884–1943), профессиональный революционер, пролетарский поэт;

— Мещеряков Николай Леонидович (1865–1942), профессиональный революционер, государственный деятель, литератор, руководитель Госиздата, публицист, заместитель главного редактора первого издания Большой советской энциклопедии;

— Мстиславский (наст. фам. Масловский) Сергей Дмитриевич (1876–1943), революционер, писатель, один из редакторов сборников «Скифы»;

— Николай II, Александрович (1868–1918), российский император;

— Пылаев Георгий Николаевич (1894–1937), революционер-подпольщик, советский партийный деятель;

— Распутин (позднее Новых) Григорий Ефимович (1869 (?)–1916), сибирский крестьянин, фаворит семьи Романовых;

— Савинков Борис Викторович (1879–1925), политический деятель, революционер, один из лидеров партии эсеров, писатель;

— Тихон (в миру Василий Иванович Беллавин; 1865–1925), епископ Русской православной церкви, Патриарх Московский и Всея Руси;

— Троцкий (наст. фам. Бронштейн) Лев (Лейб) Давидович (Моисеевич; 1879–1940), государственный и партийный деятель, народный комиссар по иностранным делам РСФСР, народный комиссар по военным и морским делам РСФСР и СССР, Председатель Реввоенсовета Республики и СССР, публицист;

— Фрунзе Михаил Васильевич (1885–1925), революционер, государственный и военный деятель, председатель Реввоенсовета СССР, народный комиссар по военным и морским делам;

— Фурманов (наст. фамилия Фурман) Дмитрий Андреевич (1891–1926), военный и политический деятель, писатель;

— Чагин (Болдовкин) Петр Иванович (1898–1967), журналист, издательский и партийный работник, в 1922–1925 годах — второй секретарь ЦК Компартии Азербайджана, редактор газеты «Бакинский рабочий».

Этот предварительный список включает 39 фамилий исторических персонажей — современников Есенина, с одними из которых он

общался, образы других были важны для его творчества, кто-то из этих людей оказал какое-либо воздействие на его жизнь. Например, с М. В. Фрунзе и С. М. Кировым Есенин, согласно разысканиям С. И. Субботина, познакомился в Баку 17 или 18 апреля 1925 года³⁰. Именно Киров, по словам Чагина, поручил последнему создать поэту «иллюзию Персии» в Баку и его окрестностях³¹. Смерть Фрунзе произвела на Есенина сильное впечатление. «Мне жалко, жалко! Я знал его. Замечательный был человек!»³² — говорил Есенин И. В. Евдокимову на второй день после смерти Председателя Реввоенсовета.

Другие исторические персонажи из приведенного списка стали героями произведений Есенина. Н. И. Шубникова-Гусева, характеризуя есенинскую «Песнь о великом походе», справедливо отмечает, что «содержанием этого произведения является рассказ о героических событиях былой истории и недавней Гражданской войны. <...> выведен целый ряд исторических фигур: Каледин, Врангель, Деникин, Колчак, Юденич, Корнилов, Зиновьев, Троцкий, Ворошилов, Буденный, сражавшихся на описанной в поэме “донской территории”, а в черновых редакциях еще и Махно, Фрунзе и Краснов»³³.

В «Песни о великом походе» и некоторых других произведениях героями являются исторические персонажи предшествующих эпох. В «Песни о великом походе» важен образ Петра I и созданного им Питер-града. Российская императрица Екатерина II появляется в поэме «Пугачев», заглавный герой которой — Е. И. Пугачев. Для Есенина, его поэтической системы, безусловно, важны такие исторические персонажи, как уже упомянутые Марфа Борецкая и Василий Ус.

И таких персонажей отечественной истории, без обращения к которым невозможно рассматривать художественный мир Есенина, не так уж мало.

Наконец, изучение исторического контекста в научной биографии невозможно без обращения к рассмотрению тех организаций, в работе которых поэт участвовал, способствовал их созданию, а также организаций, оказавших определенное влияние на его жизнь. Естественно, речь в данном случае идет об организациях, которые в какой-то степени связаны с отечественной историей или с политическим устройством России. Например, известно, что в 1913 году за Есениным вели негласное наблюдение сотрудники Московского охранного отделения. Этот вопрос освещался Ю. Л. Прокушевым в его книге 1963 года «Юность Есенина», исследовался Л. М. Шалагиновой³⁴ и другими биографами. Как отдельный биографический факт в жизни Есенина рассматривается письмо пяти групп сознательных рабочих города Москвы, в числе других подписанное в марте 1913 года и начинающим поэтом³⁵.

Лишь отметим, что политические взгляды Есенина со временем менялись, что отражалось на круге его общения. Известно, что на Первую мировую войну, в которой поэт принимал непосредственное участие, он откликнулся критической статьей «Ярославны плачут» (конец 1914 — начало 1915). Этот период отечественной истории нашел отражение и в поэме «Анна Снегина». Как справедливо отмечают С. Н. Пяткин и П. М. Тихонова, в этом произведении «за судьбой одного из уголков русской земли угадывается судьба целой страны», а ее герой «пытается преодолеть зависимость своей судьбы от исторического времени, разворачивающегося в поступательном движении катастроф»³⁶.

Отметим, что в есенинских произведениях упоминаются персонажи как отечественной, так и мировой истории. В «Железном Миргороде» появляется не только Троцкий, но и президент Соединенных Штатов Уоррен Джордж Гардинг.

Обширен список исторических имен и в письмах Есенина: советский партийный и государственный деятель Л. Б. Красин, В. И. Ленин, народный комиссар РСФСР по просвещению А. В. Луначарский, политический деятель и дипломат И. М. Майский, руководитель повстанческого движения Н. И. Махно, партийный работник Н. И. Николаев, российские императоры Николай II и Павел I, предводитель крестьянской войны 1670–1671 годов С. Т. Разин, организатор террористических актов эсер В. Ропшин, советский государственный и партийный деятель С. Г. Шаумян, уже названные выше Троцкий и Чагин, а также персидский царь Дарий I, Карл Маркс. Среди адресатов Есенина — Каннегисер, Литвинов, Майский, Троцкий, Чагин.

Как видим, рассмотрение жизненного и творческого пути Есенина в контексте отечественной истории весьма продуктивно, эта тема актуальна и при подготовке научной биографии поэта.

¹ Добренко Е. Об «истребительной критике» золотого века советской литературы // Новое литературное обозрение. 2011. № 110. С. 349–354; Воронцова Г. Н., Гачева А. Г., Московская Д. С., Папкова Е. А., Скороходов М. В., Трубилова Е. М. О культуре научного диалога // Новое литературное обозрение. 2012. № 114. С. 429–440; Прохорова И. Д. Об этике научного спора. Комментарии главного редактора // Там же. С. 441–442.

² Павлов Ю. М. «Есенин» без русского «тока» // День литературы. 2012. № 4. Апрель. С. 3.

³ Павлов Ю. М. «Есенин» без Есенина, или Путь в беспутье // Наш современник. 2012. № 6. С. 263–272.

⁴ Сергей Рыбаков, протоиерей. Сергей Есенин и русская революция: взгляд православного священника // С. А. Есенин и православие: Сб. статей о творчестве С. А. Есенина. М.: Единству! 2011. С. 92.

⁵ См. работы Н. И. Шубниковой-Гусевой, много лет изучающей текстологию, историю создания, восприятие критикой и другие темы, связанные с этим произведением, прежде

всего: *Шубникова-Гусева Н. И.* Поэмы Есенина: От «Пророка» до «Черного человека»: Творческая история, судьба, контекст и интерпретация. М., 2001. См. также: комментарий Е. А. Самоделовой и Н.И.Шубниковой-Гусевой к «Пугачеву» в: *Есенин С.* Полн. собр. соч. / Ин-т мировой лит. РАН / Гл. ред. Ю. Л. Прокушев. Т. 3 / Сост. и подгот. текстов — Н. И. Шубникова-Гусева; Комментар.: Е. А. Самоделова, Н. И. Шубникова-Гусева. М.: Наука; Голос, 1998. Далее это издание цитируется в тексте, том и страница указываются в угловых скобках; *Самоделова Е. А.* К автографу «Пугачева» С. А. Есенина: Почему исторические имена Отрепьев, Суворов, Федулев и топоним Джагильды не вошли в печатный текст // *Есенин академический. Актуальные проблемы научного издания: Есенинский сб. Вып. II.* М.: Наследие, 1995. С. 93–121; *Кузьмищева Н. М.* Восстание Е. Пугачева в восприятии А. Пушкина и С. Есенина // *Пушкин и Есенин. Международная науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина и 104-летию со дня рождения С. А. Есенина, 25–27 марта 1999 года: Есенинский сб. Новое о Есенине. Вып. V.* М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. С. 170–181; *Щедрина Н. М.* Стихия народного сознания в драматической поэме С. Есенина «Пугачев» // *Наследие Есенина и русская национальная идея: современный взгляд. Материалы Международной науч. конф. Рязань, 2005.* С. 284–291; *Ее же.* Драматическая поэма С. Есенина «Пугачев» в контексте исторических произведений 20-х годов // *Есенин на рубеже эпох: итоги и перспективы. Материалы Международной конф., посвящ. 110-летию со дня рождения С. А. Есенина. Рязань: Пресса, 2006.* С. 280–288; *Кубанев Н. А., Авдеева Н. А.* Пушкинские традиции в поэме Сергея Есенина «Пугачев» // *Сергей Есенин и литературный процесс: традиции, творческие связи. Сб. науч. трудов. Рязань: Рязанский издательский дом, 2006.* С. 33–43; *Воронцова Г. Н.* Поэма Есенина «Пугачев» как произведение исторического жанра // *Сергей Есенин: Диалог с XXI веком: Сб. науч. трудов по материалам Международного науч. симпозиума, посвящ. 115-летней годовщине со дня рождения С. А. Есенина. М.; Константиново; Рязань, 2011.* С. 153–158; *Никольский А. А.* Драматическая поэма Есенина «Пугачев» и крестьянские восстания начала 1920-х годов // *Там же.* С. 159–162; *Сухов В. А.* «Это буйствуют россияне!» (изображение пугачевского бунта в романе М. Ю. Лермонтова «Вадим» и трагедии С. А. Есенина «Пугачев») // *Сергей Есенин и русская история.* С. 57–66.

⁶ *Шубникова-Гусева Н. И.* История создания поэмы Есенина «Страна негодяев» // *Столетие Сергея Есенина. Международный симпозиум: Есенинский сб. Вып. III.* М.: Наследие, 1997. С. 442–436; *Мекш Э. Б.* Махновская коллизия в «Ледоходе» Пильняка и в «Стране негодяев» Есенина // *Новое о Есенине. Исследования, открытия, находки: Статьи и материалы науч. конф., посвящ. 106-летию со дня рождения С. А. Есенина. Рязань, 2002.* С. 131–146; *Никольская Т. К.* Столкновение идей в «Стране Негодяев» С. Есенина // *Наследие Есенина и русская национальная идея: современный взгляд. С. 313–318; Витрук Н.* Поэма С. Есенина «Страна негодяев» и современность // *Современное есениноведение. 2011. № 19.* С. 80–86.

⁷ *Юсов Н. Г.* О поэме «Гуляй-поле». Находки в семейном архиве // *Юсов Н. Г.* Известный и неизвестный Есенин. М.: Новый индекс, 2012. С. 275–279.

⁸ *Юшин П.* Поэма С. Есенина о Евпатии Коловрате // *Известия АН СССР. Серия литературы и языка.* 1965. Т. 24. Вып. 1. С. 18–28; *Грибанов Н.* К вопросу о времени создания и степени самобытности поэмы Есенина о Евпатии Коловрате и принципах ее исследования // *Белгородский педагогический институт. Материалы научно-методической конф. Вып. 2. Русский язык. Литература. Белгород, 1969.* С. 12–19; *Дудин А.* Этюд о чаше (из наблюдений над поэтикой «Песни о Евпатии Коловрате») // *Современное есениноведение. 2004. № 1.* С. 125–128; *Никольский А. А.* О рязанских топонимах в поэме С. А. Есенина «Песнь о Евпатии Коловрате» // *Наследие Есенина и русская национальная идея: современный взгляд. С. 349–351; Его же.* К истолкованию текста поэмы С. А. Есенина «Песнь о Евпатии Коловрате» // *Современное есениноведение. 2011. № 18.* С. 32–33; *Хабарова О.* Поэма Сергея Есенина «Песнь о Евпатии Коловрате» и летописная «Повесть о разорении Рязани Батыем»: художественно-исторические параллели // *Современное есениноведение. 2007. № 6.* С. 220–227; *Воронова О. Е.* О малоизвестном

древнерусском источнике «Песни о Евпатии Коловрате» С. А. Есенина // Современное есениноведение. 2010. № 13. С. 22–25; Дудин А. А. Лексические особенности сказания о Евпатии Коловрате С. А. Есенина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2009. № 4. С. 80–84; *Его же*. Язык «Сказания о Евпатии Коловрате...» С. А. Есенина // Российский научный журнал. 2013. № 3. С. 281–285.

⁹ См., напр.: Девитт В. В. Двадцать шесть Бакинских комиссаров в советской поэзии (русской и азербайджанской). Баку: Изд-во Академии наук Азербайджанской ССР, 1965.

¹⁰ См., например, недавнюю статью Г. И. Шипулиной «Историческая основа стихотворения С. А. Есенина “1 мая”» (Сергей Есенин и русская история: Сб. научн. трудов. С. 91–97).

¹¹ См., например: Прокофьев Н. И. О художественном историзме поэзии С. Есенина // Сергей Есенин. Проблемы творчества. Вып. 2. М.: Современник, 1985. С. 62–72.

¹² Жаворонков А. З. Поэма С. Есенина о Новгороде Великом // Новгородский педагогический институт. Ученые записки. 1958. Т. 3. С. 99–111; Кузнецова В. Е. История на уроках есениноведения (образ Марфы Посадницы в восприятии С. А. Есенина и Дм. Балашова) // Современное есениноведение. 2005. № 2. С. 157–161; Хабарова О. Древнерусские источники маленькой поэмы С. А. Есенина «Марфа Посадница» // Современное есениноведение. 2006. № 5. С. 147–152; Мехи Э. Б. Поэма Сергея Есенина «Марфа Посадница»: Традиции русской духовной поэзии // Современное есениноведение. 2006. № 4. С. 64–73; Федосеева Т. В. Романтизация исторической ситуации в повести Карамзина «Марфа Посадница» и одноименной поэме Есенина // Есенинская энциклопедия: Концепция. Проблемы. Перспективы. М.; Константиново; Рязань, 2007. С. 226–235; *Ее же*. Образ Марфы Посадницы в повести Н. М. Карамзина и поэме С. А. Есенина: преемственность романтической традиции // Современное есениноведение. 2007. № 6. С. 148–154; Киселева Л. А. «Марфа Посадница» Есенина: литературный и внелитературный контексты // Поэтика и проблематика творчества С. А. Есенина в контексте Есенинской энциклопедии. С. 64–75; Пяткин С. Н., Кочеткова А. П. Творческая биография и «поэтическая география» в поэме «Марфа Посадница» Сергея Есенина // Проблемы научной биографии С. А. Есенина: Сб. трудов по материалам Международной науч. конф., посвящ. 114-летию со дня рождения С. А. Есенина. Рязань: Пресса, 2010. С. 166–189; Никё М. Поэма С. А. Есенина «Марфа Посадница» в контексте «новгородского текста» // Сергей Есенин и русская история. С. 48–56.

¹³ Горбунов Б. Исторический комментарий к поэме С. А. Есенина «Ус» // Современное есениноведение. 2006. № 5. С. 181–184.

¹⁴ Видов С. Духовные ценности русского народа в молитвенном и поэтическом слове (Тихон Задонский и Сергей Есенин) // Современное есениноведение. 2006. № 5. С. 152–157.

¹⁵ Самодолова Е. А. Фольклорная основа «Песни о великом походе» Есенина // Столетие Сергея Есенина. Международный симпозиум. С. 207–235; *Ее же*. «Песнь о великом походе» Есенина: От исторических реалий — к поэтической строке // Российский литературоведческий журнал. 1997. № 11. С. 61–77; Гребенская Е. Жанр исторической поэмы в творчестве Сергея Есенина и Павла Васильева // Современное есениноведение. 2006. № 5. С. 157–162.

¹⁶ Субботин С. И. К истории текстов «Иорданской голубицы», «Ленина» и «Песни об Евпатии Коловрате» // Есенин академический. Актуальные проблемы научного издания: Есенинский сб. Вып. II. М.: Наследие, 1995. С. 43–73; Бабицына Н. Н. Национальные характеры в исторических поэмах С. А. Есенина // Современное есениноведение. 2011. № 17. С. 68–71; *Ее же*. Типология национального характера в «маленьких поэмах» Есенина («Марфа Посадница», «Ус», «Песнь о Евпатии Коловрате») // Сергей Есенин: Диалог с XXI веком. С. 148–152.

¹⁷ О военной службе Есенина см.: Вдовин В. А. Об отношении С. Есенина к Первой мировой войне // Вестник Московского университета. 1966. № 4. С. 83–89; *Его же*. Документы следует анализировать // Вопросы литературы. 1967. № 7. Июль. С. 188–195;

Его же. Сергей Есенин на военной службе // *Вдовин В. А.* Факты — вещь упрямая. Труды о С. А. Есенине. М.: Новый индекс. 2007. С. 13–32; *Блудов Ю. В.* Призыв С. Есенина на военную службу: из новейших архивных разысканий // *Современное есениноведение.* 2007. № 6. С. 128–140.

¹⁸ Эта тема многие годы находится в сфере научных изысканий С. И. Суботина. См.: *Суботин С. И.* Сергей Есенин в январе 1916-го: поиски и находки // *Голос. Рязань*, 1993. 18–24 марта. № 11; *Его же.* Сергей Есенин в 1914–1916 годах: Новые биографические материалы // *Новое о Есенине: Исследования, открытия, находки: Статьи и материалы науч. конф., посвящ. 106-летию со дня рождения С. А. Есенина*, 2 окт. 2001 г. Рязань; Константиново, 2002. С. 161–183; *Его же.* Николай Клюев в Петрограде (1915–1916 гг.) // *Николай Клюев: образ мира и судьба* / Томский гос. университет. Томск: Сибирика, 2005. Вып. 2. С. 207–229; *Его же.* Есенин зимой 1916–1917 гг.: К расширению документальной базы // *Современное есениноведение.* Рязань, 2011. № 19. С. 6–14. См. также: *Летопись жизни и творчества С. А. Есенина.* Т. 1.

¹⁹ *Летопись жизни и творчества С. А. Есенина.* Т. 2. С. 463.

²⁰ См.: *Юсов Н. Г.* О поездке Есенина в Верхнюю Троицу // *Есенин на рубеже веков: Итоги и перспективы.* С. 372–375; *Его же.* Поездка в Верхнюю Троицу: Сергей Есенин в гостях у Михаила Калинина // *Современное есениноведение.* 2006. № 5. С. 135–137; *Солобай Н. М.* О дате поездки С. А. Есенина в Верхнюю Троицу. // *Проблемы научной биографии С. А. Есенина: Сб. трудов по материалам Международной науч. конф., посвященной 114-летию со дня рождения С. А. Есенина.* Рязань: Пресса, 2010. С. 73–83; *Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: В пяти томах.* Т. 4. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 74–78.

²¹ См. об этом подробнее: *Леонтьев Я. В.* «Скифы» русской революции: партия левых эсеров и ее литературные попутчики. М.: Ассоциация исследователей российского общества (АИРО-XXI), 2007; *Его же.* Есенин и социалисты-революционеры в 1917–1918 гг. // *Есенин на рубеже эпох: итоги и перспективы.* С. 388–419; *Его же.* Есенин и Блюмкин: к истории взаимоотношений // *Есенинская энциклопедия: Концепция. Проблемы. Перспективы.* С. 385–412; *Его же.* Николай Власов-Окский и Сергей Есенин // *Сергей Есенин: Диалог с XXI веком.* С. 349–359; *Его же.* Сергей Есенин и социалисты-революционеры: размышления о Борисе Донском // *Сергей Есенин и русская история.* С. 179–195.

²² *Солобай Н. М.* Смерть Есенина в откликах левозерских газет // *Есенин и мировая культура.* Рязань: Пресса, 2008. С. 450–457.

²³ См.: *Иванова Г.* «Сошлись — через всё и вся — поэты...»: из разысканий о друге Есенина Леониде Каннегисере // *Современное есениноведение.* 2006. № 5. С. 185–189.

²⁴ Один из итогов этой работы: *Артемко В. И.* «Скитается, как бездомный» // *Литературная газета.* 2010. 24–30 марта. № 11. С. 5. Эта тема в числе ряда других, связанных с анализом фактов общения Есенина с представителями власти, является предметом исследовательского внимания Н. И. Шубниковой-Гусевой (см.: *Шубникова-Гусева Н. И.* Сергей Есенин и Галина Бениславская).

²⁵ *Юсов Н. Г.* О малоизвестном выступлении Сергея Есенина // *Мир Есенина. Информационный бюллетень.* Вып. 4. Ташкент, 2004. С. 85–88.

²⁶ Кроме упомянутых выше работ Я. В. Леонтьева, см. также: *Никё М.* Есенин и анархизм // *Наследие Есенина и русская национальная идея: современный взгляд.* С. 160–168; *Рублев Д. И.* Сергей Есенин и анархисты // *Сергей Есенин и русская история.* С. 164–178 и др.

²⁷ См.: *Сергий Рыбаков, протоиерей.* Сергей Есенин и русская революция: взгляд православного священника // *С. А. Есенин и православие.* С. 90–93.

²⁸ См., напр.: *Блудов Ю. В.* С. А. Есенин и Рязгубчека // *Наследие Есенина и русская национальная идея: современный взгляд.* С. 545–552; *Корниенко Н. В.* Есенин и крестьянский вопрос в критике первой советской оттепели // *Есенин и мировая культура.* С. 211–244; *Никольский А. А.* Крестьянская тема в поэме Есенина «Отчарь» // *Поэтика и проблематика творчества С. А. Есенина в контексте Есенинской энциклопедии.* С. 85–91; *Дроздов В. А.* Есенин и операция ВЧК в «Зойкиной квартире» (по документам фонда «Московский Политический Красный Крест») // *Там же.* С. 363–374; *Воронова О. Е.*

Легенда о Есенине-старообрядце и ее местные корни // Новое о Есенине. Исследования, открытия, находки. С. 61–77.

²⁹ *Старостина В.* Изучение творчества С. А. Есенина на уроках истории // Современное есениноведение. 2011. № 18. С. 80–83.

³⁰ *Субботин С. И.* Есенин в Баку: к хронологии событий апреля – мая 1925 г. // Биография и творчество Сергея Есенина в энциклопедическом формате. М.; Рязань; Константиново, 2012. С. 123–137.

³¹ *Чагин П. И.* Сергей Есенин в Баку // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 162–163.

³² *Евдокимов И.* Сергей Александрович Есенин // Сергей Александрович Есенин. Воспоминания. М.; Л., 1926. С. 217.

³³ *Шубникова-Гусева Н. И.* Поэмы Есенина. От «Пророка» до «Черного человека»: Творческая история, судьба, контекст и интерпретация. С. 318.

³⁴ *Шалагинова Л. М.* Сергей Есенин в революционной Москве (1912–1914) // Вопросы литературы. 1987. № 11. Ноябрь. С. 177–185; *Ее же.* О проблемах освещения раннего периода жизни Есенина // Издания Есенина и о Есенине: Итоги. Открытия. Перспективы / Есенинский сб. Вып. IV. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. С. 120–141.

³⁵ См. об этом: *Шалагинова Л. М.* Письмо пятидесяти и Есенин // Новый мир. 1962. № 6. С. 278–279.

³⁶ *Пяткин С. Н., Тихонова П. М.* Календарь поэмы С. А. Есенина «Анна Снегина» // Вестник Рязанского гос. университета им. С. А. Есенина. 2014. № 1 (42). С. 119. См. также: *Воронова О. Е.* Художественный космос поэмы Сергея Есенина «Анна Снегина» // Современное есениноведение. 2011. № 18. С. 21–31.

ПРОБЛЕМЫ ДАТИРОВКИ РАННИХ СТИХОТВОРЕНИЙ ЕСЕНИНА

Серьезная проблема, с которой сталкиваются авторы биографических исследований, заключается в том, что многие источники, в том числе авторские тексты, свидетельства мемуаристов, сведения, содержащиеся в газетных и журнальных публикациях, не датированы. Такие материалы, безусловно, являются источниками как летописи жизни и творчества, так и научной биографии, однако их использование вызывает определенные затруднения.

Обратимся к опыту исследователей, которые являются авторами статей на эту тему или выпустили биографические издания. О проблеме определения дат выхода из печати книг и журналов писали в книге «Пушкин в печати. 1814–1837. Хронологический указатель произведений Пушкина, напечатанных при его жизни» (1914) Н. Синавский и М. Цявловский. Высоко оценивая эту работу, Г. И. Чулков писал: «Но и здесь, несмотря на педантичную работу составителей, цель не была вполне достигнута: датировки оказались нередко лишь приблизительными, ибо библиографические списки и объявления далеко не всегда соответствовали действительному выходу в свет того или другого издания»¹.

Об этой проблеме писал в «Предисловии» к «Летописи жизни и творчества Ф. И. Тютчева» Г. И. Чулков: «К сожалению, при датировке появившихся в печати стихов Тютчева далеко не всегда удавалось точно отметить фактический выход в свет того или другого журнала или альманаха: приходилось указывать лишь на цензурную помету, если таковая сохранилась»². А составителю «Летописи жизни и творчества И. С. Тургенева», вышедшей в 1934 году, «для датировки первопечатных текстов произведений <...> приходилось прибегать к кропотливому изучению старинных газетных объявлений»³: «Время выхода книжек журналов и отдельных изданий устанавливалось, в подавляющем числе случаев, из сопоставления цензурных дат со сроками появления первых объявлений в газетах»⁴.

А. Д. Алексеев, составитель «Летописи жизни и творчества И. А. Гончарова», отмечал даты выхода изданий из типографии, основываясь на датах «выдачи цензором билетов цензурного комите-

та»⁵. Это относилось «только к тем изданиям, которые выходили в Петербурге, подвергаясь наблюдению предварительной цензуры. В тех случаях, когда издания не проходили предварительной цензуры (с 1 сентября 1865 года) и издавались не в Петербурге, выход их из печати датируется по газетным объявлениям, а если таковых не было, то приблизительно с максимальным приближением к дате фактического выхода»⁶. В летопись Гончарова включены и события, даты которых не удалось установить. Они отнесены в замыкающий хронологическую часть книги раздел «Неизвестные годы».

Одна из наиболее сложных задач, которую пришлось решать Н. Н. Гусеву — автору «Летописи жизни и творчества Л. Н. Толстого», — датировка писем Толстого. Это было обусловлено тем, что «на протяжении почти сорока лет своей жизни — с 1860 до 1900-х годов — Толстой не имел обыкновения датировать свои письма, да и из писем предыдущих годов многие не имеют дат»⁷.

О сходной проблеме писали составители «Летописи жизни и творчества А. П. Чехова»: «... мы располагаем разнообразными материалами о тех или иных событиях в жизни писателя, которые пока не могут быть точно датированы, а иногда и до конца прояснены. В таких случаях определяются и указываются хронологические рамки, в которых событие могло иметь место; так появляются записи, озаглавленные: *между таким-то и таким-то числом данного месяца, в начале такого-то месяца, в том или ином году, в промежутке таких-то лет и т. п.*»⁸.

Более детально «принципы хронологического расположения материала» изложены в «Предисловии» Т. Г. Динесман к «Летописи жизни и творчества Ф. И. Тютчева»:

Все события описаны в хронологической последовательности — по годам, месяцам, числам. Однако некоторые из них не поддаются точной датировке, они датируются только приблизительно — в пределах нескольких дней, месяцев и даже лет. Для этих случаев принят ряд обозначений, в зависимости от длительности предполагаемого периода, в течение которого произошло данное событие, или от характера этого события:

1) Слово «около» перед датой означает, что данное событие произошло либо в день, этой датой обозначенный, либо накануне, либо на следующий день;

2) Тире между датами означает, что событие длилось в течение всего периода, ими ограниченного;

3) Многоточие между датами означает, что событие имело место лишь однажды — в период, обозначенный этими датами⁹.

Особенно остро проблема датировок стоит в случае отсутствия под произведениями авторских дат. Такая проблема, например, стоит

остро применительно к поэтическому наследию Тютчева. «Д а т и р о в к а с т и х о в Тютчева — задача чрезвычайно сложная, а нередко и неразрешимая, — констатировала Т. Г. Динесман. — Только 22 стихотворения из 140, написанных им до 1844 г., имеют авторскую дату. Что же касается остальных, то для большинства из них единственным источником датировки является время первой прижизненной публикации — для оригинальных стихов, а для переводов современных Тютчеву поэтов (большая часть этих переводов при жизни Тютчева не печаталась) — первая публикация источника перевода. Время создания стихотворений в таких случаях определяется весьма условно: “не позднее <...>” или “не ранее <...>”. <...> Однако мы несколько видоизменили принцип подобных условных датировок, поскольку они устанавливают лишь одну временную границу создания того или иного стихотворения, тем самым отодвигая другой временной предел в бесконечность. Сравнительный текстологический анализ этих условно датированных стихотворений позволил ограничить время создания стихов, написанных “не позднее 1829 г.” и “не позднее 1830 г.” — второй половиной 1820-х гг., а стихи, написанные “не позднее апреля 1836 г.” — первой половиной 1830-х гг. <...> в процессе работы над “Летописью” была предпринята попытка уточнить время создания некоторых из этих условно датированных стихотворений. <...> Мы опираемся на систему косвенных доказательств — на анализ поэтического текста, на сопоставление его с фактами биографии Тютчева, с историческими событиями, в них отраженными, с явлениями русской и западноевропейской литературной жизни, а в отдельных случаях используем и палеографические данные»¹⁰.

Подобный подход составителей летописи вполне обоснован. Уточнение датировок — важная научная задача, которую им предстоит решать. По пути предшественников пошли и составители «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина». Особенности подачи материала охарактеризованы в предисловии к этому многотомному изданию: «Все события в Летописи даются в настоящем времени в хронологической последовательности — по годам, месяцам, числам. События с широкими датировками помещаются по первой из возможных дат: “Январь, 1. Январь, 1–10. Январь, 2”. Если между датами стоит тире, значит событие длилось в течение всего этого периода (1–10). Многоточие между датами означает, что событие имело место лишь однажды — в период, ограниченный этими датами (1 ... 10)»; «Если источник называет дату расширительно, приблизительно или предположительно, то возможно приведение выдержек из других материалов, тоже называющих или уточняющих эту дату»¹¹.

Необходимо констатировать, что вопрос датировок — один из центральных вопросов, который приходится решать и в есениноведении. Об есенинских датировках написано множество статей и неоднократно на эту тему велись дискуссии¹². Многие сложные вопросы датировок произведений и писем Есенина были решены в ходе подготовки академического собрания сочинений Есенина, однако при работе над «Летописью жизни и творчества С. А. Есенина» вопрос датировок вновь встал очень остро. Это связано в первую очередь с тем, что основная цель академического издания — дать канонический, выверенный текст каждого произведения. Для тех из них, которые не были датированы поэтом ни в одном из источников, «в угловых скобках ставится редакционная дата, которая ограничивается указанием года, без дальнейших уточнений (месяца, места написания и т. п.)» [I, 415]; выделено нами. — М. С. Если в первых томах академического собрания сохранена последовательность расположения стихотворений, предложенная Есениным при подготовке в 1925 году своего Собрания стихотворений, то в томе 4 «материалы в каждом разделе размещаются в хронологическом порядке» [IV, 335]. Собрание во многом облегчило работу над Летописью, однако не исключило проведения дополнительных разысканий. В соответствии с принципами подготовки академического издания даже для тех произведений, для которых можно было указать более точное время создания, это не было сделано. Исключения составляют письма, при датировке которых в собрании сочинений Есенина давалась по возможности точная дата, часто предположительная, основанная на сопоставительном анализе различных косвенных свидетельств, помогающих сократить временной отрезок написания письма.

Перед составителями Летописи стояла иная задача — по возможности точно датировать все события жизни и творчества поэта. В Летописи, где порой расписываются по часам даже отдельные дни жизни Есенина, расширенная датировка, характерная и достаточная для академического собрания, не всегда оправдана. Есть случаи, когда дату можно значительно сузить, ограничив время написания того или иного произведения несколькими месяцами или даже днями. Для уточнения фактологической канвы, в том числе дат создания того или иного произведения, потребовалась дополнительная разыскательская и исследовательская работа. В связи с этим Летопись наполнилась новыми материалами. При ее подготовке проводилось как уточнение дат создания произведений, так и передатировка на основе вновь обнаруженных источников или более внимательного изучения уже известных.

Одна из наиболее сложных проблем — датировка ранних произведений Есенина. В Летописи, как и в ПСС Есенина, в значительной степени она базируется на датах, проставленных Есениным при подготовке в 1925 году своего Собрания стихотворений.

Произведения наиболее раннего из известных на сегодняшний день рукописного сборника поэта «Больные думы» датируются в ПСС Есенина 1911–1912 годами¹³. Однако приводимые в комментариях к ПСС Есенина воспоминания М. Д. Ильиной, в собрании которой хранился есенинский сборник, позволяют существенно сузить временные границы создания вошедших в сборник произведений: «В беседе с сотрудниками музея М. Д. Ильина рассказала, что летом 1912 года вместе со своим братом Сергеем она гостила в Константинове — отмечался престольный праздник Казанской Богоматери (8 июля ст. ст.). “На следующий день, — продолжала Мария Дмитриевна, — возвращаясь в Рязань, я и брат оказались в одном вагоне с неизвестным юношей. Вскоре брат разговорился с ним. Юноша назвал себя Сергеем Есениным. <...> Ночь напролет Есенин беседовал с братом, а наутро куда-то ушел. Возможно, он пытался пристроить стихи в местную газету <...> По-видимому, Есенина постигла неудача. Он не стал задерживаться в Рязани и тотчас отправился в Москву, оставив брату тетрадь со стихами”» [IV, 343]. Если основываться на этих мемуарах, можно предположить, что «Больные думы» были записаны Есениным в тетрадь не позднее 8 июля 1912 года. Точная дата переезда Есенина в Москву в настоящее время не установлена. Известно лишь, что после 8 июля 1912 года он некоторое время оставался на родине и успел отправить письмо воспитаннице Рязанского женского епархиального училища Марии Бальзамовой, с которой познакомился в доме отца Иоанна (И. Я. Смирнова). В Летописи время этого знакомства предположительно датировано «июль, 8–10 или 11». Таким образом, воспоминания М. Д. Ильиной, сообщающей, что Есенин выехал из Константинова на следующий день после праздника, то есть 9 июля, подвергаются сомнению. Но ошибка памяти может касаться лишь дней, но не 1912 года, так как одно из стихотворений рукописного сборника называется «Вьюга на 26 апр<еля> 1912 г.». В Летописи указана дата, когда сборник «Больные думы» был передан Есениным Сергею Дмитриевичу Ильину — брату мемуаристки. Дата эта предположительная: «Июль, после 11». Следовательно, все стихотворения сборника «Больные думы» были созданы и записаны в тетрадь ранее этой даты.

Теперь относительно нижней границы создания вошедших в сборник стихотворений. Одно из них — «Вьюга на 26 апр<еля> 1912 г.» датируется «1912. Апрель, не ранее 26». При датировке дру-

гих стихотворений учитываются воспоминания учителя Спас-Клепиковской второклассной учительской школы Е. М. Хитрова и соучеников Есенина, а также то обстоятельство, что ни одно из стихотворений сборника «Больные думы» не вошло в тетрадь Г. А. Панфилова 1910–1911 годов¹⁴. Можно предположить, что сборник был подготовлен Есениным в 1911–1912 учебном году. Это подтверждается тем, что одно из включенных в него стихотворений — «Брату Человеку» — сохранилось в записной книжке соученика Есенина по Спас-Клепиковской второклассной школе И. Е. Смирнова, в которой, наряду с другими записями, содержится список учащихся III отделения второклассной школы за 1911–1912 учебный год (см.: [IV, 344]). Вполне вероятно, что Есенин готовил сборник непосредственно перед поездкой в Рязань, а затем и в Москву, отобрав для него лишь отдельные свои произведения. Так, не вошли в «Больные думы» стихотворения «Звезды», «И. Д. Рудинскому»¹⁵, «Другу», «Сосна и река»¹⁶ и ряд других, о которых достоверно известно, что они были написаны до лета 1912 года. Время составления сборника «Больные думы» в Летописи обозначено в связи с высказанными выше соображениями достаточно широкой датой — 1912, не позднее 8 июля.

В Летописи благодаря проведенным исследованиям и всестороннему анализу различных источников удалось сузить дату создания стихотворения «Поэт» («Не поэт, кто слов пророка...»), датированного в ПСС Есенина широко — 1912 г. По словам Е. А. Есениной, дочь которой Н. В. Есенина впервые полностью напечатала это стихотворение, записанное Есениным на обороте своей фотографии 1912 года, эта фотография была подарена Г. А. Панфилову после окончания Есениным Спас-Клепиковской второклассной учительской школы (см.: [IV, 347]). В письме, отправленном Есениным из Москвы Панфилову в конце августа 1912 года, говорится: «Отныне буду следовать своему “Поэту”. Пусть меня ждут унижения, презрения и ссылки» [VI, 16]. Как видим, воспоминания сестры поэта полностью подтверждаются письмом: в августе 1912 года фотография Есенина — выпускника второклассной школы — с текстом стихотворения была у Панфилова, следовательно, Есенин подарил ее своему другу перед отъездом из Спас-Клепиков в Константиново в первой половине июня 1912 года, поскольку согласно «Правилам для второклассной школы», «на летние каникулы учащиеся отпускаются с 15 июня по 1 сентября»¹⁷.

Широкую дату имеет в ПСС Есенина стихотворение «На память об усопшем. У могилы...» (1912–1913). Это произведение приводится Есениным в письме к Панфилову, которое в томе VI ПСС датируется

«1912. Август. ... Сентябрь, начало (?)» [VI, 16, 266]. В томе IV высказывается мнение о возможной связи названного произведения с безвременной смертью общего друга Есенина и Панфилова Д. Ф. Пырикова (скончался 17 мая 1912 года) (см.: [IV, 348]). Более определенно говорится об этом в томе писем: «Есенин почти наверняка был на похоронах друга. Приведенное в данном письме стихотворение, бесспорно, написано в память Пырикова» [VI, 267]. Однако у нас нет оснований утверждать, что Пыриков был другом Есенина. В одном из писем Есенина Панфилову читаем: «Да, я частенько завидую *твоему* другу Пырикову» ([VI, 53]; выделено нами. — М. С.). Смерть Пырикова могла послужить лишь одной из предпосылок создания этого произведения, тематика которого близка всему творчеству Есенина этого периода. Например, строкам стихотворения «Что прошло — не вернуть»:

Крепким сном спит в могиле подруга,
Схороня в своем сердце любовь.
Не разбудит осенняя вьюга
Крепкий сон, не взволнует и кровь [IV, 14].

Та же тема звучит и в стихотворении «К покойнику»:

Уж крышку туго закрывают,
Чтоб ты не смог навеки встать,
Землей холодной зарывают.
Где лишь бесчувственные спят [IV, 18].

Можно предположить, что образ в стихотворении «На память об усопшем. У могилы» обобщенный. Эта эпитафия вписывается в отечественную традицию:

В этой могиле под скромными ивами
Спит он, зарытый землей,
С чистой душой, со святыми порывами,
С верой зари огневой [IV, 42].

Воспоминания о душевной чистоте почившего, о его благих намерениях можно найти во многих эпитафиях, для которых также характерно противопоставление положительных качеств умершего той среде, в которой он жил. Как пример можно привести надпись на памятнике, установленном на Покровском кладбище в Череповце (1885 год):

Тот, чей труп в могиле хладной
Перед нами здесь лежит,
В жизни нашей тусклой, смрадной
Яркой звездочкой горит¹⁸.

Вписывается в эту традицию и стихотворение И. Т. Бушукина «У гроба (Посвящается памяти учителя И. В. Демидова, скончавшегося 12 января 1910 г.)», опубликованное 17 января 1910 года в «Рязанском вестнике»:

Спи же, труженик честный, смиренный,
Праху мир твоему! Ты отжил!
Ты работал, как пахарь на ниве,
Ты для блага народу служил.

Есенин неоднократно упоминает Пырикова в своих письмах, однако в том из них, в котором приведено стихотворение, он не назван. 26 января 1913 года Есенин сообщал М. П. Бальзамовой, что «Великий идеалист Пыриков» «умер 18 лет, 1912 г. июня месяца», а не 17 мая¹⁹, то есть спустя чуть больше полугода после смерти Пырикова Есенин не мог даже примерно вспомнить ее дату. Возможно, 19–20 мая 1912 года, в день похорон Пырикова, Есенина по каким-либо причинам не было в Спас-Клепиках и об этой смерти он узнал позже — в июне (?), отсюда и ошибка в письме. Интересное предположение, подкрепленное системой доказательств, высказал В. А. Дроздов, связавший создание этого стихотворения с Ленским расстрелом и последовавшими за ним событиями. В Летописи на основе приведенных выше аргументов стихотворение «На память об усопшем. У могилы» датировано 1912 годом, причем до времени отправки письма Панфилову с его текстом.

Уточнить время создания ряда произведений Есенина помогает их тематика, например, военная²⁰. Этот критерий дал возможность прояснить датировку произведений, написанных в начале Первой мировой войны. Известно, что 19 июля 1914 года, когда Германия объявила войну России, Есенин находился в Ялте. В конце июля или начале августа он сообщал родителям: «Оставаться в Ялте опасно, все бегут. Вследствие объявленного военного положения в Севастополе тут жить нельзя. Я бы и сейчас уехал, да нельзя. Все приостановлено. Теперь найму автомобиль до Симферополя со своими товарищами и поеду в Москву. Дела очень плохи»²¹. Вскоре Есенин вернулся в Москву.

Одно из наиболее ранних стихотворений Есенина о войне — «Бельгия» — опубликовано в январском номере московского журнала «Март» за 1915 год. В академическом собрании оно имеет редакционную дату «1914». Можем ли мы более точно установить, когда написано это стихотворение? Бельгия одной из первых подверглась натиску германской армии. Утром 18 июля 1914 года на столичных улицах появились объявления: «Государь Император Высочайше повелеть соизволил привести армию и флот на военное положение.

Первым днем мобилизации назначено 18 июля 1914 г.»²². На следующий день Германия объявила войну России, 20 июля вторглась в Люксембург и захватила правительственные здания этого государства, 21 июля предъявила Бельгии ультиматум, требуя пропустить через территорию этого нейтрального государства свои войска. 21 июля все вечерние газеты печатают экстренное сообщение: «Возникает вопрос, могут ли бельгийцы отказать в этом германскому правительству? Бельгийская армия состоит всего из 4-х дивизий пехоты и 2-х кавалерийских дивизий. С приведением на военное положение она насчитывает 180 000 человек. <...> Но, с другой стороны, Бельгия не может не считаться с тем, что если она пропустит немецкие войска через свою территорию, то она связывает этим свою судьбу с успехом германских войск. В случае победы Франции Бельгию, несомненно, ожидает суровое наказание за нарушение суверенитета»²³.

Бельгия, проведя в двухдневный срок мобилизацию, оказала серьезнейшее сопротивление интервентам. 21 июля Германия объявила войну Бельгии. А уже через несколько дней в российских газетах появляются заголовки «На бельгийском театре военных действий»²⁴, «На театре германо-бельгийской войны»²⁵. На территории Бельгии произошли первые крупные сражения, в которых участвовало около двух миллионов человек²⁶. Оперативные сводки с театра военных действий печатались не только в центральных газетах, которые доходили до Крыма, где находился Есенин, с некоторым опозданием, но и в местной прессе. Так, еженедельная газета «Ялтинский курьер» 28 июля поместила статьи под заголовками «Осада Льежа», «Льеж взят»²⁷, информирующие о боевых действиях в окрестностях этого бельгийского города.

Таким образом, Есенин узнал о героической борьбе бельгийского народа²⁸, еще находясь в Ялте, в третьей декаде июля 1914 года. Стихотворение Есенина «Бельгия» начинается строками:

Побеждена, но не рабыня,
Стоишь ты гордо без доспех,
Осквернена твоя святыня,
Зато душа чиста, как снег.
Кровавый пир в дыму пожара
Устроил грозный сатана,
И под мечом его удара
Разбита храбрая страна [IV, 74].

В стихотворении, как мы видим, нашли отражение не первые дни войны, когда Бельгия еще не покорилась врагу и активно боролась за свою свободу, а события более позднего времени, когда «дух свободный, дух могучий» «как орел парит» «над цепью доблестных могил»

[IV, 74]. Возможно, стихотворение «Бельгия» написано в августе 1914 года, когда германские войска, оккупировав Бельгию, вплотную подошли к Парижу, вынудив французское правительство перебраться в Бордо. Оно могло быть написано и в сентябре, когда началось отступление немцев по всему фронт. В настоящий момент, когда отсутствуют какие-либо документальные свидетельства о точных сроках создания стихотворения «Бельгия», оно на основе приведенных выше аргументов датировано в Летописи: «1914. Август ... Декабрь», учитывая, что в январе 1915 года оно было опубликовано.

Стихотворения «Греция» и «Польша», впервые напечатанные в московском журнале «Огниво» (№ 6/8 за 1915 год), отнесены в академическом издании к 1915 году, причем даты эти редакционные. Однако можно предположить, что эти стихотворения (или одно из них) могли быть написаны Есениным и раньше, то есть с августа по декабрь 1914 года. В тексте «Греции» и «Польши» нет никаких косвенных доказательств, позволяющих датировать их только 1915 годом.

В стихотворении «Греция» Есенин обращается к стране, сохраняющей нейтралитет, в то время как другие государства определили свою позицию в мировой войне и активно в ней участвуют. Интересно здесь обращение к историческому прошлому страны:

Могучий Ахиллес громил твердыни Трои.
Блистательный Патрокл сраженный умирал.
А Гектор меч о траву вытирал
И сыпал на врага цветущие левкои [IV, 96].

Такая тематическая соотнесенность прошлого и настоящего характерна и для других стихотворений этого периода. Так, например, стихотворение «К Италии», написанное 9 сентября 1914 года Константином Липскеровым, начинается строками:

Пора, страна Буонарроти!
Святое рушится, — взгляни!²⁹

Сходны по содержанию и другие части этих стихотворений, близких по тематике, — обращение к нейтральному государству с призывом включиться в войну. У Есенина:

Возьми свой меч. Будь Сербии сестрою.
Напомни миру сгбнувшую Трою,
И для вандалов пусть чернеют меч и плаха [IV, 96].

У Липскерова:

Что медлишь ты! Что ропщешь глухо!
Покинь родимые межи!

Хранить сокровищницы духа
Благое право докажи³⁰.

На основе анализа стихотворения «Греция» в Летописи оно датировано октябрём — декабрём (?) 1914 года.

В Польше боевые действия начались в первые недели войны. В октябре — ноябре на территории страны произошли два крупнейших сражения: Варшавско-Ивангородская и Лодзинская операции. В боях с обеих сторон участвовало временами свыше 800 000 человек. К этому времени вполне могут быть отнесены строки стихотворения Есенина «Польша»:

Над Польшей облако кровавое повисло,
И капли красные сжигают города [IV, 97].

Для датировки важны последние строки стихотворения, в которых говорится о победе, хотя еще далеко не окончательной:

Ты мощною рукой сеть плена распорола.
Пускай горят родных краев опушки,
Но слышен звон побед к молебствию костела [IV, 97].

Первые победы были одержаны союзниками уже в первые месяцы войны, хотя еще неоднократно после этого инициатива переходила к австрийским и немецким войскам. Стихотворение «Польша» датировано в Летописи октябрём — ноябрём (?) 1914 года.

Последние два примера не свидетельствуют о том, что для датировки каждого стихотворения требуются подобные разыскания. В ряде случаев сужение даты недостижимо. Так, стихотворение «Черемуха», впервые напечатанное в мартовской книжке московского журнала «Мирок» за 1915 год, датируется в ПСС Есенина 1915 годом. По содержанию стихотворения невозможно установить временные рамки его создания. Понятно, что датировка типа «1910–1915» в подобном случае неуместна. Это стихотворение можно датировать приблизительно, указав лишь верхнюю границу его написания: «1915 (?). Январь... Февраль, не позднее». Таким образом, не исключается, что стихотворение было написано и до 1915 года — в 1914 году, однако акцент сделан на наиболее вероятный отрезок — первые два месяца 1915 года.

Еще один подобный пример — стихотворение «Не в моего ты Бога верила...», опубликованное в газете «Петроградский вечер» 7 февраля 1916 года. В «Летописи» отмечено, что оно было написано не позднее 6 февраля 1916 года.

Декабрём (?) 1915 года С. И. Субботин датирует время отправки стихотворения «Русалка под Новый год» в редакцию газеты «Ростовская речь», поскольку 1 января 1916 года это стихотворение было

опубликовано в названном издании с пометой: «Петроград». Можно предположить, что стихотворение озаглавлено не автором, а редактором. Это косвенно подтверждается тем, что в данном произведении отсутствует какая-либо соотнесенность с кануном Нового года. Имеются лишь отсылки к зиме и сменяющей ее весне: «Кинусь с берега в черную прорубь»; «Я русалкой вернуся весною» [IV, 122]. Такое редакторское вмешательство могло быть вызвано желанием напечатать стихотворение в новогоднем номере. Впрочем, возможно, что сам Есенин дал название «Русалка под Новый год», отправляя стихотворение в редакцию в декабре 1915 года и резонно полагая, что подобный заголовок будет способствовать его скорой публикации. В Летописи стихотворение предположительно датируется декабрем 1915 года.

Вернемся к военной тематике в раннем творчестве Есенина. Маленькая поэма «Русь» датирована в ПСС Есенина 1914 годом — в соответствии с авторской пометой в наборном экземпляре. Текст этого произведения ясно показывает, что «Русь» написана после начала войны:

Повестили под окнами сотские
Ополченцам идти на войну,
Загыгыкали бабы слободские,
Плач прорезал кругом тишину [II, 18–19].

Как уже отмечалось, мобилизация в России началась 18 июля 1914 года, с августа русские войска участвовали в боевых действиях.

Но в стихотворении описывается время, когда солдаты стали писать письма на родину, получив краткий отдых, более того, эта корреспонденция уже получена родными:

Затомила деревня невесточкой —
Как-то милые в дальнем краю?
Отчего не уведомят весточкой, —
Не погибли ли в жарком бою?

В роще чудились запахи ладана,
В вербе бластились стуки костей.
И пришли к ним неожиданно-негаданно
С дальней волости груды вестей.

Сберегли по ним пахари памятку,
С потом вывели всем по письму.
Подхватили тут родные грамотку,
За ветловую сели тесьму [II, 19].

Наиболее ранний из известных автографов «Руси» с авторской надписью «Переписывал для Серафимы Павловны Ремизовой» дати-

рован 18 апреля 1915 года, публикация отрывка состоялась в мае 1915 года в журнале «Северные записки» [II, 288]. По воспоминаниям С. Д. Фомина, Есенин читал «Русь» в Москве до отъезда в Петроград, который состоялся в первой декаде марта 1915 года [II, 289]. Таким образом, нет оснований подвергать сомнению есенинскую дату — 1914 год. Ее можно сузить: Октябрь... Декабрь.

Еще более точную датировку можно дать стихотворению «Богатырский посвист», которое открывается строками, близкими «Руси». Как справедливо полагает С. И. Субботин, вероятно, это стихотворение было написано ранее «Руси». Анализ «Богатырского посвиста» показывает, что данное произведение было создано после начала войны. Для его датировки важны строки, в которых говорится о первых победах русских войск:

Видят немцы — задрожали дубы столетние,
На дубах от свиста листы валяются.
Побросали немцы шапки медные,
Испугались посвисту богатырского...
Правит Русь праздники победные,
Гудит земля от звона монастырского [IV, 73].

Учитывая, что 23 ноября 1914 года «Богатырский посвист» был опубликован в московской газете «Новь», в Летописи стихотворение датировано на основе данного выше анализа: 1914, Октябрь ... Ноябрь, до 22.

Кроме того, в «Летописи» передатированы некоторые произведения. Приведем примеры.

В том IV ПСС Есенина с датой «1907–1908» включено стихотворение «Есть в селе-то у нас барин...», извлеченное из воспоминаний троюродного брата, одногодка Есенина Н. И. Титова. Мемуарист предполагает, что это стихотворение было написано в ответ на арест учителя Александра Ивановича Воронова, которого увезли прямо с урока. Когда же был арестован Воронов?

28 января 1906 года уездный исправник отправил рязанскому губернатору рапорт, касающийся учителя константиновской школы А. И. Воронова. Он сообщал, что в конце ноября 1905 года Воронов привез из Рязани нелегальную литературу, которую давал для чтения разным лицам, в том числе крестьянам.

В феврале 1906 года уездный исправник вновь отправил рязанскому губернатору информацию о Воронове. И вскоре учитель был арестован. «Александра Ивановича забрали несколько раньше, чем моего дядю Василия Ивановича, — вспоминал Титов, — обратно он не вернулся и вообще с тех пор как в воду канул». После этого вторым учителем Константиновской школы на какое-то время стала

Александра Павловна Прокимнова, окончившая Рязанское епархиальное женское училище дочь кузьминского священника. Эти архивные данные опубликованы в книге А. Д. Панфилова «Константиновский меридиан»³¹.

Как видим, документы свидетельствуют о том, что арест учителя приходится на начало 1906 года. Соответственно, в Летописи стихотворение «Есть в селе-то у нас барин...» датировано второй половиной февраля (?) — мартом (?) 1915 года, т. к. нет каких-либо других свидетельств о времени его создания, кроме процитированных выше воспоминаний Титова.

Стихотворение «Милый друг, не рыдай...» имеет в ПСС Есенина редакционную дату 1907–1908. В комментариях сообщается, что четверостишие приводится по рукописи К. П. Воронцова, который вспоминал: «Участь уже во второклассной школе, Сергей стал, как говорится, сочинять стихи, но не опубликовывал их. Мне в то время его стихи нравились, и я просил лишь его, чтобы он писал. Например, помню, такой стих: “Милый друг, не рыдай...” <и т. д.>» ([IV, 499]; выделено нами. — М. С.). Известно, что в Спас-Клепиковскую второклассную школу Есенин поступил в 1909 году. Во время каникул приезжая в Константиново, Есенин мог показать другу свои новые стихотворения. В соответствии с приведенной выше аргументацией четверостишие можно датировать ориентировочно 1910–1911 годами. В поправках к ПСС Есенина оно датировано 1910–1912 годами.

Выяснение по возможности точных дат создания произведений — одна из важнейших задач, стоящих перед исследователями творчества Есенина. Другая актуальная задача — датировка различного рода документов и материалов, на основе которых строится аргументация биографов, определяются даты событий, которые включаются в биографические исследования.

¹ Чулков Г. Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева. М.; Л.: Academia, 1933. С. 8.

² Там же. С. 7–8.

³ Пиксанов Н. К. От редактора // Клеман М. К. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева. М.; Л.: Academia, 1934. С. 9.

⁴ Клеман М. К. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева. С. 13.

⁵ Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова // Под ред. Н. К. Пиксанова. М.; Л.: Изд-во академии наук СССР, 1960. С. 5.

⁶ Там же.

⁷ Гусев Н. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. М.: Academia, 1936. С. IX.

⁸ Летопись жизни и творчества А. П. Чехова / Сост. Л. Д. Громова-Опульская, Н. И. Гитович. М.: Наследие, 2000. Т. 1: 1860–1888. С. 6–7.

⁹ Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева. Кн. 1: 1803–1844. [М.]: ООО «Литограф»; [Мураново]: Музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева, 1999. С. 15.

¹⁰ Там же. С. 13.

¹¹ Захаров А. Н. Предисловие к Летописи // Летопись жизни и творчества С. А. Есенина. Т. 1. С. 65, 66.

¹² Краткий обзор с упоминанием некоторых основных публикаций см., напр.: Есенин С. Полн. собр. соч. / Ин-т мировой лит. РАН / Гл. ред. Ю. Л. Прокушев. Т. 1 / Сост. и коммент. — А. А. Козловский. М.: Наука; Голос, 1995. С. 415. Далее это издание цитируется в тексте, том и страница указываются в угловых скобках.

¹³ Исключение сделано лишь для стихотворения «Вьюга на 26 апр<еля> 1912 г.», которое имеет редакционную дату 1912.

¹⁴ Краткое описание тетради см.: [VII (2), 35, 186].

¹⁵ В ПСС Есенина оно имеет редакционную дату «1911», однако известно, что «Звезды» Есенин читал во время посещения Спас-Клепиковской второклассной школы статским советником, кандидатом богословия, наблюдателем школ церковноприходских и грамоты Рязанской губернии Иваном Дмитриевичем Рудинским. Е. М. Хитров показал ему стихотворение Есенина «Звезды». «Рудинский в классе при всех расхвалил поэта и дал ему несколько советов. В результате этого у Есенина появилось новое стихотворение «И. Д. Рудинскому». <...> Первое произведение, которое меня поразило у Есенина, было стихотворение «Звезды». Помню, я как-то смутился, будто чего-то испугался. Несколько раз вместе с ним прочел стихотворение. Мне стало совестно, что я недостаточно много обращал внимания на Есенина. Сказал ему, что стихотворение это мне очень понравилось, что его можно даже напечатать» (Хитров Е. М. Мои воспоминания о Сергее Есенине // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 142). На основе этих сведений стихотворение «Звезды» датируется в Летописи: 1911, ноября, 16, не позднее, а «И. Д. Рудинскому» — 1911. Ноябрь, после 17.

¹⁶ В ПСС Есенина [VII (2)] два последних стихотворения имеют редакционную дату «1911». В Летописи обозначена верхняя граница создания стихотворений «Ночь» («Тихо дремлет река...»), «К покойнику», «Другу», «Сосна и река» — до 31 марта 1911 года. При этом приводится следующее обоснование: «Граница событий определяется по местонахождению списков этих стихотворений, сделанных Г. А. Панфиловым в его тетради: принято во внимание, что у произведений других авторов, списки которых идут непосредственно за списками перечисленных стихов Есенина, проставлены даты первой декады апреля 1911 г.» (Летопись жизни и творчества С. А. Есенина. Т. 1. С. 123).

¹⁷ Церковные ведомости. 1908. № 39. 27 сентября. С. 302.

¹⁸ Русская стихотворная эпитафия. СПб., 1998. С. 431.

¹⁹ Справка архива отдела записи актов гражданского состояния Рязанской области от 24.11.1994 г., № 1025, выдана Н. Д. Чистякову.

²⁰ При датировке произведений Есенина, связанных с военной тематикой, учтены предложения, высказанные на заседании Есенинской группы ИМЛИ РАН 26 февраля 2002 года, прежде всего Н. И. Шубниковой-Гусевой и В. А. Дроздовым.

²¹ Слово. 2000. № 6. С. 68.

²² Биржевые ведомости. 1914. № 14258. 18 июля, вечерний вып.

²³ Биржевые ведомости. 1914. № 14263. 21 июля, экстренное прибавление к вечернему вып. Ср. также в редакционной статье в той же газете: «Небольшие европейские государства вроде Дании, Бельгии, Швейцарии и Голландии не могут быть причислены сегодня ни к нашим врагам, ни к союзникам. Каждое из них в начинающейся борьбе народов будет стремиться только к тому, чтобы всеми силами оградить свою территорию и независимость» (Биржевые ведомости. 1914. № 14261. 20 июля, утренний вып.).

²⁴ См., например: Биржевые ведомости. 1914. № 14271. 25 июля, вечерний вып.

²⁵ Там же. 1914. № 14276. 28 июля; подпись под картой.

²⁶ «Началась великая битва народов. Сражаются в Бельгии 2 000 000 людей. Против 21 французского и 3 бельгийских корпусов сражаются 25 германских корпусов и 1 австрийский» (Биржевые ведомости. 1914. № 14283. 31 июля, экстренное прибавление к вечернему вып.).

²⁷ Ялтинский курьер. 1914. № 101. 28 июля. Эта информация была не совсем точна. «Главнейшие форты Льежа еще в руках бельгийцев. Вся Бельгия под оружием. В Бельгии установлена полная связь между союзными армиями», — пишут «Биржевые ведомости» (1914. № 14281. 30 июля, экстренное прибавление к вечернему вып.).

²⁸ «Говорить о бельгийском бургомистре — значит говорить о герое», — вот фраза, которую теперь часто повторяют в стране, принявшей на себя первый удар тевтонского меча. И эта народная оценка отнюдь не преувеличение» (Утро России: вечернее изд. 1914. 9 сентября).

²⁹ Утро России. 1914. № 219. 13 сентября.

³⁰ Там же. Две последние из приведенных строк соотносятся и с другим стихотворением Есенина — «Бельгия»:

И жребий правды совершится:
Падет твой враг к твоим ногам
И будет с горестью молиться
Твоим разбитым алтарям [IV, 74].

³¹ Панфилов А. Д. Константиновский меридиан: Поиски, исследования, находки, мысли вслух, воспоминания сверстников и односельчан о детстве Сергея Есенина и селе Константинове. М.: Энциклопедия российских деревень; Народная книга, 1992. Т. 2. С. 177–179.

Часть II

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ РАННЕЙ БИОГРАФИИ ЕСЕНИНА

Глава 1

В РОДНОМ СЕЛЕ: ПОЗНАНИЕ МИРА И УЧЕБА

Первые годы жизни обычно оказываются наименее изученными в биографическом отношении. В летописях и научных биографиях детским и юношеским годам обычно уделяется крайне мало внимания. Это в значительной степени обусловлено недостаточным количеством материалов, посвященных этому периоду жизни. Так, в «Летописи жизни и творчества А. С. Грибоедова» Н. К. Пиксанова первому десятилетию жизни будущего драматурга и дипломата посвящено всего три летописных статьи (не считая записи о рождении), в пятитомной «Летописи жизни и творчества А. П. Чехова» — 22 статьи. В «Летописи жизни и творчества Л. Н. Толстого» Н. Н. Гусева (издание 1936 года) период 1828–1836 годов освещен в шести записях, 1837–1843 годов — в 25 записях. В «Летописи жизни и творчества М. В. Ломоносова» период 1711–1724 годов отражен в 14 записях, к некоторым из них даны довольно пространственные подстрочные примечания. В «Летописи жизни и творчества И. А. Гончарова» периоду 1812–1819 годов посвящено всего пять записей, периоду 1820–1828 годов — 11 записей. В четырехтомной «Летописи жизни и творчества А. М. Горького» периоду 1868–1877 годов посвящено всего 32 летописных статьи.

В «Летописи жизни и творчества Н. Г. Чернышевского» о его рождении сказано в статье № 17. До этого описываются события, произошедшие в жизни его родителей. Затем отмечено появление на свет будущей жены Николая Гавриловича — Ольги Сократовны Васильевой. Благодаря сохранившемуся семейному архиву Чернышевских в летопись включены такие события, как ранний период учебных занятий с отцом, начало занятий латинским языком, работа над

учебными переводами с греческого на русский язык и др. В летописи представлены фотокопии ученических работ Чернышевского, охарактеризована библиотека отца, которой пользовался будущий писатель. Однако в целом периоду 1828–1843 годов в летописи посвящено менее четырех страниц (при этом больше страницы занимают иллюстрации), поэтому читатели ничего не узнают об учебе Чернышевского в Саратовском духовном училище, о его программах, преподавателях, о круге общения юноши в то время¹.

Такая ситуация объясняется прежде всего скудостью источниковедческой базы. Когда человек получает известность, растет интерес к нему. Соответственно, увеличивается вероятность того, что его фамилия попадет в дневники, появятся записи мемуарного характера, о публичных выступлениях и других мероприятиях с его участием могут сообщать друг другу в письмах современники, деятельность человека будет характеризоваться в материалах периодической печати. Человек же, деятельность которого не рассматривается как общественно значимая, интересен лишь его ближайшему окружению, поэтому сведения о нем, не представляющие какого-либо значения для широкого круга лиц, не сохраняются либо довольно быстро утрачиваются. Лишь в том случае, если человек получает впоследствии известность, люди, знавшие его в детстве и юности, могут написать воспоминания о нем, но, как правило, такие записи создаются спустя довольно длительный период после описываемых событий и потому часто воссоздают их неполно или с искажениями.

Период детства и юности — это время становления личности, поэтому он заслуживает пристального внимания и важен для понимания всего жизненного пути человека. Обычно здесь еще не приходится говорить о творческой биографии, она может возникать лишь в качестве фрагментарных вкраплений. Ранняя биография — это описание жизненного пути и выявление тех особенностей характера, окружающей обстановки, личностных контактов, которые способствуют становлению личности и ранним проявлениям таланта.

Нередко биографы прослеживают родословную своего героя, характеризуют его близких, а порой и весьма отдаленных предков и других родственников. Но все-таки подобный экскурс желательно делать по возможности кратким, поскольку изучение истории рода и рассмотрение персональной биографии — вещи значительно различающиеся.

Не является исключением и ранняя биография С. А. Есенина: о периоде его детства написано не очень много воспоминаний, сохранилось крайне мало документов. Однако составители «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина» по возможности полно предста-

вили этот период его жизни. Хотя под 1895 годом — годом рождения поэта — всего две записи (о рождении и крещении), они занимают три страницы. Здесь цитируются как документы, так и воспоминания, даются краткие сведения о предках поэта. Следующие годы описаны с возможной степенью подробности: есть записи за 1896–1898, 1898–1899 и 1900–1901 годы, отдельные записи за каждый год, начиная с 1898-го. Однако в Летопись в силу ее специфики могли быть включены далеко не все даже известные исследователям данные. К тому же за 10 лет, прошедших после выхода первого тома Летописи (2003), были обнаружены и изучены новые источники по ранней биографии поэта.

«Родился я с песнями...»

Сергей Александрович Есенин родился 21 сентября (3 октября по новому стилю) 1895 года в селе Константиново Кузьминской волости Рязанского уезда Рязанской губернии в семье крестьянина Александра Никитича Есенина и крестьянки Татьяны Федоровны Есениной, урожденной Титовой. Сентябрьские дни 1895 года были особыми на Рязанской земле — отмечалось 800-летие Рязани, одного из самых древних и славных своей историей городов России. Рязань важна для есенинской семьи и для самого будущего поэта. Она станет первым крупным городом, в котором он побывает. В годы учебы в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе Есенин нередко будет проезжать через Рязань. Здесь появятся у него знакомые. И первую свою книгу — «Больные думы» — он планировал издать в Рязани. Этот город был интересен Есенину, поэтому материал о нем весьма существен для биографии поэта.

Скажем несколько слов о широком праздновании юбилея города. Рязанская ученая архивная комиссия еще в 1880-е годы проводила научные изыскания для определения времени создания Переяславля-Рязанского — древней столицы Рязанского княжества. Первое упоминание этого поселения было обнаружено в рукописной «следованной псалтири» XVI века, хранившейся в Рязанской духовной семинарии. В этой старинной книге есть запись о том, что город был заложен около церкви Николы старого.

Подготовка к знаменательному событию — 800-летию губернского города — началась в 1890 году. Потом вспомнили и о другой важной дате, также приходящейся на 1895 год, — 600-летию кончины св. Василия, епископа Рязанского. «Присоединение к гражданскому торжеству религиозного пришлось всем по душе, — отмечали члены

архивной комиссии, — оно придавало полноту, большую притягательность для простого народа. Предстоящее религиозное торжество давало более широкий полет мысли, будило святые чувства, манило воображение...»² Как важнейшие сказания о многовековой истории Рязани были отмечены повесть о разорении Старой Рязани Батыем, результатом которого явилось перенесение столицы княжества в современную Рязань, и повесть об основателе города св. Константине Святославиче и св. Василии Рязанском, который перенес епископскую кафедру в нынешнюю Рязань.

Подготовка города к юбилею началась заблаговременно. Была расчищена и утрамбована Ильинская площадь, где установили высокий помост с колоннами для проведения торжественного молебна. По краям площади установили палатки для угощения войск, а также качели, мачты и другие приспособления для народных забав. В начале соборного бульвара появилась изящная деревянная арка, которую украсил губернский герб: на золотом поле был изображен князь Олег в зеленом одеянии, в красной епанче, с мечом в одной руке и ножнами в другой. Под гербом была надпись: «В память 800-летия Рязани». На левой стороне арки написали: «1095 год — основание г. Рязани при князе Ярославе Святославиче», на правой — «1895 год — первый год царствования государя императора Николая II». Триумфальную арку украсили флагами, а вечерами на ней загорались разноцветные огни. Тысячу рублей на ее возведение и освещение собрало рязанское купечество.

Повсюду в городе развевались флаги, особенно нарядными были центральные улицы города — Астраханская, Почтовая, Соборная, украшенные трехцветными полотнами цветов российского флага. Некоторые хозяева богато украсили и свои дома. К юбилею был изготовлен памятный жетон, который вручался почетным гостям праздника и известным соотечественникам.

Празднование началось 20 сентября. В Борисоглебском храме, «бывшем когда-то кафедральным собором рязанских архиереев, была отслужена заупокойная литургия о блаженном упокоении душ князей и княгинь, митрополитов, архиепископов и епископов, военачальников и бояр и всех в православной вере усопших жителей Рязанской области. Служение совершал ректор духовной семинарии И. К. Смирнов»³. В два часа дня крестные ходы с хоругвями и чтимыми иконами двинулись ото всех церквей к Борисоглебской церкви, к могиле святителя Василия Рязанского. Священники выделялись белыми праздничными одеждами. Все духовенство Рязани и клир служили молебен святителю Василию. Затем торжественная процессия двинулась через триумфальную арку в кремль, к Христорожде-

ственскому собору. В пять часов вечера раздался праздничный благовест ко всенощной, проходившей во всех церквях и монастырях Рязанской епархии до десяти часов вечера. В Рождественском соборе у мощей святого Василия службу совершал преосвященный Иустин в сослужении трех архимандритов, игумена и соборного причта.

Состояние природы соответствовало праздничному дню — стояла «та редкая осенняя погода, лучшая в году, когда летает паутина»⁴.

Следующий день тоже был по-летнему теплым и безоблачным. В материале корреспондента «Нового времени» отмечается: «“Где я? В Неаполе или Рязани?!”, — спрашивал я себя в юбилейные дни, глядя на безоблачную синеву октябрьского (по новому стилю) неба, испытывая июльскую жару и любуясь по вечерам чудными эффектами лунного освещения, которое переносило воображение далеко на юг...”»⁵

Утро началось ранней обедней, затем была отслужена поздняя литургия. Народ стекался к кремлю, в храмах которого шла праздничная служба. На Ильинской площади, оцепленной войсками, разместились три оркестра, пожарная команда, рядами выстроились учащиеся (более 4000 человек) всех учебных заведений города со своими педагогами. На берегу Трубежа появилась артиллерия. В это время закончилась литургия и крестный ход двинулся от кремля к площади.

Оркестры заиграли «Коль славен». Наступал кульминационный момент праздника. «При звуках музыки, пении архиерейского хора шествие медленно подвигалось к помосту, обтянутому красным сукном и убранному живыми растениями и цветами. Хоругви и иконы в несколько рядов (до 50) разместились вокруг возвышения, духовенство поднялось на помост и под открытым небом началось благодарственное молебствие, озаренное яркими лучами солнца. В прозрачном воздухе далеко слышались стройные молебные песнопения. В конце молебна, при пении “Тебе Бога хвалим”, дрогнул воздух, началась салютационная пальба из пушек. Едва раздалось последнее многолетие, едва духовенство сошло с помоста, заколебалась народная волна и в одно мгновение обширная площадь представила из себя море человеческих голов. Раздались музыкальные звуки национального гимна; все учащиеся соединенным хором пели “Боже, Царя храни”, но бесконечное “ура” многотысячной толпы и продолжавшаяся стрельба из пушек мешали разобраться в этом народном одушевлении. По приблизительному расчету на площади было более 30 тысяч человек»⁶.

Праздник продолжался. На площади состоялся военный парад. Губернатор поздравил с юбилеем учащихся, воспитанники город-

ских школ отправились к зданию городской управы, где им вручили конфеты и брошюры: составленные епископом Иустином «Сказание о святом Василии, первом епископе рязанском» и «Святой благоверный князь рязанский, великомученик Роман Олегович», а также «Герои рязанские в 1237 году» преподавателя духовной семинарии С. Д. Яхонтова.

Затем состоялись торжественные собрания Рязанской ученой архивной комиссии и городской думы. А на площади тем временем продолжались праздничные гуляния. Было здесь и много крестьянской молодежи из окрестных сел и деревень — водили хороводы, пели песни, плясали, лазали на мачты, соревновались, играли в народные игры. Об этом праздничном веселье сообщает корреспондент «Нового времени»: «Общий колорит толпы темный; костюмы мужчин лишены всякого колорита — убийственные черные картузы, черные пиджаки и кафтаны. Женские костюмы разноцветные, но лучше всего были костюмы хороводов, женских, конечно. Эти молодухи и девушки прямо пришли из рязанской деревни в своих праздничных нарядах, блещущих яркими красками. <...> И отплясывают и отхватывают же свои песни эти рязанки залихватски!»⁷ До полуночи горела иллюминация на центральных улицах и в городском саду, где продолжались гуляния.

На торжественном обеде, прошедшем в Дворянском доме, губернатор и другие участники торжества произносили тосты и речи. Рязанский губернатор Н. С. Брянчанинов кратко остановился на истории Рязани: «Немногим городам земли русской выпало на долю переживать такие знаменательные дни, какие переживаем мы, празднуя 800-летие города Рязани. Рязань в своем далеком прошлом испытала так много бедствий и опустошений от внешних врагов и внутренних усобиц, что представляется чудесным ее настоящее существование. В то время как многие из других некогда славных и цветущих русских городов обратились в захудалые городки, незначительные деревушки или пустынные городища, Рязань сохранила почетное место среди многочисленных городов нашего обширного отечества. Долговечность вообще есть результат присутствия в организме здоровых жизненных сил; присутствием таких сил можно объяснить и многовековое существование Рязани. В сознании таких благоприятных условий для дальнейшего развития нашего города мы с наступлением нового девятого века существования Рязани смело и бодро можем смотреть в будущее. Если после стольких разорений и татарских погромов Рязань возродилась из пепла и развалин, то средь мирного течения жизни под державным правлением нашего возлюбленного

монарха родной наш город может беспрепятственно выполнить свою историческую задачу»⁸.

С 20 по 22 сентября были отменены занятия в учебных заведениях города. В последний день юбилейных торжеств, когда возобновилась торговля и открылись присутственные места, ремесленное общество дало торжественный обед для губернатора и других почетных гостей, а учащиеся устроили своими силами литературно-музыкальный вечер в зале дворянского собрания. Здесь же проходила выставка картин на темы истории Рязани, подготовленная учащимися рязанской прогимназии под руководством своего преподавателя члена архивной комиссии Н. Д. Малашкина. Важно отметить, какие моменты из восьмивековой истории Рязани член архивной комиссии считал центральными, поскольку именно им должно было уделяться значительное внимание при изучении в учебных заведениях Рязанской губернии истории Рязанской земли. Картины были посвящены следующим историческим событиям и персонажам:

1) Основание Переяславля-Рязанского — 1095 год.

2) Княгиня Евпраксия, ожидающая своего мужа, князя Феодора Зарайского, посланного отцом Юрием Рязанским на переговоры к Батыею, — 1237 год.

3) Разорение Рязани (боярин Евпатий Коловрат был послан за помощью в Чернигов. По возвращении нашел Рязань, разоренную татарами) — 1237 год.

4) Смерть Коловрата (Евпатий Коловрат собрал оставшихся в живых рязанцев и отправился с ними отомстить врагу. Сам герой погиб, а от дружины уцелело всего несколько человек) — 1237 год.

5) Прибытие в Рязань св. Василия Рязанского.

6) Битва Олега Рязанского с татарами.

7) Олег Рязанский и преподобный Сергей Радонежский во дворце Олега — 1385 год.

8) Воевода Хабар Симский — человек, разорвавший грамоту Московского князя Василия, которая обязывала платить дань татарам, — 1521 год.

Как видим, большинство исторических событий относится к тому времени, когда шла героическая борьба русских княжеств с монголо-татарским игом. Это был период, когда Рязанское княжество играло существенную роль в исторических судьбах Русского государства. Рязанцы становились героями, успешно противостоявшими опасному и коварному врагу.

Есенин родился именно в тот день, когда праздновалось 800-летие Рязани, когда по всей губернии проходили торжественные церковные службы, празднично звонили колокола.

Есенинское стихотворение «Матушка в купальницу по лесу ходила...» сопоставляют с реальными обстоятельствами рождения поэта. Так, А. А. Козловский отмечает: «В том, что автор как бы отнес день своего рождения (21 сентября) к кануну Ивана Купалы (т. е. к 23 июня), нет намерения изменить свою реальную биографию. Это — поэтическая условность. Однако в кругу знакомых Есенина был писатель, действительно родившийся на Ивана Купалу, — А. М. Ремизов, который многое выводил в своем творчестве именно из этого, в частности, свои особые отношения со всякой сказочной лесной нежитью, о чем он не раз писал и говорил. Можно было бы предположить, что под воздействием одного из таких рассказов А. М. Ремизова, с которым Есенин познакомился в первый свой приезд в Петроград в марте 1915 г., могло возникнуть и это стихотворение. Однако у Есенина совсем другой характер обращения к купальским легендам — он раскрывает через это свою “слитость” с природой, песенность своего творчества» [I, 451]. Хотя названное стихотворение датируется поэтом 1912 годом, впервые оно появится в печати в составе первого издания «Радуницы», т. е. могло быть написано после знакомства Есенина с Ремизовым и учитывать те особенности биографии и мировосприятия последнего, на которые указывает А. А. Козловский.

«Родился я с песнями» — это, конечно, поэтический образ. Однако в контексте празднования 800-летия Рязани, приходящегося на день рождения Есенина, эти слова получают и документальное подтверждение. 21 сентября 1895 года жители Рязанской губернии пели, плясали, играли в народные игры.

«Внук купальской ночи...»

Стихотворение «Матушка в купальницу по лесу ходила...» играет важную роль в создававшейся Есениным поэтической биографии. Оно занимает центральное место в композиции первого издания «Радуницы»: и до и после него — по 16 произведений⁹. Название праздника — купальница — соотносится с именем бабушки Есенина — Агрипины (Аграфены) Панкратьевны Есениной. «Св. Агриппина, — отмечает И. П. Калинин, — известна в народе русском под именем Аграфены-Купальницы. Причиной такого названия послужило то обстоятельство, что предки наши еще в эпоху дохристианскую с 23 июня, памяти св. Агриппины, начинали одно из важнейших языческих своих празднеств Купалы»¹⁰. Так что сло-

ва «внук купальской ночи» в контексте праздника купальницы прямо указывают на бабушку Есенина.

Семья Есенина на протяжении нескольких поколений была крестьянской. Мужчины активно занимались отхожими промыслами, зарабатывая средства для обеспечения родных. Архивные документы, связанные с родословной Есенина, изучены О. Л. Аникиной, однако еще не полностью введены ею в научный оборот. Ценные материалы обнаружены Н. М. Солобай в Российском архиве древних актов (РГАДА) и Российском военно-историческом архиве (РГВИА). Мы в данной работе используем как воспоминания родных и односельчан Есенина, так и исследования и публикации по этой теме. Н. М. Солобай отмечает:

Сергей Есенин — представитель разветвленных крестьянских родов — Есениных по линии отца, Александра Никитича, и Титовых — по линии матери. В документах последнего десятилетия XVIII века имеются упоминания о семействах Рединых, Каверденевых (Кверденовых, Каверденовых) и Титовых. **Редины** породнились с Титовыми благодаря браку двоюродного деда Есенина Акима Андреевича Титова с Федосьей Никитичной Рединой, ориентировочно в 1840 г.¹¹ Редины, жившие в конце XVIII века, — прапрапрадеды и прадеды Есенина. Известно, что Иван Редин в октябре 1790 года был старостой села Константинова, ему адресовано три деловых письма <А. М. >Голицына, в одном из которых дается разрешение на постройку новой избы вблизи дома Никиты Кверденева, вследствие чего можно сделать вывод о том, что он был грамотным и уважаемым человеком¹². Кондратий Редин указан в списке крестьян (от 5 октября 1790 г.), нуждающихся в «поправке» избы <...>. В марте 1794 г. в качестве старосты упоминается Парфен Редин, у которого была двухлетняя дочь Авдотья (ее привили от оспы) <...>. В списке родителей и детей с привитой оспой — Василий Редин и его трехлетний сын Василий, Тимофей Редин и его трехлетняя дочь Анна¹³. Савелий Редин, упомянутый вместе с двумя другими крестьянами в 1792 г. в связи с просьбой об облегчении тягла, как можно предположить, был бедным крестьянином¹⁴.

Кверденевы (Кверденовы. Каверденовы) — кровные предки поэта. <...> Никита Кверденев — состоятельный крестьянин, в октябре 1790 г. смог откупиться от исполнения рекрутской повинности <...> В декабре 1793 — мае 1794 г. — сельский староста, грамотный, смелый человек, осмеливается просить об освобождении от налога на строительство храма, просит уменьшить размер оброка в связи с неурожаем 1792 г.¹⁵. <...> **Титовы**. В Рязанской переписной книге за 1678 г. упоминается «Титов Мишка <...> у Мишки сын Яков да пасынок Фомка <...> два сына Терешка да Харитонка», крепостные Романа Федоровича Матова, владельца деревни Матова¹⁶ — родины Татьяны Федоровны Есениной¹⁷.

Много информации об истории села и рода Есениных содержится в воспоминаниях Николая Ивановича Титова — троюродного брата поэта, родившегося в тот же год, что и его знаменитый родственник. Ему принадлежат хранящиеся в отделе рукописей ИМЛИ РАН воспоминания «Село, взрастившее Есенина», датированные 1958 годом. Об обстоятельствах их создания рассказывает поэт, переводчик, литературный критик Л. А. Озеров. «С Титовым я познакомился в середине 50-х годов на Московском автозаводе имени Лихачева, — вспоминает Лев Адольфович. — Он был рабочим этого завода и посещал литературное объединение, которое я вел свыше десяти лет (50–60-е годы). Николай Иванович хорошо знал титовско-есенинское родовое древо, охотно и умело показывал мне и студийцам его ветви и листья, его крону. <...> Устные рассказы Титова, изобиловавшие ненужными и не идущими к делу подробностями, казались мне все же заслуживающими внимания. Я посоветовал Титову записать все то, что он помнил о своем троюродном брате и про родню. Он засел за писание, но вскоре почувствовал немалые трудности, и я просил одну из участниц литобъединения, просвещенную Якубенюк, помочь Титову и подготовить удобный для чтения, а может быть и для печати письменный очерк. Так появилась рукопись “Гнездо <правильно: Село. — М. С.>, взрастившее Есенина”»¹⁸. Титов был не только близким родственником Есенина, но и жил недалеко, а потом поступил вместе с Сергеем в Константиновскую земскую школу, где они сидели за одной партой. Так что о Есенине Титов знал многое. Однако от времени тесного общения троюродных братьев до периода написания воспоминаний прошло около полувека, так что в них могут содержаться и неточности, проверить которые по другим источникам иногда не представляется возможным. Присутствуют в них и стилистические шероховатости, которые, вероятно, не смогла устранить его «просвещенная» помощница.

Титов пишет о том, что есенинские предки пользовались в селе заслуженным уважением:

Вспомнив родословную С. Есенина по линии трех семейств нашего села — Титовых, Есениных и Макаровых, <...> удивляешься не только тому, что эти дома в нашей памяти были отменные, но тому, что в 19 веке предки этих домов были, очевидно, очень сильные люди, т. к. потомков указанных домов звали не по фамилиям, а по имени предков.

Есениных звали — Осиповы, Макаровых же фамилия была Квендеревы <так в тексте. — М. С.>, но предок этого дома Макар «похоронил» эту фамилию для односельчан и оставил ее лишь для паспорта.

Наш прадед Тит «похоронил» фамилию нашего родича и в 19 веке в паспортах Титовых была двойная фамилия Титов-Федин. <...> Главное

же было то, что если Титовы, Осиповы и Макаровы в 19 веке были люди с достатком, то как по команде к концу 19 века они все познали нужду, а уже в начале двадцатого века их дети брались за любую работу, лишь бы свести концы с концами, не остаться без керосина, соли и насущном хлебе <так в тексте. — М. С.>¹⁹.

Титов пишет, что большинство его ровесников в возрасте 12–13 лет отправлялось на заработки, как и отец Есенина, уехавший в Москву 12 лет от роду.

Известен в селе был дед Сергея — Никита Осипович Есенин. Он родился в семье крепостного крестьянина Иосифа Климентовича Есенина и его законной жены Варвары Стефановны 15 сентября 1843 года, на третий день был крещен с именем Никиты. Его воспитателями стали крестьяне Лазарь Устинов и Федосья Антонова²⁰. Жители Константинова в ту пору были крепостными Александра Дмитриевича Олсуфьева (1790–1853), участника Отечественной войны 1812 года и последующих заграничных походов русской армии, и его сына Василия Александровича (1831–1883), московская усадьба которого граничила с усадьбой Л. Н. Толстого²¹.

Никиту Осиповича прозвали в селе Монахом, а потом это прозвище — через полтора десятилетия после его смерти — перешло по наследству и к его внуку Сергею. Прозвище появилось случайно — женился Никита Осипович для того времени крайне поздно, на двадцать восьмом году жизни, — 26 октября 1870 года обвенчался с крестьянкой Агрипиной Панкратовой. Жених и невеста, впервые вступавшие в законный брак, были временнообязанными В. А. Олсуфьева.

Агрипине (Аграфене) Панкратьевне Артюшиной было в ту пору всего 16 лет, всю жизнь звали ее на селе Монашкой. Поручителями брачующихся стали местные крестьяне, тоже временнообязанные В. А. Олсуфьева: со стороны жениха — Архип Трифонов, муж сестры невесты, и Павел Антонов, муж сестры жениха Веры Иосифовны (Осиповны); со стороны невесты — ее родной брат Михаил Панкратов и брат его жены (свояк) Яков Тимофеев²².

Иное предположение относительно появления прозвища высказывает И. Г. Атюнин: «... Аграфена Панкратьевна — сердобольная, богомольная, фанатично настроенная женщина, часто посещала монастыри и скиты <...>. Она принимала у себя <...> монахов, монахинь и старух <...>, за что и была в народе прозвана “монашкой”, а затем по ее милости это прозвище укоренилось и за всем родом Есениных и односельчане лучше знали “МОНАХОВЫХ”, чем ЕСЕНИНЫХ»²³.

После женитьбы Никиты Осиповича произошло межевание земли. «Женившись, дедушка разделился со своим братом, — вспоминает сестра Есенина Екатерина. — Ему досталась часть родовой усадьбы Есениных. Но эта усадьба столько раз делилась наследниками, так раздробилась, что теперь на ней даже маленькую избушку можно было построить с трудом. В это время дедушке удается приобрести у одного из односельчан небольшой клочок земли»²⁴. 15 декабря 1871 года он покупает у Е. Г. Беликова участок земли в «вечное и потомственное владение».

Земельный участок небольшой: три с половиной сажени в ширину (по стороне, выходившей на улицу) и шесть с половиной сажень в глубину. Сажень равняется 2,13 метра, то есть участок оказывается крохотным: всего 7,46 на 13,85 метра (чуть больше сотки земли). «На этой усадьбе, кроме избы и двора для скотины, ничего больше дедушка построить не смог, — вспоминает Е. А. Есенина. — Не осилил он сразу купить огород»²⁵. Землю под огород сможет приобрести только его сын Александр Никитич.

Но, как ни мал был участок, на нем нужно было построить дом для семьи. Пришлось делать его в два этажа. Сестра Есенина Александра вспоминает: «На приобретенном участке дедушка выстроил двухэтажный дом, верх которого был жилым помещением, а низ складским, так как даже амбара дедушке поставить было негде. Этот дом простоял примерно до 1909–1910 года. Затем за ветхостью его сломали, а на его месте выстроили новый. Из нашей семьи в старом доме родились отец, Сергей и моя сестра Катя»²⁶.

Никита Осипович был грамотным, что было в ту пору редкостью среди крестьян. Поскольку он умел писать разные бумаги и считался человеком справедливым, то многие годы был сельским старостой. Его уважали и любили в селе. «... его сильная сторона, — отмечает Н. И. Титов, — и набожность, и хозяйственность, чем и отличались и его сыновья, и его дочери»²⁷. Уважали и неграмотную Аграфену Панкратьевну, которая «считалась по селу одной из самых умных и развитых женщин, про нее говорили, что она умеет “складно” разговаривать и вполне может заменять своего мужа по торговле»²⁸.

В браке Никита Осипович прожил меньше полутора десятков лет, скончавшись в 1885 году. «Умер дедушка Никита сорока двух лет от роду, — вспоминает Е. А. Есенина. — После смерти дедушки бабушка Аграфена Панкратьевна осталась с малолетними детьми: два сына и две дочери. Основным доходом ее стали жильцы: художники, работавшие в нашей церкви, и монахи, ходившие по деревням с чудотворными иконами. Я не видела этих квартирантов,

но в детстве Сергея они были: мать с Сергеем вспоминали о них»²⁹. Никиту Осиповича, скончавшегося на сорок втором году жизни 27 апреля 1885 года, 1 мая похоронили на приходском кладбище — там, где похоронены многие близкие родственники Есенина. Обряд совершал Иоанн Яковлевич Смирнов. 12 декабря 1877 года по его прошению он был переведен в Константиново приходским священником. И с этого времени на долгие годы отец Иоанн станет человеком, без которого в селе не происходило ни одного сколько-нибудь значимого события. Это касалось не только совершения религиозных обрядов, но и принятия важных для крестьян решений. Отец Иоанн окажет серьезное влияние на формирование мировоззрения Есенина и его судьбу, посоветовав родителям отправить Сергея для продолжения учебы в Спас-Клепики.

Из семерых детей Никиты Осиповича и Агрипины Панкратьевны две девочки — Пелагея и Александра — умерли в раннем детстве, две — Анна и Пелагея — в юности (последняя в возрасте около 17 лет, только выйдя замуж), а трое — Параскева, Александр и Иван — выросли и завели собственные семьи³⁰. Сыновья, когда подросли, отправились в город на заработки.

Смерть близких тяжело сказалась на здоровье Агрипины Панкратьевны. Н. И. Титов вспоминает:

Бабка Груша была нам родней, ходила к нам в дом и даже ночевала у нас, под влиянием большого горя, смерти дочери, к ней, по распространенному поверью у нас в селе, летал Змей, у меня же этот Змей сохранился в памяти, и он, этот мнимый Змей, был таким же доказательством нарушения человеческой психики и плодом темноты народа, как и порча от злых колдунов и колдуний. <...> Змей же бабки Груши был иного порядка, когда умерла ее только что вышедшая замуж за красивого кузьминского парня дочь Полина <вероятно, правильно: Пелагея. — М. С.>, то бабке Груше было уже около 60 лет.

Она впала в такую сильную тоску, что уходила из дома ночью на могилу дочери.

Бабка Груша Есенина — совершенная противоположность бабке Наталье Титовой³¹.

Как вспоминает Н. И. Титов, после смерти Никиты Осиповича «эстафета власти» перешла «двум братьям: Григорию, бывшему в конце 19 века старшиною волости, и Якову, бывшему с 1885 года и по 1905 год старостой села»³².

Есенин успел пообщаться со своими двоюродными дедами — Яковом Осиповичем и Григорием Осиповичем (1846–1911). Н. И. Титов вспоминает: «Я очень хорошо помню бывшего старшину нашей многолюдной Кузьминской волости Григория — он ходил к нам в дом за двуручною пилой, т. к., уйдя от волости, он

терпел нужду. Его характеристика, как мне кажется, менее важна в свете жизни Константинова, чем характеристика его младшего брата Якова. <...> Якова помню с книгою податей, щеголевато одетого <...>. Старший сын Якова служил в волостном управлении, сам Яков, хотя и приторговывал в лавчонке при доме, но пахал, косил и ни в чем и ничуть не отличался от рядовых крестьян, в особенности после пожара...»³³ Понятно, что при плотной застройке пожары становились бедой, охватывавшей много расположенных почти вплотную друг к другу построек.

Такова была жизнь родных Есенина по отцовской линии.

С дедушкой и бабушкой по материнской линии Есенин будет более близок, чем с Агрипиной Панкратьевной. Например, о своем дедушке, Федоре Андреевиче Титове, он сообщит в 1921 году И. Н. Розанову: «Оглядываясь на весь пройденный путь, я все-таки должен сказать, что никто не имел для меня такого значения, как мой дед. Ему я больше всего обязан. Это был удивительный человек. Яркая личность, широкая натура, “умственный мужик”»³⁴.

Дед родился 10 февраля 1845 года, а 12 февраля был крещен с именем Федора. Его родители — крестьянин Олсуфьевых Андрей Титович и его законная жена Матрона Борисовна³⁵. 7 апреля 1863 года в 18-летнем возрасте Федор женится на 16-летней Наталье Евтихиевне Кверденевой. Тогда, вскоре после отмены крепостного права, оба были временнообязанными В. А. Олсуфьева. Поручители вступающих в брак — их близкая родня: Федора — Егор Борисов, дядя жениха по матери, и Аким Андреев, родной брат Федора, Натальи — Авксентий Памфилов, ее дядя, и Ерофей Макаров, муж Натальиной сестры³⁶.

Федор Андреевич, как и многие его ближайшие родственники, в том числе отец, занимался отхожим промыслом, перевоза на баржах всякий товар. Зарабатывал он в сравнении с жившими безвыездно в Константинове крестьянами неплохо. Поэтому, возвращаясь в родное село, устраивал большие праздничные застолья — и сельчан порадовать, и своими успехами похвастаться. Довольно подробно о жизни дедушки рассказала сестра Есенина Екатерина:

Вся округа знала Федора Андреевича Титова (нашего дедушку по матери). Умен в беседе, весел в пиру и сердит в гневе, дедушка умел нравиться людям.

Он был недурен собой, имел хороший рост, серые задумчивые глаза, русый волос и сохранил до глубокой старости опрятность одежды. Он был одним из четырех сыновей константиновского крестьянина. В нашем малоземельном краю четверем молодцам в одном доме нечего было делать, поэтому наш народ всегда занимался отхожими промыслами. С началом весны у нас почти половина

мужского населения уходила в Питер на заработки. Там они нанимались рабочими на плоты или на баржи и плавали по воде все лето.

Потом мужики объединились в артель. Почти все члены артели приобрели собственные баржи, и каждый стал сам себе хозяин.

Дедушка со своими баржами был очень счастлив. Удача ходила за ним следом. Дом его стал полной чашей. Семья его состояла из трех сыновей и одной дочери (нашей матери). В доме были работник и работница, хлеба своего хватало всегда до нови. Лошади и сбруя были лучшие в селе.

В начале весны дедушка уезжал в Питер и плавал на баржах до глубокой осени.

По обычаю мужиков, возвращающихся домой с доходом, полагалось благодарить Бога, и церковь наша получала от мужиков различную утварь: подсвечники, ковры, богатые иконы — все эти вещи мужики покупали в складчину. Дедушка был очень щедрым на пожертвования и за это был почитаем духовенством. В благодарность Богу за удачное плавание дедушка поставил перед своим домом часовню. У иконы Николая Чудотворца под праздники в часовне всегда горела лампада.

После расчета с Богом у дедушки полагалось веселиться. Бочки браги и вино ставились около дома.

— Пейте! Ешьте! Веселитесь, православные! — говорил дедушка. — Нечего деньгу копить, умрем — все останется. Медная посуда. Ангельский голосок! Золотое пение. Давай споем!

Пел дедушка хорошо и любил слушать, когда хорошо поют. Веселье продолжалось неделю, а то и больше. Потом становилось реже, в базарные дни по вторникам, а к концу зимы и вовсе прекращалось за неимением денег³⁷.

Сходную картину рисует и младшая есенинская сестра — Александра:

На другом конце села, носящем название Матово, жил наш дедушка по матери Федор Андреевич Титов. Он был умный, общительный и довольно зажиточный человек. <...> Семья у дедушки была довольно большая: жена — наша бабушка Наталья, дочь Татьяна — наша мать и три сына — наши дяди: дядя Ваня, дядя Саша и дядя Петр.

Дедушка наш был человеком с большим размахом, любил повеселиться и погулять. Возвращаясь из Питера, он устраивал гулянье на несколько дней. Ведроми выставлялось вино — пей сколько хочешь и кто хочет. И пьет и гуляет чуть не все село. Игра на гармониях, песни, пляски, смех не смолкали иной раз по неделе. Но потом, когда отгуляет, дедушка начинал подсчитывать каждую копейку и, по словам нашей матери, ворчать, что «много соли съели, много спичек сожгли»³⁸.

Работа вдали от родного дома была нелегкой, а потом, когда уже не было возможности заниматься прежними делами, Федору Андреевичу пришлось с большим трудом приспособливаться к крестьян-

янской жизни. «... наши деды “отходили по сорок лет в Питер”, на свои баржонки, — вспоминает Н. И. Титов. — Слово это “ходить в Питер” возникло неслучайно, т. к. отец наших дедов — Андрей Титович Титов, наш прадед с Есениным, в дореформенное время действительно пешком водил их в Питер. Ликвидировав в 1900 г. свое хозяйство в Питере и очутившись без сбережений, им в 60 лет пришлось привыкать ко всему крестьянскому ремеслу в работе, требовавшему, как и всякое такое дело, опыта и выносливости. Кроме того, им пришлось пережить уничтожающие пожары. Приобретать опыт в плотничьих делах. Вспоминаешь загрузку делами своего дедушки и удивляешься, как мог этот человек, страдая хроническим катаром желудка, дотянуть до 68 лет жизни. Только настоящая нужда заставляла моего дедушку и деда ФЕДОРА зарабатывать на разгрузке вагонов с мукою и доставлять ее на Кузьминский базар торговцу Кошелеву»³⁹.

То, что Федор Андреевич был физически сильным человеком, подтверждают и другие жители села. «Федор Андреевич обладал высоким ростом, крепким телосложением. Развитой, трудолюбивый, главное, по характеру своему очень добрый и отзывчивый человек...»⁴⁰

Характеристику родных Есенина дополняют записи бесед с его односельчанами, сделанные в Константинове А. Д. Панфиловым и вошедшие в его двухтомник «Константиновский меридиан». О своей работе по сбору материалов А. Д. Панфилов рассказывает в книге. «Вначале делались записи бесед со стариками, — отмечает он, — записи эти, как правило, уточнялись, конкретизировались и авторизовывались во время последующих встреч. Многие беседы были записаны на магнитную пленку. <...> Обращалось внимание на достоверность данных, хотя бы и незначительных, на неоднократную проверку того, что могло быть искажено то ли в силу забывчивости, то ли по каким-либо иным причинам»⁴¹.

Например, А. Д. Панфилов записал воспоминания двоюродной сестры Есенина Е. А. Воробьевой (урожденной Титовой): «Федор Андреевич считался зажиточным. А что у него было? Две лошади, да три коровы, да десять овец. Вот его и считали зажиточным. А дом под соломой, в доме ничего особенного не было... <...> У Федора Андреевича было пять душ земли. Земля была под Раменками, в разных местах. Были впереди дольки, в середине и в конце. Одна под зеленые идет, другая под картошку, третья — под рожь, четвертая отдыхает»⁴².

Наталья Евтихьевна (1846–1911), большую часть года проводившая в селе без мужа с маленькими детьми, сумела таким обра-

зом устроить свою жизнь, чтобы не чувствовать одиночества. «Совершенно иной <в сравнении с Федором Андреевичем. — М. С.> жизнью в своей семье жила бабушка Наталья, — вспоминает ее внучка Александра. — Она была человеком тихим, кротким, добрым и ласковым. Была она набожна и любила ходить по церквям и монастырям»⁴³.

Немаловажные детали содержатся в воспоминаниях Воробьевой: «Дедушка в Питере подарков накупит разных, но только он со двора, бабушка все нищим раздаст. Очень нищих жалела. <...> Сейчас начнет нищих оделять: у какого-нибудь Никишки штанов нет, у какой-нибудь Аришки юбки нет. К празднику одному миску муки наложит, другому. Пуковым надо, Кондаковым надо. Лушке надо. Все они бедно жили. Скажет: “Нам хватит”. Мама не утерпит: “Что же ты делаешь?” А бабушка: “Надо, чтобы все были сыты. Нас Господь накормит”. <...> Странники и нищие шли к ней беспрестанно. Со странниками бабушка пела разные церковные песни»⁴⁴.

Наталья Евтихиевна и сама много ходила по монастырям. Это большой труд — служение Богу, далеко не каждому уготован такой путь. Не всякий его осилит. О таких людях напишет Есенин в одном из ранних стихотворений — «За горами, за желтыми долами...»:

Каждый вечер, как синь затуманится,
Как повиснет заря на мосту,
Ты идешь, моя бедная странница,
Помолиться любви и кресту.

Кроток дух монастырского жителя,
Жадно слушаешь ты ектенью,
Помолись перед ликом Спасителя
За погибшую душу мою [I, 22–23].

«Но я хранил завет крещенья...»

На третий день после рождения, 24 сентября 1895 года, мальчика, появившегося на свет в день 800-летнего юбилея Рязани у Татьяны Федоровны Есениной, понесли крестить в Константиновскую церковь Казанской иконы Божией Матери. Торжественный обряд провели священник Иоанн Смирнов с дьяконом Трофимом Успенским и псаломщиком Николаем Орлиным. Крестным отцом стал воспитанник четвертого класса Рязанской духовной семинарии Дмитрий Николаевич Орлов. Крестной матерью — крестьянка села Константи-

нова Евдокия Ивановна Титова, жена Ивана Федоровича, родного дяди Есенина по матери⁴⁵.

Дмитрий Орлов в середине 1896 года успешно закончил четвертый класс семинарии и был переведен в пятый класс⁴⁶, год спустя его перевели в выпускной шестой класс (по второму разряду)⁴⁷. Однако затем у крестного отца Есенина возникли некоторые проблемы с учебой — в 1898 году он не смог закончить Рязанскую духовную семинарию по первому разряду, а для ее окончания по второму разряду ему пришлось выдержать переэкзаменовку по церковной истории⁴⁸. В следующие годы судьба Орлова была связана со Спас-Клепиками — об этом мы узнаем из информации «Рязанских епархиальных ведомостей»: «По ходатайству Епархиального Училищного Совета преподано Архипастырское благословение Его преосвященства, со внесением в формулярный список, оказавшим особое усердие, знание школьного дела и успешность в занятиях с учащимися следующим лицам — заведующим, законоучителям, учителям и учительницам церковных школ Рязанского уезда <...> о. о. диаконам: <...> законоучителям — окончившим курс семинарии Димитрию Кедрову (Богословской школы) и Димитрию Орлову (Спас-Клепиковской школы)»⁴⁹.

С момента крещения в течение всей своей земной жизни Есенин находился под покровительством великого русского святого, подвижника и заступника Русской земли Сергия Радонежского, день памяти которого приходится на 25 сентября.

Сергий Радонежский — один из наиболее почитаемых в России святых. В 1892 году по всей России святого вспоминали в связи с 500-летием со дня его кончины. Участник тех событий Е. Богданович отмечал:

Чествование памяти Преподобного Сергия Радонежского, по случаю 500-летия со дня его блаженной кончины, совершилось, как торжество всенародное в России — без всяких особых приготовлений и предупреждений. У гроба Преподобного, в основанной им обители стеклись многие десятки тысяч православных со всех концов земли русской, — стеклись без зова, движимые единственно потребностью души — воздать честь и поклонение великому старателю родной страны, ныне столь же усердному молитвеннику за нее у Престола Божия, как и во дни Дмитрия Донского, которого Св. Сергий одушевил и подвигнул вести русскую силу к первой славной победе над лютыми полчищами Мамаевой орды.

Невозможно без умиления вспомнить эти недавние дни величественного шествия из Москвы к Троицкой Лавре, в Крестном ходе, под сению бесчисленных хоругвей. Как прекрасно сказался русский человек в этом благоговейном смирении, с которым многотысячное собрание людей торжественно следовало в Лавру по тому же самому

лесистому Радонежскому пути, коим при жизни своей столько лет ходил Св. Сергей на помощь Москве, начавшей тогда собирание русской земли и сплочение ее разрозненных сил⁵⁰.

Подробное описание крестного хода содержится в книге «Память 500-летия преподобного и богоносного отца нашего Сергия, Радонежского и всея России чудотворца, жизнь и подвиги его с приложением описания полного Крестного хода из Москвы в Троице-Сергиеву лавру в 1892 году, 25 сентября».

Рано утром 21 сентября 1892 года, ровно за три года до рождения Есенина, паломники стали собираться в Московском Кремле. В Успенском соборе прошел напутственный молебен. Здесь находились московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович, генералы, городской голова. В начале девятого утра под звон кремлевских колоколов крестный ход двинулся через Спасские ворота на Красную площадь.

Впереди были несены семьдесят две хоругви. За хоругвями следовало 60 псаломщиков, исполнявших догматики, до двухсот дьяконов и священников церковей, а затем святыни, во главе которых были несены на носилках народом чудотворные иконы: св. Алексия митрополита, Иверской Богоматери, Владимирской Богоматери, Господа Вседержителя; священник нес св. Евангелие, осеняемое двумя рипидами.

Далее шли архимандриты, члены Духовной консистории, преосвященные Александр и Тихон, начальствующие лица и несметные массы народа⁵¹.

В Кремле и на Красной площади стояли войска, исполнявшие молитву «Коль славен наш Господь в Сионе...» Когда крестный ход двигался по московским улицам, его встречало выходившее из церквей духовенство с хоругвями и иконами. У Крестовской заставы крестный ход разделился: часть вернулась в Кремль, а большинство во главе с благочинным протоиереем И. А. Касицыным продолжило путь.

Множество самого разного люда, заполняя все пространство московских улиц, двигалось в сторону Крестовской заставы и далее в Лавру. Представители разных сословий и разного возраста шли в едином порыве к обители, основанной святым Сергием. «Вот с узелками идет толпа фабричных, — вспоминает участник крестного хода, — идут мастеровые с женами, из коих некоторые несут грудных младенцев на руках; в сторонке какой-то господин с дамой под ручку, несколько барынь с маленькими сумочками в руках, тут же группа не то пансионерок, не то воспитанниц старшего класса какого-либо приюта с узелочками в руках, предводительствуемые какой-то пожилой особой с тростью и в синих очках. Далее студен-

ты, гимназисты-классики, реалисты, военные, телеграфисты, отставные служивые, какая-то старуха с солдатским ранцем за плечами, хромой с костылем, слепые с поводьями, и среди них, как общий фон картины, огромная бесконечная толпа взаправских богомоллов и богомолков, странников и странниц с палками, котомками, с чайниками и с запасными лаптями и туфлями за спиною. И все это идет и идет без конца парами, группами, кучками, сплошной толпою, сотнями, тысячами, десятками тысяч мужчин, женщин, юношей, стариков, старух и молодежи, в то время как по середине шоссе тянется непрерывная вереница пролетов, колясок, карет с дамами, детьми, священниками и священнослужителями, целые обозы с провизией, поклажей, линейки пустые и с седоками, фуры от мебели с кладью, ломовые со столами, деревянной посудой и табуретами, сундуками и чемоданами...»⁵²

Крестный ход двигался по Большой Троицкой дороге. В Алексеевском и Ростокино к нему присоединялись новые группы паломников. Выбирая удобные места вблизи дороги, участники крестного хода останавливались для отдыха, разжигали костры, греясь у них и готовя пищу. Стояла хмурая прохладная погода, лишь перед закатом «солнце, словно сочувствуя походу Москвы на поклонение своей государственной и религиозной святыне, вырвалось из-за скрывавших его облаков и сразу ярко озолотило всю равнину, загоревшись тысячами огней и миллиардами искр на кованых ризах и драгоценных хоругвях крестного хода»⁵³.

К крестному ходу присоединялись и группы сельских жителей: «Тысячи богомольцев и странников, калек и слепых, перемешанных с интеллигентами, чиновниками, офицерами, студентами, деревенскими священниками и священнослужителями, идущими из разных деревень без риз, по обету и усердию; с ними идут крестьяне с котомками и палками из Киева, Воронежа, Орла и всяких других мест; а за ними несколько сот богомолков, составивших из себя стройный хор...»⁵⁴

Ночь выдалась прохладной и лунной. Участники крестного хода заночевали в Мытищах, причем многие из них вынуждены были отправиться на ночевку в другие селения или же устроиться во дворах под открытым небом на соломе — местные жители не могли разместить у себя в домах и хозяйственных постройках великое множество путников.

Утром после литургии крестный ход продолжил движение — Тарасовка, Пушкино, деревня Новая. Следующая ночевка в селе Братовщина. На третий день крестный ход прошел через деревню Копейково, села Талицы, Рахманово и Воздвиженское, в последнем его

участники остановились на ночлег. На четвертый день крестный ход достиг наконец Сергиева Посада. Среди принесенных в Лавру даров была икона св. Василия, епископа Рязанского, переданная архиепископом Рязанским Феоктистом, который и сам прибыл в эту обитель.

На значительной части пути, особенно в селах, дорога была посыпана песком и покрыта ветвями можжевельника. Это стало одним из свидетельств того, что для жителей Подмосковья, окрестностей Троицкой дороги, дни памяти о 500-летию со дня окончания земной жизни святителя и посвященный этому событию крестный ход стали важными, знаменательными вехами. С участников крестного хода плата за ночлег взималась, но многие находили приют бесплатно, где-то бесплатно угощали паломников чаем, особенное почтение оказывали хоругвеносцам, которые несли при сильном ветре и накрапывающем дожде тяжелые хоругви.

Заслуживает внимания зафиксированный участником крестного хода диалог французского художника с богомольцем:

— Да это целая армия, великая армия в походе! — восторженно воскликнул рядом со мной стоящий художник-француз.

— Нет, — возразил бывший тут же богомалец, — это не армия в походе; это — святая Русь, которую 500 лет назад послал на врага России и Православной Церкви ее великий сподвижник и заступник земли Русской, та самая великая святая Русь, которая и теперь, вы видите, готова встать, как один человек, во славу святой Церкви и Великого Государя⁵⁵!

У нас нет сведений о том, участвовала ли есенинская родня и жители Константинова в крестном ходе, однако время, когда вся Россия вспоминала Сергия Радонежского в дни 500-летия его кончины, стало памятным для десятков тысяч богомольцев. И все участники грандиозного крестного хода, прошедшего от Москвы до Сергиевой Лавры, позже будут рассказывать об этом шествии, свидетельствующем о глубине и искренности народной веры, другим богомольцам, которые не принимали в нем участия. «Вообще крестный ход представлял из себя величественное духовное, небывалое и радостное для каждого христианина явление, — отмечает участник тех событий. — В числе сопровождавших его богомольцев находились представители всей Руси православной: это мы говорим про пилигримов, которые разнесут по всей православной России свои впечатления об этом великом торжестве Церкви Православной»⁵⁶.

Безусловно, народная молва об этом крестном ходе достигнет и Константинова. И в день крещения Сергея в Константиновской церкви Казанской иконы Божией Матери отец Иоанн, крестные

мать и отец Есенина будут вспоминать об этом событии. А через несколько лет Сергею расскажут о великом русском святом, в честь которого он был крещен и получил свое имя.

Е. Богданович объясняет те особенности монашеского и государственного служения Сергия, благодаря которым он стал почитаем на Руси: «Удивительно это сочетание в Св. Сергии величия со смирением, пребывания наедине с Богом и вместе кипучего участия в государственных и даже ратных делах своего времени, — это соединение в одной личности беспощадной строгости к себе и сурового иноческого подвижничества с безгранично мягким милосердием ко всякой нужде, — это чередующееся проявление усиленной работы ума и вместе работы с топором и заступом в руках, с водоносом на плечах. Но, наряду с этим, великий исторический образ Святителя не представляет ни единой черты чего-либо исключительного и одностороннего; ничто не нарушает небесной гармонии души Преподобного Сергия; все в ней живет в высокой соразмерности и святости»⁵⁷.

В архипастырском послании митрополит Московский и Коломенский Леонтий отмечал в те юбилейные дни: «Счастливы мы, православные братья и сестры о Господе, имея в нашей церкви множество святых Божиих, прославленных нетлением мощей и чудесами. Счастлив наш край, имея молитвенника и заступника за нас перед Богом в лице преподобного Сергия!.. Еще при земной жизни Преподобный оказывал великую услугу Церкви и государству; а после разве уменьшилась его слава? Напротив — увеличилась, как слава не земная только, а и небесная. В святой Лавре нашей мы постоянно видим проявление особого благоговения верующих пред мощами преподобного Сергия. С дальних стран и с разных концов стекаются сюда ищущие спасения и душевной отрады и находят духовное утешение и исцеление от различных болезней»⁵⁸.

В дни 500-летия со дня кончины Сергии Радонежского о русском святом вспоминают по всей России. Об этом сообщают и «Рязанские епархиальные ведомости»: «Духовно ликовала тут не одна Троице-Сергиева Лавра, основанная дивным иноком, не одна Московская епархия, а вся православная Русская церковь. Пред юбилеем наша высшая правительственная церковная власть предписала всем епархиальным архипастырям: 1) сделать распоряжения, чтобы во всех церквях 24 сентября совершены были всенощные бдения, а 25-го — праздничные литургии и после них торжественные молебствия преподобному Сергию; 2) после вечере в главный юбилейный день устроить в церквях и в духовно-учебных заведениях чтение о святых подвигах Преподобного на устройство основанной им обители и на благо всего отечества, также о благодатных дарованиях, обильно им

изливаемых на верных исповедников православной Русской церкви; 3) духовно-учебные заведения, церковно-приходские и домашние школы освободить на 25-е число от учебных занятий. <...> Даже весь старообрядческий мир откликнулся на юбилейное празднование памяти великого святого благодетеля и покровителя родной нашей страны»⁵⁹.

С. И. Смирнов свидетельствует о том, что тем наследством, которое на многие и многие века оставил всем православным людям великий подвижник, стал он сам: «Умирая, преп. Сергей не оставил своему монастырю богатства: ни вотчин, ни золота и серебра. Он оставил ему только одно наследство — в Троицком соборе около южной стены свой гроб с нетленными мощами. И к этому гробу в продолжении 500 лет ходили и ходят тысячи тысяч русского народа всех классов общества. Смирненному игумену, носившему при жизни худую одежду и работавшему как раб, поклоняются цари земли русской. Его чтут и бедняки и знают все русские люди, потому что в народном сознании он является защитником и покровителем русской народности и православия»⁶⁰.

Эту же тему развивает и В. О. Ключевский в своем докладе, прозвучавшем 26 сентября 1892 года в Московской духовной академии:

При имени пр. Сергия народ вспоминает свое нравственное возрождение, сделавшее возможным и возрождение политическое, и затверждает правило, что политическая крепость прочна только тогда, когда держится на силе нравственной. Это возрождение и это правило — самые драгоценные вклады пр. Сергия, не архивные или теоретические, а положенные в живую душу народа, в его нравственное содержание... Творя память пр. Сергия, мы проверяем самих себя, пересматриваем свой нравственный запас, завещанный нам великими строителями нашего нравственного порядка, обновляем его, пополняя произведенные в нем утраты⁶¹.

Именно поэтому в сентябре 1892 года в святую Лавру стекались со всех сторон своего отечества русские люди. Но и позже, в дни 503-й годовщины со дня кончины Сергия, в Лавру шли и шли богомольцы, хотя и не столь многочисленные, как тремя годами раньше.

Двоюродная сестра Есенина Е. А. Воробьева (урожденная Титова) вспоминает, что паломники, проходившие через Константиново, отправлялись в монастыри, в том числе и в Свято-Троицкую Лавру: «Странники шли из Новоселок, из Аксенова, из Данилова, а у нас, у часовни и большого камня, останавливались отдыхать... Иногда и бабушка Наталья Евтеевна с ними увяжется... Шли к Троице Сергею или к Николе Радовице...»⁶²

О Троицкой обители Есенин вспомнит в повести «Яр». Посещение этого монастыря станет поворотным пунктом в жизни Анисима:

Кис Анисим на печи, как квас старый, да взыграли дрожжи, кровь старая; подожгла она его старое тело, и не узнала Анна своего свекра.

Ходил старик на богомолье к Сергию Троице, пришел оттолева и шапки не снял.

— Вот что, — сказал он Анне, — нечего мне дома делать. Иди замуж, а я в монахи; не вернется наша бабка. Почуял я.

Ушел старый Анисим, пришел в монастырь и подрясник надел [V, 65].

Сам же Есенин выберет себе иной путь. Но пока мы говорим лишь о первых днях его жизни. О том, что происходило в Константинове в это время, мы знаем по воспоминаниям И. Г. Атюнина, написанным в начале 1926 года. «Дали знать отцу в Москву, но он приехать не мог, — отмечает мемуарист. — Поднялись хлопоты: подготовка к крестинам и придумывание имени новорожденному. Остановились на имени “Сергей”. Татьяне — понравилось, а бабка Аграфена Понкратьевна <правильно: Панкратьевна. — М. С.> запротестовала и “встала на дыбы”. Ей казалось, что люди, носящие одно имя, обязательно походят друг на друга, и боялась, что мальчик будет иметь сходство с их соседом Сергеем, носящим народное прозвище “кулак”, которого Аграфена Понкратьевна почему-то видеть не могла, не переваривала. Свои опасения она высказала и священнику Смирнову, производящему таинство крещения, тот сказал: “Что вы, что вы, Аграфена Понкратьевна, не бойтесь, он таким не будет, это будет хороший добрый человек!” Младенец присвоил себе имя — Сергей»⁶³. 24 сентября был совершен обряд крещения. Совершилось важнейшее событие в жизни христианина, произошло его вхождение в лоно церкви. Тех младенцев, которые умирали некрещеными, не разрешалось не только отпевать и поминать во время православной службы, но и хоронить на кладбище. Конечно, нельзя согласиться с Аграфеной Панкратьевной, которая, по словам А. Г. Атюнина, считала, что носящие одинаковые имена люди должны походить друг на друга. Однако имя считается очень существенным в жизни человека. Именно поэтому существует православный имяслов, и человеку, над которым совершается обряд крещения, дают имя человека, память которого близка к дате его рождения.

Есенин осознавал значимость имени для человека, для его судьбы. Об этом свидетельствуют слова главного героя «Пугачева», который неуютно чувствует себя под чужим именем.

Братья, братья, ведь каждый зверь
Любит шкуру свою и имя...

Тяжко, тяжело моей голове
Опущать себя чуждым инеем.
Трудно сердцу светильником мести
Освещать корявые чаши.
Знайте, в мертвое имя влезть —
То же, что в гроб смердящий.

Больно, больно мне быть Петром,
Когда кровь и душа Емельянова.
Человек в этом мире не бревенчатый дом,
Не всегда перестроишь наново... [III, 28]

Если быть точным, то речь тут идет не просто о неуютном состоянии, а о боли, боли физической, связанной с тем, что живущий человек принимает на себя имя умершего. Кровь, живая плоть Емельяна противится принятому им имени умершего императора.

Об обряде крещения, правда, не в собственно церковном понимании, а в преломлении по отношению к своим теоретическим построениям, поэт напишет в трактате «Ключи Марии»: «Каждое утро, восстав от сна, мы омываем лицо свое водою. Вода есть символ очищения и крещения во имя нового дня» [V, 193]. И далее скажет о крещении в контексте рассуждений о заставочном образе: «Образ заставочный есть, так же как и метафора, уподобление одного предмета другому или крещение воздуха именами близких нам предметов.

Солнце — колесо, телец, заяц, белка.
Тучи — ели, доски, корабли, стадо овец.
Звезды — гвозди, зерна, караси, ласточки.
Ветер — олень, Сивка Бурка, метельщик.
Дождик — стрелы, посев, бисер, нитки.
Радуга — лук, ворота, веря, дуга
и т. п.» [V, 205].

В данном случае под крещением понимается придание слову иного, отличного от первоначального содержания, изменение смысловой наполненности словесной оболочки.

О крещении же в первоначальном понимании Есенин скажет в раннем стихотворении «Город», написанном в период с апреля по июнь 1915 года⁶⁴. В этом произведении прозвучит значимый для есенинской поэтики мотив противопоставления города и деревни. Городская среда — это испытание крещеного человека, которому приходится бороться с многочисленными искушениями.

Храня завет родных поверий —
Питать к греху стыдливый страх,
Бродил я в каменной пещере,
Как искушаемый монах.

Как муравьи кишели люди
Из щелей выдолбленных глыб,
И, схилясь, двигались их груди,
Что чешуя скорюзлых рыб.
В моей душе так было гулко
В пеленках камня и кремней [IV, 104].

Лирический герой старается не поддаваться искушениям, храня «завет крещенья»:

С улыбкой змеяного грешенья
Девичий смех меня манул,
Но я хранил завет крещенья —
Плевать с молитвой в сатану [IV, 104].

Поскольку силы неравны, остается единственный выход — ретироваться:

Как об ножи стальной дорогой
Рвались на камнях сапоги,
И я услышал зык от Бога:
«Забудь, что видел, и беги!» [IV, 105]

Обстоятельства создания этого стихотворения изложены в написанных в 1970-е годы мемуарах Л. В. Бермана, в 1915 году работавшего секретарем редакции петроградского журнала «Голос жизни». Вспоминая о Есенине, Л. В. Берман отметил:

Как-то я предложил ему:
— Вот ты пишешь все о деревне и о деревне. Попробуй написать о городе. Ведь ты видишь город совсем иначе, чем городские поэты.

И вот Есенин принес свое стихотворение «Город». Когда я его прочитал, то понял, что я ему в советчики не гоюсь. Стихотворение показалось мне надуманным. Но понял я также, что Есенин поэт не только одаренный, но и очень самобытный⁶⁵.

Так это стихотворение и осталось неопубликованным при жизни поэта и многие годы спустя.

«Дядя мои были ребята озорные и отчаянные...»

В автобиографиях Есенин упоминает о своих дядях — братьях матери, с которыми провел несколько лет в доме Федора Андреевича Титова. Их было трое: старший Иван Федорович (1876–?), Александр Федорович (1883–1935) и Петр Федорович.

В «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина» воспроизведены сведения из хранящихся в Государственном архиве Рязанской области метрических книг о рождении и крещении дядьев Есенина:

— Иван родился 18 августа 1876 года и в тот же день был крещен Иоанном Смирновым; крестным отцом стал родной брат его отца Аким Андреевич Титов, крестной матерью — двоюродная сестра матери новорожденного Наталья Ерофеевна, жена Ивана Архиповича Хрекова;

— Александр родился 14 октября и был крещен 16 октября 1883 года. Его крестным отцом стал константиновский священник Иоанн Смирнов, а крестной матерью Пелагея Андреевна, жена Андриана Ивановича Зуйкова, родная сестра отца новорожденного⁶⁶.

Сведения о рождении и крещении Петра не обнаружены⁶⁷.

К сожалению, об есенинских дядях известно немного. Информацию о них собирал у старожилов Константинова уже упоминавшийся А. Д. Панфилов. На основе ее анализа он дал краткие характеристики Титовых:

Иван, старший из братьев, был строг и серьезен. Из-за перенесенной в детстве оспы был рябым. Увлекался охотой и рыбной ловлей, брал с собой на рыбалку Сергея.

Петр был средним братом. Большей частью он был вполне здоровым, трудолюбивым, ничем от других не отличающимся. Была у него присказка «Рокалия». Чуть что выругается:

— У, рокалия!

Конечно, его «рокалией» и прозвали. Но больше говорили просто — «Рокаля». Дети его побаивались, и это Петра сердило. Иной раз для острастки, а то и для смеха возьмет и припустится за матовскими ребятами. Дети от него врассыпную.

Находило на него изредка. Тогда он, одетый, отправлялся бродить по матовскому пруду недалеко от дома. Был у него в этом занятии напарник, как и он, больной психически, Софронов Филя. Филя, как и Петр, одетый, барахтался в бывшем матовском пруду.

Младшим был Александр, неистощимый по части разного рода выдумок⁶⁸.

Иван Федорович женился на крестьянке Евдокии Ивановне, которая стала крестной матерью Есенина. Однако супруги не были счастливы в браке. А. Д. Панфилов, основываясь на воспоминаниях односельчан, пишет о взаимоотношениях супругов: «Прибежала она <Евдокия Ивановна> однажды, хоронясь от тяжелой руки мужа, в дом деда Матвея Андреевича и через дверцу в полу шмыгнула в подпол. Как испуганная птица, в уголок там забилась. Следом, побелевший, переполненный смертной яростью, ворвался Иван Федорович, нашел жену и, ухватив за длинные волосы, поволок за собой, но в избу не втащил, а, прищемив волосы дверцей подпола, оставил свою жертву висеть на волосах. Душераздирающие вопли разносились по Матову»⁶⁹.

В. С. Гришина (урожденная Ефремова) вспоминала:

Иван Федорович, ох, и бил же ее <жену> за неверность. Она, бывало, прибежит, попросит, чтобы ее от него схоронили. В сундук ее запрут, схоронят. Дядя Иван придет:

— У вас Дуня?

— Нету.

Потом она насовсем от Ивана Федоровича ушла, вернее, убежала. Сговорились они со своим милым. Тот мимо проезжал, она из амбара выскочила прямо к нему на коляску. Умчались. Только Иван Федорович ее и видел⁷⁰.

Не найдя счастья в родном селе, Иван Федорович покинул его. По воспоминаниям Е. А. Воробьевой, он перебрался в Ревель, где у него появилась новая семья. «Дядя Иван — он мне крестным доводится — пил крепко. В 1913 году я была у него в Ревеле. Он работал по приемке грузов в порту. Выпьет крепко, оставит меня вместо себя. А мне-то всего одиннадцать лет. Приходили баржи, рабочие сгружали, а я записывала, сколько чего. <...> Вторую жену его Татьяной Васильевной звали. По Ревелю его помню»⁷¹. Позже он стал управляющим ревельской нефтебазой и имел собственный дом⁷².

О военной службе Александра Федоровича известно по воспоминаниям В. С. Ефремова, записанным А. Д. Панфиловым. В 1902 году, когда у Александра Федоровича родилась дочь Евдокия, он был взят в солдаты. «Находясь на службе <...>, повздорил он по какому-то поводу с офицером, не сдержался и замахнулся на него шашкой. <...> Лишенный всех прав, возвратился он со службы с волчьим билетом и без права выезда из Константинова»⁷³. В таких условиях ему было непросто прокормить семью. В 1914 году он стал крестным отцом младшего брата Есенина Алексея, родившегося 16 марта и скончавшегося в раннем детстве.

И в послереволюционное время у него возникали проблемы с устройством на работу. Из письма В. В. Горшкова В. Л. Львову-Рогачевскому от 27 июня 1926 года мы узнаём, что Александр Федорович Титов встречался в начале июня того же года с представителями писательской делегации⁷⁴, приехавшей в Константиново, и просил содействия в устройстве на работу на железную дорогу⁷⁵.

О Петре Федоровиче упоминает в своих воспоминаниях сестра Есенина Екатерина: «Все затихало в доме Титовых, когда дедушка был сердит. Своего младшего сына он навсегда сделал несчастным. Сын его (дядя Петя) был еще в детстве напуган коровой. Ему было лет восемь, когда он провинился и, боясь гнева дедушки, не пошел кланяться ему в ноги, а спрятался на чердаке. Дедушка от такой дерзости рассвирепел. Он сам влез на чердак и, найдя сына, притаивше-

гося в темном углу, взял его за шиворот и сбросил вниз»⁷⁶. Жизнь его, согласно разысканиям А. Д. Панфилова, оборвалась трагически — он «в припадке выливает на себя кипящий самовар и в мучениях умирает»⁷⁷.

Как видим, жизнь дядьев Есенина была непростой, а порой и трагической. Общение с ними в детстве окажется немаловажным для будущего поэта. В одной из автобиографий поэт напишет:

Дядя мои были ребята озорные и отчаянные. Трех с половиной лет они посадили меня на лошадь без седла и сразу пустили в галоп. Я помню, что очумел и очень крепко держался за холку.

Потом меня учили плавать. Один дядя (дядя Саша) брал меня в лодку, отъезжал от берега, снимал с меня белье и, как щенка, бросал в воду. Я неумело и испуганно плескал руками, и, пока не захлебывался, он все кричал: «Эх, стерва! Ну куда ты годишься?» «Стерва» у него было слово ласкательное. После, лет восьми, другому дяде я часто заменял охотничью собаку, плавая по озерам за подстреленными утками [VII (1), 8].

«Детство прошло среди полей и степей...»

Раннее детство Есенин провел в родном селе, общаясь с односельчанами. Основные свидетельства, сохранившиеся об этом времени, представлены в первом томе «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина». Они позволяют составить общее представление о жизни поэта, его склонностях и интересах.

Как отмечено О. Л. Аникиной, «к началу XX века окончательно сформировался исторический облик села, особенностью которого является протяженность вдоль береговой линии реки более чем на три километра. “Порядок” — широкая центральная улица и несколько “концов”, то есть переулков — таких, как Алексеевка, Потеряевка, а после пожара 1922 года Новый поселок — составляли единое целое»⁷⁸.

Первые годы жизни Сергей провел с матерью и бабушкой Аграфеной Панкратьевной. Отец, находившийся на заработках в Москве, редко бывал в родном селе.

Согласно автобиографии 1924 года, первые воспоминания Есенина, относящиеся к возрасту трех-четырех лет, связаны не с родным селом, а с дорогой в Николо-Радовицкий монастырь. Однако именно Константиново было главным пространственным ориентиром Есенина в его детские годы. Это связано в первую очередь с тем, что здесь жили родные ему люди. Существенное влияние на формирование мировоззрения и характера Сергея оказала его родня по мате-

ринской линии — особенно с того времени, когда Татьяна Федоровна отправилась на заработки в Рязань, оставив сына на попечение своих родителей — Федора Андреевича и Натальи Евтихиевны Титовых, в доме которых жили и их взрослые неженатые сыновья, о которых говорилось выше. Как отмечает И. Г. Атюнин, «раннее детство Есенин провел на свободе в доме деда, который потакал ему во всем <и предоставлял полную свободу его действиям — вычеркнуто в машинописи. — М. С.>. Самым излюбленным занятием его было бегать по лугам и по лесам со своими сверстниками, а иногда и в одиночку»⁷⁹.

Благодаря друзьям Есенин бывал и в домах других константиновских жителей. С детворой он участвовал в различных забавах и праздниках.

В 1903 или 1904 году Татьяна Федоровна возвращается в Константиново и вновь живет вместе с Сергеем в семье Есениных.

В 1904 году происходит знаменательное событие в жизни Есенина — он поступает на учебу в Константиновское земское училище. Рассмотрение периода учебы Есенина невозможно без знакомства с той системой образования, которая существовала в начале прошлого века в России. К сожалению, этот вопрос слабо исследован, в том числе и специалистами по истории отечественной педагогики и развитию образования⁸⁰.

Период, когда Есенин учился — сначала в Константиновском земском училище⁸¹, затем в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе и, наконец, в Московском городском народном университете имени А. Л. Шанявского, — был временем быстрого развития отечественной системы образования⁸². В конце XIX века Россия существенно отставала от многих стран мира по числу не только образованных, но и просто грамотных людей. Показательна в этом отношении книга «Законы и справочные сведения по начальному народному образованию» (СПб., 1898). Ее составитель А. С. Пругавин считает указанную проблему настолько острой, что «вместо эпиграфа» размещает на обложке и титульном листе этого издания диаграммы, фиксирующие число грамотных людей на 100 душ населения: в Германии — 98, в Соединенных Штатах Северной Америки — 92, в Англии — 90, во Франции — 85, в Австрии — 52, в России — 16.

Данная проблема оперативно и весьма успешно решалась в России в первые полтора десятилетия прошлого века. Именно в то время был поставлен и детально прорабатывался вопрос о введении обязательного всеобщего образования⁸³. Быстро была решена проблема обеспечения учителями школ грамоты и других начальных школ.

«... Для окончивших курс второклассных школ уже теперь недостает мест, — сообщают в марте 1904 года “Рязанские епархиальные ведомости”, — и им <выпускникам. — М. С.> приходится задумываться: для чего они употребили труды и материальные жертвы, оторвавшись от дома для учения во второклассной школе в течение 3 лет, если негде приложить к делу полученное знание? Не дали места на нынешний год, — дадут ли на следующий? Но ведь на следующий год снова будут выпуски окончивших курс и из второклассных школ, и из духовной семинарии, и из епархиального женского училища, будут выходцы из духовных учебных заведений и не кончившие курс, но тоже — кандидаты в учителя в церковные школы, и вместо нынешних 2–3 будут кандидатами на одно место 7–8 человек, и чем дальше, — все теснее и теснее...»⁸⁴ Развитие системы образования рассматривалось в начале XX столетия в качестве одной из важнейших задач государства.

Главную роль в системе народного образования играли начальные народные училища, к которым, согласно Положению о начальных народных училищах 1874 года, относились «1) ведомства Министерства народного просвещения: а) приходские училища в городах, посадах и селах, содержимые на счет местных обществ и частью на счет казны и пожертвований частных лиц и б) народные училища, учреждаемые и содержимые частными лицами разного звания; 2) других ведомств сельские училища разных наименований, содержимые на счет общественных сумм; 3) все вообще воскресные школы, учреждаемые как правительством, так и обществами городскими и сельскими и частными лицами, для образования лиц ремесленного и рабочего сословия обоого пола, не имеющих возможности пользоваться учением ежедневно»⁸⁵.

Согласно этому же документу «предметами учебного курса начальных народных училищ служат: а) Закон Божий (краткий катехизис и Священная история); б) чтение по книгам гражданской и церковной печати; в) письмо; г) первые четыре действия арифметики и д) церковное пение там, где преподавание его будет возможно»⁸⁶. Цель этих училищ состояла в том, чтобы «утверждать в народе религиозные и нравственные понятия и распространять первоначальные полезные знания»⁸⁷.

«Закон Божий может быть преподаваем в начальных народных училищах или приходским священником, или особым законоучителем с утверждения епархиального начальства, по представлению инспектора народных училищ»⁸⁸. Прочим предметам в начальных народных училищах могут обучать «с дозволения инспектора сих училищ как духовные, так и светские лица; о тех и других инспектор

народных училищ сообщает уездному училищному Совету, коим лица эти и утверждаются в должностях, по прошествии учебного года, на который они были допущены к исполнению учительских обязанностей, и по представлению удостоверения инспектора народных училищ в способности их к педагогической деятельности»⁸⁹.

Согласно Инструкции для двухклассных и одноклассных сельских училищ Министерства народного просвещения, утвержденной 4 июня 1875 года, в этих учебных заведениях преподавались Закон Божий, русский язык с чистописанием, арифметика, история, география и естествознание, церковное пение, а в двухклассных училищах — и черчение. Кроме этих обязательных предметов в училищах могли преподавать также гимнастику, «ремесла и мастерства» для мальчиков и рукоделие для девочек, а также садоводство, огородничество и пчеловодство.

Продолжительность обучения в начальных народных училищах какими-либо правилами или распоряжениями не устанавливалась. По этому вопросу попечителем Санкт-Петербургского учебного округа было дано специальное разъяснение, в котором отмечается, что «дети в начальных школах могут обучаться и год, и два, и три, сколько угодно. Никаких отделений по закону не существует, может быть одно, два, три и больше. Существующие в действительности обычные три отделения образовались лишь фактически, установились практикою, поэтому, если открывается какая-либо земская начальная школа, то не только нет надобности, но и положительно невозможно требовать, чтобы принятые в эту школу дети были распределены на два или на три отделения. Каждая начальная земская школа может быть совершенно правильно организована и при одном только отделении. Необходимо только, чтобы в ней преподавались учебные предметы, указанные в ст. 3-й Высочайше утвержденного Положения о начальных народных училищах, причем объем преподавания этих предметов обозначен в самых общих чертах и никакими строго определенными программами не установлен. <...> Если позволяют средства иметь нескольких учителей и учительниц и дети имеют охоту учиться, а родители не только тому не препятствуют, напротив, желают, то законом вовсе не возбраняется устроить в той же школе и четыре отделения, и больше»⁹⁰.

В первый класс училищ принимали детей не младше семи и не старше 12 лет. Обучение для местных жителей было бесплатным. Полный курс обучения в двухклассном училище продолжался обычно пять лет (три года в первом классе и два — во втором), в одноклассном — не менее трех лет. Продолжительность каждого учебного года должна была составлять не менее семи с половиной месяцев.

В остальное время учащиеся могли посещать училище, повторяя пройденное и выполняя практические упражнения. Летний отдых продолжался от четырех до шести недель, причем этот период мог дробиться на несколько отрезков, учитывая, когда наиболее необходима помощь детей в домашних и сельскохозяйственных делах. Выходными днями считались также: период с 23 декабря по 6 января следующего года; четверг, пятница и суббота сырной недели; отводимая для говения страстная седмица; двенадцатые праздники; храмовый праздник; дни тезоименитства и рождения императора, императрицы, царевича-наследника и цесаревен; дни восшествия на престол и коронации. Выходными днями могли быть и местные праздники. Хотя в праздничные дни учеба не проводилась, законоучитель или преподаватель Закона Божия перед началом богослужения объяснял учащимся значение праздника и содержание читаемого в этот день евангельского текста. Ежегодно в день открытия училища в его стенах совершался молебен.

В двухклассных училищах работало по три преподавателя: по одному учителю в первом и втором классах и законоучитель или преподаватель Закона Божия. В одноклассных училищах второй учитель не требовался, поскольку занятия проходили только в первом классе. Если в училище открывались отделения, то для каждого из них был необходим отдельный учитель. Учителей обеспечивали бесплатными квартирами в помещении училища или в другом здании. Считалось целесообразным создание при училищах учительской библиотеки, ученической библиотеки, а также склада книг, учебных пособий и классных принадлежностей для безвозмездной раздачи бедным ученикам и для продажи учащимся, родители или опекуны которых имели средства для их приобретения. Учебники, пособия и письменные принадлежности для учащихся должны были приобретать на складах их родители, другие родственники или опекуны.

Юноши, получившие образование в училище, имели льготу по отбыванию воинской повинности. Если заканчивающие курс выпускники не выдерживали испытаний, они в течение еще одного года должны были посещать занятия, чтобы затем вновь подвергнуться экзаменам. Выпускники получали свидетельства об окончании училища установленной формы.

Согласно сведениям, опубликованным в 1889 году, Константиновское земское училище было основано купеческим сыном С. Г. Куприяновым совместно с крестьянами села Константинова. Преподаватели имели квартиры при школе. Библиотека, учрежденная на средства земства, состояла из 120 сочинений (160 экземпляров). Плата за обучение не взималась. Крестьяне расходовали на

отопление, наем сторожа, страхование и ремонт здания около 110 рублей в год. Попечитель — сын богородского купца С. Г. Куприянов (с 1879 года). Законоучитель — священник И. Я. Смирнов (с 1879 года)⁹¹; учитель — окончивший курс Рязанской учительской семинарии Д. Г. Ильин (с 1883 года), помощник учителя — окончивший курс Рязанского уездного училища А. С. Сазонов (с 1883 года)⁹².

В то время, то есть спустя десятилетие после основания, в константиновском училище был один класс, три отделения, продолжительность обучения составляла три года. Училище находилось в собственном деревянном здании, крытом железом, имелись две голландские печи для отопления. Объем классных комнат составлял 729 кубических аршин, площадь пола — 162 квадратных аршина, было 10 окон. В училище обучались 98 мальчиков из числа местных жителей. В младшей группе было 34 мальчика, в средней — 45, в старшей — 19. Восемилетних — 16, девятилетних — 17, десятилетних — 23, одиннадцати лет — 16, двенадцати — 17, тринадцати — 5, четырнадцати — 1, пятнадцати лет — 3. Все они относились к крестьянскому сословию. Обучение продолжалось с 15 сентября по 5 июня. Занятия по 5 часов в день, всего 195 учебных дней в году. В 1889 году было всего 11 выпускников⁹³.

В 1904 году, когда в константиновское училище поступает Есенин, оно имеет четыре отделения, а учеба продолжается четыре года. При этом далеко не все учащиеся заканчивали учебу. В ту осень в училище поступило 38 мальчиков и 8 девочек⁹⁴. Закончат же его в мае 1909 года 11 мальчиков⁹⁵. Впрочем, Есенин завершит курс обучения на год позже положенного срока, поскольку дважды будет учиться в третьем отделении⁹⁶. Однако большинство поступивших с Есениным детей вообще не получило начального образования. Это было обусловлено различными причинами: «Родители непрерывно отвлекают своих детей от училищ то для сельских и других домашних работ, то ради праздничных дней, число которых в наших селениях доходит до 200 в течение года, то безо всякой причины, не говоря уже о том, что и дети, находясь вне всякого контроля, прогуливают нередко время классных занятий, не подвергаясь за это никакой ответственности»⁹⁷.

Подвижность сроков начала и конца занятий, о которой говорилось выше, сохранялась и в 1910-е годы. В связи с этим в распоряжении Министерства народного просвещения от 20 февраля 1914 года отмечалось: учеба «в начальных школах не только разных местностей России, но иногда и одного уезда нередко имеет неодинаковую продолжительность, главным образом ввиду неодинаковых сроков

начала учебных занятий; при этом в отдельных школах сельских местностей учебная жизнь начинается иногда в конце октября или ноябре вместе с наступлением зимы и полным прекращением осенних полевых и других крестьянских работ. При таких условиях программы учебного курса школы, рассчитанные по крайней мере на шестимесячный учебный год, остаются в значительной части невыполненными и влияние школы весьма ослабляется, так как большую часть года дети остаются без учения»⁹⁸.

В разъяснениях, данных министром народного просвещения, обществам, которые имели народные училища, предлагалось, чтобы они «по соглашению с законоучителями и учителями училищ назначали, каждое общество для своего училища, тот срок для начала учебного года, какой признается наиболее удобным»⁹⁹. Уездный училищный совет мог утвердить это время или же убедить общество перенести начало занятий на то время, которое считал более целесообразным. Курс занятий для вновь поступающих в училища детей мог начинаться на одну-две недели раньше, чем для более старших учеников, которые в силу своего возраста могли быть в большей степени заняты домашними или полевыми работами. Такой порядок позволял учителям в первые дни учебы заниматься исключительно вновь поступившими учащимися. Согласно данным о начальном народном образовании в Рязанской губернии в 1909/1910 учебном году учебный год в школах большинства уездов начинался 15 сентября, иногда же несколько ранее, заканчивался обычно 15 мая, хотя в некоторых уездах — ранее этого срока¹⁰⁰.

Наиболее многочисленными во всех школах Рязанской губернии оказывались первые отделения, в последующем же число учащихся постепенно сокращалось, так что в старших отделениях это количество, «нигде не достигая 1/2, падает иногда почти до 1/6 числа учащихся в младших отделениях <...> в четырехгодичных школах означенная убыль идет более резкими скачками, нежели в трехгодичных, как по отношению к общему числу учащихся, так и раздельно по полам, причем убыль девочек прогрессирует быстрее, нежели мальчиков»¹⁰¹. Так что Есенин, обучавшийся в четырехгодичном училище в течение пяти лет, не был исключением. Среди 297 выпускников, закончивших в 1909/1910 учебном году курс в четырехгодичных школах Рязанского уезда Рязанской губернии, только двое были выпущены раньше положенного срока — через три года, 239 проучились четыре года, 55 человек — пять лет, а один выпускник провел в четырехгодичном училище целых шесть лет¹⁰². В течение указанного учебного года по всей Рязанской губернии на второй год было оставлено 14,6% учащихся. В начальные школы Рязанского уезда обычно

принимали детей восьми-девяти лет; при этом средний возраст поступивших на учебу в 1909/1910 учебном году составлял по уезду 9,1 года, а средний возраст выпускников четырехгодичных школ — 11,9 года.

За отличные успехи и поведение как ученикам, заканчивавшим курс, так и переходящим из одного отделения в другое, могли выдавать похвальные листки. Выпускникам училищ могли дарить книги религиозно-нравственного содержания: молитвенник с объяснениями, псалтирь, священную историю Ветхого и Нового завета, Евангелие на русском и славянском языках, объяснение богослужения.

В 1909/1910 учебном году из 95 начальных школ Рязанского уезда 32 были с четырехлетним сроком обучения. Во всех этих школах, кроме обязательных предметов — Закона Божия, русского языка и арифметики, — преподавали русскую историю и географию¹⁰³. Использовались классные и торговые счеты, арифметические ящики, географические карты и картины, опыты по естествознанию не проводились¹⁰⁴.

В начальных школах Рязанского уезда, в отличие от некоторых других уездов Рязанской губернии, переводных экзаменов для перехода из класса в класс не было. Выпускные же экзамены в школах уезда проводились «комиссией, в состав коей входят члены училищного совета, инспектор народных училищ и земские начальники, при участии учащихся как экзаменуемой, так и некоторых из соседних школ, назначаемых в качестве ассистентов на экзамены училищным советом; спрашивают председатель и члены комиссии; родители на экзаменах присутствуют; устраиваются экзамены в здании школы»¹⁰⁵. Время проведения выпускных экзаменов — первая половина мая, правила их проведения определялись училищным советом.

В Рязанском уезде в школах с четырехлетним курсом министерская программа 1897 года выполнялась целиком, в трехлетних часть курса опускалась, «в программу первых введено преподавание краткой русской истории и географии. Способы прохождения предметов в тех и других одинаковы»¹⁰⁶.

Библиотеки начальных школ были достаточно хорошо укомплектованы. Со временем число их книжных собраний росло. Ежегодные обзоры, характеризующие положение начального народного образования в Рязанской губернии, дают представление о комплектовании фондов библиотек как земских, так и второклассных школ:

Общая сумма *расходов* (для *гражданских школ*) на учебные пособия и руководства равнялась в 1907 г. 26290 р. 85 к., колебалась по уездам в пределах от 642 р. 27 к. в Михайловском до 3968 р. 49 к. в Зарайском у. Означенная сумма распределяется так: на *руководства* было израс-

ходовано 12876 р. 80 к. (49,0%) и на учебные пособия — 13414 р. 05 к. (51,0%).

К 1 января 1908 г. состояло в *наличности* учебных пособий и руководств на сумму 127293 р. 07 к.; в среднем на 1 учащегося их приходилось на сумму 1 р. 95 к. <...>

Библиотеки ученические. К 1-му января 1908 г. по 12 уездам состояло в библиотеках книг 168626 на сумму 46899 р. 17 к.; на 1 учащегося приходилось в среднем по 2,6 книги, на сумму 72 к.¹⁰⁷

В школах только одного уезда Рязанской губернии — Рязанского, к которому относились Константиново и Спас-Клепики, находилось на 1 января 1909 года 48907 экземпляров учебных пособий, 6911 руководств, в ученических библиотеках насчитывалось 47400 экземпляров книг, в учительских библиотеках — 2146. В 1907 году произошло значительное обновление библиотечных фондов, причем списано было больше книг, чем приобретено, в результате число учебных пособий и книг ученических библиотек сократилось, а руководств и книг в библиотеках для учителей выросло. В течение 1913 года на учебники, учебные пособия и письменные принадлежности только для второклассных школ Рязанской губернии было израсходовано 2576 рублей¹⁰⁸.

На 1 января 1913 года в ученических библиотеках начальных школ Рязанской губернии насчитывалось 216399 книг — на каждого учащегося приходилось в среднем по 2,2 книги, в учительских библиотеках было 45092 книги¹⁰⁹. Книги для библиотек земских школ Рязанского уезда выписывались «управую от издателей и фабрикантов и от посредников»¹¹⁰.

В рязанских архивах хранятся заявки на приобретение изданий для нужд школьных библиотек, некоторые другие материалы, связанные с их комплектованием. Имеется и типологический материал — такие издания, как «Каталог книг библиотеки при Гавриловской земской школе», включающий 777 наименований изданий, которые распределены по разделам: религиозный и нравственный (37 наименований), история и биография (два подраздела: история русская и всеобщая — 68 наименований книг, биография — 30 наименований), беллетристика (304), география, этнография и путешествия (74), сельское хозяйство и ремёсла (138), естествознание (87), медицина и гигиена (39)¹¹¹. Еще более богатой была ученическая библиотека земской школы Александровского уезда — в ней было представлено 1124 книги. Издания, включенные в каталог этой библиотеки, также были сгруппированы по разделам: духовно-нравственный (80 изданий), литературный (590), естествознание (130), исторический (124), биографический (36), географический (100), полезных книг (64)¹¹².

Даже простое перечисление разделов и данные о количестве представленных в библиотеках при земских школах книг свидетельствует о том, что в них имелся широкий спектр изданий различной тематики.

Поскольку у нас нет полного списка изданий, находящихся в библиотеке константиновской школы, обратимся к типологическому материалу. Так, в «Каталоге книг библиотеки при Гавриловской земской школе» (М., 1908) в отделе «Беллетристика» перечислены многочисленные издания по русской литературе, среди которых:

- С. Т. Аксаков «Аленький цветочек» и «Собрание сочинений»;
- двухтомник И. А. Бунина «Стихотворения и рассказы»;
- «Страшная месть невинного человека» В. В. Вересаева;
- двухтомник рассказов, «Студенты», «Детство Темы и гимназисты» Н. Г. Гарина-Михайловского;
- многочисленные книги Н. В. Гоголя: «Коляска. Страшная месть», «Нос. Вечер накануне Ивана Купалы», «Заколдованное место. Вий. Сорочинская ярмарка», «Женитьба», «Тарас Бульба», «Старосветские помещики», «Мертвые души», «Ревизор»;
- 12-томное Полное собрание сочинений И. А. Гончарова;
- «Горе от ума» А. С. Грибоедова;
- «Солдатские досуги Луганского» и «Матросские досуги Луганского» В. И. Даля;
- Полное собрание сочинений Г. П. Данилевского в 24-х томах;
- Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского в 12-ти томах;
- «Конек-Горбунок» П. П. Ершова;
- однотомник «Избранных сочинений» В. А. Жуковского;
- собрание сочинений М. Н. Загоскина;
- «Стихотворения» А. В. Кольцова;
- трехтомник «Очерки и рассказы», «Голодный год», «Без языка» В. Г. Короленко;
- «Басни» И. А. Крылова;
- трехтомник рассказов А. И. Куприна;
- «Последний новик», «Бусурман» и «Ледяной дом» И. И. Лажечникова;
- Полное собрание сочинений Н. С. Лескова в 36 томах;
- произведения М. Ю. Лермонтова: «Избранные сочинения», «Избранные стихотворения», «Княгиня Лиговская»;
- произведения Д. Н. Мамина-Сибиряка: «Летные», «По Уралу», «Общий любимец публики», «Уральские рассказы» (3 тома), «Ноктюрны», «Хлеб», «Белое золото», «Бурный поток», «Дикое счастье», «Горное гнездо», «Живая вода», «Золотая муха», «Рождественские огни», «Золотая лихорадка», «Из далекого прошлого», «Аленушкины сказки», «Светлячки», «Около господ», «В дороге», «Сборник повестей», «Человек с прошлым», двухтомник «Рассказы и сказки», «Весенние грозы», «Ранние всходы», «Осенние листья», «Падающие звезды», «Именинник», «Приваловские миллионы», «Детские тени», «Без названия», «Преступники», «Черты из жизни Пепко».

Среди изданий по зарубежной литературе:

— «Иллюстрированные сказки» и «Избранные сказки» Г.-Х. Андерсена;

— «Хижина дяди Тома» Г. Бичер-Стоу;

— «Карл Смелый», «Айвенго» и «Ричард-львиное сердце» В. Скотта;

— «Герман и Доротея» И.-В. Гете;

— сказки братьев Гримм;

— «Отверженные», «Труженики моря» и «Собор Парижской Богоматери» В. Гюго;

— «Робинзон Крузо» Д. Дефо;

— «Оливер Твист», «Николай Никольби», «Крошка Дорит», «Большие ожидания», «Давид Копперфильд», «Домби и сын», «Наш общий друг», «Малютка Тим», «Скряга Скрудж», «Лавка древностей» Ч. Диккенса;

— «80 тысяч верст под водою», «Таинственный остров» и «80 дней вокруг света» Ж. Верна;

— «Знак четырех», «Поздняя месть», «За городом», «Великая тень», «Капитан полярной звезды», «Женщина с револьвером», «Изгнанники», «Приключение Шерлока Холмса», «Воскресный Шерлок», «Баскервильская собака», «Аристократ-холостяк», «Тайна капитана Креджи» А. Конан Дойля;

— «Красный морской разбойник» и «Зверобой» Д.-Ф. Купера;

— «Всадник без головы» и «Охотники за черепами» Т. Майн Рида.

В Константиновской земской школе также было немало книг, о чем свидетельствуют воспоминания соучеников Есенина. «В школе у нас был шкаф 3 х 3 м, — вспоминает Н. И. Титов, — и хотя в нем помещалась вся наша библиотека и канцелярское хозяйство школы, но она была подлинным светом во тьме, я с жадностью читал Пушкина, Гоголя, а когда читал и рассказывал прочитанное дедушке, тот с жадностью меня слушал»¹¹³.

В документах, хранящихся в Государственном архиве Рязанской области, есть сведения о количестве книг для внеклассного чтения в библиотеке Константиновского земского училища — на 1 января 1898 года их было 258¹¹⁴.

Годы учебы будущего поэта в Константиновском четырехгодичном земском народном училище (1904–1909) явились для него важным периодом. Здесь он проводит много времени, знакомится и общается с детьми и подростками, также обучающимися в училище.

Формировавшаяся на протяжении долгого времени библиотека Константиновской школы также была довольно богатой.

Представление о том, чем занимался Есенин в константиновском училище, дают программы, которые публиковались в качестве приложений к «Инструкции для двухклассных и одноклассных сельских училищ Министерства народного просвещения», утвержденной 4 июня 1875 года. Согласно инструкции:

В двухклассных и одноклассных училищах преподаются обязательно следующие предметы: а) Закон Божий; б) русский язык с чистописанием; в) арифметика; г) история; д) география и естествоведение; е) церковное пение и ж) черчение (только в двухклассных училищах).

Примечание. Обучение Закону Божию детей не православного исповедания предоставляется попечению их родителей или лиц, заступающих их место.

<...> Объем преподавания сих предметов и число уроков по каждому для двухклассных училищ определяется программами, приложенными к настоящему параграфу инструкции под № 1 и 2; курс же одноклассных училищ соответствует курсу 1-го класса двухклассных¹¹⁵.

Публикуем эти программы по книге А. С. Пругавина «Законы и справочные сведения по начальному народному образованию»

*Программа преподавания Закона Божия
в сельских двухклассных училищах*

*(Составлена в Министерстве народного просвещения и одобрена
Святейшим Синодом 24-го сентября 1869 года)*

1-й класс. Преподавание закона Божия имеет целью воспитать детей в христианской благочестивой жизни, по закону православной церкви. Весь характер преподавания должен быть направлен именно к этой воспитательной цели. Первым самым естественным и вместе самым действенным средством к воспитанию благочестия в детях служит молитва. Но чтобы молитва имела свое истинно религиозное и нравственно-воспитательное значение, она должна проникнуть в сердце ребенка, чтобы, молясь, дитя не только твердило заученные слова, но всем сердцем возносилось к Тому, к Кому обращена молитва. Для этого нужно, чтобы молитва была ясно, сознательно понята ребенком, не только выучена, но и прочувствована; она должна состоять из таких прошений, которые доступны его возрасту, и из таких благодарений, которые не может не чувствовать его сердце. Иначе дитя будет знать молитвы, но не будет чувствовать ни расположения, ни искренней потребности молиться: читать молитву не всегда еще значит молиться. Прежде всего детям должно быть дано понятие о Боге, Творце и Промыслителе, как Дух вездесущем и всеведущем, любящем и милостивом Отце всех людей, и о том, как искренна должна быть поэтому всегда наша к Нему молитва. Каждой новой молитве должна предшествовать беседа с детьми о содержании этой молитвы, так чтобы самая молитва вылилась как результат этой беседы; она должна быть сказана по-русски, а уже потом переведена на церковно-славянский язык; учить ее дети должны в классе, со слов законоучителя. По окончании урока законоучитель читает именно эту молитву, чтобы показать детям, как должно молиться этими словами: к хорошей, благоговейной молитве дети должны быть привлечены примером; одни наставления не научат молиться. С первыми своими молитвами дети должны обращаться к Богу — Единому в Трех Лицах, хотя сознательное обращение к Святой Троице для них еще трудно, и потому догмат о Святой Троице должен быть детям только сказан именно как догмат церкви, в который они должны верить; но такая вера, как в особенности детская вера, и не

требует отчетливых умопредставлений. Изучение молитв идет в таком порядке: 1) прежде всего объясняется детям смысл молитв перед учением и после учения; выучить эти молитвы дети могут мало-помалу, прислушиваясь к чтению их в классе (в первое время, по открытии училища, читает эти молитвы учитель, для чего ему необходимо присутствовать при объяснении их законоучителем); 2) молитва Господня, как заветная нам самим Спасителем; 3) молитва вечерняя; 4) молитва утренняя; 5) молитвы перед столом и после стола, и 6) прошения просительной ектении: «Дне всего совершенна». Кроме того, детям объясняется значение и устройство храма и объясняются ектении и молитвы литургии.

(По св. истории). Рассказав детям о сотворении мира, грехопадении и обещании Спасителя, законоучитель переходит к Деве Марии и рождению обещанного Спасителя. Из новозаветной истории детям предлагают в 1-м классе только те рассказы, которые служат к объяснению главных церковных праздников, и излагается основное содержание учения Христа. При этом заучивается мало-помалу Символ Веры, по мере того, как будут объясняться упоминаемые в нем события, и разучиваются некоторые соответствующие молитвы (например, при рассказе о Благовещении — «Богородице Дево, радуйся», о Рождестве Христовом — «Дева днесь»; о Воскресении Христовом — «Христос воскрес»; о сошествии Св. Духа — «Царю небесный» и т. д.). После этого проходится вкратце свящ. история Ветхого Завета, и затем дети занимаются чтением из Евангелия (по русскому и славянскому тексту) тех событий, о которых уже знают.

Примечание. От детей требуется не только твердое знание библейских событий, но и умение передать их связно и правильным языком.

2-й класс. Подробная свящ. история Нового Завета, с чтением Евангелия. Чтение и объяснение некоторых глав из апостольских посланий и некоторых псалмов. Учение наизусть литургии и объяснение других важнейших служб церковных и таинств. Катехизис.

*Программы преподавания учебных предметов
в сельских двухклассных училищах
(Утверждены Министром народного просвещения
31-го мая 1869 г.)
По русскому языку*

Обучение русскому языку должно довести детей до правильного, беглого и разумного чтения и правильного письменного изложения мыслей. Чтение должно быть правильно, т. е. дитя должно читать так, как принято говорить в образованном обществе, с верными ударениями, верною интонацією и верными остановками. Чтение должно быть бегло, потому что только тогда дитя получит возможность, читая, сосредоточивать все свое внимание на смысле читаемого, не отвлекаясь механическою работою чтения. Наконец, чтение должно быть разумно, т. е. дитя должно понимать то, что читает. Только то чтение, которое отвечает всем этим условиям, может назваться хорошим чтением.

1-й класс. Обучение чтению и письму. Чтение предварительно объясненных учителем статей из книг для чтения. Рассказ прочитанных статей: сначала в форме отдельных ответов на вопросы учителя и вслед за тем — в полном виде; позже непосредственный связный рассказ прочитанного, без пособия вопросов. Письменные ответы на отдельные вопросы учителя; ряд письменных ответов по поводу прочитанной статьи и соединение их в форму связного изложения; наконец, связное письменное изложение прочитанного без помощи вопросов. Списывание с книг прочитанных статей. Письмо под диктовку. (При всех письменных упражнениях должно иметь в виду то правило, что полезнее предупредить ошибки, чем исправлять; поэтому при диктовке, например, учитель дает детям предварительно прочитать то, что будет диктовать, спрашивает их затем о составе тех слов, в которых они могли бы сделать ошибку, и только после этого приступает к диктовке; по окончании ее и по исправлении ошибок полезно давать детям прочитать еще раз то же самое по книге, чтобы они сами увидели сделанные ими ошибки.) Важнейшие правила правописания объясняются детям без грамматических терминов. В этом классе дети должны практически научиться отличать слова, выражающие предмет, качество предмета, действие, качество действий, и указывать главные части в каждой речи, т. е. предмет речи, и что о нем в речи сказано. Для развития памяти и для выработки языка следует чаще давать детям учить наизусть легкие стихотворения, предварительно прочитанные и объясненные.

2-й класс. Чтение более распространенных статей (в нужных случаях с предварительными объяснениями учителя). Главнейшие правила этимологии и синтаксиса, в особенности по применению их к орфографии. Письменные рассказы прочитанного, составление писем и сочинения на легкие темы. (В первое время учитель, давая написать сочинение, должен предварительно объяснить детям, в каком порядке могут быть изложены в нем мысли.) Заучивание стихотворений.

По арифметике

1-й класс. 1-й год: постепенное наглядное ознакомление детей (посредством видимых предметов) с составом первых 10-ти чисел, причем дети получают наглядное понятие о сложении, умножении, вычитании и делении; цифры, служащие к изображению этих чисел. Понятие (наглядное) о $1/2$, $1/4$ и $1/8$. Числа от 10 до 100, по такой же системе. При ознакомлении детей с каждым новым числом учитель предлагает им несложные практические задачи на это число по всем четырем действиям. Все задачи эти должны решаться умственно, с должными объяснениями. 2-й и 3-й год: числа до миллиона. Умственные и письменные задачи. Употребление счетов. Дети должны в 1-м классе мало-помалу ознакомиться наглядно с единицами монетными, времени, веса, меры и т. д.

2-й класс. Простые дроби; четыре действия над дробными числами. Решение задач, относящихся к правилам тройному, смешения, товарищества и процентов, без помощи пропорций. Главные основания планиметрии. Съемка планов.

По географии

Обозрение глобуса: суша и вода; указание океанов, материков, частей света и положение России. Знакомство с Российской империей по карте России: моря (при этом понятие об острове, полуострове, перешейке, мысе, заливе и проливе); указание главных путей водных сообщений; озера. Общий вид поверхности России, горы России. Деление России на Европейскую и Азиатскую, на губернии и уезды (без перечисления их); указание на карте своей губернии и соседних с нею и уездов своей губернии. Столицы России и города, замечательные в религиозном, историческом и промышленном отношении. Железные дороги. Величина России, число жителей и их главнейший племенной состав. Указание на карте Европы соседних с Россией, а затем и других важнейших государств, с главными городами, и земель, обитаемых славянами. Некоторые сведения о славянах.

<...> Некоторые сведения из естественных наук

Материалом будут служить статьи из книг для чтения¹¹⁶.

В годы учебы все более притягательным для Есенина становится дом священника и школьного законоучителя Иоанна Смирнова, в котором он стал частым гостем не только благодаря гостеприимству хозяев, но и наличию большого числа книг и журналов. По словам Н. И. Титова, «чуть ли не с первых дней поступления в школу священник Смирнов выбрал Сергея Есенина, Андрюшку Мамонова и меня для прислуживания ему в алтаре во время богослужения»¹¹⁷. Есенин в этот период часто ночует в доме константиновского священника, в котором воспитывается его друг сирота Клавдий Воронцов.

Влечет детей и подростков река Ока и расположенные за ней, в низине, пространства. «Заливные окские луга составляли главное богатство константиновцев, участки имели свои названия: Первая пожень, Тешин язык, Хорошовка, Сапог, Лубянка, Боровое, Дубровка, Дальняя коса и другие. Разнотравье давало много сена, часть его шла на продажу, но в основном использовалось как корм животным»¹¹⁸. На окских лугах и проводил много времени Есенин с приятелями. «Летом Сергей со сверстниками, — отмечает И. Г. Атюнин, — по 3–4 раза в день бегали купаться на реку. После купания в Оке мальчики ловили раков и налимов в норах руками, в этом деле Есенин, как говорили его товарищи, “собаку съел”, он ловил в очень глубоких местах и более его никто не налавливал»¹¹⁹.

Однако большую часть года продолжается учеба в константиновском училище, Сергей увлекается не только чтением, но и сам пытается писать стихи. Как вспомнит он позже, читать научился в пятилетнем возрасте под руководством дяди. Частушка, запомнившаяся Н. И. Титову (он воспроизводил ее в разных вариантах в 1950–1960-е

годы), была написана Есениным в 1906 году и посвящена местному помещику И. П. Кулакову. Таким образом, в родном селе не только зародился интерес Есенина к поэзии, но и началось его самостоятельное поэтическое творчество. Конечно, сначала это были ученические опыты, проба пера.

¹ См.: *Чернышевская-Быстрова Н. М.* Летопись жизни и творчества Н. Г. Чернышевского. М.; Л.: Academia, 1933. С. 20–23.

² Празднование 800-летия (1095–1895) г. Рязани. 20–22 сентября 1895 года / Под ред. С. Д. Яхонтова / Приложение к № 2 т. XI трудов комиссии. Рязань: Издание Рязанской ученой архивной комиссии, 1896. С. 4.

³ Там же. С. 16.

⁴ Там же. С. 17.

⁵ Новое время. 1895. № 7034.

⁶ Празднование 800-летия (1095–1895) г. Рязани. С. 21.

⁷ Новое время. 1895. № 7034.

⁸ Празднование 800-летия (1095–1895) г. Рязани. С. 26.

⁹ Подробнее см.: *Скорыходов М. В.* Раннее творчество С. А. Есенина в историко-культурном контексте («Радуница» 1916 г. и маленькие поэмы 1917–1918 гг.). Дис. ... канд. филол. наук. М.: ИМЛИ РАН, 1995. С. 81–84.

¹⁰ *Калинский И. П.* Церковно-народный месяцеслов на Руси. СПб., 1877. С. 145–146.

¹¹ *Аникина О. Л.* «Коря крестьянского...» // *Константиновский вестник*. Константиново, 1995. Вып. 4. С. 11.

¹² РГАДА. Ф. 1263. Оп. 10. Ед. хр. 294. Л. 2–7 об.

¹³ Там же. Л. 16–18 об.

¹⁴ Там же. Л. 30–30 об.

¹⁵ Там же. Ф. 1263. Оп. 10. Ед. хр. 979. Л. 9–10.

¹⁶ Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 13340. Л. 472–473 об.

¹⁷ *Солобай Н. М.* Из истории села Константинова (по материалам федеральных архивов) // *Сергей Есенин и русская история*. М.; Константиново; Рязань, 2013. С. 108–109.

¹⁸ *Озеров Л. А.* «На каторге чувств» // *Столетие Сергея Есенина*. Международный симпозиум / *Есенинский сб.* Вып. III. М.: Наследие, 1997. С. 506–507.

¹⁹ *Титов Н. И.* Село, взрастившее Есенина. Воспоминания // *ОР ИМЛИ РАН*. Ф. 32. Оп. 8. Ед. хр. 98. Л. 1.

²⁰ Выпись из метрической книги о рождении и крещении Н. О Есенина см.: *Летопись жизни и творчества С. А. Есенина*. Т. 1. С. 433.

²¹ См. подробнее: *Материалы к истории рода Олсуфьевых*. М., 1911.

²² Выпись из метрической книги о венчании см.: *Летопись жизни и творчества С. А. Есенина*. Т. 1. С. 434.

²³ *Атюнин И. Г.* Рязанский мужик, поэт-лирик Сергей Есенин. Биографический очерк. ОР ИМЛИ РАН. Ф. 32. Оп. 3. Ед. хр. 4. Л. 4.

²⁴ *Есенина Е. А.* В Константинове // *С. А. Есенин в воспоминаниях современников*. Т. 1. С. 28.

²⁵ Там же. С. 29.

²⁶ *Есенина А. А.* Родное и близкое // Там же С. 69.

²⁷ *Титов Н. И.* Село, взрастившее Есенина. Л. 4 об.; в рукописи этот фрагмент вычеркнут.

²⁸ *Атюнин И. Г.* Рязанский мужик, поэт-лирик Сергей Есенин. Л. 4.

²⁹ *Есенина Е. А.* В Константинове. С. 29.

³⁰ См.: *Летопись жизни и творчества С. А. Есенина*. Т. 1. С. 432.

³¹ *Титов Н. И.* Село, взрастившее Есенина. Л. 3 об.

- ³² Там же. Л. 1 об.
- ³³ Там же. Л. 1 об., 2 об., 3.
- ³⁴ Розанов И. Н. Есенин о себе и других. М.: Никитинские субботники, 1926. С. 17.
- ³⁵ Выпись из метрической книги о рождении и крещении Ф. А. Титова см.: *Летопись жизни и творчества С. А. Есенина*. Т. 1. С. 437.
- ³⁶ Выпись из метрической книги о венчании см.: *Летопись жизни и творчества С. А. Есенина*. Т. 1. С. 438.
- ³⁷ Есенина Е. А. В Константинове. С. 31–32.
- ³⁸ Есенина А. А. Родное и близкое. С. 70–71.
- ³⁹ Титов Н. И. Село, возрастившее Есенина. Л. 21.
- ⁴⁰ Атюнин И. Г. Рязанский мужик, поэт-лирик Сергей Есенин. Л. 5.
- ⁴¹ Панфилов А. Константиновский меридиан: Поиски, исследования, находки, мысли вслух, воспоминания сверстников и односельчан о детстве Сергея Есенина и селе Константинове. М.: Энциклопедия российских деревень; Народная книга, 1992. Ч. 1. С. 26–27.
- ⁴² Панфилов А. Константиновский меридиан. Ч. 1. С. 42.
- ⁴³ Есенина А. А. Родное и близкое. С. 71.
- ⁴⁴ Панфилов А. Константиновский меридиан. Ч. 1. С. 122.
- ⁴⁵ Выпись из метрической книги о рождении и крещении С. А. Есенина см.: *Летопись жизни и творчества С. А. Есенина*. Т. 1. С. 430–431. См. также: *Прокушев Ю. Л.* Юность Есенина. М.: Московский рабочий, 1963. С. 19.
- ⁴⁶ Список учеников I–V классов <Рязанской духовной семинарии> а) переведенных в следующие классы и б) коим назначены испытания после каникул на основании определения св. Синода от 10–12 января 1896 года // *Рязанские епархиальные ведомости*. 1896. № 13. 1 июля. Отдел официальный. С. 259.
- ⁴⁷ Разрядный список воспитанников всех классов Рязанской духовной семинарии, составленный после годичных испытаний, произведенных в мае и июне сего 1897 года // *Рязанские епархиальные ведомости*. 1897. № 13–14. 1–15 июля. С. 249.
- ⁴⁸ Разрядный список воспитанников всех классов Рязанской духовной семинарии, составленный по окончании годичных испытаний, произведенных в мае и июне сего 1898 года // *Рязанские епархиальные ведомости*. 1898. № 14. 15 июля. С. 206.
- ⁴⁹ Известия Рязанского епархиального училищного совета // *Рязанские епархиальные ведомости*. 1899. № 22. 15 ноября. С. 408–409.
- ⁵⁰ Богданович Е. От издателя // Преподобный Сергей Радонежский и всея России чудотворец. 1392–1892. В память пятистолетия со дня кончины его. СПб., 1892. С. 3.
- ⁵¹ Память 500-летия преподобного и богоносного отца нашего Сергея, Радонежского и всея России чудотворца, жизнь и подвиги его с приложением описания полного крестного хода из Москвы в Троице-Сергиеву Лавру в 1892 году, 25 сентября. М., 1894. С. 75.
- ⁵² Там же. С. 77–78.
- ⁵³ Там же. С. 82.
- ⁵⁴ Там же. С. 82–83.
- ⁵⁵ Там же. С. 84.
- ⁵⁶ Там же. С. 98–99.
- ⁵⁷ Богданович Е. От издателя // Преподобный Сергей Радонежский и всея России чудотворец. С. 4.
- ⁵⁸ Рязанские епархиальные ведомости. 1892. № 19. 1 октября. Неофициальный отдел. С. 813.
- ⁵⁹ Рязанские епархиальные ведомости. 1892. № 20. 15 октября. Неофициальный отдел. С. 827.
- ⁶⁰ Смирнов С. И. Преподобный Сергей Радонежский и Троицкая Лавра его времени. Публичная лекция для членов Рогожского отделения первого Московского общества трезвости в приезд их на богомолье в Троицкую Лавру. М., 1898. С. 14.

⁶¹ Р. В. Пятисотлетний юбилей преподобного Сергия в Московской духовной академии // Рязанские епархиальные ведомости. 1892. № 20. 15 октября. Неофициальный отдел. С. 837.

⁶² Панфилов А. Константиновский меридиан. 1992. Ч. 1. С. 120.

⁶³ Прокушев Ю. Юность Есенина. С. 23. С уточнениями и дополнениями по: Атюнин И. Г. Рязанский мужик, поэт-лирик Сергей Есенин. Биографический очерк. ОР ИМЛИ. Ф. 32. Оп. 3. Ед. хр. 4. Л. 5.

⁶⁴ Дата по: Летопись жизни и творчества С. А. Есенина. Т. 1. С. 239.

⁶⁵ Цит. по: Неизвестные стихи Сергея Есенина / Публ. Т. Конопачкой // Звезда. 1975. № 4. Апрель. С. 188.

⁶⁶ Летопись жизни и творчества С. А. Есенина. Т. 1. С. 440–441.

⁶⁷ Есенинский вестник. Вып. 4. [Константиново]: Гос. музей-заповедник С. А. Есенина, [1995]. С. 11.

⁶⁸ Панфилов А. Константиновский меридиан. Ч. 1. С. 124.

⁶⁹ Там же. С. 196–197.

⁷⁰ Там же. С. 197.

⁷¹ Там же.

⁷² Есенин С. А. Собр. соч. М.: Гослитиздат. 1961. Т. 5. С. 309–310.

⁷³ Панфилов А. Константиновский меридиан. Кн. 1. С. 197.

⁷⁴ Об этой поездке см.: Солобай Н. М. К истории мемориализации Константинова: о поездке московских писателей в село в июне 1926 года // Биография и творчество Сергея Есенина в энциклопедическом формате. М.; Константиново; Рязань, 2012. С. 383–397.

⁷⁵ Сергей Есенин в стихах и жизни. Письма. Документы. М.: Республика, 1995. С. 420–421.

⁷⁶ Есенина Е. А. В Константиново. С. 32–33.

⁷⁷ Панфилов А. Константиновский меридиан. Ч. 1. С. 195.

⁷⁸ Проект границ территорий памятников истории и культуры, расположенных в Рыбновском и Клепиковском районах Рязанской области и связанных с жизнью и творчеством С. А. Есенина, их зон охраны, режимов использования земель и градостроительных регламентов. Рязань, 2011. С. 13.

⁷⁹ Атюнин И. Г. Рязанский мужик, поэт-лирик Сергей Есенин. Биографический очерк // ОР ИМЛИ РАН. Ф. 32. Оп. 3. Ед. хр. 4. Л. 6.

⁸⁰ Среди немногих работ на эту тему см.: Моладикова А. А. Состояние и организация педагогического образования в Рязанской губернии во второй половине XIX – начале XX веков. Дис. ... канд. пед. наук. Рязань: Рязанский гос. университет им. С. А. Есенина, 2006.

⁸¹ Об особенностях земской начальной школы см.: Веселовский Б. История земства за 40 лет. СПб., 1909. Т. 1, гл. XXX, XXXII, XL. О разных проектах развития системы школьного образования см.: Миропольский С. И. Школа и государство. 3-е изд. СПб., 1910. Гл. VI. С. 109–148.

⁸² «Вследствие совместной деятельности земства и правительства по народному образованию просвещение русского народа в последнее время сильно двинулось вперед. С 1903 по 1909 год число земских школ возросло на 33,8% — с 18714 до 25047» (Кантерев П. Ф. История русской педагогики. Изд. второе, пересмотренное и доп. Пг., 1915. С. 457).

⁸³ «20 февраля 1907 года министерство внесло в Государственную Думу законопроект о введении всеобщего обучения. Хотя этот проект не стал законом и был задержан в Государственном Совете, но тем не менее его основы служат руководящими началами для министерства народного просвещения в его совместной работе с земством по народному образованию» (Кантерев П. Ф. История русской педагогики. С. 457). Согласно этому проекту «все дети обоего пола должны иметь возможность пройти полный курс учения в правильно организованной школе, т. е. четырехлетней, с числом учащихся на одного учителя не более 50, с учителем, имеющим установленный законом образовательный ценз, и с одним законоучителем» (Там же. С. 458; см. также: Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва 1907–1912 гг. Ч. 2. Законодательная деятельность.

Составлен канцелярией Государственной Думы. СПб., 1912. Гл. XIII. «Народное образование»; отд. III. «Нижшее образование».

⁸⁴ Рязанские епархиальные ведомости. 1904. № 6. 15 марта. Неофициальный отдел. С. 205.

⁸⁵ *Пругавин А. С.* Законы и справочные сведения по начальному народному образованию. СПб., 1898. С. 25.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же. С. 26. Отметим, что законоучителями назывались преподаватели Закона Божия, имеющие священнический сан; а лица, не имеющие такого сана, именовались учителями Закона Божия. Таким образом, отец Иоанн Смирнов, учивший Есенина в константиновском училище, был законоучителем.

⁸⁹ *Пругавин А. С.* Законы и справочные сведения по начальному народному образованию. С. 26–27.

⁹⁰ Там же. С. 59–60.

⁹¹ Священник Иоанн Смирнов был утвержден в должности законоучителя константиновского училища в 1879 году (Рязанские епархиальные ведомости. 1879. № 20. 15 октября. Официальный отдел. С. 418).

⁹² См.: Народное образование в Рязанской губернии. С приложением Атласа начальных школ Рязанской губернии. <Т. XII>. Рязань: Издание Рязанского губернского земства, 1889. С. 332.

⁹³ Там же. С. 310–315.

⁹⁴ См.: Летопись жизни и творчества С. А. Есенина. Т. 1. С. 89.

⁹⁵ См.: Там же. С. 478–479.

⁹⁶ См.: Там же. С. 101.

⁹⁷ *Кантерев П. Ф.* История русской педагогики. С. 459.

⁹⁸ Справочная книга по низшему образованию. Год восьмой (сведения за 1913–1914 гг.). Сост. С. И. Анцыферов. Ч. 1. Пг., 1916. С. 217.

⁹⁹ *Пругавин А. С.* Законы и справочные сведения. С. 94.

¹⁰⁰ См.: Материалы по вопросу о современном состоянии начального образования в Рязанской губернии, собранные применительно к программе, составленной Бюро Общеземского съезда по народному образованию 1911 г. Рязань: Издание Рязанской губернской земской управы, 1911. С. 11.

¹⁰¹ Там же. С. 3.

¹⁰² Там же. С. 6. Данные по выпускникам 1908/1909 учебного года, когда Есенин завершил учебу в земском училище, обнаружить не удалось.

¹⁰³ Там же. С. 14.

¹⁰⁴ См.: Там же.

¹⁰⁵ Там же. С. 18.

¹⁰⁶ Там же. С. 23.

¹⁰⁷ Краткий обзор положения начального народного образования в Рязанской губернии за 1907 год с приложением: «Проекты введения всеобщего обучения в уездных земствах Рязанской губернии». Рязань: Издание Рязанской губернской земской управы, 1909. С. 11. Выделено в цитируемом издании.

¹⁰⁸ Краткий обзор положения начального народного образования в Рязанской губернии за 1913 год. Рязань, 1914. С. 73.

¹⁰⁹ Там же. С. 11.

¹¹⁰ Материалы по вопросу о современном состоянии начального образования в Рязанской губернии. С. 83.

¹¹¹ Каталог книг библиотеки при Гавриловской земской школе 1908 года. М., 1908. 38 с.

¹¹² Каталог книг ученической библиотеки земской школы Александровского уезда. Александрия, 1911. 80 с. См. также: Каталог книг для употребления в низших училищах ведомства Министерства народного просвещения и для публичных народных чтений. Издан по распоряжению Министерства народного просвещения в 1897 г. // *Пругавин А. С.* Законы и справочные сведения. С. 290–369.

¹¹³ *Титов Н. И.* Воспоминания о селе Константинове, взрастившем Есенина. Машинопись с авторской правкой // ОР ИМЛИ РАН. Ф. 32. Оп. 8. Ед. хр. 98. Л. 8.

¹¹⁴ *Панфилов А.* Константиновский меридиан. Ч. 2. С. 146.

¹¹⁵ *Пругавин А. С.* Законы и справочные сведения по начальному народному образованию. С. 118.

¹¹⁶ Там же. С. 115–118.

¹¹⁷ Цит. по: *Летопись жизни и творчества С. А. Есенина*. Т. 1. С. 93.

¹¹⁸ Проект границ территорий памятников истории и культуры. С. 14.

¹¹⁹ *Атюнин И. Г.* Рязанский мужик, поэт-лирик Сергей Есенин. Л. 9.

СПАС-КЛЕПИКОВСКАЯ УЧИТЕЛЬСКАЯ ШКОЛА В БИОГРАФИИ ЕСЕНИНА

*«меня отдали учиться из сельской земской школы
в учительскую...»*

Анализ материалов, относящихся к периоду учебы Есенина в Спас-клепиковской второклассной учительской школе, позволяет уточнить некоторые факты есенинской биографии 1909–1912 годов, охарактеризовать особенности учебного заведения, время пребывания в котором явилось важным этапом становления поэта.

В некоторых работах встречались неточности в названии этого учебного заведения. В значительной степени это обусловлено тем, что поэт писал в автобиографиях то об «учительской школе» [VII (1), 15], то о «закрытой церковно-учительской» [VII (1), 9], то о «закрытой учительской» [VII (1), 11], то о «церковно-учительской» [VII (1), 19]. На здании этого учебного заведения, запечатленном на фотографии 1911 года¹, где Есенин сфотографирован с другими учащимися, прочитывается надпись: «Второклассная церковно-приходская школа открыта в селе Спас-Клепиках духовным ведомством. 1896».

При подготовке первого тома «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина» благодаря проведенным разысканиям удалось документально установить, как именно называлась школа в годы учебы в ней Есенина². Однако и в работах последнего времени, к сожалению, порой встречается неправильное наименование данной школы. Например, в исследовании А. А. Моладиковой³ эта школа несколько раз называется церковно-учительской и второклассной церковно-учительской.

Согласно «Разъяснениям по вопросу об устройстве второклассных церковно-приходских школ с учительскими курсами», данным Училищным советом при Святейшем Синоде, «церковно-приходская школа, называемая второклассною, имеет целью подготовить учащихся в ней к первоначальному обучению и состоит: а) из 1-го класса двухклассной церковно-приходской школы, б) второго класса двухклассной школы и в) учительского курса»⁴. В соответствии с этими требованиями и была сделана надпись на второклассной шко-

ле в Спас-Клепиках. Однако со временем название школы изменилось.

Как сообщается в «Прибавлениях к Церковным ведомостям», «второклассные школы открываются духовным ведомством с 1896 г. — со времени ассигнования на них, согласно Высочайше утвержденному 5 июня 1895 года мнению Государственного Совета, казенных средств в размере 1629 000 руб. ежегодно. В первые три года (1896–1898) было открыто 225 школ; к концу первого пятилетия (1896–1900) их было 349, через пять лет (1901–1905) — 421; к истекшему 1907 году второклассных школ состояло 427»⁵. Среди них 332 мужских, в которых обучалось 15864 учащихся, то есть в среднем по 47 человек в школе. Как видим, за десятилетие по всей России было открыто более 400 школ. Появились такие школы и в Рязанской губернии. Их полный перечень находим в номере «Рязанских епархиальных ведомостей» за 1901 год: «Сим объявляется, что прием учеников во второклассные школы имеет быть в настоящем году в следующие сроки: в Березовскую (Данков<ский> у.) 1–3 сентября, в Горковскую (Егорьев<ский> у.) 1 сентября, в Делеховскую (Скопин<ский> у.) 5–8 сентября, в Куминскую (Скопин<ский> у.) 10–15 сентября, в Перьинскую (Касимов<ский> у.) 3–4 сентября, в Песоченскую (Сапожков<овский> у.) 1–2 сентября, в Просечинскую (Раненбург<ский> у.) 3–4 сентября, в Спас-Клепиковскую (Рязан<ский> у.) 3–4 сентября, в Старо-Рязанскую (Спасск<ий> у.) 13–15 сентября, в Старо-Стрелецкую (Прон<ский> у.) 26–30 августа, в Струпенскую (Зарайск<ий> у.) 10–15 сентября и в Сысоевскую (Сапожков<овский> у.) 3–4 сентября»⁶. Как видно из приведенной цитаты, время начала учебы в школах было различным. Так дело обстояло в 1901 году не только в Рязанской губернии. Требовалось упорядочить деятельность второклассных школ, на что ушло несколько лет. Позже намечалась некоторая унификация, которая, впрочем, не могла полностью исключить отступлений от утвержденных требований. Согласно «Правилам для второклассной школы», утвержденным по определению Святейшего Синода от 20 августа – 3 сентября 1908 года за № 5567⁷, учебные занятия во второклассной школе начинались 1 сентября.

Вопросы, связанные с проектированием школ, были решены еще в 1896 году, когда были выпущены «Программы для составления проектов здания второклассных церковно-приходских школ с учительскими курсами и образцовыми при них школами грамоты или одноклассными церковно-приходскими школами». Знакомство с этими программами позволяет представить себе, каково было зони-

рование пространства в школах, в одной из которых учился Есенин. Приведем фрагмент этого документа:

При составлении проекта каменного или деревянного здания для второклассной школы требуются следующие помещения:

1) небольшие сени, или тамбур, и просторная передняя для верхнего платья, которая в то же время могла бы служить и комнатой для отдыха учащихся во время перемен в классах;

2) четыре классных комнаты, по возможности, не проходных, из них 3 комнаты на 15–20 учащихся каждая, для 3-х отделений второклассной школы, а 4-я для первого класса, вместимостью на 50–60 учащихся. Желательно, чтобы классная комната на 20 учеников приблизительно имела по возможности следующие размеры: квадратная по форме — длиной и шириной по 7 арш<ин> 12 вер<шков>, а высота 4 арш<ина> 12 вер<шков>, или продолговатая — длиной 8½ арш<ина>, шириной 7 арш<ин>, при той же высоте.

3) комната, предназначенная для обеда и ужина, должна быть рядом с кухней. Кухня должна иметь выход на хозяйственный двор;

4) ученики могут спать и в особой комнате, и в той, в которой едят. В середине комнаты, в таком случае, удобно поставить стол, а по сторонам нары для учеников, с удобными вокруг оных проходами. Проходы между столами и нарами считать достаточными в 1 арш<ин> 4 вер<шка>, причем скамейки должны находиться у стола только в то время, когда учащиеся садятся за стол; в прочее же время они должны быть приставлены к нарам, удлиняя их собой;

5) 3 комнаты для 3-х учителей;

6) помещение сторожу, отхожие места, как для учеников, так и для учителей. Отхожие места должны помещаться вне здания, в особой пристройке. На дворе школы желательны: амбар, погреб или ледник, навес для дров и колодезь, смотря по местным условиям, а также и баня в отдалении.

Кроме указанных требований, при проектировании зданий второклассных школ, желательно и соблюдение следующих условий:

1) здание второклассной школы устраивать двухэтажным, ввиду экономии в фундаменте и крыше;

2) по обширности здания второклассной школы необходимо устраивать две лестницы и одну из них доводить до чердака;

3) просторную переднюю, которая служит для отдыха учащихся, можно заменить, смотря по приему плана, светлым коридором, ширина которого должна быть не менее 4 аршин;

4) помещение одному учителю, а если окажется возможным, то и всем, устраивать рядом со спальнями учеников, дабы не оставлять последних без надзора;

5) первый класс школы следует помещать на 1 этаже, по возможности, при входе, и иметь в виду место для нескольких библиотечных шкапов, так как класс этот в праздничные дни может служить читальней для народа;

6) избегать, по возможности, в видах экономии, устройства всех школьных помещений под одну высоту. Наименьшей же высотой в

классах, спальнях и столовой считать 4 арш<ина> 12 вер<шков>, а в комнатах учителей и проч<их> 3 арш<ина> 12 вер<шков>;

7) окна в классах устраивать по возможности ближе к потолку, а подокон<ни>ки на 1½-аршинном расстоянии от пола. Площадь всех оконных отверстий в классе должна быть не менее 1/3 площади пола и при этом свет должен падать на учащихся с левой стороны;

8) отхожие места сгруппировать в одном месте, чтобы иметь одну выгребную яму, которую устраивать отдельно от здания: самые же места в таком случае с отделениями для мальчиков и девочек соединять со зданием холодным переходом⁸.

Согласно Высочайше утвержденному 1 апреля 1902 года «Положению о церковных школах ведомства Православного Исповедания», церковные школы подразделялись на «начальные, предназначенные для начального обучения детей и взрослых» (школы грамоты, одноклассные и двухклассные церковно-приходские, воскресные) и «учительские — для приготовления учителей в начальные школы» (второклассные и церковно-учительские)⁹. Если во второклассные учительские школы «принимаются окончившие курс в начальных учебных заведениях и имеющие от 13 до 17 лет от роду»¹⁰, то «в церковно-учительские школы принимаются молодые люди и девушки в возрасте от 15 до 17 лет, окончившие курс второклассных школ или иных учебных заведений, курс коих не ниже курса второклассных школ. Окончившие второклассные школы подвергаются поверочному испытанию, а поступающие из других учебных заведений — полному испытанию в объеме курса второклассных школ»¹¹. Церковно-учительские школы были следующей ступенью обучения для выпускников второклассных учительских школ.

По «Положению о церковных школах ведомства Православного Исповедания», «преподавание в церковных школах производится по учебникам и руководствам, одобренным по предметам Закона Божия — Святейшим Синодом, а по прочим предметам — училищным при Святейшем Синоде советом»¹². В положении говорится и о проживании учащихся, приезжающих из других мест: «При каждой учительской школе учреждается общежитие для лиц, которые изъявляют желание жить при школах. В общежитиях этих учащиеся содержатся на свои средства. Размер платы за содержание в общежитии определяется советом школы»¹³. О проживании в спас-клепиковской школе вспоминает К. С. Марушкин: «Общежитие наше находилось на втором этаже. Ученики всех классов размещались в одной комнате. Около 40 коек, сделанных из железа, стояли рядами, на окнах висели белые занавески. Нам давали на временное пользование подушку, набитую ватой, и матрац, набитый сеном, одеяло и постельное белье каждый привозил из дома»¹⁴. На одной из этих коек спал и Есенин в

годы учебы в Спас-Клепиках в 1909–1912 годах, за исключением времени каникул, которое он проводил в родном Константинове.

«Период учебы не оставил на мне никаких следов...»

Сведения об особенностях обучения во второклассных школах содержит раздел Положения, посвященный этим школам:

34. Второклассные школы имеют целью готовить учителей и учительниц для школ грамоты.

35. Второклассные школы открываются с разрешения училищного при Святейшем Синоде совета.

36. Во второклассные школы принимаются окончившие курс в начальных учебных заведениях и имеющие от 13 до 17 лет от роду. В женские второклассные школы разрешается принимать и получивших домашнее образование. Поступающим в школы производится поверочное испытание.

37. Курс учения во второклассных школах продолжается три года.

38. Во второклассных школах преподаются следующие предметы: 1) Закон Божий; 2) церковная история, общая и русская; 3) церковное пение; 4) русский язык; 5) церковно-славянский язык; 6) отечественная история; 7) география, в связи со сведениями о явлениях природы; 8) арифметика; 9) геометрическое черчение и рисование; 10) дидактика; 11) начальные практические сведения по гигиене; 12) чистописание и 13) рукоделие (в женских школах).

39. В курс второклассных школ, с разрешения епархиального училищного совета, может быть введено обучение иконописанию, музыке, ремеслам и сельскому хозяйству, в виде дополнительных уроков, а также могут быть открываемы особые курсы по этим предметам и по церковному пению с музыкою.

40. При второклассных школах состоят одноклассные церковно-приходские школы для практической подготовки воспитанников к преподаванию.

41. Заведывание каждою второклассною школою возлагается на священника, по назначению епархиального училищного совета.

42. Учители и учительницы второклассных школ избираются из лиц, окончивших курс в церковно-учительских школах или в средних и высших учебных заведениях, и назначаются на службу епархиальным училищным советом.

43. Выпускные испытания ученикам и ученицам второклассных школ производятся советом школы. При производстве сих испытаний в совете председательствует назначаемый епархиальным училищным советом наблюдатель (епархиальный или уездный) или член епархиального училищного совета, либо уездного его отделения.

44. Успешно окончившим курс второклассных школ выдаются советами оных (ст. 43) свидетельства на звание учителя или учительницы школ грамоты.

45. Окончившие курс второклассных школ и с успехом обучавшиеся не менее двух лет в церковных школах имеют право на получение звания учителя или учительницы церковно-приходской школы по сокращенному испытанию, производимому на основании правил, устанавливаемых Святейшим Синодом¹⁵.

На каждую второклассную школу выделялось ежегодно по 3000 рублей, из них: заведующему школой священнику — 360, старшему учителю — 540, двум другим учителям — по 480 каждому, за преподавание пения — 200, на библиотеку и учебные пособия — 140, на содержание учеников в общежитии — 200, на содержание здания и прочие расходы — 600.

Совсем иной была программа церковно-учительской школы, в которую принимались молодые люди и девушки, окончившие курс второклассных школ или иных учебных заведений, курс которых не ниже курса второклассных школ. Иными были и расходы на содержание церковно-учительской школы: 10000 рублей в год, включая 2800 рублей на казенные стипендии. Руководили такими школами священники, получившие высшее богословское образование и не имеющие прихода.

«Правила для второклассной школы», утвержденные в 1908 году, то есть до начала учебы Есенина в спас-клепиковской школе, позволяют приблизительно установить время, в которое начинающий поэт уезжал на каникулы и приступал к занятиям в школе. Правила констатируют: «В течение учебного года учащиеся отпускаются в дома родителей или родственников на Рождественские каникулы с 21 декабря по 8 января; к празднику Святой Пасхи — с пятницы шестой седмицы Великого поста по вторник Фоминой недели. На летние каникулы учащиеся отпускаются с 15 июня по 1 сентября»¹⁶. Приемные испытания для желающих поступить в школу проводились советом школы после 20 августа. Объявления о времени начала учебы в Спас-Клепиковской второклассной школе в годы учебы в ней Есенина в рязанской периодике не обнаружены, поэтому у нас нет оснований утверждать, что совет этой школы отступил от утвержденных Святейшим Синодом правил и перенес начало учебного года с официально принятой даты — 1 сентября.

Для поступления во второклассную школу необходимо было не только успешно выдержать все вступительные испытания, но и пройти медицинский осмотр, удостоверяющий, что поступающие не имеют физических недостатков, которые могут стать препятствием к исполнению обязанностей учителя. По воспоминаниям П. И. Проскурякова, поступившего в спас-клепиковскую школу в 1914 году, он «сдал экзамены: по русскому языку, математике, чтению, каллигра-

фии. Бабка мне нанимала репетитора, говорила: “А то ну-ка не сдашь экзамены-то, надо подготовиться”»¹⁷.

Возможно, в первые годы функционирования второклассных школ переводные (из класса в класс) экзамены в них не проводились или не были обязательными. Однако ко времени поступления Есенина в Спас-клепиковскую школу были опубликованы упомянутые выше «Правила для второклассной школы», в соответствии с которыми в конце учебного года (с 26 мая по 15 июня) должны были проводиться переводные и выпускные испытания учащихся. К тому же в разъяснительном постановлении Училищного совета при Святейшем Синоде от 27 июля – 3 августа 1910 года за № 411 указывается, что «все учащиеся второклассных школ, независимо от полученных ими годовых баллов, должны быть допускаемы к производимым в конце учебного года переводным и выпускным испытаниям»¹⁸.

Краткую характеристику Спас-клепиковской школы вскоре после ее окончания Есениным (март 1913 года) дает газета «Рязанская жизнь»: «Село Спас-Клепики. 20 марта с. г. местную второклассную церковно-учительскую школу посетили помощник имперского наблюдателя церковных школ действительный статский советник г. Георгиевский и рязанский епархиальный наблюдатель церковных школ Иван Дмитриевич Рудинский. <...> Ревизоры остались довольны постановкой учебно-воспитательного дела, но хозяйственная сторона школы произвела на них плохое впечатление. Дело в том, что Спас-Клепиковская второклассная учительская школа имеет собственное каменное здание, но здание это настолько ветхо, плохо и грязно, что скорее подойдет для помещения скота, чем для 70-ти учеников»¹⁹.

Воспоминания учеников Спас-клепиковской школы, дающие представление о бытовой стороне жизни ее воспитанников, опубликованы в 2003 году в томе 1 «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина» (фрагментарно) и в статье О. Л. Аникиной и Н. Н. Бердяновой «Воспоминания В. В. Знышева, Я. А. Трепалина, К. С. Марушкина» (полностью) по источникам, хранящимся в фондах Государственного музея-заповедника С. А. Есенина.

К. С. Марушкин вспоминает:

Класс наш находился на втором этаже, стояло 8 некрашенных ученических парт, на стене черная доска и учительский стол, тоже черного цвета.

За партами сидели по два человека. Занятия начинались в 8 часов утра и продолжались до 12 часов дня. Один час отводился на обед и один час свободного времени после обеда. В 14 часов мы опять поднимались в свой класс и готовили уроки каждый самостоятельно.

Обед обычно состоял из двух блюд: щи с мясом и каша, а потом пили чай. Утром и вечером ели те продукты, которые привозили из дома, а чай нам давали. Плата за питание и общежитие составляла 3 рубля.

Общежитие наше находилось на втором этаже. Ученики всех классов размещались в одной комнате. Около 40 коек, сделанных из железа, стояли рядами, на окнах висели белые занавески. Нам давали на временное пользование подушку, набитую ватой, и матрац, набитый сеном, одеяло и постельное белье каждый привозил из дома²⁰.

М. Н. Молчанов, поступивший в спас-клепиковскую школу двумя годами позже Есенина, рассказывает:

Наш класс I был на втором этаже, сразу направо, а класс Есенина налево дальше.

В рекреации на втором этаже висели на стене часы, круглые, большие, они заводились ключиком. <...> Парты в классах были крашенные, кажется, коричневые. Справа на стене висела "Карта Российской империи", чтоб виднее было — «лицом на восток». <...> Парты были деревянные, сидели по 2 ученика.

Каждое утро в школу приходил корзинщик, приносил к чаю булочки маленькие, 3-х копеечные, плюшки. Кто желал, покупал себе.

У каждого ученика было Евангелие учебное, небольшая книжка, нам выдавали. <...> общежитие <...> было внизу, на первом этаже, за стеной жил Хитров с семьей, а дальше была кухня.

Занавесок или штор в спальне не было, а, может быть, и были, какие, не помню уже. Кровати были железные, односпальные, узенькие, стояли по две вплотную, а между ними прокладывалась дощечка (тесина), чтобы не перекатываться друг к дружке. Одеяла были тонкие из шинельного сукна, цвета серого. Может, некоторые ученики привозили свои лоскутные. Курение воспрещалось строго. <...> В спальне мы ставили в изголовье свои сундучки, около стенки, на них мы сидели обычно. Койки стояли от стены до стены рядами по 2. Спали мы головой на восток.

Харчи в школе были хорошими: щи, каша. Ели деревянными ложками²¹.

Однако в воспоминаниях А. Н. Чернова говорится, что «питание было плохое. Да и улучшить его, пожалуй, было трудно. Каждый живущий в интернате платил за питание 30 руб. в год. Да и эту мизерную плату не все могли уплатить»²².

П. И. Проскуряков вспоминает:

На стенах в классах висели таблицы орфографические и арифметические. <...> Были таблицы на римские цифры, церковные обозначения цифр — буквами, таблицы на склонения, спряжения. В коридорах и классах висели иконы, картины, портреты.

Девочки учились в том же здании, в каменном, внизу. Называлась школа «женская образцовая». <...> Изучали размеры стиха, двусложные, трехсложные. Помню, разбирали стихотворение Некрасова «Размышления у парадного подъезда», анализировали слог поэтический.

Знали церковнославянское склонение, спряжение.

Писали обычными деревянными ручками с перьями, чернильницы были — непроливайки²³.

Отметим, что попечителями и преподавателями школ могли быть только люди православные, причем преподавание Закона Божия возлагалось на священников, заведующих школами. В школах грамоты, церковно-приходских и воскресных школах к преподаванию Закона Божия под непосредственным наблюдением и руководством заведующего школою священника могли допускать с особого разрешения епархиального училищного совета и других, кроме священников, священнослужителей, причетников и лиц, не рукоположенных в священный сан. Следовательно, и Есенин как выпускник второклассной школы, становившийся по ее окончании учителем школы грамоты, мог стать преподавателем Закона Божия. И для этого у него были необходимые знания. При знакомстве с подшивками «Рязанских епархиальных ведомостей» нередко встречаются записи и о том, что учителя, получившие соответствующее образование, становились священниками, которые, как и учителя школ ведомства Православного Исповедания, призваны были сеять в душах людей зерна православной веры.

В течение первого года учебы в спас-клепиковской школе Есенин занимался изучением следующих предметов: Закона Божия и общей церковной истории — по 4 часа еженедельно (занятия по этим предметам вел священник), церковного пения — по 3 часа, русского языка — по 6 часов, чистописания — по 2 часа (последние два предмета вел Е. М. Хитров), церковнославянского языка — по 2 часа, географии с сообщением сведений о предметах и явлениях природы — по 3 часа, арифметики, геометрического черчения и рисования — по 4 часа.

В 1910–1911 учебном году Есенин еженедельно занимался законом Божиим и общей церковной историей — по 4 часа (занятия по этим предметам вел священник), церковным пением — по 4 часа, русским языком (этот предмет вел Е. М. Хитров) — по 5 часов, церковно-славянским языком — по 1 часу, отечественной историей церковной и гражданской — по 3 часа, географией с сообщением сведений о предметах и явлениях природы — по 3 часа, арифметикой, геометрическим черчением и рисованием — по 4 часа.

В течение последнего года учебы Есенин еженедельно занимался законом Божиим и общей церковной историей — по 3 часа (занятия по этим предметам вел о. Павел Агрономов), церковным пением — по 2 часа, русским языком (этот предмет вел Е. М. Хитров) — по 5 часов, церковнославянским языком — по 1 часу, отечественной историей церковной и гражданской — по 2 часа, дидактикой (беседы

о начальном обучении) — по 2 часа, ознакомился начальными сведениями о гигиене — по 1 часу, географией с сообщением сведений о предметах и явлениях природы занимался по 2 часа, арифметикой, геометрическим черчением и рисованием — по 3 часа. На практические занятия в образцовой школе планировалось каждую неделю по 5 часов учебного времени²⁴. Возможно, преподавались и другие предметы, не являвшиеся обязательными.

О преподавателях Есенина в спас-клепиковской школе мы узнаем на основании запроса Рязанского епархиального училищного совета об учительском составе школы:

Совет Спас-Клепиковской второклассной школы в своем заседании от 23-го сентября 1909 года на отношение Рязанского епархиального училищного совета от 27-го августа 1909 года за № 1223 постановил довести до сведения Училищного совета, что учительский состав Спас-Клепиковской второклассной школы состоит из о. заведующего школоу протоиерея Василия Динариева, старшего учителя Евгения Хитрова, учителей Виктора Гусева и Алексея Агронома <имя и фамилия последнего вычеркнуты и сверху надписано: вакансия. — М. С.>. На службу во второклассную школу протоиерей Василий Динариев поступил в 1896-м году; Евгений Хитров в 1899 году, Виктор Гусев в 1908 году, Алексей Агрономов в 1907 году. Оклады получаемого жалования каждого из них следующие: протоиерей Василий Динариев получает 360 рублей; старший учитель Евгений Хитров — 540 рублей; Виктор Гусев и Алексей Агрономов по 480 руб. <...>

Председатель Совета: Протоиерей Василий Динариев
Делопроизводитель уч<итель> Виктор Гусев²⁵.

Заведующий и законоучитель второклассной школы протоиерей Василий Афанасьевич Динариев скончался в губернской земской больнице 23 января 1910 года²⁶. Он «прослужил в Спас-Клепиках 44 года и пользовался любовью прихожан»²⁷. Отпевание и похороны почившего протоиерея состоялись 26 января. Вероятно, Есенин в числе учащихся второклассной учительской школы участвовал в этих траурных мероприятиях. «Отдать последний долг почившему собралась масса народа из окрестных сел, так что храм не мог вместить всех. На отпевание заслуженного архиерея собралось 14 священников во главе с протоиереем с. Тумы Остроумовым. Перед гробом почившего были произнесены прочувствованные речи: протоиереем Остроумовым, священником В. В. Доронкиным, сыном почившего А. В. Динариевым и местным представителем прихода А. В. Смирновым. На гроб были возложены 6 венков, <в том числе> от учеников второклассной школы»²⁸.

После смерти Динариева заведующим школой и законоучителем становится священник Павел Агрономов.

В годы учебы во второклассной учительской школе Есенин регулярно бывает в церкви, помогает священнослужителям во время службы, читает Псалтырь, поет в церковном хоре. Участие в церковной жизни — важная составляющая получаемого образования. Согласно пункту 45 «Правил для второклассной школы», «все учащиеся обязательно присутствуют за утренней и вечерней молитвами, а в воскресные и праздничные дни за богослужением всенощным или утренним и литургией и участвуют в чтении и пении. Все учащиеся соблюдают установленные Церковью посты и не менее двух раз в году — на одной из седмиц Великого и Рождественского постов — говеют и исполняют долг исповеди и святого причастия»²⁹.

«Все ученики в субботу и воскресенье ходили в церковь, — вспоминает К. С. Марушкин, обучавшийся в спас-клепиковской школе. — У нас был ученический хор, который пел во время богослужения, еще учащиеся читали по очереди псалмы и помогали во время службы»³⁰.

П. И. Проскуряков отмечает, что учителя В. А. Гусев и Е. М. Хитров «были регентами в церкви, организовали клирос, сшили детские ризы для учеников. По субботам ученики ходили служить всенощную. <...> Знали мы все церковные обиходы, <...> зубрили и в выходные дни, но и с нас спрашивали строго. Хоть из нас и готовили учителей, но батюшка все говорил: “Пригодится, а может, кто из вас пойдет в священники”»³¹.

В школе отмечались и такие события, как день памяти святых первоучителей словенских Мефодия и Кирилла. Празднование этого дня было установлено определением Святейшего Синода в 1901 году.

Этот праздник с освобождением учащихся от занятий проводился, «дабы закрепить в юных сердцах учащихся в духовно-учебных заведениях и церковных школах <...> благоговейное и признательное воспоминание великих подвигов святых Мефодия и Кирилла, положивших начало христианскому просвещению народа нашего и тем завещавших пастырям церковным и учителям школьным распространение народного просвещения в духе святой Православной Церкви»³². Праздник начинался 10 мая вечером, когда проходило «в церкви при духовно-учебном заведении или местной приходской торжественное всенощное бдение с чтением, по желанию, акафиста святым Мефодию и Кириллу; 11 мая <совершали> Божественную литургию и после оной молебн святым Мефодию и Кириллу, причем учащиеся во время означенных богослужений принимают участие в чтении и пении; в послеобеденное время в духовно-учебных заведениях предоставляется назначать торжественные собрания, с

чением учащими записок о великих подвигах, подъятых святыми братьями Мефодием и Кириллом во благо всех словенских народов, и приличествующими торжеству песнопениями»³³.

О том, как мог проходить этот праздник в Спас-Клепиках, можно получить представление, прочитав материал, опубликованный в начале прошлого века:

Праздник. Обедня кончилась. У церкви толпа народа. С колокольной лется ласковый звон колоколов. На паперти показываются «богоносцы». Ныне это все школьники. Богоносцы спускаются с высоких приступок. Идут священнослужащие в облачениях, идут певчие, идут школьники: юноши, дети, девочки. Крестный ход движется к второклассной школе. <...> Школьники трогательно поют тропарь св. братьям. Звуки колоколов то стихают, будто уносясь куда-то в незримую даль, то слышатся совсем над головой. <...> Красивое здание школы <...>. Толпа школьников вслед за хоругвями сгущается и поднимается по парадным ступеням. Пение становится глуше в тесном для толпы коридоре. Иконы размещаются вдоль стен <...> хоругвям тесно — они наклонились над столом, покрытым белой чистой скатертью. На столе крест, Евангелие, сосуд для воды и кропило. Начинается молебен святым первоучителям с водосвятием. Дети, набожно опустив головы, слушают Евангелие. Священник отчетливо произносит каждое слово. Благодатное слово проникает в сердце, успокаивает его, вносит животворную теплоту в каждую душу. Ученики с благоговением целуют святое Евангелие и крест, подставляя свои головы под кропило. Святая вода живит всех³⁴.

Есенин в 1911 году должен был участвовать и в торжественных богослужениях по случаю 50-летия освобождения крестьян от крепостной зависимости. Опубликованный в «Церковных ведомостях» документ позволяет определить как содержание праздничных мероприятий, так и те книги, которые были получены Спас-Клепиковской второклассной школой в связи с этим юбилеем: «Святейший Синод, согласно заключению Училищного при оном Совета, определяет: 1) поручить епархиальным училищным советам и уездным отделениям сделать распоряжение о том, чтобы учащие и учащиеся церковных школ присутствовали 19-го февраля при богослужении, вечером — накануне и утреннем — в день празднования; 2) чтобы для учащихся были устроены в этот день чтения по имеющей быть разосланной Училищным Советом при Святейшем Синоде во все школы брошюре: “К пятидесятилетию освобождения крестьян от крепостной зависимости”, где окажется возможным, с туманными картинками; <...> 4) поручить Издательской Комиссии приобрести в число собственных изданий Училищного Совета составленное архимандритом Макарием (Гневушевым) рукописное сочинение под заглавием: “Крепостное право на Руси и освобождение крестьян от крепостной зависимости”, и затем отпечатать это сочинение <...> и по отпе-

чатании разослать оное в количестве 9.500 экземпляров, в виде бесплатного приложения к журналу “Народное образование”»³⁵.

«Окончил учительскую школу. Учительствовать не пришлось...»

О преподавании дисциплин исторического цикла будет подробно рассказано ниже. Что касается других учебных предметов, надо отметить, что краткая информация, касающаяся преподавания ряда других предметов, содержится в работах О. Л. Аникиной³⁶. Однако детальный анализ этой темы не завершен. Учеба проходила в соответствии с уже упоминавшимися «Программами для второклассных школ», определявшими в качестве одной из целей обучения «приготовить достаточно умелых учителей для школ грамоты, воспитанных в истинно церковном направлении»³⁷. В связи с этим во второклассных школах продолжалось преподавание Закона Божия. Его изучение велось систематически: «в первый год — Священная история Ветхого и Нового Завета, во второй — история Церкви, как продолжение священной истории Ветхого и Нового Завета, и учение о православном богослужении, и в третий — пространный христианский Катехизис, как объединяющий все познания учеников по Закону Божию и дающий им большую отчетливость и ясность»³⁸. Довольно насыщенной была программа по церковному пению. Теоретический курс первого года учебы предполагал изучение долготы и высоты звуков, второго — знакомство с понятиями о ритме и темпе, гамме и октаве, умение различать звуки по тембру и силе. Третий год отводился освоению элементарных сведений о гармонии и практических сведений о регентовании. Практический курс всех трех лет обучения предполагал изучение круга богослужебного пения в хоровом изложении — всенощного бдения и Божественной литургии. «Пение стихир, тропарей, антифонов и “подобных”, — отмечается в программе, — должно быть введено в чин утренних и вечерних молитв в общежитиях второклассной школы. Круг гласов обращается 3–4 раза в течение учебного года. В течение всей недели данного гласа воспитанники могут петь в молитвах гласовые песнопения из Октоиха, разделив их на смены ежедневные и по кругам. В первый круг ежедневного пения могут быть, например, изучены антифоны; во второй — евангельские стихиры; в третий — “подобные”. Этот практический способ изучения — лучший для обогащения памяти учащихся текстами и напевами богослужебных песнопений»³⁹. Знакомство с программой по церковному пению еще раз подтверждает, что Есенин как выпускник второклассной школы прекрасно разбирался в

православном богослужении, в церковных песнопениях. Неслучайно, одна из ранних маленьких поэм Есенина получит название «Октоих».

Естественно, что освоение текстов Ветхого и Нового Завета было невозможно без овладения церковно-славянским языком. В объяснительной записке по этому предмету отмечается, что «для русского православного человека, который душу свою готов положить за Матерь-Церковь с ее богослужением и обрядами, богослужебный славянский язык есть язык не только живой, но и животворный»⁴⁰.

Целью программы по русскому языку является «изучение родного языка в его литературной форме. <...> Всякое приобретенное знание из русской грамматики должно быть закреплено в памяти учеников *практическими упражнениями*, из которых особенного внимания заслуживают самостоятельные работы учащихся, а именно: составление примеров на данное правило, изменение данных примеров применительно к изученному правилу, подыскивание примеров в книге и среди материала, известного на память, и т. п.»⁴¹. Третий год обучения русскому языку — это «практическое ознакомление при классном чтении образцов с главнейшими видами словесных произведений». Учащиеся читали и обсуждали прочитанное, многое заучивали наизусть.

В статье О. Л. Аникиной «Анализ учебных планов и программ Спас-Клепиковской второклассной учительской школы»⁴² приводится программа третьего года обучения русскому языку по «Программам учебных предметов для второклассных школ», изданным в 1903 году. Позже в нее были внесены уточнения, в связи с этим приводим здесь программу по изданию 1907 года:

Понятие о сочинении и видах его.

Повествование и его виды. Отрывки из «Истории Государства Российского» Карамзина (например, «Минин», «Куликовская битва») из «Писем русского путешественника». Краткая биография Карамзина: Биография, как особый вид повествования. Характеристика лиц («Иоанн III» Карамзина; Петр Великий и Мазепа в «Полтаве» Пушкина). Типы («Пимен» в «Борисе Годунове» Пушкина, «Старосветские помещики» Гоголя) и их значение.

Описание и его виды. Образцы: «Чернолесье» Аксакова, «Лес» — Кольцова, «Днепр» — Гоголя; отсюда: характерные признаки поэтических произведений в сравнении с прозаическими.

Рассуждение и его составные части. Образцы: из Карамзина — «О пользе истории» или «О любви к отечеству»; из Ломоносова — «О пользе книг церковных». Краткая биография Ломоносова.

Речь стихотворная. Размеры стиха. Образцы.

Былина. Образцы: «Поездка Ильи Муромца в Киев» и «Садко купец»; краткое замечание о народной поэзии.

Сказка. Образцы: «Норка зверь» и «Сказка о рыбаке и рыбке».

Баллада. Образец: «Светлана» Жуковского. Биографические сведения о нем. Баллады нового времени.

Басня. Басни Крылова: 1) О воспитании («Червонец»); 2) против невежества («Свинья под дубом», «Петух и жемчужное зерно»); 3) исторические («Волк на псарне», «Василек»). Биографические сведения о Крылове.

Поэма. Отрывки из «Илиады» и «Одиссеи». Поэмы нового времени. «Кавказский пленник» — Пушкина.

Роман. Для образца — «Евгений Онегин». Родственные роману — повесть и рассказ. Образец повести — «Капитанская дочка». Биографические сведения о Пушкине. Образец рассказа — «Бежин луг» Тургенева.

Ода. Для образца — «Бог» и «Фелица» Державина. Биографические сведения о нем. Оды позднейшего времени: «Певец во стане русских воинов» — Жуковского, «Клеветникам России» — Пушкина.

Элегия. Образцы: «Сельское кладбище» — Жуковского, «Брожу ли я вдоль улиц шумных» — Пушкина, «Выхожу один я на дорогу» — Лермонтова. Биографические сведения о Лермонтове.

Песня. «Песня пахаря», «Урожай» Кольцова. Биографические сведения о Кольцове.

Сравнение изученных лирических образцов с изученными прежде эпическими и вывод отсюда отличительных признаков того и другого рода поэзии.

Трагедия. Трагедия классического мира; трагедии Шекспира (ознакомить учеников с лучшими из них в отрывках) и «Борис Годунов» — Пушкина.

Комедия. Образцы: «Недоросль» — Фонвизина, «Ревизор» Гоголя. Биографические сведения о Гоголе.

Драма в тесном смысле. Для образца — «Скупой рыцарь» — Пушкина, «Гроза» — Островского.

Отличительные признаки драматических произведений в сравнении с эпическими и лирическими.

Письменные упражнения, классные и домашние: пересказ и изложение прочитанных образцов; составление плана прочитанной статьи или образца с указанием главной мысли; составление сочинений на доступные темы разного рода, по преимуществу относящиеся к содержанию изучаемых образцов⁴³.

Как видим, в школьную программу входило как изучение произведений русской и зарубежной литературы, так и знакомство с биографиями отечественных писателей. Воспитанников учили анализировать прочитанные тексты, составлять планы, связно излагать свои мысли, писать сочинения на заданные темы. «Для письменных упражнений, — сообщается в «Объяснительной записке» к программе, — полезно предлагать составление небольших сочинений по содержанию изучаемых литературных произведений»⁴⁴.

Значительный интерес представляет изучение учебных пособий, рекомендованных названной программой. В качестве учебных посо-

бий, посвященных не только собственно русскому языку, но и литературе, названо всего несколько изданий:

Во славу Божию: Сборник стихотворений с примечаниями и биографическими статьями / Составитель А. Оксенов; Редактор В. И. Шемякина (Приходская библиотека СПб.: Тип. В. В. Комарова, 1895). Авторы: М. В. Ломоносов, И. Ф. Богданов, Г. Р. Державин, И. И. Дмитриев, А. И. Полежаев, Н. М. Языков, К. Н. Батюшков, А. С. Хомяков, И. С. Никитин, Л. А. Мей, В. Г. Бенедиктов, А. К. Толстой, Ф. Н. Глинка, А. Н. Майков, К. Р.;

Николай Кесарьевич Невзоров, преподаватель русского языка Казанского учительского института и реального училища. Сборник статей из образцовых произведений русской словесности: С логическим разбором, выводом основной мысли и объяснением каждой статьи, с 186 темами и планами для устных и письменных упражнений и с биографиями писателей. В конце сборника приложен краткий курс теории словесности (Части 1 и 2. Пг.: Синодальная типография. Вышло не менее 20 изданий).

Нельзя обойти вниманием книгу, о которой в «Программе для второклассных школ» сказано предельно кратко: «Галахов. Хрестоматия <sic!>, ч. I и II». Выпускник математического факультета Московского университета Алексей Дмитриевич Галахов (1907–1892), уроженец Рязанской губернии — он родился в 1807 году в городе Сапожок — историк литературы, профессор русской словесности Императорского Санкт-Петербургского историко-филологического института, составитель нескольких хрестоматий. Наиболее популярной была «Русская хрестоматия» в 2-х частях (томах), выдержавшая свыше 30 изданий, некоторые из которых вышли уже после смерти составителя. Она была рекомендована Ученым комитетом Министерства народного просвещения в качестве учебного руководства для всех заведений министерства, а также в качестве учебного пособия для духовных семинарий и военно-учебных заведений. Специалисты по методике преподавания литературы справедливо указывают, что Галахов был «убежденным сторонником непосредственного, практического знакомства учащихся с образцовыми произведениями новейших писателей по их текстам, а не по учебнику»⁴⁵. Галахов сохранил бодрость до последних дней своей жизни, продолжая читать лекции по горячо любимой им отечественной литературе. Он скончался «на 86-м году жизни, — пишет Н. Н. Страхов С. А. Толстой 28 ноября 1892 года. — Еще накануне он читал лекцию, и слушатели рассказывают, что собирался вперед посвятить много лекций на какой-то важный предмет. Он был сух как мумия, но читал без очков, слышал, писал доклады и всегда был в хорошем расположении духа. По понедельникам на заседаниях я все, бывало, любуюсь на него, на

живую картину глубокой старости. Разумеется, он не умер, а заснул неожиданно для себя и для своих»⁴⁶.

Высказывались о методике Галахова и современники Есенина, среди которых В. Л. Львов-Рогачевский в «Литературной энциклопедии». «Было время, — пишет критик, — когда историк литературы подходил к образцовым литературным произведениям с готовой эстетической меркой, с готовым правилом господствующей поэтики, и подчинял художника определенному, раз установленному кодексу, тем предписаниям или рецептам, которым литература должна была следовать со времен Аристотеля, Буало и Лагарпа. У нас с такими нормами подходили к писателям Жуковский, Греч, Дружинин, Белинский в первый период, Галахов (отчасти)»⁴⁷.

«Русская хрестоматия» Галахова содержит большое количество примеров по темам курса, взятым из произведений крупнейших отечественных писателей.

Материал в названной хрестоматии сгруппирован по разделам: т. 1: Описания, рассказы и характеристики: А. Описания. Б. Исторические рассказы, характеристики и вообще статьи повествовательного характера; Рассуждения; Ораторская речь: А. Духовная; Б. Светская; т. 2: Эпос. I. Народный эпос (в том числе былины, исторические народные песни и духовные стихи — «Стих о Голубиной книге» и «Стих о Егории Храбром»); II. Художественная поэма; III. Ирои-комический эпос («Война мышей и лягушек» В. А. Жуковского); IV. Сказки: А. Животный эпос. Б. Сказки мифические, нравственные и бытовые. В. Художественные сказки; V. Басни Эзопа, И. И. Хемницера, И. И. Дмитриева, И. А. Крылова и А. Е. Измайлова; VI. Роман и повесть (даются отрывки из произведений многих авторов, в том числе Вальтера Скотта); VII. Идиллия; VIII. Баллада. Лирика: I. Ода. II. Дума. III. Песни: А. Народные песни. Б. Художественные песни. IV. Элегия. V. Сатира и эпиграмма. VI. Антологические песни, сонеты и другие стихотворения. Драма: I. Трагедия и драма. II. Комедия. Важная информация дается в обширных примечаниях.

Остановимся на характеристике этой хрестоматии подробнее.

Галахов делит большой раздел «Описания, рассказы и характеристики» на два подраздела: «Описания» и «Исторические рассказы, характеристики и вообще статьи повествовательного характера». В качестве примеров включены отрывки из произведений Н. М. Карамзина (о княгине Ольге, Святославе, битве на Куликовом поле, Иоанне III, о второй половине царствования Б. Годунова, о князе Михаиле Скопине-Шуйском, патриархе Гермогене и Прокопии Ляпунове), С. М. Соловьева (о княгине Ольге, Святославе, Иоанне

Грозном, Мазепе), П. К. Щербальского (о России при царе Алексее Михайловиче), И. Е. Забелина (об обучении царских детей в Древней Руси), декабриста А. О. Корниловича (о Петре I), Н. Г. Устрялова (о Петре I), А. С. Пушкина (о Полтавском бое из «Полтавы»), Н. А. Полевого (о Меншикове), Т. Н. Грановского (о Людовике IX), П. Н. Кудрявцева (о Германике и Агриппине Старшей). Таким образом, в качестве примеров широко используется материал по отечественной и зарубежной истории.

Далее Галахов знакомит учащихся с произведениями и биографиями русских писателей: Н. М. Языков «Землетрясение», П. А. Вяземский о Д. И. Фонвизине, В. Г. Белинский об А. В. Кольцове, К. Н. Бестужев-Рюмин — «Карамзин, как историк», М. Н. Катков о Карамзине, Д. А. Милютин об А. В. Суворове и др.

После материала П. А. Плетнева об И. А. Крылове следуют басни «Стрекоза и Муравей», «Ворона и Лисица», «Обоз», «Синица», «Свинья под дубом», «Три мужика», «Лебедь, Щука и Рак», «Волк на псарне», «Тришкин кафтан».

Программа предполагает проведение занятий, посвященных описанию: «Описание и его виды. Образцы: “Чернолесье” Аксакова, “Лес” — Кольцова, “Днепр” — Гоголя; отсюда: характерные признаки поэтических произведений в сравнении с прозаическими»⁴⁸. У Галахова же для раскрытия темы «Описание» приводится 57 примеров, в том числе из произведений А. С. Пушкина, С. Т. Аксакова, И. С. Тургенева, А. А. Фета, Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, А. К. Толстого, Л. Н. Толстого, И. А. Гончарова, И. С. Никитина, Н. В. Гоголя, К. Н. Батюшкова, М. Н. Загоскина, Г. Р. Державина, Н. М. Языкова, Я. П. Полонского.

Если для рассмотрения рассуждения и его составных частей программой предлагается проанализировать произведения «О пользе истории» или «О любви к отечеству» Карамзина и «О пользе книг церковных» Ломоносова, то Галахов дает 25 примеров. Кроме Ломоносова и Карамзина — святитель Филарет (Дроздов), Е. А. Боратынский, И. Е. Забелин, Т. Н. Грановский, И. В. Киреевский, П. А. Вяземский и Ю. Ф. Самарин.

Отметим, что хрестоматия Галахова включала не только сами тексты, но и давала их объяснения, размещенные в конце томов. Этот материал способствовал тому, что учащиеся внимательно вчитывались в текст, анализировали его, отмечали эстетическую функцию текста. Например, сопоставляется описание Рейнского водопада Карамзиным и Жуковским.

Даже если Е. М. Хитров использовал на уроках не все примеры, которые предлагались Галаховым, учащиеся второклассной школы

получили весьма полное представление не только о «главнейших видах словесных произведений», но и ознакомились с лучшими образцами литературных и исторических сочинений.

Для нас же наибольший интерес представляет второй том «Русской хрестоматии», в котором приведены образцы произведений разных жанров. В программе говорится о русских былинах и поэмах «Илиада» и «Одиссея». Галахов же включил в раздел «Эпос» подраздел «Народный эпос», в котором знакомит учащихся с «Илиадой» в переводе Гнедича, «Одиссеей» в переводе Жуковского, индийской повестью «Наль и Дамаянти» и «Шах-Наме» также в переводе Жуковского. Однако наибольшее внимание уделяется русскому эпосу — былинам, историческим народным песням (об Иване Грозном, взятии Казанского царства, Скопине-Шуйском, рождении Петра I и Щелкане Дуденьевиче), духовным стихам (стихе о Голубиной книге и стихе о Егории Храбром). Представлена и «художественная поэма» (отрывок «Смерть Дидоны» из «Энеиды» Вергилия в переводе И. Г. Шершеневича, отрывки из «Божественной комедии» Данте в переводе Д. Е. Мина, «Неистового Роланда» Ариосто и из «Освобожденного Иерусалима» Тассо в переводе С. Е. Раича, из «Потерянного рая» Мильтона, «Лузиады» Камюэнса, «Генриады» Вольтера и др.). Затем идут отрывки из произведений отечественной словесности, начиная с «Шиньонского узника» Жуковского.

Вероятно, по этой хрестоматии Есенин познакомился со «Словом о полку Игореве» (у Галахова отрывки из «Слова...» идут после «Шиньонского узника»), о котором упомянет в письме к Иванову-Разумнику и в «Ключах Марии». «Как-то разговор зашел о влияниях и о любимых авторах, — вспомнит И. Н. Розанов.

— Знаете ли вы, какое произведение, — сказал Есенин, — произвело на меня необычайное впечатление? “Слово о полку Игореве”. Я познакомился с ним очень рано и был совершенно ошеломлен им, ходил как помешанный. Какая образность! Какой язык!»⁴⁹ Галахов приводит в хрестоматии четыре отрывка из «Слова...»: «Запев, или начало поэмы» и «Плач Ярославны» в переводе Н. В. Гербеля, «Поражение русских» и «Сон Святослава» — в переводе А. Н. Майкова. Отметим, что «Слово о полку Игореве» широко использовалось в школьных курсах с начала XIX века, а с середины XIX века публиковалось для школьного изучения — с того времени, как в 1847 году в журнале «Новая библиотека для воспитания» этот памятник древнерусской литературы был напечатан в прозаическом переводе Ал. Иванова⁵⁰.

Возможно, именно после знакомства со «Словом о полку Игореве» зародился интерес Есенина к древнерусской литературе. «Есенин

и Мариенгоф открыли книжный магазин на Никитской улице, который назывался магазином “Артели художественного слова”, — вспомнит П. А. Кузько. — Когда я заходил в магазин, я всегда заставал Есенина за чтением книг. Меня интересовало, что он читает. Оказалось, это были почти всегда книги древнерусской литературы, как, например, “Слово о полку Игореве”, “Послание Даниила Заточника” и др. Есенин говорил мне, что чтение таких книг обогащает его творчество»⁵¹.

За «Словом...» в хрестоматии Галахова шли произведения Пушкина — отрывки из «Кавказского пленника», «Цыган», «Медного всадника», «Полтавы». Составитель хрестоматии не обошел вниманием и М. Ю. Лермонтова, который представлен в подразделе «Художественная поэма» поэмой «Мцыри» и «Песнью про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и купца Калашникова». Печатаются также отрывки из поэмы «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая» И. И. Козлова и «Клермонтский собор» А. Н. Майкова. В качестве примера «ирои-комического эпоса» дано произведение Жуковского «Война мышей и лягушек».

Эпос представлен и сказками, которые поделены на несколько групп: животный эпос, сказки мифические, нравственные и бытовые, художественные сказки. К последним отнесены «Мудрец Керим» Жуковского, «Сказка о рыбаке и рыбке» и «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях» Пушкина и «Конек-Горбунок» П. П. Ершова.

Широко как жанр представлены басни: Эзоп (2 произведения), И. И. Хемницер (2), Дмитриев (2), Крылов (21), А. Е. Измайлов (2). Романы и повести объединены в один подраздел и представлены в основном отрывками из произведений отечественных авторов (за исключением «Айвенго» В. Скотта): «Юрия Милославского» и «Кузьмы Рощина» Загоскина, «Ледяного дома» Лажечникова, «Евгения Онегина» и «Капитанской дочки» Пушкина, «Героя нашего времени» Лермонтова, «Мертвых душ», «Старосветских помещиков» и «Тараса Бульбы» Гоголя, «Последнего квартета Бетховена» В. Ф. Одоевского, «Тарантаса» В. А. Соллогуба, «Князя Серебряного» А. К. Толстого, «Обломова» и «Обрыва» Гончарова, «Гамлета Щигровского уезда», «Рудина» и «Дворянского гнезда» И. С. Тургенева, «Отрочества» и «Войны и мира» Л. Н. Толстого, «Старой бабыни» А. Ф. Писемского. Завершается раздел «Эпос» подразделами, в которых даны образцы идиллии и баллады.

Раздел «Лирика» знакомит со следующими жанрами: одой, думой, песней (песнями народными — обрядовыми, святочными, игровыми; семейными; удалыми разбойничьими; солдатскими; шуточ-

ными — и художественными, т. е. авторскими). Элегия представлена как переводными, так и отечественными произведениями.

Однако Есенин не ограничивается при знакомстве с литературой рамками школьной программы. По воспоминаниям Е. М. Хитрова, будущий поэт «особенно усердно занимается литературой. Занятия его были шире положенной программы. Он много читал. Особенно он любил слушать мое классное чтение. Помню, я читал “Евгения Онегина”, “Бориса Годунова” и другие произведения в течение нескольких часов, но обязательно все целиком. Ребята очень любили эти чтения. Но, пожалуй, не было у меня такого жадного слушателя, как Есенин. Он впивался в меня глазами, глотал каждое слово. У него первого заблестят от слез глаза в печальных местах, он первый расхохочется при смешном. Сам я очень любил Пушкина. Пушкиным больше всего занимался с учениками, читал его, разбирал и рекомендовал как лучшего учителя в литературе. Есенин полюбил Пушкина»⁵². О том, что Есенин проявлял особый интерес к литературе, свидетельствуют и его соученики. Так, Я. А. Трепалин вспоминает: «Есенин учился очень хорошо. Занимался охотно, не ко всем предметам у него было одинаковое отношение. С большим интересом он занимался гуманитарными предметами, особенно литературой. Почти всегда у него на столе наряду с учебниками лежала художественная литература или тетрадь его стихов. Школьная библиотека не могла удовлетворить запросы Есенина, который очень много читал. Он был постоянным посетителем публичной библиотеки»⁵³. О том, что учащиеся второклассной школы посещали как школьную, так и сельскую библиотеку, вспоминает и К. С. Марушкин. Отметим, что народная читальня была открыта в помещении земской школы еще 26 сентября 1895 года. Тогда в ней было 600 книг, переданных комитетом грамотности. Библиотека обслуживала читателей бесплатно: «Книгами крестьяне как в читальне, так и на дому пользуются бесплатно. <...> Читальня открыта по ходатайству Спас-Клепиковского волостного схода»⁵⁴.

Сейчас мы знаем, что Есенин был хорошо знаком с мировой литературой и культурой. Н. И. Шубникова-Гусева справедливо отмечает, что «школьная библиотека второклассной учительской школы в Спас-Клепиках <...> отличалась хорошим подбором книг»⁵⁵. В частности, исследователь пишет о том, что Есенин еще в Спас-Клепиках читал Шекспира по изданию П. Н. Полевого «Школьный Шекспир».

Согласно «Правилам для второклассной школы», «наряду с приготовлением уроков, учащимся задаются сочинения на известные сроки. Совет школы определяет, по каким предметам, на какие сроки

и в каком количестве в течение учебного года должны быть даны сочинения»⁵⁶. Известны образцы такого рода сочинений, написанных Г. А. Панфиловым — одним из ближайших друзей Есенина в период учебы поэта в Спас-Клепиковской школе⁵⁷.

Учащиеся значительное внимание уделяли знакомству с произведениями русской словесности и во время и после занятий. Как вспоминает Я. А. Трепалин, «по вечерам ученики собирались обычно в одной из комнат интерната. Завязывались беседы о прочитанных книгах, обсуждались стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Кольцова, а потом кто-либо читал свои стихи. Чаще всего это бывал Есенин. Порой между учениками вспыхивали жаркие споры. При этом наиболее активных спорщиков называли именами писателей и критиков: Есенина — Пушкин, Смирнова — Белинский, Тиранова — Чернышевский»⁵⁸.

В течение всех трех лет учебы воспитанники изучали географию. Как отмечается в «Объяснительной записке», «главную роль в географии играет материальный элемент — те фактические сведения, которые она дает или должна давать. А она должна прежде всего дать понятие о земле, как о целом, и ознакомить нас с той частью поверхности земного шара, которая служит поприщем нашей жизни и деятельности — с нашей родиной. География других стран, разумеется, также имеет важное значение не только сама по себе, но и для лучшего понимания нашего отечества»⁵⁹. В курсе географии учащиеся получали краткие сведения не только о физической географии, но и о развитии промышленности и торговли в России, об особенностях государственного устройства России и других государств мира.

Учащиеся узнавали об основных явлениях природы, изучали арифметику, постигали азы черчения и рисования. В течение первого года учебы проходили занятия по чистописанию. В третий год появлялись дидактика, практические уроки в образцовой школе, а также давались начальные практические сведения по гигиене.

Получив довольно разностороннее образование, Есенин мог продолжить учебу, как писал в автобиографии, в московском учительском институте. Но куда действительно поступали выпускники второклассных учительских школ? Ответ на этот вопрос мы находим в периодике начала XX века.

В «Прибавлениях к Церковным ведомостям» за 1908 год отмечается: «За первое пятилетие (1896–1900) существования второклассной школы Синодальным Училищным советом были собраны в свое время специальные сведения по только что поставленному вопросу. Оказалось, что большинство окончивших пошли на учительскую

службу — одни в школу грамоты, таковых насчитывалось 1.662 или 42 проц¹ всех окончивших (3.949), другие — в церковно-приходские школы (1.182 или 30 проц²), третьи — в школы земские или министерские (39 или 1 проц³). <...> Из остальных окончивших 269 чел⁴ поступили для продолжения образования в другие учебные заведения — учительские семинарии, церковно-учительские школы, разного рода технические училища; 456 чел⁵ жили при родителях и занимались сельским хозяйством. Лишь 208 человек, окончивших в первое пятилетие, пошли на службу педагогическую»⁶. Как видим, продолжала учебу небольшая часть выпускников второклассных учительских школ. Ведь не все имели средства для проживания в общежитиях, число же казенных стипендий было невелико.

Но так было только в первые годы существования второклассных учительских школ, которые сравнительно быстро подготовили значительное количество учителей. В номере «Рязанских епархиальных ведомостей» от 15 марта 1904 года появляется корреспонденция «Желательные кандидаты в псаломщики», в которой говорится, что на каждое учительское место в Рязанской губернии претендует по 2–3 человека, желающих его занять. А потому автор статьи полагает, что выпускники второклассных школ — достойные кандидаты в псаломщики.

Есенину уготована была совершенно иная дорога. Но именно в годы учебы во второклассной школе он стал осознавать себя поэтом, составил первую книгу стихов. Да и окружающие его учителя и учащиеся понимали, что он обладает самобытным поэтическим даром. «После школы, — пишет Есенин в автобиографии, — уехал в Москву» [VII (1), 12], но о Спас-Клепиковской второклассной учительской школе, о полученных там знаниях, об учителях и друзьях не забывал.

¹ См.: *Летопись жизни и творчества С. А. Есенина*. Т. 1. С. 541.

² Обоснование см.: *Скорыходов М.* «Образование получил в учительской школе...» // *Новая книга России*. 2002. № 8. С. 42–45. См. также: *Летопись жизни и творчества С. А. Есенина*. Т. 1. С. 110–111.

³ *Моладикова А. А.* О состоянии и организация педагогического образования в Рязанской губернии во второй половине XIX – начале XX века. 2006. С. 131–134.

⁴ *Церковные ведомости*. 1896. № 34. 24 августа. С. 331.

⁵ *Прибавления к Церковным ведомостям*. 1908. № 3. 19 января. С. 121–122.

⁶ *Рязанские епархиальные ведомости*. 1901. № 15. 1 августа. Отдел официальный. С. 236.

⁷ См.: *Церковные ведомости*. 1908. № 39. 20 сентября. С. 299–304.

⁸ *Церковные ведомости*. 1896. № 34. 24 августа. С. 333–334.

⁹ *Церковные ведомости*. 1902. № 15–16. 14 апреля. С. 80.

¹⁰ Там же. С. 82.

¹¹ Там же. С. 84.

¹² Там же. С. 81.

¹³ Там же.

¹⁴ Аникина О. Л., Бердянова Н. Н. Воспоминания В. В. Знышева, Я. А. Трепалина, К. С. Марушкина // Сергей Есенин и русская школа. Кн. материалов Международной науч. конф., посвящ. 107-летию со дня рождения С. А. Есенина. Рязань: Пресса, 2003. С. 211.

¹⁵ Церковные ведомости. 1902. № 15–16. 14 апреля. С. 82–83.

¹⁶ Церковные ведомости. 1908. № 39. 20 сентября. С. 303.

¹⁷ Цит. по: Летопись жизни и творчества С. А. Есенина. Т. 1. С. 109.

¹⁸ Церковные ведомости. 1910. № 36. 4 сентября. С. 356.

¹⁹ Цит. по: Зотова Т. Я. Спас-клепиковский период в жизни и творчестве Есенина // Сергей Есенин и русская школа. С. 196.

²⁰ Летопись жизни и творчества С. А. Есенина. Т. 1. С. 111–112.

²¹ Там же. С. 112.

²² Прокушев Ю. Л. Юность Есенина. М.: Московский рабочий, 1963. С. 65–66.

²³ Летопись жизни и творчества С. А. Есенина. Т. 1. С. 127.

²⁴ Сведения об этом почерпнуты из школьных программ (см.: Церковные ведомости. 1902. № 50. 14 декабря. Официальный отдел. С. 381).

²⁵ Летопись жизни и творчества С. А. Есенина. Т. 1. С. 111. Формулярные (послужные) списки Е. М. Хитрова и В. А. Гусева см.: Летопись жизни и творчества С. А. Есенина. Т. 1. М., 2003. С. 506–508, 523–525.

²⁶ См.: Рязанские ведомости. 1910. № 23. 25 января.

²⁷ Рязанские ведомости. 1910. № 24. 26 января.

²⁸ Там же. № 28. 30 января.

²⁹ Церковные ведомости. 1908. № 39. 20 сентября. С. 303.

³⁰ Цит. по: Летопись жизни и творчества С. А. Есенина. Т. 1. С. 112.

³¹ Там же.

³² Церковные ведомости. 1901. № 15. 14 апреля. С. 85.

³³ Там же. С. 85–86.

³⁴ Народное образование. 1904. № 2. Февраль. С. 153–154.

³⁵ Церковные ведомости. 1911. № 3. С. 9.

³⁶ Аникина О. Л. Система обучения русской словесности в константиновском земском училище и спас-клепиковской учительской школе // Сергей Есенин и русская школа. С. 188–194; Ее же. Анализ учебных планов и программ Спас-Клепиковской второклассной учительской школы // Биография и творчество Сергея Есенина в энциклопедическом формате: Сб. научных трудов. М.; Рязань; Константиново, 2012. С. 295–304.

³⁷ Программы для второклассных школ. Издание Училищного совета при Святейшем Синоде. СПб., 1907. С. 14.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 23.

⁴⁰ Там же. С. 32.

⁴¹ Там же. С. 48.

⁴² Биография и творчество Сергея Есенина в энциклопедическом формате. С. 298–299.

⁴³ Программы для второклассных школ. Издание Училищного совета при Святейшем Синоде. СПб., 1907. С. 45–47.

⁴⁴ Там же. С. 52.

⁴⁵ Богданова О. Ю., Леонова С. А., Чертова В. Ф. Методика преподавания литературы. Учебник для пед. вузов: В 2 ч. Ч. 1. М.: Просвещение; Владос, 1994. С. 28.

⁴⁶ Страхов Н. Н. Письмо Толстой С. А., 28 ноября 1892 г. // Толстой Л. Н., Толстая С. А. Переписка с Н. Н. Страховым / Оттавский ун-т. Славян. исследов. группа. [М.; Оттава], 2000. С. 244.

- ⁴⁷ Львов-Рогачевский В. История литературы и методы ее изучения // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2 т. М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. Т. 1. А–П. СПб. 328.
- ⁴⁸ Программы для второклассных школ. С. 45.
- ⁴⁹ Розанов И. Н. Воспоминания о Сергее Есенине // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 441.
- ⁵⁰ Подробнее см.: Творогов О. В. Издания «Слова» для учащихся гимназий и школ // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. Т. 2. Г–И. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 252–259.
- ⁵¹ Кузько П. А. Есенин, каким я его знал // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 282.
- ⁵² Хитров Е. М. В спас-клепиковской школе // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 142.
- ⁵³ Аникина О. Л., Бердянова Н. Н. Воспоминания В. В. Знышева, Я. А. Трепалина, К. С. Марушкина // Сергей Есенин и русская школа. С. 210.
- ⁵⁴ Рязанский листок. 1895. № 5. 12 октября.
- ⁵⁵ Шубникова-Гусева Н. И. «Объединяет звуком русской песни...» С. 139.
- ⁵⁶ Церковные ведомости. 1908. № 39. 27 сентября. С. 303.
- ⁵⁷ Летопись жизни и творчества С. А. Есенина. Т. 1. С. 537–540.
- ⁵⁸ Прокушев Ю. Л. Юность Есенина. М., 1963. С. 66.
- ⁵⁹ Программы для второклассных школ. С. 87.
- ⁶⁰ Прибавления к Церковным ведомостям. 1908. № 3. 19 января. С. 122–123.

РОЛЬ УНИВЕРСИТЕТА ШАНЯВСКОГО В СТАНОВЛЕНИИ ПОЭТА

«слушал лекции в Университете Шанявского...»

К числу недостаточно проясненных вопросов ранней биографии Есенина относится период его учебы в Московском городском народном университете имени А. Л. Шанявского. К сожалению, документы о его поступлении в это учебное заведение до настоящего времени не обнаружены, а возможно, утрачены¹. В связи с этим невозможно точно установить, какие лекции посещал Есенин. В автобиографических набросках, относящихся к 1916 году, он отметит: «Образование получил в учительской школе и два года слушал лекции в Университете Шанявского» [VII (1), 7]. В более поздней автобиографии, написанной в 1923 году, поэт не укажет, сколько времени посещал занятия в университете: «17 лет уехал в Москву и поступил вольнослушателем в Университет Шанявского» [VII (1), 12]. В автобиографиях 1924 и 1925 годов напишет, что провел в университете полтора года. Это как раз время между началом занятий в университете в сентябре 1913-го и отъездом поэта в марте 1915 года в Петроград (правда, в автобиографиях говорится о возвращении в деревню). «В Университете, — пишет Есенин, — я познакомился с поэтами Семеновским, Наседкиным, Колоколовым и Филиппченко» [VII (1), 19]. Как видим, в большинстве своих автобиографий Есенин упоминает факт учебы в народном университете, соответственно, считает это обстоятельство весьма существенным. Однако фамилии лекторов им не упомянуты.

В нижней части листа, на котором напечатано расписание лекций академического отделения на 1914—1915 учебный год, размещена и информация об особенностях приема и обучения в университете. Эти данные также заслуживают внимания, поскольку дают некоторое представление о слушателях этого учебного заведения, а также о стоимости обучения в нем. «В Университет принимаются лица обоего пола не моложе 16 лет. Академическое отделение Университета является высшим учебным заведением, преследующим цели систематического научного образования, и рассчитано на лиц с подготов-

кою в пределах среднего учебного заведения. Дипломов о предварительном образовании от поступающих в Университет не требуется. Слушатели Университета не пользуются особыми правами и преимуществами, присвоенными учащимся в правительственных учебных заведениях. Прием в слушатели Университета производится на циклы и на отдельные предметы. Плата за цикл 40 руб. в год (практические занятия оплачиваются особо), отдельные предметы оплачиваются по расчету 5 руб. за годовой час. Прошения о поступлении в Университет принимаются в канцелярии Университета ежедневно с 11 час. до 1 ½ час. дня и с 5 ½ час. до 8 час. вечера, кроме праздников (Миусская площ., 3-я Миусская ул., соб. зд.). Лекции и практические занятия будут происходить в собственном здании (Миусская площ., 3-я Миусская ул.). Начало занятий 22-го сентября»².

Администрация народного университета специально отмечает, что доступ в это учебное заведение «открыт для всех, ищущих высшего научного образования»³. Однако желающие слушать лекционные курсы могут записываться только на полный годовой цикл, на весь курс лекций по определенной теме или на составленный самим слушателем индивидуальный цикл, состоящий из лекций общественно-юридического, историко-философского и естественно-исторического циклов (но не более 18 часов в неделю). Желающие посещать большее число лекций должны платить дополнительно по 2 рубля за каждый лекционный курс (если он объявлялся льготным для «цикловых слушателей», в то время как для посещения лекций отдельного курса за него требовалось, как уже было отмечено выше, заплатить 5 рублей). Это было удобно, поскольку слушатель мог посещать лекции, относящиеся к разным циклам, в зависимости от своих индивидуальных предпочтений. Та особенность, что нельзя было записаться на отдельную лекцию, а только на весь лекционный курс преподавателя, способствовала тому, что учащиеся (конечно, в том случае, если они не пропускали занятия) получали систематическое образование, преподаватели же не были ограничены рамками конкретной лекции и могли каким-то темам уделять большее внимание, чем предполагалось в предварительных планах, или сокращать время изложения того или иного материала.

Слушатели, записавшиеся на весь цикл, имели возможность посещать в течение года по два часа практических занятий или семинаров еженедельно (на третьем году обучения эта квота увеличивалась до четырех часов и дополнялась «специальными работами»).

Те слушатели циклов, которым сложно было внести сразу же 40 рублей за весь курс, могли при поступлении заплатить 25 рублей, а в начале второго семестра — оставшиеся 15 рублей. В случае необ-

ходимости слушатель подавал прошение, и платеж становился еще менее обременительным. Уплаченные деньги обратно не возвращались. Если кто-то поступал во втором семестре, он должен был заплатить половину суммы — 20 рублей.

Прошения о зачислении на очередной учебный год, подавались с 1 мая, причем их, как и плату за обучение, можно было передавать лично или же пересылать по почте.

Цели поступления слушателей на академическое отделение народного университета различались: «одни ищут возможности впервые получить общее научное образование университетского характера; другие стремятся дополнить полученное уже ими высшее образование в иной области знания, в которой им ранее не приходилось заниматься; третьи, наконец, желают освежить и углубить свои познания в той именно области, которую они избрали предметом своей жизненной работы»⁴.

Университет располагал двумя библиотеками: фундаментальной, в которой было 50 000 томов книг по различным отраслям науки, и студенческой, в которой были сосредоточены издания, рекомендуемые лекторами как пособия по соответствующим курсам.

В контексте рассматриваемой темы актуальными представляются мемуарные свидетельства одного из наиболее известных преподавателей народного университета — крупного отечественного историка Александра Александровича Кизеветтера (1866–1933)⁵, читавшего в 1913–1914 учебном году в университете курс лекций по русской истории XIX века. Кизеветтер, работавший во многих учебных заведениях Москвы, охарактеризовал особенности университета им. А. Л. Шанявского, преподавание в котором «ставилось на истинно университетский уровень». Однако «это учреждение отнюдь не являлось дублированием государственного университета по составу преподаваемых предметов и по задачам, которые должны были им обслуживаться <...> государственные университеты обслуживают потребности самой науки и потребности государственного аппарата <...>. Что же касается университетов “народных” или “вольных”, то перед ними раскрывается иное, *весьма* обширное поле для деятельности вне всякой конкуренции с университетами государственными. Это — обслуживание всех тех потребностей, которые возникают из ближайшей связи науки с интересами и задачами общественной жизни. Обслуживание потребностей этого рода отнюдь не требует понижения научного уровня преподавания. Дать истинно научное обоснование для ориентировки в задачах и потребностях, выдвигаемых общественной жизнью, — вот специальное назначение “вольно-го” или “народного” университета. Но так поставленная задача вле-

чет за собою гораздо большую подвижность и эластичность в составе преподавания, нежели это наблюдается в государственных университетах <...>. Планы и программы преподавания в народном университете не должны поэтому представлять собою неподвижную окаменелость, раз навсегда установленную каноническую схему. Они должны разветвляться и видоизменяться параллельно с нарождением новых очередных задач общественного развития»⁶. А. А. Кизеветтер характеризует и особенности структуры народного университета, центральным звеном которого служило академическое отделение, одним из слушателей которого стал Есенин. «Это академическое отделение, — отмечает мемуарист, — основной фонд академических знаний по соответствующим дисциплинам. Затем это академическое отделение постепенно обрастало так называемыми “циклами”, т. е. специальными группами курсов, приурочиваемыми к той или иной очередной общественной задаче»⁷.

Лекции рассчитаны на людей, достаточно глубоко знающих предмет. «Прием слушателей не был обусловлен представлением каких-либо дипломов или свидетельств. Но слушатели предварялись о том, что преподавание будет рассчитано на предварительную подготовку в объеме курса средней школы. Если не имеющие такой подготовки все-таки шли в университет Шанявского, это было их дело. Если преподавание оказывалось для них трудным и непонятным, они должны были пенять на самих себя за то, что не оценили значения сделанного им предупреждения <...>. Если им было по плечу систематическое усвоение преподаваемых предметов и если они довольствовались тем, что ловили на лету некоторые более доступные им элементы читаемых курсов, это предоставлялось на их усмотрение. Ведь университет Шанявского не давал никаких прав, не выдавал никаких аттестатов. Экзамены не были обязательны. И не было оснований стеснять занятия слушателей излишней регламентацией»⁸.

В народном университете преподают крупнейшие московские ученые, покинувшие в 1911 году Московский университет. «Цвет московской профессуры, — отмечает А. А. Кизеветтер, — получил возможность отдать свои силы делу городского народного университета, и закипела интенсивная учебная работа. Во главе сложившейся там преподавательской коллегии за всё время существования этого университета стоял Николай Васильевич Давыдов»⁹.

А. А. Кизеветтер оставил богатейшее наследие — более 1000 научных работ и несколько сотен статей на политические темы. В течение жизни он читал лекции по различным дисциплинам, в том числе по географии — в Лазаревском институте восточных языков; по истории русской литературы — в Московском художественном

училище живописи, ваяния и зодчества. На формирование его взглядов наибольшее влияние оказал В. О. Ключевский. Ученый вслед за своим учителем сосредоточился в первую очередь на исследовании служилого землевладения XVI—XVII веков. Современники отмечали его незаурядное ораторское мастерство, этот дар привлекал на его лекции многочисленных слушателей. Современный исследователь творческого наследия историка отмечает: «Его лекции отличались сочетанием выразительного, художественного изложения и глубокого научного содержания, анализом богатейшего фактического материала и фундаментальными историко-философскими обобщениями, яркими портретными характеристиками (Ивана Грозного, Александра I, Сперанского, Аракчеева, Александра II, деятелей реформ 60-х <XIX в.>, Государственной думы и др.). При этом, по свидетельству А. Флоровского, “запас вдохновения и внутреннего подъема в его речах поддавался сдерживающей обработке внешней гармонии и размеренности”»¹⁰. Начавшуюся летом 1914 года Первую мировую войну А. А. Кизеветтер воспринимает как народное бедствие, которое коснется каждого жителя России, но в то же время отмечает, что русские войска выполняют благородную миссию, защищая интересы единоплеменных народов, основы культуры: «Наше русское и наше славянское дело сливается воедино с общеевропейской борьбой против главного гнездилища милитаризма, и мы оказываемся в стане поборников культуры»¹¹.

Для нашей темы важны характеристики историком слушателей народного университета. «Я читал там свои курсы в главной большой аудитории, — вспоминает А. А. Кизеветтер. — Она вмещала около тысячи человек и была устроена в виде обширного амфитеатра, увенчанного высокими хорами. Все скамьи были наполнены слушателями. Какая пестрая картина, какое смешение возрастов, типов, одеяний! Я видел там сидящими рядом офицера генерального штаба и вагоновожатого городского трамвая, университетского приват-доцента и приказчика от Мюра и Мерелиза, барыню с пушистым боа на шее и монаха в затрапезной рясе. Часто я видел с кафедры умилительную картину. В аудиторию входил седой как лунь старец, ведомый за руку молоденькой девушкой, по всей вероятности, внучкой. Точь-в-точь Эдип со своей Антигоной. Дедушка и внучка усаживались рядом и прилежно слушали. Старик делал записи в тетрадке, а девушка заглядывала в его тетрадку, иногда указывала пальцем на какое-то написанное слово, и они шепотом совещались некоторое время»¹².

Похожую картину рисует и Д. Н. Семёновский, познакомившийся с Есениным на одной из лекций в народном университете:

Университет Шанявского был для того времени едва ли не самым передовым учебным заведением страны. Широкая программа преподавания, лучшие профессорские силы, свободный доступ — всё это привлекало сюда жаждущих знания со всех концов России.

И кого только не было в пестрой толпе, наполнявшей университетские аудитории и коридоры: нарядная дама, поклонница модного Юлия Айхенвальда, читавшего историю русской литературы XIX века, и деревенский парень в поддевке, скромно одетые курсистки, стройные горцы, латыши, украинцы, сибиряки. Бывали тут два бурята с кирпичным румянцем узкоглазых плоских лиц. Появлялся длинноволосый человек в белом балахоне, с босыми ногами, красными от ходьбы по снегу¹³.

Судя по тексту воспоминаний, знакомство Семёновского с Есениным состоялось после начала Первой мировой войны — в 1914–1915 учебном году.

В. Ф. Наседкин, с которым Есенин также познакомился в народном университете, практически ничего не пишет об этом учебном заведении в своих воспоминаниях, посвященных поэту, лишь отмечает сам факт знакомства: «...Шапочно я с ним знаком с зимы 1914–1915 года по университету Шанявского»¹⁴. Эту датировку знакомства подтверждает обнаруженное В. А. Дрозковым прошение Наседкина с просьбой зачислить его на первый курс историко-философского отделения в 1914–1915 учебном году¹⁵.

Слушатели народного университета не обязаны были сдавать экзамены, однако находилось немало желающих подвергнуться этому испытанию, что позволяло повторить курс и продемонстрировать преподавателю свою подготовку. Причем слушатели старались, чтобы экзаменатор выслушал их по возможности более полный и развернутый ответ. Народный университет был необычайно популярен. Сформировалось «простодушное убеждение в том, что достаточно пробыть хотя некоторое время в его стенах, подышать его воздухом, чтобы получить уже возможность выступать на поприще культурной общественной работы»¹⁶.

В «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина» отмечено время начала занятий в университете в 1913–1914 учебном году — 23 сентября 1913 года (на основе информации, опубликованной в газете «Русское слово»¹⁷). Эта дата подтверждается и другими источниками. Так, в записной книжке профессора университета П. Н. Сакулина под 23 сентября есть карандашная помета: «Начало лекций в унив<ерситете> Шан<явского>»¹⁸. Отметим, что и остальные пометы делались простым карандашом. Уже 25 сентября начались практические занятия по курсу русской литературы. В записной книжке Сакулин пишет под этой датой: «Шанявск. Семинар. 8 ч.» (1913, л. 101). Однако в следующую среду, 2 октября, он будет проводить

семинар на Высших женских курсах («Семинарий на ВЖК» — 1913, л. 102 об.).

Пометы Сакулина присутствуют и на листке за 30 сентября («Шан-нявск» — 1913, л. 102). Однако в университете было немало дней, когда лекции и практические занятия не проводились. В напечатанном в типографии тексте записной книжки отмечены неприсутственные дни: вторник 1 октября — Покров Пресвятой Богородицы и суббота 5 октября — день тезоименитства наследника российского престола цесаревича Алексея Николаевича. 21 и 22 октября также помечены как дни неприсутственные. Это было обусловлено тем, что 21 октября отмечалось восшествие на престол императора. Соответственно, под 21 октября пометы Сакулина об университете отсутствуют. Однако под 22 октября имеется карандашная помета: «Акт Шан. 2 ч.» (1913, л. 107 об.). 28 октября лекции продолжаются: «Шан (до Гоголя)» (1913, л. 109). Очередная лекция 4 ноября: «Шан<явский> (до «Запут<анное> дело<?> Салтыкова)» (1913, л. 111). 10 ноября: «Шан<явский> — до Бел<инский> и натур<альная> школа» (1913, л. 112 об.). В четверг 14 ноября неприсутственный день — отмечается день рождения императрицы Марии Федоровны. Однако на той неделе Сакулин все-таки побывал в народном университете — под воскресным днем 17 ноября помета: «Вечеринка Шан» (1913, л. 114). 18 ноября — очередная лекция: «Шан (до ценз. устава)» (1913, л. 114 об.). 21 ноября — неприсутственный день, Введение во Храм Пресвятой Богородицы. 25 ноября — очередная лекция (1913, л. 116). 2 декабря: «Шан — до Тургенева» (1913, л. 118). Пятница 6 декабря — еще один неприсутственный день — день святого Николая Мирликийского и день тезоименитства императора Николая II. 9 декабря: «Шан — до Писемского Калиновича <герой романа “Тысяча душ”>» (1913, л. 119 об.). Это было последнее занятие первого семестра.

Важная для нашей темы запись содержится под 12 декабря (четверг): «Чествование Дрожжина» (1913, л. 120 об.). В те дни отмечалось 65-летие со дня рождения поэта.

До конца года Сакулин делает в книжке еще одну запись, связанную с университетом, — под 31 декабря: «9-го янв<аря> <...> Шан-нявск<ий>» (1913, л. 125).

В адресной части записной книжки Сакулина за 1913 год записаны простым карандашом и чернилами фамилии, имена, отчества (или инициалы, иногда — только фамилия), адреса, реже — телефоны писателей, критиков, деятелей искусства. Заполнены и страницы, в которых фиксировалось Сакулиным получение денежных средств. В университете Шанявского он получал деньги и в первом полугодии 1913 года — еще до поступления в него Есенина. Так, 18 февраля он

получил 166 рублей (1913, л. 163 об.), 29 апреля — 419 рублей (1913, л. 164 об.). За работу в первом семестре 1913–1914 года деньги были получены только в декабре: 249 рублей — 2 декабря и 83 рубля — 11 декабря (1913, л. 168 об.).

В 1914 году Сакулин пользуется записной книжкой на очередной год¹⁹. Первая запись, относящаяся к народному университету, сделана 20 января: «Шан» (1914, 19 об.). Материал, которым должна начаться следующая лекция, назван уже на следующем листке календаря, поскольку верхняя часть календаря вблизи надписи «Шан» уже была занята другими записями. На листке за 21 января помета: «Шан — до анализа Базарова» (1914, л. 20). 27 января: «Шан — до Писарева» (1914, л. 23). На 2 февраля, воскресенье, приходился двенадесятый праздник — Сретение Господне. 3 февраля: «Шан — до семьи женск<ого> вопроса» (1914, л. 26 об.). 10 февраля: «Шан — до ссылки Левитова» (1914, л. 30). С пятницы 14 февраля начиналось празднование Масленицы, занятия возобновились с 17 февраля. В этот день Сакулин делает помету: «Шан<явский> до социализма <?> Черныш<евского>» (1914, л. 33 об.). На страничке за 20 февраля есть запись, связанная с подготовкой к 100-летию со дня рождения Т. Г. Шевченко: «в газету Шевченко» (1914, л. 35). О юбилее Сакулин скажет и на очередной лекции в народном университете — об этом свидетельствует его помета в листке за 24 февраля: «О Шевченко у Шан» (1914, л. 37). Тут же и обычная запись для памяти: «Шан — до рад-их движения» (1914, л. 37). Еще раз встречается упоминание Шевченко под 28 февраля (1914, л. 39).

Отметим, что в мартовской книжке московского журнала «Мирок» за 1914 год под заглавием «Село (Пер. из Шевченко)» будет опубликован выполненный Есениным вольный перевод отрывка из поэмы Шевченко «Княжна». А. А. Козловский предполагает, что идея перевести произведение украинского поэта могла принадлежать И. А. Белоусову [I, 357], однако в свете выявленных обстоятельств можно предположить, что немаловажным фактором, способствующим появлению есенинского перевода, явилась лекция Сакулина, в которой говорилось как о юбилее, так и о творческом пути Шевченко.

Под 3 марта Сакулин делает запись: «Шан до Тург<енев> “Призраки”» (1914, л. 40 об.). Записи об университете под 10 марта отсутствуют, зато имеется запись под 16 марта, воскресенье: «11 ч<асов> Шан<явский>» (1914, л. 47). Под этой записью упоминается фамилия Озаровской — речь идет об исполнительнице северных народных сказок, собирательнице русского фольклора Ольге Эрастовне Озаровской, с которой был знаком Клюев, или, возможно, о Дарье

Михайловне Мусиной-Пушкиной, актрисе, в 1901–1912 годах носившей фамилию мужа — Озаровская). 17 марта — новая запись: «Шан<явский> — до содержания “Обрыва”» (1914, л. 47 об.). 24 марта: «Шан — до поэтов (Некрасов <?> Щедрина)» (1914, л. 51). На 25 марта приходился двенадцатый праздник — Благовещение Пресвятой Богородицы, однако Сакулин посещает университет в тот день — об этом свидетельствует запись: «8 ч. Шан (заявление о курсах)» (1914, л. 51 об.). Вероятно, с пятницы шестой недели Великого Поста, т. е. с 28 марта, занятия прекращались. Пасха приходилась на 6 апреля, однако занятия, вероятно, возобновились только с понедельника Фоминой недели. Запись об университете имеется под 23 апреля (хотя этот день неприсутственный — отмечалось тезоименитство императрицы Александры Федоровны): «11 ч. Шан» (1914, л. 66). Аналогичная запись на листке за 27 апреля (1914, л. 68). Есть упоминание об университете и на листке от 30 апреля (1914, л. 69 об.).

Хотя занятия в народном университете и закончились, под 20 мая в записной книжке Сакулина вновь появляется запись, связанная с этим учебным заведением: «4 ч. экз<амен> Шан<явский> (+ отчет) и пр». (1914, л. 79 об.) Вероятно, в этот день ученый приходил в университет, принимал экзамены у тех слушателей, которые выразили соответствующее желание, и сдавал отчеты о работе. На страничке за 23 мая вновь появится упоминание об экзаменах — «3 ч. экз<амен> (№ 4)» (1914, л. 81), однако вряд ли эта запись относится к народному университету.

В 1914–1915 учебном году Сакулин не читал лекций в народном университете.

Рассмотрение записных книжек Сакулина «День за днем» за 1913 и 1914 годы дает немаловажный материал, позволяющий получить информацию не только о его лекциях, но и том, когда проводились занятия в университете. Нам удалось обнаружить в фондах Московского городского народного университета им. А. Л. Шанявского даты праздничных дней только в течение 1915–1916 учебного года. Дни, указанные в этом перечне, практически полностью совпадают с теми датами, которые названы в книжке «День за днем» в качестве неприсутственных или не имеют записей Сакулина, связанных с чтением им лекций в народном университете. Приведем информацию из «ПЕРЕЧНЯ ПРАЗДНИЧНЫХ ДНЕЙ на 1915–1916 акад. год, в которые в Московском Городском Народном Университете имени А.Л.Шанявского НЕ будет происходить чтения лекций»: 21–22 октября, 14 и 21 ноября, 6 декабря 1915 года. «Перед Рождеством лек-

ции кончаются 16-ого декабря (включительно). После Рождества — начинаются 14-го января, в четверг».

Затем в качестве выходных дней названы 2 и 19 февраля и 25 марта. Потом занятия прерываются на пасхальные каникулы: «Перед Пасхою занятия кончаются в пятницу (включительно) на 6-ой неделе поста, а начинаются 18-го апреля, в понедельник, на Фоминой неделе. Оканчиваются лекции 30-го апреля (включительно)»²⁰.

С уверенностью можно говорить о том, что начинающий поэт посещал в народном университете лекции П. Н. Сакулина, читавшего в 1913–1914 учебном году слушателям первого года обучения курс истории русской литературы середины XIX века²¹. Приятель Есенина Н. А. Сардановский вспоминает:

<...> первым стихотворением с признаками настоящей художественности было:

Выткался на озере
Алый свет зари,
На горе со звонами
Стонут глухари.
Плачет где-то иволга,
Схоронясь в дупло.
Только мне не плачется,
На душе светло и т. д.

Сам он все время был под впечатлением этого стихотворения и читал его мне вслух бесконечное число раз. Вскоре же он набрался смелости и поехал со своими стихами к проф. САКУЛИНУ (мне кажется, что тогда САКУЛИН читал у Шаняевского).

Отзыв критика был, по-видимому, очень лестным для Сергея. Из передаваемых им подробностей этого визита я помню, что стихотворение «Выткался на озере» Сергей для САКУЛИНА читал два раза²².

Вероятно, личное знакомство с профессором и чтение ему Есениным одного из новых и казавшегося ему наиболее удачным стихотворения состоялось после одной из лекций в университете. Отметим, что П. Н. Сакулин станет вскоре тем критиком, который не только высоко оценит есенинское творчество, но и рассмотрит его ранние произведения в контексте литературного развития²³.

Павел Никитич, родившийся в 1868 году, происходил из зажиточной старообрядческой крестьянской семьи. Получил образование в Московском университете, работал в школе, а затем в высших учебных заведениях обеих российских столиц. Является автором многих статей и нескольких монографий. В последние месяцы своей

жизни, оборвавшейся в 1930 году, руководил Пушкинским Домом в Ленинграде.

Напомним, что Есенина всегда интересовало мнение преподавателей о его творчестве. Известно, что он нередко показывал свои ученические стихотворения учителю Спас-Клепиковской второклассной учительской школы Е. М. Хитрову, советовался с ним, высоко ценил его мнение о своих поэтических опытах. «Первое произведение, которое меня поразило у Есенина, было стихотворение “Звезды”, — отмечает Е. М. Хитров. — Помню, я как-то смутился, будто чего-то испугался. Несколько раз вместе с ним прочел стихотворение. Мне стало совестно, что я недостаточно много обращал внимания на Есенина. Сказал ему, что стихотворение это мне очень понравилось, что его можно даже напечатать»²⁴.

Когда во второклассную школу приехал И. Д. Рудинский, епархиальный наблюдатель школ церковно-приходских и грамоты Рязанской губернии, Есенин и ему с удовольствием прочел свои произведения, рад был услышать высказанное мнение о них. «... к нам в школу приехал со своей обычной ревизией епархиальный наблюдатель Рудинский, — вспоминает Е. М. Хитров. — Я показал ему стихотворение Есенина <речь идет о стихотворении “Звезды”. — М. С.>. Рудинский в классе, при всех, расхвалил поэта и дал ему несколько советов. В результате этого у Есенина появилось новое стихотворение “И. Д. Рудинскому”»²⁵.

Более подробно Е. М. Хитров сообщит о реакции Есенина на эту похвалу в другом варианте воспоминаний. Говоря о приезде епархиального наблюдателя, мемуарист отмечает: «Факт сам по себе незначительный. Обыкновенная казенная ревизия казенного человека. Казенная похвала молодого поэта, сделанная по просьбе нас, учителей. Стихотворение это показывает, какой отзвук эта похвала вызвала в душе Есенина. К нам, постоянным своим учителям, он уже привык, и на него мало действовали наши похвалы и порицания. Но отзыв свежего, стороннего человека проник до глубины души его»²⁶.

В этом контексте понятно, какие чувства мог испытывать Есенин, когда показывал свои стихи известному московскому профессору, специалисту по истории русской литературы.

«с дружбою и воспоминаниями об Университете Шанявском...»

Об общении Есенина с Сакулиным известно немного. Однако один из весьма существенных аспектов их взаимоотношений может быть охарактеризован достаточно полно. Речь идет об уже упомяну-

том выше курсе истории русской литературы середины XIX века, одним из слушателей которого был Есенин. Конспекты, сделанные Есениным или кем-либо из его соучеников по университету имени А. Л. Шанявского, неизвестны. Однако профессор преподавал курс, частично пересекающийся с тем, который читал в народном университете, на московских Высших женских курсах, слушательницы которых не только записали лекции, но и издали их на правах рукописи небольшим тиражом в трех частях. Общий объем лекций курса «Русская литература после Пушкина» — более 20 авторских листов. То есть история русской литературы рассматривалась Сакулиным не менее подробно, чем на филологических факультетах современных классических университетов и педагогических вузов. Довольно детально Сакулин характеризует и историю русской литературы XIX века на лекциях в народном университете. Времени на этот курс уделялось немало — по два часа в неделю в течение первого и второго семестров первого года обучения²⁷. Сакулинские лекции на женских курсах — издание редкое, оно не отмечено даже в размещенном на сайте Пушкинского Дома списке трудов ученого²⁸. К сожалению, до настоящего времени не введены в научный оборот материалы персонального фонда П. Н. Сакулина (ф. 272), хранящегося в рукописном отделе Пушкинского Дома (633 ед. хр.), где есть и материалы, связанные с преподавательской деятельностью профессора в народном университете. Их детальный анализ — дело будущего.

В программе народного университета сакулинский курс истории русской литературы имеет продолжение: на втором и третьем годах обучения курс истории русской литературы второй половины XIX века читает Ю. И. Айхенвальд (по два часа еженедельно в течение четырех семестров). На третьем году обучения П. Н. Сакулин ведет также семинарские занятия²⁹. Впрочем, судя по расписанию занятий на 1914–1915 учебный год³⁰, один и тот же преподаватель мог параллельно заниматься со слушателями всех трех годов обучения. Фамилия же Сакулина в расписании на 1914–1915 учебный год не упомянута — возможно, потому, что в 1913–1914 учебном году он уже прочитал свой курс лекций слушателям всех трех лет обучения.

Сохранившиеся записи лекций профессора, которые он читал на Высших женских курсах в 1911–1912 учебном году, позволяют судить о некоторых из тех лекций, которые слушал Есенин. Сакулин прежде всего характеризует «историко-культурные условия», отмечая, что «Россия второй четверти 19 века была по преимуществу страной земледельческой, мужицкой»³¹. Внимание лектора к вопросам крестьянства не могло не импонировать Есенину. Профессор

говорит, что в эпоху Отечественной войны 1812 года городское население России составляло всего 4,5% от сельского, а к 1851 году едва достигло 8%. Поэтому определяющее влияние на развитие страны оказывали два класса: землевладельцы — дворяне и земледельцы — крестьянство. Профессор характеризует процессы расслоения дворянства: с одной стороны, дворянство привилегированное, чиновное, обладавшее значительными богатствами и проживавшее в основном в столицах, с другой стороны, дворянство среднее и мелкое, жившее преимущественно в провинции и ближе понимавшее жизнь и повседневные нужды народа. Во вступительной части к вводной лекции курса «Русская литература после Пушкина» Сакулин обращается к «Воспоминаниям студенчества» К. С. Аксакова. Приводя обширные цитаты из них, Сакулин приходит на лекции к следующему выводу: «Аксаков констатирует наличие второго слоя дворянства, и этот высший слой рисуется им весьма отрицательно: они принесли с собою светскость, пошлость и наклонность к форменности, к тому формализму, бюрократизму, который издавна столь охотно насаждается правительством в нашей школе» (I, 6–7).

На основе других примеров, в том числе цитируя «Мысли на дороге» А. С. Пушкина, Сакулин говорит о кризисе, который поразил дворянское сословие, об упадке дворянства.

Значительное внимание в вводной части сакулинского курса уделяется характеристике крестьянства — «огромной многомиллионной массы», которая уже благодаря своему количеству должна «существенным образом определять ход жизни. Но кроме количества, крестьянство представляло большую экономическую и моральную силу, с которой нужно было считаться руководителям судеб русского государства» (I, 11). Профессор, опираясь на характеристику персонажей русской литературы, отмечает, что значительная часть крепостных не желала менять свою незавидную участь, привыкнув к существующему положению вещей. Но были среди крепостных и люди, активно не принимавшие условия жизни. Одни из них бежали от помещиков и искали свободу в удаленных частях России, другие поднимали бунты, которые нередко сопровождались убийством наиболее ненавистных дворян.

Лектор рассматривает такое явление, как крепостная интеллигенция, к которой причисляет крепостных художников, артистов, музыкантов, учителей, врачей, богословов, астрономов. Судьба большинства из них сложилась трагично. «Биографии, конечно, отрывочные, крепостных интеллигентов почти однообразны в своем финале, — отмечает профессор, — один кончал самоубийством, другой пьянством. Иногда, впрочем, решались и на активный протест. Известны

случаи убийства жестокого помещика крепостными интеллигентами» (1, 17).

Лектор останавливается и на теме, которая должна особенно заинтересовать Есенина, — литературном творчестве писателей, происходящих из крестьянской среды, «народной литературе». Характеризуя журналы и книги, предназначенные для народного чтения, Сакулин делает вывод: «... в книжках для народа жизнь должна освещаться так, чтобы он был доволен своим положением. Принимаются разные ограничительные меры для того, чтобы задержать развитие народа, столь невыгодное для помещиков и для правительства» (I, 56–57). Профессор также обращает внимание на книгу, составленную Н. Л. Бродским³², — «К воле: Крепостное право в народной поэзии: Памфлеты, песни, сказки, анекдоты, заговоры, пословицы, поговорки, драмы-комедии, великорусские, малорусские и белорусские» (М.: Польза, [1911]).

В качестве «венца литературного развития 30-х годов», который в 1840-е годы выразился, главным образом, в форме социального романа, Сакулин в курсе «Русская литература после Пушкина» рассматривает художественный реализм (III, 147). И здесь первостепенная роль отводится Пушкину, интерес к творчеству которого Есенин проявлял задолго до начала учебы в народном университете. Причем отношение к поэту-классику было неоднозначным. Так, в письме к Г. А. Панфилову, написанному весной 1913 года, Есенин отмечает, что не признаёт таких людей, как Пушкин, Лермонтов, А. В. Кольцов, Н. А. Некрасов, замечая: «Тебе, конечно, известны цинизм А. П<ушкина>, грубость и невежество М. Л<ермонтова>, ложь и хитрость А. К<ольцова>, лицемерие, азарт и карты, и притеснение дворовых Н. Н<екрасовым>» [VI, 34]. Показательно, что в данном случае Есенин характеризует бытовую сторону жизни русских классиков, а не их поэтическое творчество, которое прекрасно знал и продолжал ценить даже в этот период юношеских поисков смысла жизни и личностного становления.

Сакулин, начинавший в народном университете курс истории русской литературы, не мог хотя бы кратко не рассказать о Пушкине — как не мог не остановиться на его характеристике в лекциях, посвященных русской литературе «после Пушкина». Сакулин обращает внимание на то, что Пушкин уже с лицейского периода является писателем-реалистом, «всегда близко стоит к жизни» (III, 148). Лектор называет его «певцом декабризма» (III, 148) и в то же время говорит о том, что поэт «в новых условиях николаевской эпохи <...> делает попытку примириться с правительством, действовать с ним и через него. <...> готов оправдать расправу с декабристами, сравни-

вая ее с казнью стрельцов Петром Великим». «Пушкин, — продолжает профессор, — ищет исторического смысла в общем направлении внутренней политики Николая I, видя здесь “контрреволюцию Петру”» (III, 148). Однако Сакулин отмечает, что «камер-юнкерский мундир давил его <Пушкина. — М. С.> грудь, Николаевский режим тяжелыми путами сковывал свободный полет его гения, калечил его мысль и творчество <...>. До самой своей трагической смерти Пушкин не мог сбросить золотых цепей, и нелегко ему было даже в чисто художественном творчестве “идти дорогою свободной, куда влечет свободный ум”» (III, 149–150).

«Примирение» Пушкина с действительностью Сакулин объясняет не только тем, что в 1830-е годы не существовало сколько-нибудь заметного противостояния дворянства или иных слоев общества существующему государственному устройству, не только признательностью Пушкина Николаю, но и особенностями личности поэта. «Пушкин свято относился ко всем историческим традициям (в том числе и к дворянским), — отмечает профессор на лекции, — он восстает против мятежного духа революции, против ломки существующего, он сторонник органического роста и постепенного изменения форм жизни» (III, 151). Лектор говорит, что Пушкин «величаво царил над суетой жизни» (III, 152), не входя ни в какие не только политические, но и литературные партии и группы.

От Пушкина Сакулин в курсе «Русская литература после Пушкина» переходит к Лермонтову — автору, которого Есенин знал со школьной скамьи, у которого учился. В автобиографии 1924 года Есенин вспомнит о периоде 1909–1912 годов: «Из поэтов мне больше всего нравится Лермонтов и Кольцов. Позднее я перешел к Пушкину» [VII (1), 15]³³.

Профессор характеризует отличия поэтического мира Пушкина и Лермонтова: «Как для Пушкина характерна гармония, просветленный реализм, просветленная земность, так для Лермонтова типично бурное, протестующее настроение» (III, 156).

Говорит Сакулин и о тех темах в творчестве Лермонтова, которые были близки Есенину. Например, о том, что «он любил вспоминать о былой свободе родины, новгородскую вольность и негодует на деспотизм и рабство своего времени» (III, 158). Курс лекций Сакулина в народном университете приходится на 1913–1914 учебный год, а в августе 1914 года Есениным будет написана «Марфа Посадница» — произведение, посвященное героине Новгородской республики, последняя глава которого начинается четверостишием:

А и минуло теперь четыреста лет,
Не пора ли нам, ребята, взяться за ум,

Исполнить святой Марфин завет:
Заглушить удалью московский шум? [II, 10]

Другие темы лермонтовской поэзии, о которых мог говорить Сакулин, созвучны раннему творчеству Есенина. Например, фраза «Лермонтову невыносимо тяжело было в условиях русской действительности» (I, 158) может характеризовать раннее есенинское творчество, в частности, его стихотворение «Брату Человеку», написанное в Спас-Клепиковской школе:

Тяжело и прискорбно мне видеть,
Как мой брат погибает родной.
И стараюсь я всех ненавидеть,
Кто враждует с его тишиной. [IV, 32]

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что Лермонтов в сакулинской интерпретации близок и понятен Есенину, лектор побуждал слушателей вновь обратиться к лермонтовскому творчеству. Впрочем, память у молодого поэта была отличная, многие стихотворения русских классиков он знал наизусть.

Наконец, Сакулин обращается к творчеству еще одного автора, которого любит и высоко ценит Есенин, — Н. В. Гоголя. «Любимый мой писатель — Гоголь» [VII (1), 10], — отметит поэт в автобиографии, написанной вскоре после своего первого приезда в Европу в мае 1922 года. А его «Железный Миргород», созданный после возвращения на родину, весь наполнен реминисценциями из Гоголя, причем Есенин выказывает свою осведомленность не только о его произведениях, но и об иллюстрациях, помещенных в трехтомном сытинском издании 1902 года. Однако в юности Есенин довольно критично относится к личности Гоголя. В процитированном выше письме к Панфилову начинающий поэт, основываясь на письме, написанном В. Г. Белинским Гоголю в 1847 году в связи с выходом «Выбранных мест из переписки с друзьями», отметит: «Гоголь — это настоящий апостол невежества, как и назвал его Б<елинский> в своем знаменитом письме» [VI, 34].

Как и в курсе, прочитанном на Высших женских курсах, где творчество Гоголя характеризовалось в той же лекции, в которой рассматривались взгляды Белинского, в народном университете Сакулин мог обратиться к этой теме в лекции, посвященной критике Белинского. Представляя автора «Мертвых душ», профессор не может удержаться и дает волю своей поэтической натуре. «С Гоголем вступил в нашу литературу оригинальный до гениальности талант, — рассказывает профессор слушателям, — Гоголь неповторяем: Гоголь один, как один Пушкин. Причудливое сочетание высокого лиризма и

смеха, двух, по-видимому, противоположных стихий, Гоголь был настоящим солнечным талантом: он весь казался сотканным из ярких лучей дневного светила, за блеском которых не сразу можно было разглядеть глубокое мистическое начало. Гоголь любил все яркое, эффектное, красочное. <...> Он раскидал пестрые цветы по нашей литературной степи, нарушил ее безмолвие звонкими голосами, он создал образы, которые “заиграли резкостями”. <...> Нервная экзальтированная натура Гоголя не знала спокойного равновесия срединных людей, если он смеется, то смеется до слез, до боли, если он кается, то до аскетического изнеможения. Такова была “натура” Гоголя» (III, 162, 163, 164). Однако восторженное отношение к классике сочетается у Сакулина с рассказом об особенностях гоголевской поэтики, его эстетических пристрастиях. «Уже в начале 30-х гг., — говорит профессор, — у Гоголя создается эстетическая теория, что “чем предмет обыкновеннее, тем выше нужно быть поэту, чтобы извлечь из него необыкновенное и чтобы это необыкновенное было между прочим совершенная истина”» (III, 166).

Идет на лекциях речь и об отношении Гоголя к крестьянству, о его интересе к жизни сельских жителей. В гоголевской рецензии на «Обозрение сельского хозяйства удельных имений» Сакулин отмечает некоторые существенные моменты: «Он говорит не только о свойствах почвы, но и о психологии нашего мужика. Наш мужик, по мнению Гоголя, “еще довольно груб, мало развит и имеет самые бедные потребности”, но зато земледелец — “добрый, крепкий корень государства в политическом и нравственном отношении”» (III, 174).

По мысли Сакулина, «воззрения Гоголя представляют причудливый конгломерат традиционного консерватизма, идей официальной народности, славянофильства и даже отголосков (весьма смутных) социализма» (III, 178). Второй том «Мертвых душ» рассматривается как тенденциозное произведение, как социальная утопия, в которой отразились общие искания эпохи. «Являясь как будто апологетом современных общественных порядков, — говорит Сакулин о Гоголе, — он в сущности и защищал не николаевскую Россию, а то идеальное представление, которое он себе составил о России» (III, 181).

Духовные поиски Гоголя, о которых упоминает на своей лекции Сакулин, близки поискам юного Есенина, отразившимся в его ранних письмах. «...мечты Гоголя опять переносятся в Россию, — рассказывал профессор, — “Лучше ли мы других народов? Ближе ли жизнью к Христу, чем они, — спрашивает Гоголь и отвечает: — никого мы не лучше, а жизни еще неустроенней и беспорядочней всех их”. Но есть в нашей природе то, что пророчит нам лучшее бу-

дущее. “Уже самое неустройство наше нам это пророчит. Мы еще растопленный металл, не отлившийся в свою национальную форму”. И придет к нам Христос...» (III, 183). Ср. у Есенина в письме Г. Панфилову, написанном в ноябре 1912 года:

Христос для меня совершенство. Но я не так верую в него, как другие. Те веруют из страха: что будет после смерти? А я чисто и свято, как в человека, одаренного светлым умом и благородною душою, как в образец в последовании любви к ближнему.

Жизнь... Я не могу понять ее назначения, и ведь Христос тоже не открыл цель жизни. Он указал только, как жить, но чего этим можно достигнуть, никому неизвестно [VI, 25].

Представление о том, какими были лекции Сакулина, посвященные истории русской литературы 1850–1860-х годов, дает подготовленная при его активном участии пятитомная «История русской литературы девятнадцатого века» (М.: Мир, 1908–1911). В этом капитальном труде Сакулиным написаны разделы, посвященные литературным течениям Александровской эпохи, творчеству В. А. Жуковского, Н. Г. Помяловского, А. Н. Плещеева.

Ознакомившись с тем, как в сакулинских лекциях характеризуются ключевые персонажи русской литературы второй четверти XIX века, обратимся к его статье, появившейся в 1916 году в «Вестнике Европы», — к первой объемной и содержательной работе, в которой Есенин предстает в контексте литературного процесса. «Эта статья, — отметит в воспоминаниях И. Н. Розанов, — очень характерна для отношения критики к Есенину первого периода. Как и следовало ожидать, Есенин рассматривается вместе с Клюевым и последнему уделяется гораздо больше внимания»³⁴.

Статья «Народный златоцвет» посвящена современному автору народнопоэтическому творчеству. Характеризуя сборники, включающие произведения разных жанров, вышедшие на рубеже XIX—XX веков, Сакулин отмечает, что необходимо обращать внимание на личность человека, который не просто исполняет услышанное ранее произведение, но и меняет его текст, смещает акценты. «Подобно всякому поэту, — пишет Сакулин, — народный поэт пользуется готовыми поэтическими формами и образами, влагая в них новое содержание»³⁵. Далее ученый переходит к характеристике тех «поэтов из народа», «которые, свободно развернув свою поэтическую индивидуальность, не порвали с народной почвой, творят в народном стиле и часто для народа»³⁶, — Клюева и Есенина. Сакулин строит статью на обильном цитировании стихотворений, анализу которых отведено не так много места. Для исследователя важно насытить свой материал теми образами, которые для него интересны и которые он считает показатель-

ными для творчества рассматриваемых авторов. Биографические сведения о Есенине краткие и содержат ошибки — «Живет Есенин в селе Константиновском, Касимовского уезда, Рязанской губ., среди широкого приокского раздолья. Учился в церковно-приходской школе»,³⁷ — возможно, Сакулин воспользовался записями, сделанными еще в народном университете при общении с начинающим поэтом. Впрочем, встречи были и в начале 1916 года — за несколько дней до выступления Есенина и Клюева на собрании литературного кружка в Петрограде в здании Императорского женского педагогического института и на самом этом собрании³⁸. Впрочем, в дневниковой записи, датированной 29 января 1916 года, Сакулин неправильно воспроизводит фамилию поэта — Ясенин³⁹.

Автор «Народного златоцвета» приходит к выводу о единстве русской поэзии: «... с большой осторожностью нужно проводить грани в царстве поэзии. Многие наши межевые столбы подгнили и падают. Межи есть, но, чтобы верно наметить их, нужно забыть традиционный взгляд на “народ” и мыслить литературную жизнь страны как единый процесс»⁴⁰.

Позже Сакулин не раз будет обращаться к есенинской теме в своих лекциях. Открывая в феврале 1924 года вечер памяти В. И. Ленина, проводившийся Союзом крестьянских писателей, литературовед упомянет Есенина, так же, как и в конспекте лекции «Современные поэты из народа», которую готовил осенью 1918 года.

Пути Есенина и Сакулина неоднократно будут пересекаться⁴¹. Так, в 1918 году они заявлены в числе лекторов московской школы стиховедения, оба станут участниками диспута «Настоящее и будущее русской поэзии», который состоится в Доме народа им. П. А. Алексеева на Большой Дмитровке в Москве 2 февраля 1920 года (Есенин представлял тогда группу имажинистов), встретятся в Москве в начале 1921-го, а потом и осенью того же года. Есенин надпишет Сакулину вышедшую в Москве книгу «Пугачев», а весной 1922 года весьма нелестно отзовется о критике. «В Москве чувствую себя отвратительно. Безлюдье полное, — напишет Есенин Иванову-Разумнику 6 марта, — Рогачевские и Сакулины больше ценят линию поведения, чем искусство, и хоть они ко мне хорошо относятся, но одно осознание, что видишь перед собой алжирского бея с шишкой под носом, заставляет горько смеяться и идти лучше в кабак от сих праведников. Нравы у них миргородские, того и гляди, вбежит свинья и какой-нибудь важный документ съест со стола души» [VI, 132].

Знаменательной станет встреча 6 июня 1924 года у памятника Пушкину в день 125-летия со дня рождения поэта. Сакулин откроет

литературный митинг, а Есенин впервые публично прочтет свое стихотворение «Пушкину».

Мечтая о могучем даре
Того, кто русской стал судьбой,
Стою я на Тверском бульваре,
Стою и говорю с собой... [I, 203]

Теперь один — почтенный профессор, который внимательно всматривается не только в литературу прошлого, но и в современную ему поэзию, а второй — один из известнейших поэтов России, тот, кому доверили почетную миссию возложить к памятнику величайшему из русских поэтов венок от имени Всероссийского союза писателей.

Необходимо сказать и о других преподавателях народного университета. Выпускник Московского университета Матвей Никанорович Розанов (1858–1936) известен как организатор и руководитель романо-германского отделения Московского университета и Высших женских курсов. Он специалист по литературе Германии и Франции конца XVIII века, которой были посвящены два его диссертационных исследования, получившие высокую оценку отечественных и зарубежных специалистов: «Поэт периода бурных стремлений Якоб Ленц. Его жизнь и произведения» (М., 1901) и «Ж.-Ж. Руссо и литературное движение конца XVIII и начала XIX века. Очерки по истории руссоизма на Западе и в России» (т. 1. М., 1910). Уже в советское время, в 1921 году, он станет действительным членом Академии наук. Слушательницы Высших женских курсов записали лекции Розанова и по истории литературы эпохи Возрождения, и по истории английской литературы XIX века, таким образом, мы имеем довольно полное представление о лекциях, которые были прочитаны профессором в народном университете.

Обращение к этой теме актуально в связи с выходом монографии Н. И. Шубниковой-Гусевой «“Объединяет звуком русской песни”: Есенин и мировая литература», в которой прослеживается влияние на творчество русского поэта зарубежных авторов. В частности, исследователь отмечает, что «наряду с вниманием к русской классике, которое было присуще ему с первых шагов в искусстве, замечен интерес к западно-европейской литературе, который ярко проявился в “Пугачеве”, “Стране Негодяев” и, конечно, в “Черном человеке”. В “Ключах Марии” и “Отчем слове” упоминаются и цитируются имена и произведения Гомера, Геродота, Г. Лонгфелло, И.-П. Гебеля, И.-Л. Уланда, Э. По, У. Шекспира, О. Уальда и др.»⁴².

В курсе «История литературы эпохи Возрождения (в Италии)», который М. Н. Розанов читает в 1913–1914 учебном году, освещаются следующие темы:

1. Общая характеристика эпохи Возрождения.
2. Италия, как родоначальница культуры эпохи Возрождения.
3. Данте. Его личность и творчество. Черты средневековые и черты Возрождения.
4. Петрарка. Его биография. Отношение к древнему Риму. Петрарка-гуманист. Его борьба против представителей средневекового знания. Его философские трактаты. "Песенник".
5. Боккаччио. Важнейшие данные из биографии. Юношеские произведения. Перелом в настроении. Гуманистические трактаты. "Декамерон". Его содержание и основные тенденции.
6. Ближайшие последователи Петрарки и Бокаччио.
7. Век Козимо Медичи во Флоренции. Представители флорентийского гуманизма.
8. Гуманизм в Риме. Папы — покровители гуманизма. Римская академия.
9. Гуманизм в Неаполе. Лоренцо Валла и его трактаты.
10. Педагогические идеи итальянских гуманистов.
11. Век Лоренцо Медичи. Личность и сочинения Лоренцо Великолепного. Платоновская академия и ее деятели.
12. Воздействие гуманизма на итальянскую литературу. Академическое направление: Полициано. Комический эпос: Пульчи.
13. Романтический эпос. Боярдо и его "Влюбленный Роланд".
14. Ариосто и его "Неистовый Роланд".
15. Политическая мысль в эпоху Возрождения. Маккиавелли.
16. Итальянская драма эпохи Воздействия. Комедия. Пьетро Аретино. Трагедия XVI в.
17. Философская мысль в эпоху Возрождения. Джордано Бруно.
18. Воздействие гуманизма на итальянское искусство.
19. Позднее Возрождение и католическая реакция. Торквато Тассо. Его "Освобожденный Иерусалим".
20. Воздействие Италии на литературу эпохи Возрождения в Германии, Франции и Англии⁴³.

В 1914–1915 учебном году М. Н. Розанов читает курс по истории западной литературы XIX века. В расписании лекций курс имеет подзаголовок «эпоха романтизма»⁴⁴. Однако в программах лекций, обнаруженных В. А. Дрозковым при подготовке первого тома есенинской Летописи, этого подзаголовка нет, хотя в центре внимания — романтизм⁴⁵.

В фондах университета хранится программа этого курса Розанова под названием «Истории западной литературы XIX века (Англия и Германия)»:

1. Англия в начале XIX в. Эпоха реакции. Ее особенности в Англии.
2. Зачатки английского романтизма в литературе XVIII века.
3. «Озерная» школа. Вордсворт. Кольридж. Соути.
4. Вальтер Скотт. Томас Мор. Китс.
5. Шелли.

6. Байрон. Его жизнь и творчество. Влияние в европейских литературах.

7. Английский роман. В. Скотт. Диккенс. Теккэрей.

8. Германия в начале XIX в. Немецкая литература в конце XVIII века. Образование романтической школы.

9. Старшее поколение романтиков. Бр. Шлегели. Тик. Ваккенродер.

10. Новалис.

11. Младшее поколение романтиков. Брентано. Арним. Клейст.

12. Гофман.

13. Разложение романтизма.

14. «Молодая Германия». Берне.

15. Гейне⁴⁶.

Как видим, программы курсов Розанова в 1913–1914 и 1914–1915 учебных годах были довольно обширными и предполагали знакомство не только с основными авторами и произведениями итальянского Возрождения, но и с особенностями политической системы, образования в средневековой Италии. То же относится и к истории и литературе Германии и Англии.

Подводя итоги, отметим, что в программах историко-философского цикла академического отделения уделяется значительное внимание русской и зарубежной литературе. В лекциях профессоров дается широкая панорама истории отечественной и мировой литературы. Хотя, еще раз напомним, у нас нет точной информации о том, какие именно лекции и каких преподавателей прослушал Есенин, посещение даже некоторых лекций курсов (что безусловно) значительно расширило его кругозор, приобщило к творческой лаборатории писателей прошлого, позволило ощутить динамику литературного развития в разные исторические эпохи.

¹ При подготовке тома 1 «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина» В. А. Дроздовым с целью выявления есенинских документов был обследован фонд Московского народного университета имени А. Л. Шанявского, хранящийся в Центральном государственном архиве города Москвы (ЦГА Москвы).

² ЦГА Москвы. Ф. 635. Оп. 3. Ед. хр. 58. Л. 1.

³ Московский городской народный университет имени А. Л. Шанявского. Исторический очерк. Слушатели университета. Общество взаимопомощи слушателей. Учебные планы и программы лекций. М.: Изд. общества взаимопомощи слушателей М.Г.Н. университета имени А. Л. Шанявского. М., 1914. С. 230.

⁴ Там же. С. 116.

⁵ О Кизеветтере см. также: *Вандалковская М. Г.* П. Н. Милуков, А. А. Кизеветтер: история и политика. М.: Наука, 1992; *Шпаковская М. А.* А. А. Кизеветтер в отечественной историографии. Дис. ... докт. историч. наук. М.: Российский университет дружбы народов, 2003.

⁶ *Кизеветтер А. А.* Исторические очерки: Из истории политических школ. Школа и просвещение. Русский город в XVIII столетии. Из истории России в XIX столетии. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 331–332.

⁷ Там же. С. 332.

⁸ Там же. С. 335.

⁹ Там же. С. 333. Отметим, что известный юрист, председатель Правления Московского Городского народного университета имени А. Л. Шанявского Н. В. Давыдов (1848–1920) в годы, проведенные по делам службы в Туле (где вначале был прокурором, а со временем дослужился до должности председателя Тульского окружного суда), много общался со Львом Николаевичем Толстым, а после смерти писателя стал председателем Толстовского общества в Москве.

¹⁰ Александров Е. Александр Александрович Кизеветтер // *Кизеветтер А. А. Исторические очерки*. С. 8–9.

¹¹ *Кизеветтер А. А. Наша первая победа* // *Русские ведомости*. 1914. 5 августа.

¹² *Кизеветтер А. А. Исторические очерки*. С. 336.

¹³ Семёновский Д. Н. Есенин // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 151.

¹⁴ Наседкин В. Ф. Последний год Есенина // *Есенин Н. В. В семье родной*. Новые материалы о Сергее Есенине. М.: Советский писатель, 2001. С. 269.

¹⁵ ЦГА Москвы. Ф. 635. Оп. 2. Ед. хр. 17. Л. 167. Выражаю искреннюю признательность В. А. Дроздову за предоставление ценной информации о народном университете.

¹⁶ *Кизеветтер А. А. Исторические очерки*. С. 337.

¹⁷ *Летопись жизни и творчества С. А. Есенина*. Т. 1. С. 174.

¹⁸ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (далее — ИРЛИ). Ф. 272. Оп. 1. № 124. Л. 100 об. Текст зачеркнут. Далее при цитировании этого источника в скобках после цитаты указываются год — 1913 — и лист.

¹⁹ ИРЛИ. Ф. 272. Оп. 1. № 125. Далее при цитировании этого источника в скобках после цитаты указываются год — 1914 — и лист.

²⁰ ЦГА Москвы. Ф. 635. Оп. 3. Ед. хр. 58. Л. 119.

²¹ См.: *Летопись жизни и творчества С. А. Есенина*. Т. 1. С. 590. Программу курса см.: Там же. С. 593.

²² *Сардановский Н. А. Из моих воспоминаний о Сергее Есенине* // *ОР ИМЛИ*. Ф. 32. Оп. 3. Ед. хр. 36. Л. 5.

²³ См.: *Сакулин П. Н. Народный златоцвет* // *Вестник Европы*. 1916. № 5. С. 193–208.

²⁴ *Хитров Е. М. В Спас-Клепиковской школе* // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 142.

²⁵ Там же.

²⁶ *Хитров Е. М. Мои воспоминания о Сергее Есенине* // Там же. С. 140.

²⁷ См.: *Летопись жизни и творчества С. А. Есенина*. Т. 1. С. 590.

²⁸ Режим доступа: <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?PageContentID=20&tabid=130>
Дата обращения: 10.04.2013.

²⁹ См.: *Летопись жизни и творчества С. А. Есенина*. Т. 1. С. 590–591.

³⁰ Там же. С. 592–593.

³¹ *Сакулин П. Н. Русская литература после Пушкина. Лекции, читанные в 1911–1912 г. на Высших женских курсах*. [Часть I]. М., 1912. С. 3. Далее том и страницы этого издания указываются в тексте после цитаты в круглых скобках.

³² Кстати, Николай Леонтьевич Бродский (1881–1951) является выпускником рязанской гимназии, правда, он закончил ее еще в 1900 году — в то время, когда юный Есенин жил в родном Константинове.

³³ См. также упоминание Лермонтова в процитированном выше письме к Панфилову.

³⁴ *Розанов И. Н. Воспоминания о Сергее Есенине* // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 432.

³⁵ *Вестник Европы*. 1916. № 5. С. 197.

³⁶ Там же. С. 200.

³⁷ Там же. С. 204.

³⁸ См.: *Летопись жизни и творчества С. А. Есенина*. Т. 1. С. 318, 324–325.

³⁹ См. об этом: *Субботин С. И. Сергей Есенин в 1914–1916 годах*. Новые биографические материалы // *Новое о Есенине*. Исследования, открытия, находки: Ст. и материалы научн.

конф., посвящ. 106-летию со дня рождения С. А. Есенина. Рязань; Константиново, 2002. С. 167.

⁴⁰ Вестник Европы. 1916. № 5. С. 208.

⁴¹ Некоторые из этих встреч, сведения о которых подтверждены документально, отмечены в пятитомной «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина».

⁴² Шубникова-Гусева Н. И. «Объединяет звуком русской песни». С. 94.

⁴³ Московский городской народный университет имени А. Л. Шанявского. Исторический очерк. С. 177–178.

⁴⁴ Летопись жизни и творчества С. А. Есенина. Т. 1. С. 592.

⁴⁵ См. программу курса: Там же. С. 594.

⁴⁶ ЦГА Москвы. Ф. 635. Оп. 3. Ед. хр. 57. Л. 12–12 об. — машинопись со штампом университета и различными пометами. См. также: ЦГА Москвы. Ф. 635. Оп. 3. Ед. хр. 58. Л. 18 об. — 19.

Глава 4

ИСТОРИЯ В УЧЕБНЫХ ПЛАНАХ И ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА

«здесь по заре и звездам я школу проходил...»

В предыдущих главах кратко охарактеризованы программы по ряду предметов, которые изучал за время учебы в Константиново, Спас-Клепиках и Москве Есенин. Мы не касались пока такого важного вопроса, как преподавание исторических дисциплин — библейской, мировой, отечественной истории, того вопроса, который к тому же еще недостаточно глубоко проработан в современном есениноведении. Однако эта тема крайне важна, поскольку позволяет рассмотреть два существенных момента: 1) выявить влияние на формирование мировоззрения начинающего поэта исторических событий и исторических персонажей, с биографиями и великими деяниями которых он познакомился в годы учебы, 2) рассмотреть исторических персонажей и сам исторический процесс как источник есенинского творчества¹.

Знакомство Есенина с историей началось в годы его учебы в Константиновском земском училище. Согласно «Программам преподавания предметов в сельских двухклассных училищах», утвержденным министром народного просвещения 31 мая 1869 года, изучение истории включало следующие темы: «Древние славяне, их быт и верования (в особенности те, которые сохранились в народе до сих пор). Призвание варягов. Принятие Ольгою св. крещения. Крещение Владимира и русского народа. Основание Киево-Печерской Лавры. Разделение и ослабление Руси по смерти Ярослава. Нашествие татар. Александр Невский. Куликовская битва. Собрание Русской земли Иоанном III. Покорение Казани, Астрахани и Сибири. Прикрепление крестьян. Самозванцы. Воцарение дома Романовых. Главнейшие последующие события до настоящего времени»².

В каждой школе имелась библиотека. В «Каталог книг для употребления в низших училищах ведомства Министерства народного просвещения и для публичных народных чтений», изданный по распоряжению Министерства народного просвещения в 1897 году, входило значительное количество учебников и учебных пособий по ис-

тории (здесь мы не учитываем издания, предназначенные исключительно для гимназий и городских училищ):

Баженов Н. Учебник русской истории. Кронштадт, 1881;

Беллярминов И. Руководство к русской истории, с дополнениями из всеобщей. Изд. 4-е. С рисунками и картою. СПб., 1880;

Воскресенский К. Краткая отечественная история в очерках и биографиях. Изд. 2-е. Рига, 1895;

Горбов Н. Русская история для начальных школ. Изд. 7-е. М., 1894;

Добряков А. Стенная раскрашенная карта Восточной Европы в половине IX века и Руси в удельный период по 1240 год. СПб., 1876;

Добряков А. Русские исторические памятники. Наглядное пособие к курсу русской истории. СПб., 1880;

Добряков А. Учебный атлас по русской истории, с приложением родословной и хронологической таблиц. СПб., 1874;

Зенбуш фон. Картины, изображающие важнейшие события из первого тысячелетия русской истории, сгруппированные по системе Язвинского. М., 1880;

Иловайский Д. Руководство к русской истории. Изд. 22-е. М., 1881;

Картины стенные (на бумаге, хромофотография), изданные Московским комитетом грамотности: 1) Свв. Кирилл и Мефодий, просветители славян. 2) Св. апостол Андрей водружает крест на горах Киевских. 3) Греческий философ повествует великому князю Владимиру о вере христианской;

Либен П., Шуйская А. Краткий курс русской истории, с приложением родословных и хронологических таблиц и 8-ми карт. Изд. 3-е. СПб., 1893;

Малашкин Н. Учебный атлас по русской истории. Рязань, 1889;

Преображенский Г. Эпизодический курс отечественной истории. Ярославль, 1885;

Пясецкий И. Наглядная таблица всемирной истории (с объяснением на 64 стр.). СПб., 1887;

Рождественский С. Отечественная история в картинах. 32 стенные картины;

Сумский В. Краткая русская история. Изд. 2-е. М., 1895;

Фармаковский В. Русская история, с присовокуплением необходимых сведений из истории всеобщей. По способу Грубе. Изд. 2-е. Вятка, 1875;

Шуф А. Рассказы и биографические очерки из русской истории (с кратким описанием Москвы). Учебник для младшего возраста. Изд. 2-е. М., 1870³.

Большое число книг исторической тематики предназначалось для учительских библиотек, среди них:

Абаза В. История России. Народное издание. С портретами Императорского Дома. Изд. 2-е. СПб., 1886;

Верещагин В. История Государства Российского в изображении державных его правителей, с кратким пояснительным текстом. 70 рисунков. СПб., 1890;

Водовозов В. Рассказы из русской истории. Два выпуска. Изд. 5-е. СПб., 1873;

Водовозова Е. Жизнь европейских народов. 3 тома. СПб., 1875–1881; Москва, ее святыни и памятники. Избранные статьи по описанию Москвы. Под ред. В. Шемякина. М., 1894;

Павлов Н. Русская история от древнейших времен. Первые пять веков родной старины (862–1362 гг.). Т. 1. М., 1896;

Поселянин Е. Повесть о том, как чудом Божиим строилась Русская земля. М., 1892;

Самарянов В. Памяти Ивана Сусанина, за Царя, спасителя веры и царства, живот свой положившего. Историческое исследование, преимущественно по неизданным источникам. С 2 литографическими картами — части Костромской губернии и окрестности села Домнина. Кострома, 1882.

В библиотеки для учащихся были рекомендованы биографии многих исторических деятелей, в том числе следующие издания:

Александр Васильевич Суворов, генералиссимус русских войск. Его жизнь и победы. СПб., 1870;

Анненская А. Детство и юность Вениамина Франклина. СПб., 1883;

Миллер Д. Алексей Григорьевич Разумовский. Исторический рассказ. Харьков, 1893;

Мунт А. Биографии замечательных людей. Джордж Вашингтон. СПб., 1880;

Мунт А. Биографии замечательных людей. Авраам Линкольн. СПб., 1884;

Новаковский В. Рассказы о Суворове. Изд. 5-е. СПб., 1883;

Потто В. Яков Петрович Бакланов. Биографический очерк. СПб., 1885;

Сысоева Е. Люди труда и сильной воли. Жизнь Джемса Гарфильда <Джеймса Гарфилда>. От бревенчатой хижины до Белого Дома. Составлено по Тэйеру. С портретом и 3-мя картинками. СПб., 1888; изд. 3-е. 1894;

Человек труда и сильной воли. Очерк жизни Джемса Гарфильда <Джеймса Гарфилда>, бывшего президента Североамериканских Соединенных Штатов. СПб., 1885.

Отметим также наиболее значимые книги исторического содержания, предназначавшиеся для ученических библиотек:

Александров А. Царь-Освободитель, преобразователь и просветитель России Александр II. Казань, 1895;

Амасьевский Ф. Рассказы из отечественной истории. Начало Руси и крещение ее. СПб., 1886;

Андріяшев А. Русская история в рассказах, с портретами государей и исторических деятелей. Изд. 2-е. Киев, 1882;

Арсеньев А. Славное Севастопольское сиденье. СПб., 1887;

Архангельская А. Наша отечественная война 1812 года. М., 1891;

Бахметева А. Как освободилась Русь из-под ига татарского в 1480 г. М., 1880;

Бестужев-Рюмин К. О крещении Руси, о Владимире Святom, о сыновьях его и о монастыре Печерском. Изд. 5-е. СПб., 1884;

Великий князь Дмитрий Иоаннович Донской и преподобный Сергий Радонежский. М., 1889;

Великий князь Ярослав I Великий. М., 1893;

Венчание русских государей на царство. С 217 рисунками. СПб., 1882;

Владимирова А. История Святой земли в кратком изложении. С картинкою. Изд. 2-е. СПб., 1893;

Время великого князя Владимира святого, равноапостольного. М., 1881;

Гатцук А. Старина земли Русской. Кн. 1. Слово о старине незапамятной. Изд. 2-е. М., 1874;

Гейрот А. Описание войны 1853–1856 гг. СПб., 1872;

Двадцать девять чтений по русской истории, от начала христианства на Руси до кончины Императора Александра II. СПб., 1892;

Дорогобужинoв В. О том, как кострoмской крестьянин Иван Сусанин положил жизнь за царя. М., 1872;

Дедов М. Царь-миротворец Александр III Александрович. Его жизнь, деятельность и кончина. Новгород, 1895;

Дедов М. Священное коронование русских государей (1114–1883). Новгород, 1896;

Е. Л. Александр Васильевич Суворов. С портретом и рисунком. М., 1892;

Евпатий Коловрат. Рассказ из времен татарщины. СПб., 1885;

Екатерина II Великая. Изд. 3-е. СПб., 1894;

Жанна д'Арк, дева Орлеанская. Изд. 2-е. Харьков, 1893;

Желябужский Е. Отечественная война 1812 года и Кутузов. М., 1873;

За Дунаем. Война с турками за освобождение славян 1877–1878 гг. Очерки и рассказы для детей из сочинений В. Немировича-Данченко. М., 1884;

К. Н. На память русскому народу. Царствование, кончина и погребение Царя-Отца, освободителя и благодетеля народа, Государя Императора Александра II. С 2-мя портретами и 2-мя рисунками. Изд. 2-е. М., 1882;

Император Николай Первый. С портретом. СПб., 1893;

Ишимова А. История России в рассказах для детей. Изд. 6-е. Части I, II и III. СПб., 1890;

Кавказская война и ее герои Котляревский и Слепцов. СПб., 1879;

Как освободилась Русь из-под татарского ига в 1480 году. М., 1880;

Карамзин Н. Великий князь Дмитрий Иоаннович, прозванием Донской. М., 1890;

Карамзин Н. Царствование Феодора Иоанновича. М., 1890;

Книга для чтения в сельских училищах по русской истории. Киев, 1891;

Князь Владимир Красное Солнышко. Исторический рассказ. СПб., 1890;

- Князь Михаил Тверской и татарский погром. СПб., 1872;
- Краткая русская история. Вып. 1. От основания Руси до вступления на престол Дома Романовых (862–1613). Изд. 4-е. СПб., 1873; Вып. 2. От вступления на престол Дома Романовых до настоящего времени (1613–1874). Изд. 4-е. СПб., 1874;
- Кротков С.* Невская битва и Ледовое побоище. М., 1893;
- Лапин В.* Покорение царства Казанского. Изд. 2-е. СПб., 1887;
- Майков Ап.* О святых Московских митрополитах Петре и Алексии и о славном Мамаевом побоище. Изд. 3-е. СПб., 1894;
- Майков Ап.* Иван III Васильевич. Изд. 2-е. СПб., 1891;
- Минин и Пожарский и избрание на царство Михаила Феодоровича Романова. СПб., 1882;
- Михайловский В.* Св. равноапостольный князь Владимир. Изд. 2-е. СПб., 1882;
- Начало христианства на Руси. Изд. 3-е. СПб., 1896;
- Новаковский В.* Рассказы о Петре Великом. СПб., 1876;
- О Благочестивейшем в Бозе почившем Императоре Александре III. СПб., 1894;
- О жизни и деяниях Императора Александра II. Два чтения. СПб., 1895;
- Острогорский М.* История России, с картинками. СПб., 1874;
- Отечественная война 1812 года. СПб., 1870;
- Павлович Б.* Как началось русское царство. От начала Руси до крещения. СПб., 1875;
- Павлович Б.* О языческой вере наших предков и о том, как задумал князь Владимир креститься. СПб., 1872;
- Павлович Б.* О крещении князя Владимира и о том, как он княжил на Руси. СПб., 1872;
- Павлович Б.* Картины русской истории от Рюрика до Петра Великого. Вып. 1. От начала Руси до Ярослава. С 12-ю рисунками. СПб., 1880;
- Петров И.* О смутном времени на Руси. Два чтения: 1) Убиение царевича Димитрия и что последовало за кончиною царя Феодора Иоанновича, и 2) Народное ополчение на защиту отечества и как русские люди выбрали царем Михаила Феодоровича Романова. Изд. 4-е. СПб., 1892;
- Петров И.* О преемниках Петра Великого (до Екатерины II). Изд. 3-е. СПб., 1894;
- Петров И.* Свято-Троицкая Сергиева Лавра, ее значение в жизни русского народа. Изд. 3-е. СПб., 1890;
- Петр Великий, преобразователь России. Изд. 5-е. М., 1892;
- Питяков Н.* Русская история для народных школ. М., 1889;
- Полевой П.* Иллюстрированные рассказы из отечественной истории, с портретами и картинами в тексте, для начальных школ. СПб., 1892;
- Полтавская битва. Исторический рассказ. Изд. 3-е. СПб., 1876;
- Пуцковский Ф.* Русская история для народных и других элементарных училищ. С 25-ю портретами и 55-ю рисунками. Изд. 13-е. СПб., 1889;
- Ремезов И.* Сказание о подвигах св. благоверного великого князя Владимира равноапостольного. Изд. 2-е. СПб., 1881;

Рогов П. Свв. Кирилл и Мефодий, просветители славян. Изд. 2-е. СПб., 1880;

Рогов П. Рассказы из отечественной истории. Начало Руси и Владимир Святой. Изд. 2-е. СПб., 1880;

Рогов П. Рассказы из отечественной истории. Татарский погром и святой благоверный великий князь Александр Невский. Изд. 3-е. СПб., 1880;

Рогов П. Рассказы из отечественной истории. О смутном времени на Руси. Изд. 3-е. СПб., 1850;

Рождественский С. Краткая отечественная история в рассказах. Для начальных народных училищ и вообще для народа. С портретами замечательных лиц. СПб., 1874;

Рождественский С. Отечественная история в рассказах. С портретами замечательнейших лиц. Изд. 6-е. СПб., 1884;

Рождественский С. О Петре Великом. Два чтения: I. Как Петр Великий провел молодые годы, как и чему учился. II. Как Петр Великий добыл море, создал русский флот и построил Петербург, как кончил войну со шведами. Кончина первого императора. Изд. 7-е. СПб., 1895;

Романов М. Царствование императора Николая I. СПб., 1883;

Романов М. Царствование Михаила Феодоровича. Изд. 3-е. СПб., 1894;

Романов М. Царствование Алексея Михайловича. Изд. 3-е. СПб., 1895;

Романов М. Царь Иван Васильевич Грозный. Два чтения. Чтение первое: а) До Казанского взятия. б) Покорение Казани и Астрахани. Чтение второе: Завоевание Сибири. СПб., 1892;

Русская земля от Ярослава до татарского погрома. СПб., 1875;

Русское царство от Ивана IV Грозного до прекращения Рюрикова дома. СПб., 1882;

Русское царство от прекращения Рюрикова дома до воцарения дома Романовых. СПб., 1882;

Савенко Ф. Очерк истории Рязанского княжества. Вып. 1-й. История Рязанских князей до 1520 года. М., 1885;

Сальников А. Правители Русской земли от ее начала до наших дней (Краткие исторические жизнеописания). СПб., 1891;

Сиповский В. Св. равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. СПб., 1888;

Сорокин Вл. Рассказы о Петре Великом. Изд. 2-е, испр. СПб., 1889;

Тихомиров Е. Минин и Пожарский, или освобождение Москвы от поляков в 1612 году. М., 1890;

Тихомиров Е. Куликовская битва. М., 1891;

Тихомиров Е. Полтавский бой. М., 1891;

Тихомиров Е. Бородинская битва. М., 1891;

Толычева Т. Троице-Сергиева Лавра. Исторический очерк. Изд. 2-е. М., 1887;

Хомяков А. Царь Феодор Иоаннович. Исторический рассказ. М., 1873;

Хрущов И. Владимир Мономах, великий князь Киевский, и его завещание. Изд. 4-е. СПб., 1895;

Хрущов И. Святой благоверный великий князь Александр Невский. Изд. 3-е. СПб., 1892;

Шалфеев И. Царь Петр Великий. СПб., 1872;

Шевелкин И. Рассказы об избрании Михаила Феодоровича Романова на престол царства Русского и об Иване Осиповиче Сусанине, спасшем жизнь его. М., 1871;

Яхонтов А. Царствование императора Александра Первого Благословенного. Изд. 2-е. СПб., 1884.

Значительная часть библиотечных фондов, которыми располагали земские школы, — учебники, учебные пособия и книги по истории. Чтение этих книг оказало значительное влияние на формирование мировоззрения Есенина, позволило ему познакомиться с историческими процессами, происходившими в России и мире. В библиотеках, как свидетельствуют приведенные выше данные, были широко представлены и биографические издания, посвященные крупным историческим деятелям. Однако в настоящее время мы не можем перечислить те издания исторической тематики, которые были прочитаны Есениным в детские и юношеские годы.

По-иному обстоит дело с учебниками и учебными пособиями, которые были написаны в соответствии с утвержденными программами обучения. Включенные в такие издания сведения (даже в том случае, если Есенину преподавали не по анализируемому нами учебнику, а по аналогичному) были доступны будущему поэту⁴.

В земской школе преподавали прежде всего церковную историю; соответственно, события мировой и отечественной истории характеризовались в зависимости от их важности для развития христианского вероучения, их роли в истории православия. Ключевыми персонажами становились митрополиты и святые.

В «Краткой церковной истории по программе городских училищ» законоучителя священника Иоанна Добронравова история церкви, «то есть общества верующих в Спасителя мира, разделяется на историю церкви *ветхозаветной* и историю церкви *новозаветной*»⁵. Учащиеся узнают о деяниях апостолов, жизни первых христиан, вселенских соборах. История православия в России рассматривается как естественное продолжение истории первых веков христианства. Такое понимание коррелируется с тем видением мира, которое проявляется в маленьких поэмах Есенина революционного периода. Для поэта в ту пору, безусловно, было близко мировосприятие скифов — входивших в его близкое окружение Андрея Белого, Иванова-Разумника и других писателей. На основе анализа скифства обычно рассматривается творчество Есенина первых послереволюционных лет⁶. Однако весьма любопытно проанализировать эти произведения в контексте школьных программ, по которым учился Есенин.

В учебнике по церковной истории события представлены последовательно — и Есенин в своих маленьких поэмах продолжает эту последовательность, причем примерно в том же направлении, что и авторы пособий. В истории церкви эпохи гонений сменялись более благоприятными периодами. Но вера никогда не утверждалась без борьбы, борьбы тяжелой и кровопролитной; борьбы, продолжавшейся столетия и завершившейся торжеством православия. «Когда кончились гонения на церковь со стороны иудеев, — читаем в учебнике, — начались страшные, продолжавшиеся два с половиной века, гонения от язычников»⁷. Надо отметить, что такая позиция — это не личный взгляд автора конкретного учебника, это основные постулаты отечественного образования, которые транслировались ученикам. История церкви воспринималась как живая продолжающаяся и в наши дни череда событий. И потому Есенин считал для себя возможным участвовать в написании этой истории. Если для символистов революция была мистерией, то для Есенина — в большей степени продолжением христианской истории. Ведь и в процитированном учебнике история близких к современности периодов развития христианства описывается на материале событий, происходивших в России. Были апостолы, Константин Великий, Юлиан Отступник. Однако знакомство учащихся с общемировой историей христианства заканчивается XVI веком, реформацией. А затем рассказывается о зарождении и развитии православия у славянских народов, начиная с Кирилла и Мефодия и их «благовестнических трудов»⁸.

Так и есенинское «Пришествие» начинается четверостишиями:

Господи, я верую!..
Но введи в свой рай
Дождевыми стрелами
Мой пронзенный край.

За горой нехоженой,
В синеве долин
Снова мне, о Боже мой,
Предстает твой сын.

По тебе молюся я
Из мужичьих мест;
Из прозревшей Руссии
Он несет свой крест.

Но пред тайной острова
Безначальных слов
Нет за ним апостолов,
Нет учеников [II, 46].

В «Краткой церковной истории» законоучителя священника Иоанна Добронравова основное внимание уделяется изучению истории русской государственности и русской церкви. Главными героями этого курса являются не политические деятели, князья, цари, императоры, военачальники, а русские святые, подвижники православия. Это история возникновения монастырей, игравших ключевую роль в распространении православной веры. Но монастыри были и крепостями, то есть оплотом государственности. Митрополиты и их деяния, основатели монастырей и роль обитателей, в том числе Киево-Печерской и Троице-Сергиевой Лавры, в истории русского государства — этим темам посвящен учебник.

Достаточно ознакомиться с «Хронологическим указателем важнейших событий в церковной истории», чтобы понять: богословы и законоучителя в начале прошлого столетия прослеживали единство церковной истории от возникновения христианства до последних событий, происходящих на территории Российской империи. Начинается хронология с сошествия св. Духа в 34 году, а затем, после упоминания вселенских соборов и других центральных событий истории христианства, названы важнейшие факты отечественной истории — крещение Аскольда и Дира, княгини Ольги, св. князя Владимира; годы, когда Церковь возглавляли наиболее известные митрополиты: Петр, Алексей, Иона, Филипп; а после учреждения в России патриаршества — патриархи Иов, Гермоген, Филарет, Никон.

В материалах Приложения рассказывается о мучениках, святых отцах и учителях Церкви, первым из которых назван святой Николай-чудотворец, архиепископ Мирликийский. «Всех приходящих к нему он принимал с любовью и радушием; помогал сиротам и нищим, утешал скорбящих и ходатайствовал за притесненных и обиженных», — читаем в учебнике⁹.

В маленькой поэме «Микола» Есенин напишет:

Говорит Господь с престола,
Приоткрыв окно за рай:
«О мой верный раб, Микола,
Обойди ты русский край.

Защити там в черных бедах
Скорбью вытерзанный люд.
Помолись с ним о победах
И за нищий их уют» [II, 14].

С Марфой Борецкой как историческим персонажем Есенин познакомился в годы учебы в школе. Например, в учебнике «Отечественная история в рассказах для низших училищ и вообще для детей старшего возраста» С. Рождественского характеризуется русская ис-

тория со времени появления государственности до современности. При этом значительное внимание уделяется различным периодам нашей истории, в том числе фигурам Ивана IV, Петра I, Екатерины II. Сообщается о Марфе Борецкой и Емельяне Пугачеве.

В названном учебнике довольно подробно говорится о присоединении Новгорода к Москве, об упразднении вечевого правления: «В Новгороде в это время решительно преобладала партия, противная Москве. Во главе ее находилась Марфа Посадница, вдова одного посадника. Это была женщина умная, решительная, честолюбивая, к тому же очень богатая <...>. Для подкупа простых людей, кричавших на вече, она не скупилась на золото»¹⁰.

У Есенина читаем:

Ой, как выходила Марфа за ворота,
Письменище черное из дулейки вынула.
Раскололся зыками колокол на вече,
Замахали кружевом полотнища зорние... [II, 7]

Есенин, как и его соученики, с особым интересом читал о событиях, связанных с рязанской землей, которая одной из первых подверглась батыеву нашествию. «История в рассказах...» сообщает:

В предании сохранилась память об одном рязанском герое, Евпатии Коловрате. — В то время, как татары громили Рязань, он был в Чернигове. Прибыв оттуда и увидев одни груды развалин и трупов, он закипел местию. С небольшой дружиною, набранною из оставшихся в живых рязанцев, он пустился вслед за татарами, нагнал их и начал рубить и колоть с тыла. Батый думал, не мертвые ли рязанцы воскресли. «Что вы за люди?» — спрашивал он у пленных. «Мы христиане из Рязани, — отвечали они, — мы хотим тебя, великого царя, с честью проводить». Едва ли не все свои силы должны были употребить в дело татары, чтобы одолеть Евпатия и его небольшую, но храбрую дружину. Татарский богатырь, вышедший на Евпатия, был рассечен им на части. Батый немало дивился храбрости этого отряда и с честью отпустил оставшихся в живых, отдавши им тело убитого Евпатия¹¹.

У Есенина в «Песни об Евпатии Коловрате» почти дословно повторяется фрагмент изложенного в учебнике сказания:

Всколыхнулось сердце Батыя:
Что случилось там, приключилось?
Не рязанцы ль встали мертвые
На побоище кроволитное? [II, 179]

Однако финал у поэта совершенно иной:

Возговорит лютый ханище:
«Ой ли, черти-куралесники,

Отешите череп батыря

Что ль на чашу на сивушную» [II, 179].

Упоминается Евпатий Коловрат и в другом издании для начальных школ — книге П. Полевого «Иллюстрированные рассказы по отечественной истории». Здесь изложены те же события, но акценты несколько смещены:

Один из рязанцев, боярин Евпатий Коловрат, богатырь, известный во всем княжестве своею необычайною силою и храбростью, не погиб при взятии Рязани татарами, потому что находился в далекой отлучке. Он вернулся на родину уже тогда, когда половина княжества была захвачена и разорена татарами. Тогда Евпатий, недолго думая, решился разделить участь своих погибших друзей и братьев; он набрал горсть удалцов, таких же, как он сам, и в темную зимнюю ночь ударил с ними на татарский стан. Нападение было так неожиданно и так смело, что татары в переполохе побежали и весь их лагерь пришел в смятение. Евпатий и его дружина беспощадно побивали татар и прямо пробивали себе дорогу к шатру Батыя. Против Евпатия выступил татарский богатырь, Таврул, но Евпатий, наскочив на него, рассек его одним ударом... Наконец татары опомнились от страха, увидели, что за Евпатием следует только горсть удалцов, всего несколько сот человек. На храбрецов устремились тысячи варваров — и одолели их множеством; но к Евпатию всё же никто не смел подступиться... Его окружили татары целою оградой из саней и из-за них поразили его стрелами и копьями. Сам Батый захотел взглянуть на тело убитого русского богатыря и долго дивился красоте, мощи и храбрости Евпатия Коловрата¹².

Одним из учебников, по которым занимались ученики Константиновского училища, была книга Платона Ивановича Афинского (1816–1875), кратко называемая «Священной историей». Ее полное название — «Книга для духовно-нравственного чтения и первоначального наставления в Законе Божьем, составлена для народных училищ и сельских школ придворной Ианнуариевской, что в запасном дворе церкви, священником 3-го Уездного и Сретенского начального в Москве училищ законоучителем Платоном Афинским». Это издание регулярно переиздавалось как при жизни, так и после смерти автора¹³.

У Есенина, как вспоминают его современники, была необычайно цепкая память, он довольно легко и надолго запоминал не только поэтические, но и прозаические тексты, мог легко цитировать их по памяти. Безусловно, знакомство с церковной и отечественной историей в годы учебы будущего поэта в земской школе, чтение учебников опосредованно отразилось на его поэтическом творчестве.

«из меня очень захотели сделать сельского учителя...»

Важную роль в знакомстве Есенина с историей сыграла учеба в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе. В 1909–1910 учебном году в населенных пунктах Рязанской губернии было 10 второклассных школ духовного ведомства, которые по терминологии того времени относились к числу народных школ «повышенного типа». Если «в двухклассных школах ученикам сообщаются первоначальные сведения о важнейших событиях и лицах отечественной истории в виде небольших отдельных рассказов, — читаем в “Объяснительной записке” к программе по отечественной (церковной и гражданской) истории для второклассных школ, — то во второклассных школах краткий курс отечественной церковной и гражданской истории проходится не в отрывках, а в последовательном и связном изложении, с указанием главнейших хронологических данных. Ученики второклассных школ <...> должны ясно представлять себе в главных чертах постепенное расширение пределов Русского государства и усиление могущества, равно как и распространение в отечестве нашем православной веры и Церкви Христовой. Вместе с тем в сознании учащихся должен отчетливо запечатлеться весь ряд тех знаменитых деятелей, которые прославились или духовными подвигами и служением православной русской Церкви, или доблестными трудами на поприще государственном»¹⁴.

Одной из книг, написанных в соответствии с правилами для второклассных школ, утвержденными в 1903 году, стала книга профессора протоиерея Федора Ивановича Титова (1864–1935) «Отечественная история церковная и гражданская». В этом издании рассказывается, например, о разорении Рязани Батыем и приводится фрагмент летописи.

Более детально, чем в учебниках для начальных школ, описано Титовым присоединение Новгорода к Москве:

В Новгороде образовались две партии: одна держала сторону Москвы, другая сторону Литвы. Между партиями происходила постоянная борьба. Оттого и в Новгороде было вечное беспокойство и замешательство. Это и дало повод Иоанну III вмешаться во внутренние дела Великого Новгорода и покончить с его вольностью. Новгородцы вызвали гнев Иоанна III прежде всего тем, что без его ведома пригласили князя из Литвы. Вскоре после того литовская партия из Новгорода стала требовать от новоизбранного владыки Феофила, чтобы он ехал для поставления не к московскому, а к литовскому митрополиту. Иоанн III всё это терпеливо сносил, хотя и не скрывал своего гнева на новгородцев. Между тем, в Новгороде всё более и более усиливалась литовская партия. Во главе ее стояли бояре Борецкие, руководительницею которых

была мать их вдова Марфа, известная в истории под именем Марфы Посадницы. Опираясь на свое богатство и поддержку своих приверженцев, Марфа Посадница распоряжалась в Новгороде, как желала¹⁵.

Новая история России начинается в этом учебнике со времени Петра I, который рассматривается Титовым как истинный преобразователь России. В его личности «было соединено всё то, что было необходимо для совершения такого великого дела, как всестороннее преобразование русского государства. Император Петр I был истинно гениальным человеком, наделенным от природы необычайными дарованиями. Великие дарования соединялись в нем с неутомимым трудолюбием. Петр I был истинным царем-работником, не жалевшим ни сил, ни самой жизни своей для блага России. Обладая таким характером, Петр I решительно приступил к преобразованию России, причем в основу этого преобразования положил сближение России с просвещенными народами Западной Европы, улучшение и усовершенствование самобытных русских начал народной жизни при помощи и при посредстве европейского образования»¹⁶. О Петре, его детстве и юности, о важнейших событиях, произошедших в годы его правления, в книге Титова рассказывается довольно подробно. Так что Есенин, который позже неоднократно будет обращаться к личности Петра, получил о нем в годы учебы во второклассной школе весьма полное представление.

В главе, посвященной правлению Екатерины II, характеризуется в основном внешнеполитическая деятельность императрицы, говорится о присоединении к России новых земель, сообщается о деятельности полководцев — П. А. Румянцева-Задунайского, А. Г. Орлова-Чесменского, Г. А. Потемкина-Таврического, А. В. Суворова, а также о святителе Тихоне Задонском. Однако восстание Е. И. Пугачева — человека, личность которого важна для есенинского творчества, — в этой книге не охарактеризовано. В целом в учебнике Титова довольно полно описаны события отечественной истории, произошедшие со времени первоучителей словенских Кирилла и Мефодия до царствования императора Александра III и восхождения на престол Николая II. Общий объем этой книги около 15 печатных листов.

Как видим, в годы учебы во второклассной учительской школе Есенин еще более основательно овладел исторической наукой, познакомился с историческими личностями, их деяниями, с историческими событиями.

«поступил вольнослушателем в Университет Шанявского...»

Выше уже говорилось об учебе Есенина в Московском городском народном университете им. А. Л. Шанявского. В программах историко-философского цикла академического отделения уделяется значительное внимание отечественной и мировой истории, истории философии. К тому же многие лекторы связывают историю с литературой, проводя на лекциях и практических занятиях соответствующие параллели. Таким образом, лекции по предметам исторического цикла были интересны и тем слушателям, которых, как и Есенина, больше привлекала история литературы.

Так, например, курс А. А. Кизеветтера по истории России до XVIII века очень тесно связан с историей русской литературы. В преамбуле к программе этого курса отмечается, что «по мере надобности, в изложение вводятся <...> факты из истории умственного развития русского общества, хотя при этом лектор считает с тем, что сведения этого рода слушатели имеют возможность получить в более обстоятельном изложении в курсах по истории русской литературы»¹⁷. В лекциях рассматриваются следующие основные вопросы: «Доисторическое состояние нашей равнины. Славянская колонизация. Возникновение варяжских княжеств. Междукняжеские отношения в Киевской Руси. Внутренний политический и социально-экономический строй древнерусских княжеств. Борьба со степью. Запустение Приднепровья. Возникновение удельных княжеств в Северо-Восточной Руси. Характеристика удельного порядка. Возвышение Москвы. Собрание Руси Москвою. Характеристика Московского государства XV–XVI ст<олетий>. Реформы Ивана IV. Смутное время. Реставрация государственного порядка во вторую половину XVII ст<олетия>. Деятельность земских соборов. Уложение 1649 г. Подготовка преобразований во второй половине XVII ст<олетия>»¹⁸.

Двухчасовые лекции по этому курсу проходили еженедельно. В народном университете отечественная история изучается более подробно, чем во второклассной учительской школе. Начинаящий поэт, уже имевший ко времени приезда в Москву достаточно полное представление об историческом процессе, об основных событиях отечественной истории, мог заинтересоваться лекциями известного историка, которые неизменно вызывали значительный интерес слушателей.

Лекции Ю. В. Готье по истории России XVIII века читаются в 1914–1915 учебном году для слушателей второго и третьего курсов университета. Проект программы предусматривает раскрытие следующих основных тем:

Общий очерк состояния Московского государства в конце XVII столетия.

Умеренно-преобразовательная деятельность правительства царевны Софии. Значение переворота 1689 г. и его ближайшие последствия. Характеристика Петра I. Эволюция его личности в связи с событиями его царствования. Петр Великий и русское общество. Результаты его преобразовательной деятельности. Ее общая оценка. Реакция послепетровского времени. Попытка 1730 г.¹⁹ Царствование Анны Ивановны; его связь с петровской эпохой. Господство немцев и его значение. Царствование Елизаветы Петровны. Господство дворянства. Внешняя политика России от Петра I до Екатерины II.

Екатерина II. Ее воцарение. Политические идеи Екатерины в 1780-х гг. Уложенная комиссия. Законодательная деятельность Екатерины в 1770–80 годах. Внешняя политика. Реакция последних лет.

Общая характеристика царствования Императора Павла²⁰.

Программа этого курса, утвержденная 4 октября 1914 года²¹, существенно отличается от его проекта, поэтому приводим содержательную часть этого архивного документа (машинопись на бланке народного университета с рукописными резолюциями) полностью:

Правление царя Феодора Алексеевича и царевны Софии, как время подготовки к реформе.

Переворот 1689 г.

Развитие личности Петра в связи с внешними событиями его царствования и с преобразовательной деятельностью.

Результаты реформ Петра и их общая оценка.

После-Петровская реакция 1725–1730 гг.

Царствование Анны Ивановны. Пересмотр мнений об этой эпохе. Немецкое господство; его проявления и его падение.

Царствование Елизаветы Петровны, как время частичного осуществления пожеланий, высказывавшихся дворянами в 1730 г. Внешняя политика.

Екатерина II до воцарения; разбор известий о ее воцарении. Правительственная программа в 60-х годах. Комиссия 1767 г. Выполнение планов и проектов, намеченных Комиссией. Сословная политика Екатерины II. Внешняя политика. Последние годы царствования; его общая оценка.

Общая характеристика царствования императора Павла²².

В качестве основных пособий по курсу рекомендуются «Курс русской истории» В. О. Ключевского и «Лекции по русской истории» С. Ф. Платонова. В печатном варианте проекта программы в качестве редкого издания названа также книга В. А. Бильбасова «История Екатерины Второй»²³.

Кроме лекций, Ю. В. Готье ведет семинары, программы которых не опубликованы в общем сборнике²⁴. Однако в фондах Московского городского народного университета имени А. Л. Шанявского хра-

нится не обнаруженная в библиотечных фондах печатная брошюра «Программы практических занятий и семинариев в Московском городском народном университете имени А. Л. Шанявского в 1914–1915 академическом году. Группа общественно-философских наук». В ней характеризуются особенности практических занятий по курсу русской истории. В качестве их основной задачи Ю. В. Готье называет «*содействие лицам, слушающим курсы этого предмета и специально им интересующимся, в деле углубления их познаний путем самостоятельных занятий*»²⁵. При этом отмечается, что «занятия могут состоять в изучении историографии или первоисточников по специальным вопросам или наиболее выдающимся эпохам русской истории. Они могут выражаться в виде совместного с руководителем разбора памятников, в виде устных докладов слушателей и в виде их письменных работ, причем и устные доклады и рефераты должны подвергаться общему обсуждению при участии руководителя»²⁶. Как видим, методика проведения семинарских занятий достаточно разнообразна. К ним допускаются лишь те слушатели народного университета, которые ранее или параллельно с ними посещают соответствующий курс лекций. Максимальное число участников практических занятий — 25–30 человек.

Анализ программы курса показывает, что в нем затрагиваются те исторические темы, которые наиболее привлекали Есенина и нашли отражение в его творчестве.

Надо остановиться также на курсе русской истории XIX века, который читает для слушателей первого и второго годов обучения в 1913–1914 учебном году А. А. Кизеветтер. Этот курс предусматривает еженедельные двухчасовые лекции на протяжении двух семестров. Опубликованная программа называется «История России в первой половине XIX столетия» и предполагает рассмотрение следующих основных вопросов:

Общий очерк состояния России к концу XVIII стол<етия>.

Преобразовательные меры в царствование Александра I, Неофициальный комитет. Проекты Сперанского. Учреждение министерств и Государственного Совета. Крестьянский вопрос. Борьба с Наполеоном. Тайные общества при Александре I.

Царствование Николая I. Перемены в положении высших государственных учреждений, местного управления и сословного самоуправления. Разработка крестьянского вопроса в секретных комитетах.

Внутреннее состояние России в первую половину XIX стол<етия>. Крепостная вотчина и перемены, развивавшиеся в крепостном хозяйстве в течение первой половины XIX стол<етия>. Русский город, торговля и обрабатывающая промышленность России за первую половину XIX стол<етия>. Подготовка падения крепостного права²⁷.

На практических занятиях, проходивших под руководством Ю. В. Готье, предполагается «тщательное изучение»²⁸ социально-экономического трактата первого русского экономиста-теоретика, публициста, предпринимателя и изобретателя И. Т. Посошкова (1652–1726) «Книга о скудости и богатстве». Понятно, что этот известный и в свое время популярный труд не имеет непосредственного отношения к отечественной истории XIX века (хотя бы по причине того, что его автор скончался в 1720-е годы), однако знакомство с ним представляло значительный интерес для слушателей²⁹. А. А. Кизеветтер имел непосредственное отношение к выходу в свет в 1911 г. очередного издания этой книги — с его предисловием в серии «Памятники русской истории, изданные под редакцией преподавателей русской истории в Московском университете» напечатана «Книга о скудости и о богатстве и некоторые более мелкие сочинения; Доношения Ивана Посошкова митрополиту Степану Яворскому».

С сентября 1913 года, когда Есенин начинает заниматься в университете, на первом курсе «общий курс истории Средних веков» читает Д. Н. Егоров, «Историю Франции с XVIII века» — С. Ф. Фортунатов, русскую историю XIX века — А. А. Кизеветтер³⁰. Второй год обучения предполагает продолжение чтения этих предметов теми же преподавателями. К этому добавляются курсы «теории исторического процесса» В. М. Хвостова, «История политических учреждений и учений» Б. П. Вышеславцева, «История образования в связи с общим развитием культуры (от конца Средних веков)» Н. П. Сперанского. Запланированы практические занятия по курсам всеобщей и русской истории. Исторические дисциплины читаются и на третьем году обучения в университете. Они входят в программы разных лет обучения и в 1914–1915 учебном году³¹.

В 1914–1915 учебном году Д. Н. Егоров читает слушателям первого, второго и третьего годов обучения курс «Крестовые походы» (в расписании лекций он называется «История Средних веков (крестовые походы)»³². Программа курса, утвержденная 23 сентября 1914 года³³, предполагает проведение лекций по два часа еженедельно на протяжении первого и второго семестров. Лектор видит задачу курса в выяснении «решающего значения Крестовых походов как эпохи, создавшей *перелом* во всех областях средневековой европейской жизни, эпохи, положившей конец прежней замкнутости и вызвавшей широкий и свободный культурный обмен с Византией и Востоком, переведшей Европу, как и во время великой Римской объединенности, на море и за море, со всеми теми крупными последствиями, которые вытекают из подобного возобновления *мирового общения*»³⁴. Егоров делил курс на «два крупных отдела»: крестовые

походы как историческая проблема и крестовые походы как культурная проблема. Практические занятия по истории Средних веков ведет В. С. Протопопов.

Дмитрий Николаевич Егоров (1878–1931), уроженец Ельца, происходивший из учительской семьи, окончил московское Петропавловское училище, а затем историко-филологический факультет Московского университета. За участие в студенческом движении был исключен из университета, а затем восстановлен благодаря заступничеству крупного ученого, специалиста по истории английского средневековья П. Г. Виноградова. Он считал Егорова одним из наиболее способных своих учеников и не ошибся.

Егоров, окончив в 1901 году Московский университет, остается в нем для подготовки к профессорскому званию и преподавательской деятельности. В 1907 году становится приват-доцентом университета, однако в 1911 году покидает его в знак протеста против политики, проводившейся министром народного просвещения Л. А. Касо, — изданные им циркуляры «О надзоре за учащимися высших учебных заведений» и «О временном недопущении публичных и частных студенческих заведений» фактически уничтожали университетскую автономию (тогда университет покинуло — подало в отставку или было уволено — около 130 преподавателей и сотрудников). Однако Егоров, как и ряд его коллег по университету, продолжает преподавательскую работу, в том числе на Московских высших женских курсах и в Московском народном университете имени А. Л. Шанявского.

Ученого больше всего интересует история средневековой Германии. Для подготовки диссертации «О колонизации и германизации славянских земель в XIII в.» он на два года отправляется в Германию, где собирает архивный материал для своей работы. В результате получился солидный труд, который издан в 1915 году в виде двухтомника «Славяно-германские отношения в Средние века: Колонизация Мекленбурга в XIII в.»: том I «Материал и метод» (568 с.), том II «Процесс колонизации» (614 с.).

Большое внимание Егоров уделяет истории средневекового города — его изучению посвящено оставшееся неопубликованным кандидатское сочинение «Историография средневекового города». В своих работах Егоров сопоставляет западноевропейские города с русскими. «Если бы в России город имел такую же силу освобождения, деревенское население переполнило бы города, — рассказывает Егоров. — Но у нас города не имели указанного значения и крепостное состояние развивалось в сторону расширения»³⁵. Егорова интересует личность Карла Великого. — одной из ключевых фигур евро-

пейского Средневековья, монарха, который к 800 году создал могущественную империю, включавшую в себя территории современных Германии, Франции, Северной Италии и другие земли. «Этюды о Карле Великом», написанные Егоровым, публикуются в «Журнале Министерства народного просвещения» (№ 11 и 12 за 1902 г.; № 3, 5, 7 за 1903 г.). Автор подробно рассказывает об этом историческом деятеле в курсах лекций по истории Средних веков, прочитанных на Московских высших женских курсах и в Московском городском народном университете имени А. Л. Шанявского. Причина интереса к этой эпохе обусловлена тем, что личность и значимость Карла Великого по-разному оценивалась как его современниками, так и историками. «По традиции царствование Карла — великая эпоха, — отмечает Егоров в лекции, — навряд ли в этом можно сомневаться; но традиция называет это время “счастливой эпохой”; но как же с этим отзывом совместить то обстоятельство, что 814 год является поворотным пунктом в сторону развала империи; где же величие, крепость? Почему через 20 лет наступает полная разруха? Очевидно, здесь не только что-то переоценено, но и нечто недооценено. Вот почему даже до сих пор колеблется оценка эпохи Карла Великого»³⁶. Такие размышления лектора побуждают слушателей к самостоятельному всестороннему анализу тех исторических событий, о которых говорится на лекциях. Егоров подчеркивает, что правление Карла Великого определило векторы исторического развития на многие десятилетия. Как отмечает лектор, «эпоха Карла необычайно ответственное время. В Средние века пример Карла считался величайшим прототипом. Собственное его имя “Карл” превратилось в нарицательное “краль”, “король”, характеризующее власть определенного типа с определенными правами и определенными обязанностями. Теперь Божеское и кесарево начинает вполне совпадать; нет почти различия; это есть та новость, которую эпоха Карла и сам Карл придали королевской власти»³⁷. Сходная ситуация была характерна и для России на протяжении многих столетий ее истории.

Здесь нельзя не сказать о том, что во времена Средневековья, особенно раннего, еще не оформились не только национальные государства, но и национальные общности. Егоров отмечает:

Национальное чувство в Европе появляется чрезвычайно поздно. До этого есть некий суррогат этого чувства, но суррогат далеко не равноценный — это чувство *племенное*, узкий патриотизм. <...> перед нами Германская империя, но она распадается на ряд племен, и какой-нибудь саксонец с севера и баварец с юга ненавидят друг друга, хотя они долго находятся под одной властью.

Национальное чувство удостоверено для Франции разве что с эпохи Столетней войны, а для Германии и того позднее³⁸...

С учетом этих особенностей рассматривается и деятельность Карла Великого — «франкского (*германского*) конунга, создателя Римской империи», который «коронуется *папой*»³⁹.

Значительное внимание Егоров уделяет личности Фридриха I Рыжебородого, при котором «в 1165 году при торжественной и пышной обстановке, при огромном стечении народа, Карл Великий объявляется святым, *канонизируется*»⁴⁰. В ту эпоху германский король не имеет своей столицы. Егоров говорит слушателям, что он «кружит по своему государству; он и его свита питаются “от постоя”», несмотря на то что таким образом король знакомился с «местными нуждами», всё же «преобладали дурные последствия»⁴¹.

Слушателей народного университета должны были заинтересовать рассуждения Егорова об активной роли народа в истории. Подробно рассматривая вопросы историографии, лектор останавливается на работах немецкого ученого Юстуса Мёзера (1720–1794), в частности, на его сочинении «Оснабрюкская история». Историк и юрист Мёзер, всю жизнь, за исключением времени учебы, живший в старинном городе Оснабрюке, столице княжества, рассмотрел историю своей родины только до 1192 года. Он был противником централизации государства, в качестве ядра немецкой нации рассматривал крестьянство, а идеальным правителем, деятельность которого наиболее полно отражала интересы германской общины, считал Карла Великого. Анализируя его «Оснабрюкскую историю», Егоров отмечает: «На исторической сцене теперь перестают выводить королей, полководцев и т. д., как раньше это делали, а выводят широкие и безымянные массы. И любопытно, что этот факт имеет целый ряд крупных последствий. Мы увидим, как из этого вырастает целая система, целое большое представление о народной психологии, и сама история становится историей не лиц, а целых больших комплексов, целых народов. И это повлияет как на метод, так и на приемы исторического исследования»⁴². Ученый подчеркивает, что Мёзер стал первым историком, который основное внимание уделяет не летописям и хроникам, а грамотам. «Он является первым *народником* в Европе, — говорит Егоров, — он первый обратил внимание на жизнь и на быт народа, с которым он был хорошо знаком. <...> Он пишет свою “Оснабрюкскую историю”, где центральным героем является народ. Все монархи, реформаторы, законодатели занимают здесь скромное второстепенное место. Они не производят новых ценностей: это делает народ. Но среди этой массы народа у Мёзера есть и отдельный класс, которым он особенно интересуется и <которому> симпатизирует: это крестьянство. Он пишет историю данной местности с точки зрения крестьянства»⁴³. Для Мёзера идеалом является самоуправле-

ние крестьянской общины. Интерес к народу, жизни крестьянства способствовал росту интереса к различным формам проявления народного творчества, в том числе к фольклору, который рассматривается как ценный исторический источник. «Устная традиция бесконечно длительна, — подчеркивает Егоров. — Она доживает от тысячного года до Р. Х. до наших времен. Это такой кладезь, из которого историк может широко черпать материал»⁴⁴. Здесь лектор основывается и на собственном опыте, поскольку был прекрасно осведомлен в вопросах историографии.

Для нас же важно, что преподаватель народного университета от истории переходит к литературе, в частности, характеризует деятельность братьев Grimm. Фольклористику Егоров рассматривает в качестве дисциплины, помогающей историческому пониманию действительности, — «все эти народные сказания, поверья, суеверия станут настоящим историческим материалом, вплоть до знаменитых исторических народных песен, без которых современному историку не обойтись»⁴⁵. Характеризуя различия в фольклоре разных народов, лектор приходит к выводу о различиях в народной психологии и, следовательно, о самобытности исторического пути отдельных народов. Если в Европе «самобытками» становятся германисты и романисты, то в России — славянофилы. Историк подчеркивает: «Отсюда вывод такой, что исторического обмена между отдельными народами, перенесения учреждений из одной страны в другую быть не может. Перенесение чужого всегда будет вредным, а в лучшем случае бесцельным»⁴⁶. Такое понимание процессов исторического развития привело к расцвету в разных странах национальной истории. При этом историки стараются не столько анализировать события, сколько излагать их, сообщать факты. И здесь цели романиста и цели историка сближаются, поскольку и тот и другой стремится произвести известное впечатление, создать определенную картину, которая должна повлиять на воображение.

Егоров утверждает, что в XIX столетии историческая наука «перекочевывает» в Германию. Отцом современной ему исторической науки ученый считает выдающегося немецкого историка, занимавшегося прежде всего античностью, Бартольда Георга Нибура, который «не только замечателен как критик, который пользуется приемами, выработанными в строго филологической среде и перенесенными на историческую почву <например, прочтение текстов старинных рукописей, имеющих сверху новые слои записей. — М. С.>, но он замечательный синтетик. У него ряд особенностей, редко соединяющихся в одном человеке»⁴⁷. Однако, по мнению Егорова, в первое десятилетие XX века немецкая историческая наука

постепенно теряет свое первенство в мире, вернется ли приоритет в развитии исторической науки во Францию или же гегемоном станут Соединенные Штаты, покажет время.

Еще один известный историк, преподававший в народном университете, — Степан Федорович Фортунатов (1850–1918), представитель известной семьи, в которой четыре брата стали крупными учеными: владевший 16 языками Филипп Федорович (1848–1914) — филологом, основателем Московской лингвистической школы, Иван Федорович Фортунатов (1852–1916) — известным инженером-строителем, Алексей Федорович (1856–1925) — агрономом и статистиком (кстати, он читал лекции по статистике и в университете имени А. Л. Шанявского).

Степан Федорович с 1886 года приват-доцент Московского университета, где читает курсы лекций по истории европейских государств XIX века и Соединенных Штатов. Лекции слушательницам Московских высших женских курсов он читает еще в первые годы их существования, в 1872–1876 годах, когда они известны как курсы профессора В. И. Герье. В 1913–1914 учебном году читает слушателям первого и второго курсов историко-философского цикла академического отделения лекции по истории Франции с XVIII века, а в 1914–1915 учебном году — всем слушателям (с первого по третий курс) лекции по истории Германии и Англии XIX века.

О манере чтения Фортунатовым лекций и о его внешности оставил интересные воспоминания П. Ф. Милюков:

Моем старшим товарищем по преподаванию в женской гимназии был милейший и оригинальнейший Степан Федорович Фортунатов, брат лингвиста. Долго спустя нельзя было упомянуть его имени, чтобы лицо собеседницы (или собеседника) не расплылось в самую счастливую улыбку — с примесью некоторого элемента шутки. Дело в том, что Степан Федорович, старый холостяк, совершенно пренебрегал своей внешностью. Старый, заносенный костюм был невероятно грязен, от бороды пахло на далекое расстояние, и ученицы ходили в грязные дни в переднюю на «поклонение калошам святого Степы», когда около этого допотопного предмета разливались целые озера грязной воды. Но в преподавании Степан Федорович был неподражаем. Жестикулируя, потирая руки и разливаясь смехом, он увлекательно излагал свои любимые отделы истории — преимущественно истории революций, а также историю Соединенных Штатов Америки; он славился тем, что мог перечислить подряд всех президентов, с годами их управления⁴⁸.

Слушательницы женских курсов сделали записи лекций профессора. Знакомство с этими материалами дает представление о том, какие лекции по мог слушать Есенин в народном университете. Фортунатов подробно характеризует в лекциях исторические судьбы

Германии и Англии XIX столетия. Профессор отмечает: «Германия отстала и от Англии, и от Франции и в политическом, и в социальном, и в экономическом отношении. Между тем как Англия сложилась в единое государство еще в IX веке, Франция в XV столетии, Германия еще к концу XVIII века не была единым государством, а представляла из себя крайне причудливое соединение 360 государств. Характерную черту Германии составляла политическая раздробленность»⁴⁹. Австрия, самое сильное из немецких государств, не была чисто немецкой по составу населения, она включала как славянские народы, так и этнических венгров, а затем, получив Милан и Неаполь, стала еще более многонациональной. Отсталость Германии проявлялась и в сохранении в XVIII веке крепостного права. В Пруссии оно существовало в двух формах: *Leibeigenschaft*, что соответствовало российскому крепостничеству, и *Erdunterthänigkeit* — крестьяне находились в наследственной зависимости от помещиков, но не были их холопами. Лишь в 1807 году был издан манифест, освобождавший всех крестьян Пруссии. А окончательное решение крестьянского вопроса затянулось до середины XIX столетия.

Историю Пруссии профессор сопоставляет с историей Московского государства, где «также вследствие раздробленного положения чувствовалась необходимость в очень сильной центральной власти и в большом войске»⁵⁰. Близость России и Пруссии лектор видит и во всеисилии чиновничества. Сравнивая Пруссию времени Фридриха Вильгельма III с николаевской Россией, он отмечает: «Как то, так и другое государство являются государствами бюрократическими, но с тою, однако, разницею, что среди немецких бюрократов взяточничество встречается очень редко, а также немецкие чиновники были людьми хорошо образованными, часто прошедшими университетский курс (прямая противоположность России)»⁵¹. При этом «известные политические идеи проводились в Пруссии в той же форме, как и у нас в царствование Николая I, — в литературных произведениях»⁵².

Фортунатов касается в лекциях и вопросов о своеобразии немецкой философии, отмечая: «Философия Гегеля производила поразительно сильное впечатление, равняться с которым может только влияние философии Карла Маркса. Достоинство того и другого заключается в том, что они будили мысль, давали объяснения многим явлениям; главный недостаток обеих философий заключается в стремлении объяснить все влиянием одного фактора, вследствие чего является односторонность в учении как того, так и другого»⁵³.

Практические занятия по истории Германии XIX века, посвященные «анализу эволюции политической мысли в Германии XIX в. в

связи с социальным движением и политическими преобразованиями»⁵⁴, ведет А. М. Васютинский. Практические занятия по истории Английской революции 1640–1649 годов проходят под руководством В. П. Волгина.

Нельзя не отметить, что — как это происходило и на более низких ступенях обучения (о чем уже говорилось) — народный университет заканчивало во много раз меньшее число слушателей, чем в него поступало. Если в 1911–1912 учебном году на первый семестр первого курса было зачислено 322 человека, то на второй семестр — только 203. На первый семестр второго курса в том же году поступило 70 человек, на второй семестр — 49. На третьем году обучения число слушателей составило 27 и 22 человека соответственно.

В настоящее время нет информации о том, все ли лекции историко-философского цикла академического отделения посещал Есенин в 1913–1914 и 1914–1915 учебных годах (до своего отъезда в марте 1915 года в Петроград). Однако есть основания предполагать, что начинающий поэт записался на полный курс лекций. Отметим, что Есенин в то время относился не к категории лиц, постоянно живущих в Москве, а к числу приезжих. При этом аналитические данные по составу слушателей университета свидетельствуют о том, что почти все жители провинции, подавшие прошение в народный университет, поступают на полные циклы обучения: «В 1911–12 г. приезжие распределялись: на полных циклах — 92%, на отдельных предметах — 8%; в 1912–13 г. соответствующие цифры 95% и 5%»⁵⁵. И все же москвичи — слушатели полных циклов — численно несколько преобладают над слушателями, приехавшими из провинции (62% против 38% в 1912–1913 учебном году).

Однако нельзя оставить без внимания мнение мемуаристов. Так, Н. А. Сардановский в воспоминаниях, написанных во второй половине 1950-х годов, отметит: «Мне Сергей говорил, что он посещал там <в университете Шанявского> исключительно лекции по литературе. Этот предмет читали наиболее видные профессора того времени: Айхенвальд, автор книги “Силуэты русских писателей”, и Сакулин»⁵⁶.

В более раннем варианте воспоминаний мемуарист пишет:

Его собственные убеждения до 1913 года заключали в себе значительную дозу толстовства с его преклонением перед образом русского крестьянина. Потом в Москве мне ЕСЕНИН как-то в разговоре заявил, что его знакомство с рабочим классом заставило пересмотреть его прежнее мнение и он горячо стал мне доказывать, что наивысшую общественную ценность в государстве представляют рабочие.

К науке в то время ЕСЕНИН относился с достаточным уважением и, мне кажется, он был удручен тем, что занятия в Университете

Шанявского он посещал нерегулярно, тем более, что я, при случае, старался дать ему понять, что на занятия его там я смотрю свысока вследствие их несерьезности.

В нашей студенческой среде Сергей всегда представляется мне внимательно выслушивающим наши разговоры об учебе и вполне разделяющим наше мнение о важности всей жизни, к науке относящейся⁵⁷.

В контексте нашей темы интересен спор, возникший между Есениным и Сардановским. Мемуарист пишет:

Когда в 1914 году в Москву был разрешен въезд Максиму Горькому и сытинские рабочие отнесли Горького из Типографии на руках до его автомобиля, ЕСЕНИН, обсуждая этот инцидент, зашел в своих выводах так далеко, что по его мнению, писатели и поэты выставались как самые известные люди в стране. В противовес этому мною были выставлены соответствующие возражения, и мы решили разрешить свой спор у третьего лица.

Оба мы взяли крайние случаи: он, конечно, Пушкина, а я... Николая II (я настаивал на том, что подчас в стране большей известностью пользуются довольно ничтожные люди). Квартирная хозяйка ЕСЕНИНА — Матрена Ивановна, избранная нами для разрешения нашего спора, по существу наших вопросов ответствовала, что она не может сказать, кто такой был Пушкин, и я имел повод к тому, чтобы над Сергеем позлорадствовать⁵⁸.

Приведенный фрагмент воспоминаний свидетельствует о том, что Есенин несмотря на свой интерес к отечественной истории ставил писателей значительно выше, чем политических деятелей. Однако нельзя и приуменьшать значимость для него событий отечественной и мировой истории, биографий и деятельности крупных исторических лиц. Несомненно, что знания по истории, полученные Есениным в годы учебы, нашли непосредственное и многообразное отражение в его творчестве.

¹ В этой главе мы не рассматриваем программы русской словесности, в которых также значительное внимание уделялось историческим личностям.

² Пругавин А. С. Законы и справочные сведения. С. 118.

³ См.: Там же. С. 302–304.

⁴ Здесь мы не учитываем книги «духовного содержания», среди которых было немало изданий исторической тематики.

⁵ Краткая церковная история по программе городских училищ законоучителя священника Иоанна Добронравова. Изд. второе, испр. согласно указаниям Учен. комиссии Министерства народного просвещения и доп. применительно к программе второклассных церковно-приходских школ. Саранск, 1910. Первая пагинация. С. V.

⁶ См. библиографию по этой теме в: Серегина С. А. Андрей Белый и Сергей Есенин: творческий диалог. Дис. ... канд. филол. наук. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 127–145.

⁷ Краткая церковная история по программе городских училищ законоучителя священника Иоанна Добронравова. С. 32.

⁸ Там же. С. 59.

⁹ Там же. Вторая пагинация. С. 13.

¹⁰ Отечественная история в рассказах для низших училищ и вообще для детей старшего возраста. С портретами замечательных лиц и с приложением хронологической таблицы / Сост. С. Рождественский. Изд. 19-е. СПб., 1904. С. 76.

¹¹ Там же. С. 43–44.

¹² Полевой П. Иллюстрированные рассказы по отечественной истории с портретами и картинами в тексте для начальных школ. Изд. 8-е. СПб., 1903. С. 41–42. О Евпатии Коловрате см. также: Родная старина. Отечественная история в рассказах и картинках (с IX по XIV ст.) / Сост. В. Д. Сиповский. 7-е изд. СПб., 1904. С. 192–193.

¹³ Книга под несколько менявшимся на протяжении десятилетий названием издавалась с 1850-х годов. В 1917 году в московской типолитографии товарищества И. Н. Кушнера она вышла 56-м изданием.

¹⁴ Программы для второклассных школ. Издание Училищного совета при Святейшем Синоде. СПб., 1907. С. 60–61.

¹⁵ Титов Ф. И., протоиерей. Отечественная история церковная и гражданская. Сост. по программе для второклассных школ, утвержденной определением Святейшего Синода 20–27 мая 1903 года. 2-е изд. Училищного совета при Святейшем Синоде. СПб., 1914. С. 137.

¹⁶ Там же. С. 216.

¹⁷ Там же. С. 99.

¹⁸ Там же. С. 99–100.

¹⁹ Речь идет о политическом кризисе, вызванном смертью в 14-летнем возрасте императора Петра II, с которой прервалась мужская ветвь династии Романовых. См. об этом: Седов С. А. Попытка государственного переворота 1730 года в России // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 47–62.

²⁰ Московский городской народный университет имени А. Л. Шанявского. Дополнение. С. 100–101.

²¹ ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 г. Ф. 635. Оп. 3. Ед. хр. 57. Л. 1.

²² Там же. Л. 3–3 об.

²³ Первый том напечатан в 1890 году, второй – в 1891-м, однако сразу же изъят из продажи и уничтожен цензурой. Позже двухтомник будет издан на русском языке в Лондоне (1895) и Берлине (1900).

²⁴ См. об этом: Московский городской народный университет имени А. Л. Шанявского. Дополнение. С. 39.

²⁵ ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 г. Ф. 635. Оп. 3. Ед. хр. 58. Л. 25. Выделено в документе.

²⁶ Там же.

²⁷ Московский городской народный университет имени А. Л. Шанявского. Исторический очерк. Слушатели университета. Общество взаимопомощи слушателей. Учебные планы и программы лекций. М.: Издание Об-ва Взаимопомощи слушателей М. Г. Н. университета имени А. Л. Шанявского, 1914. С. 170.

²⁸ Там же. С. 171.

²⁹ За неимением места приведем только названия глав этой книги, по которым можно получить представление о ее тематике: «О духовности», «О воинских делах», «О правосудии», «О купечестве», «О художестве», «О разбойниках», «О крестьянстве», «О земельных делах», «О царском интересе».

³⁰ См.: Летопись жизни и творчества С. А. Есенина. Т. 1. С. 590.

³¹ Там же. С. 592.

³² Московский городской народный университет имени А. Л. Шанявского. Научные и экономические организации университета. Учебные планы, обзоры лекций и практических занятий на 1914–15 академический год. Дополнение. М.: Издание Об-ва Взаимопомощи слушателей М. Г. Н. университета имени А. Л. Шанявского, 1914. С. 38.

³³ Центральный государственный архив Москвы (далее ЦГАМ). Центр хранения документов до 1917 г. (далее — ЦХД до 1917 г.). Ф. 635. Оп. 3. Ед. хр. 57. Л. 1.

³⁴ Московский городской народный университет имени А. Л. Шанявского. Дополнение. С. 92. Выделено в книге.

³⁵ *Егоров Д. Н.* Средние века. Курс, читанный на М. В. Ж. К. в 1916–1917 уч. г. Издан по запискам слушательниц без просмотра автором. [М.]: Издание Издательского об-ва при историко-философском факультете М. В. Ж. К., 1917. Ч. II. С. 98.

³⁶ Там же. [Ч. I] С. 86.

³⁷ Там же. С. 93–94.

³⁸ Там же. Ч. II. С. 15. Выделено в книге.

³⁹ Там же. [Ч. I] С. 84.

⁴⁰ Там же. Ч. II. С. 20. Выделено в книге.

⁴¹ Там же. С. 21.

⁴² *Егоров Д. Н.* Средние века. Историография и источниковедение. Вып. I. С. 188.

⁴³ Там же. С. 189.

⁴⁴ Там же. С. 192.

⁴⁵ Там же. С. 193.

⁴⁶ Там же. С. 194.

⁴⁷ Там же. Вып. II. С. 28.

⁴⁸ *Миллюков П. Н.* Воспоминания (1859–1917) / Под ред. М. М. Карповича и Б. И. Элькина: В 2 т. Нью-Йорк, 1955. Т. I. С. 123–124.

⁴⁹ *Фортунов С. Ф., проф.* История Германии 19 века: Записки слушательниц по лекциям, читанным на высших женских курсах в 1911/12 уч. году. [М.], 1912. С. 3.

⁵⁰ Там же. С. 11.

⁵¹ Там же. С. 65.

⁵² Там же. С. 66.

⁵³ Там же. С. 62.

⁵⁴ Московский городской народный университет имени А. Л. Шанявского. Дополнение. С. 92, 98.

⁵⁵ Московский городской народный университет имени А. Л. Шанявского. Исторический очерк. С. 73–74.

⁵⁶ *Сардановский Н. А.* На заре туманной юности // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. I. С. 133.

⁵⁷ ОР ИМЛИ. Ф. 32. Оп. 3. Ед. хр. 36. Л. 3.

⁵⁸ Там же. Л. 4–5. Ср. с описанием этого эпизода в более позднем варианте воспоминаний: «Он считал, что поэт — это самая почетная личность в обществе. Горячо доказывал мне, что А. С. Пушкин бесспорно самый выдающийся человек в истории России и потому он пользуется самой большой известностью. Мне приходилось несколько охлаждать пыл своего приятеля, и я высказывал соображения, что подчас и довольно ничтожные личности имеют большую известность, вот, к примеру, царь Николай. Обратились с вопросом к его квартирной хозяйке Матрене Ивановне, и, к нашему полному недоумению, оказалось, что про Пушкина она ничего не знает (*Сардановский Н. А.* На заре туманной юности // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. I. С. 132–133).

КНИГА «РАДУНИЦА» В ЭВОЛЮЦИИ ЕСЕНИНА

«Все в один голос говорили, что я талант...»

Важным источником биографических исследований о Есенине является прижизненная критика. Она широко цитировалась как в комментариях к академическому собранию сочинений поэта, так и в различных исследованиях, посвященных его жизни и творчеству. Так, С.А. Бубновым в 1997 году защищена кандидатская диссертация на тему «Поэзия С. А. Есенина в восприятии литературной критики, 1915–1925 годов», а позже выпущена монография, посвященная этому же вопросу. Однако эта тема еще требует дополнительного углубленного рассмотрения, поскольку в рамках кандидатской работы невозможно достаточно подробно охарактеризовать все отклики критиков на есенинское творчество — они появлялись в журналах, газетах, авторских книгах, выходивших как на русском, так и на иностранных языках.

Актуальность изучения прижизненной критики во многом обусловлена тем, что Есенин уделял большое внимание откликам на свою поэзию, учитывал мнения современников как при работе над составом книг, так и при изменении текста отдельных произведений. В фондах Государственного литературного музея сохранилась тетрадь, в которую вклеены собранные поэтом статьи, содержащие высказывания о его творчестве. «Необходимо отметить, — вспоминает И. Н. Розанов, — что Есенин вовсе не был равнодушен к своей славе и беззаботен насчет того, что о нем говорят. Из заграничной поездки он вывез целые ворохи газетных вырезок о себе, появлявшихся в иностранной прессе, даже из японских газет»¹. Это же отмечают и другие современники поэта. «К критике собственных стихов он прислушивался чутко, хотя внешне старался это не обнаружить»², — пишет, например, Л. И. Повицкий.

Первые известные на сегодняшний день публикации стихотворений Есенина относятся к первой половине 1914 года, а уже год спустя имя поэта появляется на страницах критических обзоров. Так, во втором номере ежемесячного критико-библиографического журнала «Новости детской литературы» за 1915 год в обзоре детских изда-

ний, в том числе московского журнала «Проталинка», среди откликов на Первую мировую войну упомянуто и стихотворение Есенина «Молитва матери»³.

Через месяц с небольшим после первого приезда Есенина в Петроград в журнале «Голос жизни» под псевдонимом Роман Аренский публикуется статья З. Н. Гиппиус, предварявшая публикацию четырех стихотворений поэта. Рецензент характеризует особенности есенинской поэтики. «В стихах Есенина, — отмечает критик, — пленяет какая-то “сказанность” слов, слитость звука и значения, которое дает ощущение простоты. Если мы больше и чаще *смотрим* на слова (в книгах), чем *слышим* их звуки, — мастерство стиха приходит после долгой работы; трудно освободиться от “лишних” слов. Тут же мастерство как будто данное: никаких лишних слов нет, а просто есть те, которые есть, точные, друг друга определяющие. Важен, конечно, талант; замечательно, что при таком отсутствии прямой, непосредственной связи с литературой, при такой разностильности Есенин — настоящий, *современный* поэт»⁴.

В статье Гиппиус впервые говорится о тематической и мировоззренческой близости Есенина и Клюева. Это сопоставление творчества двух поэтов «из народа» будет по-разному звучать не только в рецензиях на первую есенинскую книгу «Радуница», но и позже — в многочисленных статьях и научных монографиях.

Пробыв в Петрограде около полутора месяцев, Есенин уезжает в начале мая 1915 года в родное Константиново. Однако краткий период пребывания поэта в столице становится для него необычайно насыщенным — результатом явились публикации его произведений в «Новом журнале для всех», «Ежемесячном журнале», «Русской мысли», «Биржевых ведомостях», «Северных записках» и других изданиях. Об активном вхождении Есенина в литературную жизнь говорит и упоминание его имени в критических статьях. Определенный интерес в этом отношении представляет работа З. Б. (З. Д. Бухаровой) «Новые пути русского искусства»⁵. Автор статьи противопоставляет «чужим и чуждым» русской культуре течениям, утвердившимся в России в начале XX века, «обновляющую, свежую струю здоровых, новых и в самой этой новизне все же старых, родных веяний», одним из выразителей которых, по мнению Бухаровой, является Есенин.

Кратко сказав о приеме Есенина в Петрограде, Бухарова переходит к выражению своего восхищения стихами поэта, почти полностью цитируя стихотворение «Пахнет рыхлыми драченами...», опубликованное 22 апреля 1915 года в «Голосе жизни» и включенное затем в «Радуницу». «Стихи его очаровывают, — отмечает критик, —

прежде всего своею непосредственностью; они идут прямо от земли, дышат полем, хлебом и даже более прозаическими предметами крестьянского обихода».

Диалектизмы, характерные для раннего творчества Есенина, противопоставляются Бухаровой словотворчеству модернистов: «В каждой губернии целое изобилие своих местных выражений, несравненно более точных, красочных и метких, чем пошлые, вычурные словообразования Игоря Северянина, Маяковского и их присных».

Бухарова вводит Есенина в круг поэтов, наиболее ярким представителем которого считает Клюева. И, естественно, Клюев воспринимается как учитель, за которым должен следовать молодой поэт.

В статье Бухаровой из поэтов, стоящих «на верном, самом значительном в наше время, творческом пути», отмечены только два автора: Клюев, которому предстоит «стремиться все дальше и выше, совершенствуясь и радостно обогащая новыми лучами и гранями душу русского искусства», и Есенин — «начинающий талантливый народный поэт»⁶.

Отдельная статья, посвященная Есенину, появляется в екатеринодарской «Кубанской мысли»⁷. В этом же номере газеты публикуется и стихотворение Есенина «Плясунья» («Ты играй, гармонь, под треньзель...»). Автор материала «О поэтах из народа (Сергей Есенин)» П. А. Кузько, приводя фрагмент обзора С. М. Городецкого «Письмо из Петрограда. Об искусствах и литературе»⁸, сравнивает вхождение Есенина в литературу с таким же быстрым успехом Клюева. С одной лишь разницей: если Клюев пришел несколько лет назад из Олонецкой губернии, то Есенин — из Рязанской, но опять же именно «пришел».

Уже первые немногочисленные публикации молодого поэта, считает Кузько, «дают возможность говорить о значительности и силе поэтического таланта этого юноши поэта-крестьянина, с золотистыми кудрями и светлой, искренней улыбкой».

Далее автор бегло останавливается на основной тематике есенинских стихотворений. При этом идет противопоставление его творчества клюевскому: «И если в поэзии Клюева в первый период ее развития горел огонь религиозного сознания, то в поэзии Есенина уже чувствуется загорающееся пламя любви к родине».

Цитируемые Кузько два последних четверостишия стихотворения «Не с бурным ветром тучи тают...» противоречат его собственным словам о различии озаренной религиозным сознанием поэзии Клюева и стихотворений Есенина, проникнутых любовью к родине: «Взыскав любовь и правду любви Христовой, поэт говорит:

И в каждом страннике убогом
Я визнавать пойду с тоской —
Не помазуемый ли Богом
Стучит берестяной клюкой.

И может быть пройду я мимо
И не замечу в тайный час,
Что в елках — крылья Серафима,
А под пеньком — голодный Спас.

Подлинной медовой, “спасовой” Русью, веселым, хороводным
плясом веет от таких строчек поэта:

Пахнет яблоком и медом
По церквам твой тихий спас,
И гудит за хороводом <так!>
На лугах веселый пляс...»¹⁰

Очевидно, что в рассматриваемом периоде творчества Есенина и Клюева насыщенность религиозной символикой и значимость темы родины взаимосвязаны, как и позже революция будет восприниматься ими как осуществление русской религиозной устремленности к преобразению мира духовной революцией, идущей из недр России.

Несколько по-иному, чем Бухарова, относится Кузько к диалектизмам Есенина, отмечая при этом и творческое использование им поэзии современников: «Но пусть у Есенина и есть этот излишек “местных” слов — это со временем уйдет, а сейчас это хорошо, ново, своеобразно и красиво. Несомненно, в поэзии Есенина чувствуется влияние Блока, Городецкого, и др. современных поэтов — но это говорит только о том, что поэт идет правильным путем — путем преемственности»¹¹.

Имя Есенина попадает и в обзоры литературной жизни за 1915 год, что свидетельствует о том, что оно замечено критиками. Так, обзор И. А. Оксенова «Литературный год» заканчивается упоминанием о поэте: «Истекший год был годом живого внимания к т. н. “народной” поэзии. <...> Из Рязанской губернии прибыл в столицу светловолосый певец Сергей Есенин — и это была нечаянная радость. Нет, слово живет, что бы ни говорили там и тут»¹².

В статье В. Л. Львова-Рогачевского «Великое ожидание: (Обзор современной русской литературы)» упоминаются «такие яркие поэты, как крестьяне Сергей Клычков, Н. Клюев, Сергей Есенин, сборники стихов которых печатаются»¹³.

Все названные выше статьи были написаны до выхода в свет первого поэтического сборника Есенина «Радуница» или еще не успели включить в себя его обзор. Порой авторов больше занимает само появление в Петрограде молодого «поэта из народа», чем непосредст-

венно его творчество. В этих работах далеко не всегда содержится анализ особенностей есенинской поэтики.

Сообщение о выходе есенинской «Радуницы» появляется в № 7 «Книжной летописи» за 1916 год среди поступлений с 11 по 19 февраля. 28 января экземпляр книги передается в Петроградский комитет по делам печати¹⁴. На следующий день поэт делает дарственную надпись на книге — учителю русского языка спас-клепиковской школы Е. М. Хитрову, а спустя два дня — своим рецензентам: «Дорогой Зое Дмитриевне Бухаровой с любовью и искренним расположением Сергей Есенин 31 января 1916. Петроград» [VII (1), 31]; «Доброй, но проборчивой Зинаиде Николаевне Гиппиус с низким поклоном Сергей Есенин 31 января 1916. Петроград» [VII (1), 32].

Уже в февральских номерах петроградских журналов появляются отклики на книгу Есенина.

Свою оценку «Радуницы» дает на страницах журнала «Современный мир», издававшегося с начала 1890-х годов, Натан Венгров. Книга привлекает рецензента прежде всего искренностью автора, его любовью к тому, что он видит и стремится передать другим, глубоким знанием той жизни, о которой он говорит читателям.

«Несомненно, что Есенин знает то, что пишет, — сам оттуда, от земли. И потому большой любовью к земле и к травам, и к “посвиству ветряному” и к “ухлюпам трясин” пропитаны его строки»¹⁵.

В заключении автор приводит «лубочные» словосочетания, характерные, по его мнению, не только для Есенина, но и для других поэтов его направления. И в финале — пожелание: «“Белая свитка и алый кушак”, “кольца кудрей”, “красна девица, гадающая в семик” и все прочее в таком роде — так же ново и так же “свое”, как “слезы — грезы” и “кровь — любовь”... Хорошо бы с этой дешевой и уже вульгарной стилистикой покончить и найти новое для выражения несомненно тоже нового в деревне»¹⁶.

Насыщенная есенинскими цитатами статья Венгрова дает в целом положительную и достаточно объективную оценку «Радуницы».

Совершенно иной подход к книге Есенина демонстрирует ежемесячник нового типа «Журнал журналов»¹⁷. Статья Н. О. Лернера «Господа Плевицкие» носит ярко выраженный полемический характер. И Есенин, и Клюев (чей новый поэтический сборник «Мирские думы» также подвергнут разбору) объявляются народниками, причем «народниками современного жанра, который по справедливости можно назвать “жанром Плевицкой”». Связывая особенности языка Есенина и Клюева не с той средой, из которой вышли поэты, а с их стремлением к сознательной, но неудачной стилизации, Лернер пи-

шет о них, как о «нынешних патриотах-стилизаторах», плывущих «в мутной струе отравляющего наши грозные дни шовинизма».

Чужды автору рецензии и есенинские образы, по его мнению, «не всегда ясные и убедительные». Поэзия Есенина и Клюева трактуется Лернером как современный образчик «стиля русс». Сами же авторы представлены как «балетные мужички», которые «зорко следят за своим театральным нарядом»¹⁸.

В № 5 литературных и популярно-научных приложений к «Ниве» за 1916 год с рецензией на есенинскую книгу выступает Бухарова¹⁹, уже писавшая о поэте в «Петроградских ведомостях» летом 1915 года. В новой статье критик несколько изменяет свое отношение к Есенину, подчеркивая теперь своеобразие его поэтики, ее непохожесть на клюевскую. «Имя Сергея Есенина ставят у нас рядом с именем Николая Клюева, — пишет она. — Между тем общее между этими двумя поэтами, кроме их постоянно совместного публичного выступления, только одно: народность. Правда, оба они — дети деревни, пишут о деревне. Но и подход их к своим темам, и манера, и форма трактовки совершенно разные».

Далее Бухарова выявляет технические недочеты в книге Есенина: «Так, он злоупотребляет вещественными сравнениями: “кружево” леса, “плат” небес. Это безвкусно, некрасиво, этого надо избегать. Также и ритм его песен немного однообразен. Но недостатки эти несерьезны и, конечно, со временем будут преодолены талантливым автором “Радуницы”».

В первой поэтической книге Есенина Бухарова выделяет несколько произведений. С умилением пишет она о «Миколке»: «Так, “Микола”, открывающий сборник, весь пронизан красотой кристально чистой, детски трогательной религиозной и бытовой гармонии. Как умирительно наивен, например, разговор Миколы с Богом, представление о рае и вообще все это богатое и краской и музыкой стихотворение»²⁰.

Охарактеризованы и другие произведения. Причем, если в первых опубликованных стихотворениях Есенин представал, по мнению Бухаровой, как мастер, изображающий деревенский быт, то в первой книге у него появляется и философская лирика:

Сергей Есенин музыкален и красочен, он лирик и художник родного быта. В последнем отношении интересны пьесы: «Калики», «Поминки», «Дед», «В хате» и др. Мыслитель в нем только еще намечается, но намечается своеобразно, чутко, истинно, народно.

Особенно характерны для молодого поэта его «Маковые побаски» (второй отдел), где так ярко зарисована жизнь деревни в ее праздниках, труде, обрядности, где ласковые, свежие строки при всей их внешней

легкости, обвеяны дымкой кроткой, не вполне еще осознанной чисто славянской грусти²¹.

Бухарова высоко оценивает книгу Есенина. В ее рецензии эмоциональная характеристика преобладает над реальным анализом, в связи с этим почти полностью отсутствуют цитаты из произведений Есенина, хотя критиком отмечены наиболее показательные, по ее мнению, стихотворения молодого поэта. Своим отзывом критик включает Есенина в литературный процесс того времени.

Значительный интерес представляет большая статья П. Н. Сакулина «Народный златоцвет», опубликованная в журнале «Вестник Европы», которая уже была охарактеризована выше. Сакулин первым рассмотрел основные темы, которые были намечены в «Радунице» и по-новому воплотились в последующих произведениях автора. Заслуга профессора и в том, что он ввел творчество Есенина, выпустившего только первую книгу стихотворений, и более известного тогда Клюева в контекст общей истории русской литературы, наметив для этих поэтов особое место в литературном развитии. «Как рассказывал автору этих строк Сергей Митрофанович Городецкий, — вспоминает С. П. Кошечкин, — Есенин особенно гордился этим отзывом о его стихах, прозвучавшим со страниц солидного, основанного еще в 1866 году журнала»²².

Есенин упомянут в 1916 году и на страницах майского номера «Ежемесячного журнала» В. С. Миролюбова — в статье С. Д. Фомина «Народное творчество» (главка «Писательство в народе»)²³, где фамилия Есенина (в тексте ошибочно: Е. Есенин) вновь соседствует с фамилией Клюева. В этом же издании публикуется есенинское стихотворение «Белая свитка и алый кушак...» Отметим, что в это же время Фомин негативно отзывается о есенинской повести «Яр», публиковавшейся в «Северных записках». «Печатание этой вещи я ничем другим не объясняю, как одним желанием вызвать ожесточенную критику, — делится мыслями Фомин в письме к Л. М. Клейнборту. — Я нахожу, что произведение это в целом антихудожественное. Есть, конечно, удачные художественные маски и зарисовки, но в общем автор (которого можно определить его же словами) “скопырнулся и утоп” в одних словах — провинциализмах и идиенизмах. Его стихи хотя и корявые, но куда цельней и лучше прозы» [V, 351].

Положительный отклик на есенинскую книгу публикуется в июньском номере «Северных записок»²⁴. По мнению автора рецензии С. Я. Парнок, печатавшейся под псевдонимом Андрей Полянин, «Радуница» ознаменовала «появление нового поэта, к которому и собратьям по перу и критикам следовало бы отнестись с должным

вниманием»²⁵. Отмечая наиболее полюбившиеся стихотворения Есенина, критик высказывает свои замечания и, подобно другим рецензентам, критически оценивает использование Есениным как поэтических штампов, так и диалектизмов, непонятных большинству читателей.

Краткую рецензию на «Радуницу» публикует газета «Приазовский край»²⁶. Б. В. Олидорт говорит в своем отзыве главным образом о неумении автора книги отобрать из близкого ему жизненного материала то, что может войти в поэтические тексты.

В августе в иллюстрированном приложении к газете «Новое время» публикуется статья Н. Н. Вентцеля «Поэт “из народа”»²⁷, включающая характеристику книги Есенина. Рассматривая ее, Вентцель останавливается на религиозных мотивах в творчестве поэта, подчеркивая, что природа у него уподоблена «храму, где все свято», в единении с природой «живут и воспеваемые поэтом калики». «Как и у Клюева, — отмечает автор, — у С. Есенина явственно звучат религиозные настроения, по временам сливаясь с простодушными народными верованиями, по временам приобретая оттенок чего-то сродного пантеизму»²⁸. Положительно оценивая «Радуницу», Вентцель, как и большинство рецензентов, рассматривает книгу в широком литературном контексте.

Отмечает выход «Радуницы» и литературно-общественный журнал «Друг народа»²⁹, издававшийся Суриковским литературно-музыкальным кружком. Как вспоминает Г. Д. Деев-Хомяковский, Есенин «в годы 1913–1914-е <...> был чрезвычайно близок кружковой общественной работе, занимая должность секретаря кружка. Он часто выступал вместе с нами среди рабочих аудиторий на вечерах и выполнял задания, которые были связаны со значительным риском»³⁰. В начале февраля 1915 года Есенин будет избран в редакционную комиссию кружка, однако вскоре покинет ее, не согласившись с критериями отбора материалов для журнала «Друг народа».

Деев-Хомяковский рецензирует четыре книги стихов: «Радуницу» Есенина, «Мирские думы» Клюева, «Цепь стучит» М. Праскунина, «Говор зорь» С. Кошкарлова. Подчеркивая своеобразие первых двух сборников, рецензент видит в их авторах лишь собирателей и интерпретаторов народных песен: «Нужно заметить, что стихи С. Есенина и Н. Клюева весьма оригинальны, как собирательный материал, обработанный в красивые стихотворные формы из народных песен той или иной местности». При этом рецензент отмечает, что здесь можно говорить не о собственно обработке, а об использовании мотива народной песни: «У С. Есенина — стихотворение “Заиграй, сыграй,

тальяночка...” обработано или, проще, написано на мотив старинной народной песни про “Тальяночку — резвы голоски”»³¹.

Далее автор пишет: «Разбирая стихотворения названных авторов, профессор Сакулин назвал их собирательным именем “Народный златоцвет” — судя по собирательности, они оправдывают это название; только непонятно, почему именно г. Есенин назвал сборник “Радуница”, что понимается в смысле поминок на Фоминой неделе и почему “Мирские думы”, — когда скорее стихи похожи на поминки о уходящих народных песнях»³². Последнее говорит о том, что автор рецензии, довольно близко знавший Есенина, не был посвящен в замысел поэта издать книги, связанные с разными временами года, на что будут указывать и их названия: «Радуница», «Овсень» и т. п. Тем не менее Деев-Хомяковский — единственный из рецензентов, обративший внимание на название книги, но, к сожалению, не давший ему никакой интерпретации.

В этой рецензии отмечена и одна из важнейших отличительных черт, отличающая есенинское творчество (не говоря, конечно, о степени одаренности, чувстве языка и музыкальности) от стихотворений многочисленных «поэтов из народа»: для творчества Есенина не характерно чувство «гражданской скорби» и печали по «загубленной жизни» (за исключением единичных ранних стихотворных опытов) — у него появляются иные темы и мотивы.

Осенью 1916 года публикуется обзор рецензий на «Радуницу»³³.

Откликается на появление «Радуницы» и журнал «Новая всемирная иллюстрация». Н. П. Вишняков, печатавшийся под псевдонимом Энвиш, говоря о «несомненном таланте» Есенина, в то же время отмечает, что поэт «уступает далеко по силе, выразительности и цельности мировоззрения» Клюеву³⁴. Это мнение Вишнякова подтверждает и написанный им краткий обзор литературы за 1916 год, в котором Есенин не упомянут³⁵.

Осенью 1917 года в петроградской газете «Русская воля» печатается статья Г. В. Иванова «Черноземные голоса» — рецензия на «Мирские думы» Клюева, «Радуницу» Есенина, «Песни» и «Потаенный сад» Клычкова³⁶. Называя поэзию Клюева «настоящим самородным ключом, неожиданно пробившимся сквозь толщу нашей литературы», Иванов противопоставляет Клюева двум другим поэтам, творчество которых анализируется: «Сквозь красоту и гладкость стихов С. Есенина и С. Клычкова просвечивают крупинки той черноземной силы, которая дает стихам Клюева мощь и простоту». Поэты могли бы годиться как слагатели частушек, отмечает Иванов, но и эта возможность утеряна ими — сказалось влияние модернизма.

Помимо рецензий, оценки есенинской книги содержались и в личной переписке. Например, Клюев пишет А. Ширяевцу в начале 1917 года: «Читал ли ты Радуницу Есенина? Это чистейшая из книг, и сам Сереженька воистину поэт — брат гениям и бессмертным. Я уже давно сложил к его ногам все свои дары и душу с телом своим»³⁷.

Оценки «Радуницы» будут звучать и позже, уже в статьях и монографиях, однако и уже упомянутые, наиболее ранние отклики красноречиво свидетельствуют о том, что первая книга Есенина вызвала неподдельно живой интерес в литературных кругах столицы и провинции. При всем различии оценок большинство критиков признает: молодому глубинному таланту Есенина, который ярко и самобытно проявился уже в его первой книге, предстоит творческий рост. В первых откликах отмечены основные темы поэзии Есенина, раскрыты некоторые характерные черты его поэтики.

Как видим, в 1915–1916 годах Есенин активно входит в литературную жизнь России.

«...появилась моя первая книга “Радуница”»

Выход первой книги — значимое событие в творческой биографии любого начинающего автора, и Есенин не исключение. Свою первую книгу он подготовил еще в годы учебы в Спас-Клепиках. Потом задумывал и другие сборники. Однако эти проекты не были реализованы. Первой изданной книгой явилась «Радуница», ее подготовка продолжалась в течение нескольких месяцев. И результаты этой работы заметны при анализе композиции «Радуницы». Можно с уверенностью говорить о том, что это авторское издание удовлетворяет требованиям, предъявляемым к поэтической книге. Многие темы, только возникшие в первом издании книги, получают дальнейшее развитие в более позднем есенинском творчестве.

Раскрытие символики названия отдельных стихотворений и прижизненных изданий Есенина («Радуница», «Голубень», «Трерядница» и др.) помогает глубже понять авторский замысел. Наибольший интерес, на наш взгляд, представляет лексическая группа, обозначающая весенне-летние обрядовые праздники (Радуница, Троица, Семик, Купальница). Эти слова не только входят в есенинские тексты и активно в них функционируют, но и становятся названиями стихотворений («Троица»), разделов и книг («Радуница»).

Еще живя в Москве и вынашивая замысел первой авторской книги, Есенин намеревался назвать ее «Радуница». Издать же сборник

удалось лишь спустя несколько лет, уже не в Москве, а в Петрограде, в издательстве М. В. Аверьянова в начале 1916 года. Однако название осталось. Сохранил его автор и потом, существенно переработав книгу для второго и третьего изданий, вышедших соответственно в 1918 и 1921 годах. Раздел «Радуница» входил в книги Есенина «Собрание стихотворений. Том 1» (1922), «Избранное» (1922) и «Березовый ситец» (1925)³⁸. Предполагался этот раздел и в неизданной книге «Руссеянь» (1920).

Вопросы, так или иначе связанные с символикой названия книги Есенина, затрагивались в исследованиях ряда ученых. Так, В. А. Вдовин отмечает связь заглавия с военной проблематикой: «Самим названием сборника подчеркивалась живая преемственная связь с теми, кто отдал свою жизнь во имя спасения родины»³⁹. К этому можно добавить еще одно интересное суждение, касающееся открывающей книгу поэмы «Микола». Известно, что св. Николай был избран «в покровителя в делах воинских, в грозного помощника против врагов отечества и Церкви православных»⁴⁰. Таким образом, с военной тематикой можно связать всю маленькую поэму «Микола», а не только четверостишие «Защити там в черных бедах...», как делает В. А. Вдовин⁴¹. Но вряд ли на основе текста «Миколы» можно с достаточной точностью определить время написания этого произведения, а тем более датировать описываемые в тексте события, как предлагает Е. И. Прохоров: «Но из текста явствует, что действие стихотворения происходит, во-первых, во время войны, а во-вторых, когда прошел ура-патриотический угар и война стала восприниматься поэтом как великое народное бедствие»⁴².

В. И. Харчевников, раскрывая «смысл названия сборника», отмечает, что «это мотив соединения предков и потомков, человека и природы, крестьянина и его земли, вчерашнего, сегодняшнего и будущего времени в нескончаемом круговороте жизни»⁴³. Опираясь на исследования И. М. Снегирева и А. А. Коринфского, А. А. Козловский предлагает «трактовать и само название есенинского сборника как связанное не с церковным праздником, а с циклом народных песен (показательно в этом отношении, что все стихи, вошедшие в сборник, связаны с весенней или летней темой, в нем нет ни одного «зимнего» стихотворения)» [1, 385–386]. Если В. А. Вдовин трактует радуницу как «отрадный заупокойный праздник православных христиан»⁴⁴, то В. И. Харчевников говорит о «языческой радунице»⁴⁵. Не столь однозначно рассматривает есенинские религиозно-философские истоки В. Г. Базанов, отмечающий в «поэзии Есенина многозначные фольклорно-этнографические образы, сложный рисунок народных верований (язычество в христианстве, их синтез)»⁴⁶.

Однако большинство исследователей специально не рассматривает семантику названия книги. Показательно, что из первых рецензентов, как уже было отмечено, только Г. Д. Деев-Хомяковский обратил внимание на необычность ее названия⁴⁷.

Раскрывая семантику слова «Радуница», прежде всего отметим многовековую глубину бытования обряда и связанного с ним термина. По мнению М. Д. Никифоровского, высказанному в 1870-х годах, «в христианское время великий пост сильно помешал языческим весенним торжествам и разделил праздник масленицы на две части, из которых одна перенесена к концу рождественского мясоеда, другая ко времени Пасхи и после нее»⁴⁸.

Такое суждение во многом справедливо, однако нельзя не учитывать и раннехристианского исконного понимания Великого Поста как приготовления оглашенных к обряду крещения, который и был не только символически, но и фактически, во времени сопряжен с Пасхой. Крещение как умирание ветхого человека и воскрешение христианина на символическом уровне соотносимо с весенним пробуждением природы и связанными с ним дохристианскими обрядами. Здесь можно говорить о близости, наложении и взаимодействии. Это подтверждается и включением слова «радуница» в «Полный православный богословский энциклопедический словарь» как «дня поминовения усопших»⁴⁹.

«Само название радуницы, — отмечает И. М. Снегирев, — есть народное, а не церковное, хотя, по существу, оно подобно Семицкому четвертку и Троицкой субботе, принадлежит к христианским обрядам»⁵⁰. На временную и семантическую соотнесенность масленицы и радуницы, на их особую значимость в народном календаре указывает и приводимая этим же исследователем старинная поговорка: «Выпили пиво на масленице, а с похмелья ломало после радуницы», а также фрагмент народной песни:

Зять ли про тещу пивца варил,
Пива наварил да ко масленице;
Звал ли тещу ко радунице,
А теща пришла накануне Рождества⁵¹.

И. П. Сахаров в «Песнях русского народа» отмечает: «Слово радуница так старо, что мы встречаем его с XIII столетия»⁵². Несколькими десятилетиями ранее упоминание радуницы в русских летописях под 1372 и 1493 годами отмечает И. М. Снегирев, ссылаясь на «Историю Государства Российского» Н. М. Карамзина⁵³. На втором из этих упоминаний основывается наиболее раннее отнесение праздника радуницы ко вторнику Фоминой, т. е. первой послепасхальной недели. Этот срок — вторник Фоминой недели — указывается как

наиболее распространенный для радуницы и в «Поэтических воззрениях славян на природу» А. Н. Афанасьева, и в словарях В. И. Даля, Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Реже радуница соотносится с понедельником или воскресеньем Фоминой недели, а в ряде местностей — со всей послепасхальной неделей.

Постараемся определить значение праздника и семантику слова «радуница». Первым, кто высказывается определенно по этому поводу, явился, очевидно, А. В. Терещенко. В 1848 году он пишет: «Радуница происходят от слова *“радоваться”*... Народ, поминая в это время родителей, думает, что они радуются с ними»⁵⁴.

В 1837 году И. М. Снегирев, основываясь на этнографических данных, отмечает: «*Радуница, или Навий вторник, и Троицкая суббота соединялись в древности с окличками мертвых... В Гжатске и вообще в Смоленской губернии у простолюдинов в родительские собираются родственники на свои кладбища плакать и пировать; а ввечеру сходятся туда молодцы и девки свыкаться, оправдывая делом русскую поговорку: “Начинают за упокой, а кончат за радость”*»⁵⁵. Оценивая двойственность, присущую празднику, В. И. Даль сводит слово «радуница» и родственные ему к лексеме «рад», сомневаясь однако: «но где же тут радость? не от родитель ли? или от радеть?»⁵⁶ В этой связи интересны суждения Б. А. Успенского: «... представляется совершенно очевидным, что названия рая и ада были восприняты на славянской почве как производные от корня *rod*, выступавшего, видимо, как общее обозначение царства мертвых (обители предков)»⁵⁷.

А. Н. Афанасьев определяет радуницу как «праздник обновляющейся весной природы, издревле получивший значение времени, посвященного чествованию усопших; ибо с воскресением природы от зимней смерти соединялась мысль о пробуждении умерших, об освобождении их из мрачных затворов ада»⁵⁸.

Сходные суждения высказывает И. П. Калинин, считавший радуницу «самым важным торжеством в честь усопших»: «... можно полагать, что он <праздник радуницы. — М. С.> был остатком древнего дохристианского поминовения умерших...»⁵⁹

Рассмотрение радуницы, предложенное А. Н. Афанасьевым и И. П. Калининым, позволяет увидеть этот день как звено в цепи весенних обрядовых праздников. Подобные попытки систематизации предпринимались и в первой половине XIX века. Встреча весны — Красная горка — Радуница — так выстраивает первые весенние праздники И. М. Снегирев. Первое марта — Встреча весны — Красная горка — Радуница — расширяет этот перечень А. В. Терещенко. Таким образом, радуница видится как один из весенних праздников,

которому придавалось особое значение, что не в последнюю очередь связано с его закрепленностью в календаре после Пасхи.

«...Восток, как страна воскресающего солнца, — отмечает А. Н. Афанасьев, — был признан за блаженное царство весны, именно там арийское племя полагало вечно цветущий рай — обиталище всещедрых богов и блаженных предков»⁶⁰. Интересны в этом отношении и следующие слова фольклориста: «ступая в среду стихийных духов, тени усопших разделяют и их судьбу... Весною же души пробуждаются (воскресают) для новой жизни, заявляют свою деятельность в шумных грозах и дождевых ливнях и открывают ясное небо, или, выражаясь мифическим языком: обретают источник живой воды и пресветлый рай... В русском народе ходит сказание, что где-то далеко есть царство, в котором люди умирают на зиму и воскресают на вешний Юрьев день...»⁶¹ Близко к этой характеристике и мнение И. М. Снегирева, высказанное за 30 лет до А. Н. Афанасьева по поводу праздника встречи весны: «Как первый весенний праздник изгнания зимы проявляет победу жизни над смертью, так окликание весны и усопших знаменует лад человека с природой, которая возобновлением своим призывает к очищению, напоминая смерть и воскресение»⁶².

Рассматривая радуницу как день, когда «поминальные обряды достигают своего апогея»⁶³, В. Я. Пропп подчеркивает: «Смех на могилах в праздник всеобщего воскресения природы и воскресения божества означает, что мертвые не умерли»⁶⁴. Значение обряда исследователь видит в намерении приобщить умерших предков «к кругообороту жизнь — смерть — жизнь, которым живет природа и который нужен земледельцу»⁶⁵. Если в обычное время выходят из могил и тревожат живых только заложенные, т. е. умершие неестественной смертью, покойники, то в период весеннего воскресения общаются с ныне живущими родственниками предки — основатели и хранители рода.

«Радуница в Великой России, — констатирует И. М. Снегирев, — посвящена поминовению родителей; ибо, по мнению народному, они радуются, если их поминают и приходят с ними христосоваться»⁶⁶. «Многие думают, — дополняет его А. В. Терещенко, — что души умерших встают во время поминовений из темниц (из гробов), радуются и слушают поминальную обедню в церкви за алтарем»⁶⁷. Описывая обрядовые посещения кладбищ на радуницу, С. В. Максимов отмечает: «Когда яства расставлены, поминальщики окликают загробных гостей по именам и просят их попить-поесть на поминальной тризне»⁶⁸. Сходные суждения высказывает и А. Н. Афанасьев, основываясь на общеславянском материале: «С наступлени-

ем марта у всех славян начинаются обрядовые посещения кладбищ... в первый день этого месяца, перед самым восходом солнца, лужичане, чехи и поляки ходят на кладбища с зажженными факелами, служат там панихиды и оставляют на могилах разные яства; они думают, что вместе с обновляющейся природой мертвецы чувствуют дух жизни и обретают утраченные силы. Лужичане возглашают при этом следующие знаменательные слова: «Смерть мы погасили, новую жизнь зажгли»⁶⁹. «Ночью на мертвецкий Велик день покойники встают из гробов, — продолжает А. Н. Афанасьев, говоря о четверге русальной недели, когда по брошенной на Пасху крашеной яичной скорлупе усопшие узнают о Воскресении Христовом, — оставляют деревенское кладбище, и одетые в белые саваны собираются в приходскую церковь; давно умершие попы облачаются в ризы, освящают церковь и совершают торжественную службу, по окончании которой все предстоящие христосуются»⁷⁰.

Радунца как поминовение усопших связана не только с мыслью о воскрешении, но и с культом основателя рода, с почитанием домашнего очага. Как отмечает А. Н. Афанасьев, «наши простолюдины называют покойников *святыми родителями*»⁷¹. Известно, что в древности покойников хоронили непосредственно в доме или вблизи от него. Таким образом, создавался единый комплекс, в центре которого пылал очаг, оберегаемый чтимыми предками — основателями и хранителями рода.

С весенне-летним периодом обычно совпадало и начало строительства ритуально значимых объектов. Как отмечает П. А. Раппопорт в книге «Строительное производство Древней Руси (X–XIII вв.)», «начало строительства храмов, если судить по данным летописей, обычно падает на весенние или летние месяцы...»⁷²

Учитывая все приведенные выше мнения, можно констатировать, что слово «радунца» в названии есенинской книги несет значительную семантическую нагрузку.

Во-первых, это соединение в рамках одного дня, одного обряда христианского и дохристианского начал, причем соединение глубинное, основанное на общности в осмыслении праздника. Это единение двух взаимопроникающих сфер свойственно для всего раннего есенинского творчества.

Во-вторых, радунца символизирует обращенность к культу предков и домашнего очага. Дом как очаг и как символ вселенной и родина как дом⁷³, соединение через обращенность к предкам земного и иного миров — эти темы являются важнейшими для Есенина.

В-третьих, радунца — это провозглашение возможности и реальности воскресения, вера в победу жизни над смертью, в преобра-

жение мира и человека. Подобные мотивы, только намеченные в первой книге, особенно характерные для маленьких поэм Есенина революционного периода, явственно звучат и во многих других его произведениях.

И, наконец, радуница — это выражение неотделимости мира природы от мира человека, нерасторжимости смерти природной и смерти человеческой, и воскресения природы и входящего в нее человека. Здесь опять же мы выходим на центральную тему, раскрываемую Есениным на протяжении всего его творческого пути.

Обратимся теперь в связи с радуничной символикой к тому, как показано время года во входящих в состав первой авторской книги стихотворениях. Практически все они дают картину какого-либо достаточно определенного периода, который обычно можно легко прояснить, исходя из текстов стихотворения. «Без обозначения времени года в книге два стихотворения: “В хате”, “Девичник”. Из времен года в “Радунице” выделяется лето, а из времени суток — день»⁷⁴, — отмечает Э. Б. Мекш.

Например, в стихотворении «Задымился вечер. Дремлет кот на бруссе...» дана картина золотой осени:

Вьются паутины с золотой повеи.
Где-то мышь скребется в затворенной клети...
У лесной опушки — в свяслах копны хлеба,
Ели, словно копы, уперлися в небо [I, 38];

в стихотворении «Дымом половодье...» — весны.

Порой для характеристики времени года автор показывает, какую работу выполняют крестьяне:

Слушают сказ старика косари
(Вить [«Черная, потом пропахшая вить...»]) [I, 64]

или:

Темным елям снится
Гомон косарей.
(«Топи да болота...») [I, 65].

Промежуточное положение занимают описания, в которых характеристики природы и человека неотделимы друг от друга. Сливаясь, эти описания дают единый образ:

Ой, вы, луга и дубравы, —
Я одурманен весной.
(«Сыплет черемуха снегом...») [I, 340]

или:

Сядем в копны свежие под соседний стог.
(«Выткался на озере алый цвет зари...») [I, 28].

В более редких случаях есть указание на конкретный день, обозначенный по народно-христианскому календарю:

Троицыно утро, утренний канон...
(«Троица») [I, 31]

или:

Погодала красна девица в семик.
Расплела волна венок из повилик.
(«Кручина») [I, 30].

Иногда в стихотворении отсутствует какая-либо «земная» характеристика состояния природы, тогда ее заменяет «небесная». «Кроткая синева» неба и «легкокрылые облака» в стихотворении «Не с бурным ветром тучи тают...» дают вполне определенную соотношенность с весенне-летним периодом.

Как видим, вошедшие в книгу тексты соотношены с теплым временем года, точнее промежутком от весеннего до осеннего солнцестояния, когда продолжительность дня превосходит продолжительность ночи. «С. Есенин, по-видимому, не делает различия между весной и летом, и следует он в этом народному календарю»⁷⁵, — справедливо указывает В. И. Харчевников. Исключением являются последние строфы «Миколы», в которых говорится о зимнем празднике «в честь угодника Миколы», приходящемся на 6 декабря (по старому стилю). В этом произведении дается довольно широкая временная характеристика: «Веток бисерный извив» — «Высоко стоит злотравье» — «Собирайте милость Божью / Спелой рожью в закрома» — «Осень роши подожгла» — «На снегу звенят колосья / За косницами берез», т. е. последовательно проходят весна, лето, осень и наступает зима.

Как уже было отмечено, радуница входит в цикл календарных праздников, связанных с весенним пробуждением природы и поминовением умерших предков, в чем проявляется единство природы и человека. С этой семантикой в большей или меньшей степени связаны все 33 стихотворения книги, которые можно разделить на несколько тематических групп.

Обратимся сначала к анализу произведений, вошедших в первый раздел книги — «Русь».

В нем можно выделить, во-первых, произведения, в которых главенствующей является тема странников и странниц-богомольцев, идущих своим путем, своей дорогой, отличной от суетной обыденности жизни⁷⁶. Этот мотив очень важен для первой есенинской кни-

ги. Он характерен для таких стихотворений, как «Инок», «Калики», «Не с бурным ветром тучи тают...», «Гой ты, Русь, моя родная...», «Богомолки», «Шел Господь пытаться людей в любви...», «Улогий». Причем для поэта характерно целостное, реально-предметное представление евангельских персонажей и сюжетов, что особенно ярко проявилось в стихотворении «Не с бурным ветром тучи тают...» Как отмечено В. И. Харчевниковым, в подобных есенинских текстах явно прослеживается опора на духовные стихи, одним из самых распространенных мотивов которых было «изображение» странничества Христа по земле»⁷⁷. Евангельская история соотнесена в этом стихотворении с современными поэту событиями. Автор описывает второе пришествие Христа, но это не мрачные апокалиптические картины, а сошествие Христа (Которому грозит новое распятие!) на землю, знаменующее коренное преобразование всей земной жизни, новое радостное соединение земного и небесного, человеческого и божественного. Есенин предлагает свое прочтение пророчеств Иоанна:

И в каждом страннике убогом
Я вызнать пойду с тоской,
Не Помазуемый ли Богом
Стучит берестяной клюкой.

И, может быть, пройду я мимо
И не замечу в тайный час,
Что в елях — крылья херувима,
А под пеньком — голодный Спас [I, 44–45].

Мир открыт человеку, которому остается лишь внимательно присмотреться к этому миру, увидеть сокрытое в нем, неподвластное поверхностному, невнимательному взгляду. Спаситель вновь среди людей, на земле пребывают и ангельские силы. Люди прозреют их, когда «тайный час» откроется, сделается явным и зримым⁷⁸.

Мотив страннического пути Христа по Руси развивается и в стихотворении «Шел Господь пытаться людей в любви...» Скорбь и муки страдальческого Христа сменяются радостью, которая, хотя и не описана в стихотворении, незримо присутствует в третьей, финальной строфе:

Подошел Господь, скрывая скорбь и муку:
Видно, мол, сердца их не разбудишь...
И сказал старик, протягивая руку:
«На, пожуй... маленько крепче будешь» [I, 42].

Мотив этого стихотворения имеет прямую соотнесенность с народными легендами. Как отмечает А. Н. Афанасьев в предисловии к

«Народным русским легендам», «по народным сказаниям, Спаситель вместе с апостолами и теперь, как некогда, ходит по земле, принимая на себя страннический вид убогого; испытывая людское милосердие, он наказует жестокосердых, жадных и скупых и награждает сострадательных и добрых, причем для таких странствий особенно почитаются дни от Пасхи до Вознесения»⁷⁹. Вместе с тем известно, что угощение странников носило во многом ритуальный характер. Особенно интересна для нашего исследования приуроченность этого обряда ко дню апостола Иоанна Богослова, которого называли на Руси «Николин Бацка» и отмечали его день 8 мая, накануне дня памяти перенесения мощей святителя Николая. «С этого дня сельские хозяева начинают сеять пшеницу. Перед началом этого дела в старицу в сельских домах в этот день пеклись особенные пироги, называемые обетными, которые главным образом назначались для немощных и странников. С этими пирогами хозяева выходили на перекресток дорог и усердно молились Богу, чтоб Он послал им какого-либо доброго человека разделить трудовой хлеб»⁸⁰. Таким образом, по отношению к этому произведению можно говорить не только о мотиве странничества Бога по русской земле, но и ритуальном жертвоприношении, приуроченном ко дню начала весеннего сева.

В стихотворении «Инок», написанном от первого лица, говорится о намерении совершить странствие и об осуществлении этого замысла лирическим героем. В первой строфе выражено *желание* стать «светлым иноком», отправившись «степной тропой к монастырям». Здесь всего два глагола, оба в форме будущего (простого) времени — «пойду», «повешу», причем второй, относясь к «кошело из хворостинок», выполняет вспомогательную функцию. Во второй строфе раскрывается *цель* пути. В ней намерения инока характеризуют три глагола, входящие в составное глагольное сказуемое. Вспомогательный глагол стоит в форме настоящего времени (несовершенный вид) со значением осуществления действия в будущем: «хочу... измерить... и... поверить». В третьей строфе показан *реальный путь*. Инок характеризуется всего одним словом: «Иду» — глаголом в настоящем времени, заполняющим собой все предложение и организующим весь последующий текст. Остальные составляющие четверостишие слова раскрывают сопутствующие детали: замысел, осуществляясь, наполняется конкретными чертами. Две заключительные строфы представляют собой философские размышления. Важную роль при этом играет открытие индивидуальной философской мысли миру:

Глядя на кольца лычных прясел,
Одной лишь думой мыслю я:

Счастлив, кто жизнь свою украсил
Трудом земного бытия [I, 300].

Само земное бытие, неотделимое от красоты труда, воспринимается как счастье. Мотив счастья переходит и в финальную строфу:

С улыбкой радостного счастья
Иду в другие берега [I, 300].

Здесь вновь появляется глагол «иду», но, попадая в иной контекст, меняет семантику: реальный путь совмещается с метафизическим. Пространственно «другие берега» отстоят от «земного бытия» и реального земного пути, но вместе с тем путь в «другие берега» — это и путь по конкретным дорогам земли, что подчеркивает последняя строка, обращенная к земному пейзажу: «Молясь на копны и стога». Путь странника-богомольца в едином действии совмещает два пути: реальный земной и духовного восхождения, что и показано Есениным.

В стихотворении «Калики» глаголы, характеризующие богомольцев, употреблены в прошедшем времени. Здесь говорится об уже совершившемся. Главным опять же является *путь* богомольцев, что подчеркивается в каждой из четырех строф. В стихотворении показаны три эпизода, характеризующие странников. Первые два занимают по одной строфе, третий — две последние, причем в первой и четвертой строфах богомольцы названы каликами (употребление этого слова в сильных позициях начала и конца соотносится и с названием стихотворения), во второй — странниками, в третьей — убогими. Контекстные значения этих слов синонимичны.

Первый эпизод рисует странников в деревнях и у церквей (в селах), употребление наименований этих пространственных ориентиров во множественном числе подчеркивает временную и пространственную протяженность пути богомольцев. Действия странников описаны тремя глаголами: «проходили... деревнями», «выпивали... квасу», «поклонялись Пречистому Спасу».

Во втором эпизоде — в поле — странники характеризуются двумя глаголами: «пробирались... по полю», «пели стих». Сопутствующая пути обстановка в этом четверостишии-эпизоде представлена активным действием. При этом «клячи» («мимо клячи с поклажею топали») безучастны к пути и мыслям странников, гуси же становятся соисполнителями песни «о сладчайшем Иисусе» («Подпевали горластые гуси»). В третьем эпизоде («ковыляли... по стаду», «говорили страдальные речи», «вынимали... для коров сбереженные крохи») введена прямая речь богомольцев:

«Все единому служим мы Господу,
Возлагая вериги на плечи» [I, 37].

Соответственно даны и слова-отклик на сам путь и речи странников. Эта реакция контрастирует по своей сути со всем стихотворением, которое посвящено благочестивому пути богомольцев:

И кричали пастушки насмешливо:
«Девки, в пляску! Идут скоморохи» [I, 37].

Таким образом, финал открывает иное видение мира, чем то, которое характерно для богомольцев: неприятие традиционного жизненного уклада.

Подробно разбирая это стихотворение, В. И. Харчевников выделяет в нем четыре, а не три ситуации. В его интереснейшем анализе, на наш взгляд, неоправданно усилен социальный план: «Определяется в стихотворении место, где сосредоточен основной идейный смысл. Это последняя строфа: в ответ на униженный и жалкий, но вполне доброжелательный жест калик пастушки глумятся над ними». Вряд ли верно выдвигать в этом стихотворении на первый план «усталость калик, их жалкий вид, немощь и увечность», «их кротость и забитость»⁸¹. Очевидно, более прав А. И. Михайлов, отмечающий, что стихотворения «Радуницы» «не содержат мотивы социального протеста, это скорее сетование по поводу исконной природной бедности края, созерцание которой доставляет в некотором роде даже сладкую грусть»⁸². Подводя итог исследованиям своих предшественников, В. И. Харчевников, на наш взгляд, справедливо отмечает, что если в стихотворении и содержится ирония, то «она адресована современной поэту деревенской молодежи, которая уже начинает забывать песни и сказания своего народа»⁸³, а не каликам. Однако подобное понимание не разделяется рядом исследователей. Так, И. И. Степанченко считает, что в этом произведении «пересечение природной и религиозной парадигм... является средством выражения отрицательного отношения к каликам»⁸⁴, с чем вряд ли можно согласиться.

В текстах рассматриваемой тематики, в которых нет упоминания Бога, Он присутствует как цель пути богомольцев. Цель конкретно-пространственная («Пойду в скуфейке, светлый инок, / Степной тропой к монастырям...» — «Инок»; «У церковей пред затворами древними / Поклонялись Пречистому Спасу...» — «Калики») и метафизическая («С улыбкой радостного счастья / Иду в другие берега...» — «Инок»; «На сердце лампадка, / А в сердце Иисус» — «Улогий»).

Сделаем небольшое отступление и обратимся к другим стихотворениям Есенина, не вошедшим в первое издание «Радуницы», но

имеющим близкую тематику. В напечатанном впервые в марте 1917 года в газете «Дело народа» стихотворении «Наша вера не погасла...» поэт обращается к судьбе родины. И здесь заметно отталкивание от стихотворений, вошедших в первую книгу поэта, и некоторых других ранних произведений. Одна из основных тем «Радуницы», как было показано выше, — тема страннического, богомольного пути. В стихотворении «Наша вера не погасла...» поэт также говорит о пути, но не о пути странника или святого, а о пути, совершаемом Россией. Причем это движение не имеет четкого пространственного вектора, даже путь к раю, т. е., казалось бы, в определенном направлении, не может быть представлен одной «тропой». Утверждается множественность дорог и, таким образом, показана сложность и противоречивость мира:

Наша вера не погасла,
Святы песни и псалмы.
Льется солнечное масло
На зеленые холмы.

Верю, родина, я знаю,
Что легка твоя стопа,
Не одна ведет нас к раю
Богомольная тропа [IV, 120].

Если в первой строфе утверждается мысль о святости «песен и псалмов», святости и божественности природы, то во второй показана «легкость» движения России в будущее. Используемые здесь слова «вера» и «верю» подчеркивают запредельный по отношению к обыденному пониманию смысл движения России. И одновременно в восприятии лирического героя происходит слияние веры и знания («верю, родина, я знаю»), то есть обретается целостность восприятия мира.

В третьей, центральной, строфе стихотворения множественность путей еще более актуализируется, причем выделяется один — лишенный счастья:

Все пути твои — в удаче,
Но в одном лишь счастья нет:
Он закован в белом плаче
Разгадавших новый свет [IV, 120].

Этот путь конкретно не обозначен и не раскрыт. Он лишен счастья (в обыденном понимании этого слова). Но несчастье компенсируется тем, что этот путь проторен теми, кто разгадал «новый свет». Это один из путей, ведущих «нас к раю».

В следующем четверостишии представлены приметы, характеризующие этот лишенный счастья путь:

Там настроены палаты
Из церковных кирпичей;
Те палаты — казематы
Да железный звон цепей [IV, 120].

В финальной строфе, обращенной к родине, определяет свой путь и лирический герой, который отвергает богомольную тропу: тропу любви, жизни, счастья, — и принимает путь, ведущий к «новому свету», но соотносимый с казематами, несчастьем, гибелью. Таким образом, в дилемме «жизнь — смерть» он тяготеет к последней, но это определяется не отсутствием жизненной энергии (как было в некоторых из рассмотренных ранее стихотворений Есенина), а связано с осознанным выбором, с желанием приобщиться к «разгадавшим новый свет». Лирическим героем руководит стремление к открытию нового, жажда поиска не изведенного еще им самим, но открытого другими пути:

Не ищи меня ты в Боге,
Не зови любить и жить...
Я пойду по той дороге
Буйну голову сложить [IV, 121].

Сходная тематика, вновь связанная с обращением лирического героя к родине, развивается и в стихотворении «Не в моего ты Бога верила...», впервые опубликованном в феврале 1916 года в газете «Петроградский вечер». В начале этого текста заметно отталкивание лирического героя от пути России, нарочито декларируется противостояние:

Не в моего ты Бога верила,
Россия, родина моя!
Ты как колдунья дали мерила,
И был как пасынок твой я [IV, 124].

Однако это столь резкое противоречие не только сглаживается в последующем тексте, но и преобразуется в обращение к родине с просьбой быть «матерью напутною». Таким образом, считающий себя пасынком лирический герой просит восстановить свое исконное сыновство. Здесь лирический герой вновь находится в пути, но его путь не тождествен, а скорее противоположен пути России. Этот путь осознан и ясно понят лирическим героем. Обращение к России необходимо ему не для того, чтобы как-то изменить или хотя бы скорректировать свой путь, а для того, чтобы направить на путь, избранный лирическим героем, Россию. Причем подчеркивается «ох-

ладелость», «сонливость» родины, т. е. ее явная неспособность самостоятельно выбрать направление своего движения. Здесь лирический герой выступает в качестве пророка, предлагающего единственно верный путь:

Боец забыл отвагу смелую,
Пророк одрях и стал слепой.
О, дай мне руку охладелую —
Идти единою тропой.
Пойдем, пойдем, царевна сонная,
К веселой вере и одной,
Где светит радость испоконная
Неопалимой купиной.
Не клонь главы на грудь могутную
И не пугайся вещим сном.
О, будь мне матерью напутною
В моем паденье роковом [IV, 124].

Для прояснения образов этого стихотворения важно упоминание Неопалимой купины. Известно что, «горящая, но не сгорающая купина — это Мать Божия, пребывавшая нетленной и по воплощении и рождении от Нее Сына Божия»⁸⁵. К тому же «такое название носит одна из чудотворных икон Божией Матери, празднование в честь коей совершается 4-го сентября»⁸⁶. Последнее позволяет соотнести слово «радость» с наименованием другой иконы Богородицы — «Всех Скорбящих Радость». Для стихотворения характерно наложение двух образов: родины-матери и Богородицы. Это приводит в последнем четверостишии к полному неразличению этих образов. Если общий контекст стихотворения соотносится с Россией, то микроконтекст, включающий процитированный фрагмент, в том числе строку «Не клонь главы на грудь могутную» с явной антропоморфной характеристикой, — с Богородицей. Нельзя не учитывать и того, что иконописная традиция чаще всего соединяет Богородицу с Сыном, сидящим у Нее на руках, поэтому можно говорить о том, что в этом произведении происходит сближение лирического героя с Христом, Которого Мать отпускает в реальный земной мир — и тогда это действительно «падение роковое». Такой финал стихотворения позволяет по-иному взглянуть и на весь текст, относя его в глубь веков. Характерно, что в этом произведении, построенном на стыке прошлого и будущего, практически отсутствует настоящее время, что переводит изображаемую картину из реального исторического времени, современного автору, в иной, вневременной план, сопредельный мифологическому.

Интересно сопоставить стихотворения «Не в моего ты Бога верила...» и «Колокольчик среброзвонный...», написанные примерно в

одно время. В последнем произведении более явственно ощущается сближение лирического героя с Христом:

Свет от розовой иконы
На золотых монашеских ризах [I, 82].

Во второй, центральной строфе идет расподобление Младенца Христа и лирического героя, но именно это расподобление красноречиво говорит об их соотнесенности в есенинском произведении:

Пусть не я тот нежный отрок
В голубином крыльев плеске,
Сон мой радостен и кроток
О нездешнем перелеске [I, 82].

Точнее говоря, с помощью частицы «пусть» отмечается только возможность такого расподобления, но не его реальность и обязательность.

Процитированный вариант впервые появится в книге «Голубень» 1920 года, более ранний публиковался во втором выпуске «Скифы» и в книге Есенина «Голубень» 1918 года. Этот ранний вариант — «Песня, луг, реки затоны...» — характеризуется прямым следованием иконописному образу. Читатель не мог при этом не идентифицировать лирического героя с Младенцем-Христом:

Пусть не я тот нежный отрок,
В плеске крыльев голубиных.
Сон мой радостен и кроток
На руках твоих невинных [I, 304].

В последних двух процитированных строках развивается мотив сна, который намечен уже в начале текста:

Колокольчик среброзвонный,
Ты поешь? Иль сердцу снится? [I, 82]

В раннем варианте более явственно звучит и этот мотив. Стихотворение начиналось строками:

Песня, луг, реки затоны, —
Эта жизнь мне только снится [I, 304].

Здесь утверждается нереальность для лирического героя именно земной жизни, которая отождествляется со сном. Актуализация состояния сна в раннем варианте стихотворения — еще одно средство, используемое для сближения лирического героя с Христом. Все это создает картину условности, нереальности происходящего:

Мне не нужен вздох могилы,
Слову с тайной не обняться.

Научи, чтоб можно было
Никогда не просыпаться [I, 304].

Тайна, которую стремится высказать в стихотворении автор, невыразима словами, то есть она так и остается нераскрываемой. Если жизнь воспринимается как сон, то желание «никогда не просыпаться» — это стремление не к смерти, а к вечной жизни. Обращение же «научи» воспринимается как призыв к Богу, исходящий как от понимаемого во вневременном плане Христа, так и от лирического героя.

Ближние темы рассматриваются в стихотворении Есенина 1917 года «Проплясал, проплакал дождь весенний...». Здесь говорится о том, что поэтическое слово не может противостоять смерти, реализовать идею о воскресении умерших, и потому становится невозможным объединение земного и небесного миров:

Скучно слушать под небесным древом
Взмах незримых крыл:
Не разбудишь ты своим напевом
Дедовских могил!

Привязало, осаднило слово
Даль твоих времен.
Не в ветрах, а, зная, в томах тяжелых
Прозвенит твой сон [I, 304].

Вернемся к анализу «Радуницы». Второй темой, присутствующей в первом разделе книги, является тема единства человека и природы, многоуровневого слияния их в общем бытии. Три условно выделяемых в эту группу стихотворения («Задымился вечер. Дремлет кот на брус...», «Край родной, поля как святцы...», «Топа да болота...») близки к произведениям первой группы, с той лишь разницей, что здесь более зримо проявляется земная, природная составляющая единого мира.

Так, в стихотворении «Край родной, поля как святцы...» природный мир является не только фоном, но и активным действующим лицом философских размышлений. Такие образы, как «рощи в венчиках иконных», «ивы, кроткие монашки», обладают троичностью строения. В них соединены элементы теургические, антропные и фитаморфные. Во взаимодействии с единым в своей троичности миром происходят размышления о смысле бытия, о странническом пути человека на земле. Земная жизнь человека представлена как краткий миг:

Я пришел на эту землю,
Чтоб скорей ее покинуть [I, 39].

Но этот миг становится вечностью, ибо человек соединен с божественным и природным (в данном стихотворении растительным) мирами. Чувством этого единства и вечности наполняется «тихая тайна» затаенных «в сердце мыслей».

Показательно, что именно это стихотворение, переработанное автором, было использовано в сильной позиции начала и в «Березовом ситце» (1925). В этом издании приведенные нами слова вступают в контакт с финалом последнего стихотворения книги «Не жалею, не зову, не плачу...» (далее идут поэмы «Русь» и «Пантократор»):

Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процветь и умереть [I, 164].

Таким образом, замкнутость композиции книги «Березовый ситец» не только стирает границы между отдельными периодами творчества поэта, но и подчеркивает особую значимость для автора темы страннического пути человека на земле, его рождения и смерти.

Строкой с философским подтекстом — «В сердце почивают тишина и мощи» — завершается и стихотворение «Задымился вечер. Дремлет кот на бруссе...» В этом произведении устанавливается подвижное равновесие между природой и миром человека, что заметно и в строении строк, каждая из которых распадается на две части: одна соотносена с жизнью природы, а другая — с созданными человеком предметами:

Вьются паутины
С золотой повети.
Где-томышь скребется
В затворенной клетки...
У лесной поляны —
В свяслах копны хлеба... [I, 299]

Показательно здесь и проникновение характеристик, связанных с крестьянским и церковным бытом, в описание природных процессов: «задымился вечер», «закадили дымом под росую рощи». Как явление обобщенное, а, следовательно, уже относящееся не только к человеку, но и соотносимое с природой и, пожалуй, растворенное в ней, предстает молитва: «Кто-то помолился: "Господи Исусе"». Этой строке созвучна и финальная: «В сердце почивают тишина и мощи», в которой выражена гармония бытия природы и человека. В этой строке семантика каждого слова получает дополнительные контекстные оттенки. Слово «сердце» воспринимается как импульсивный центр мира — антропного и природного. Слова «почивают» и «мощи», соотносимые с православно-христианской тематикой, выходят за свои семантические границы. Слово «тишина» можно рассматри-

вать с позиции триединства: теургической (отдых после завершения основного этапа Творения), природной (безмятежность и успокоенность) и антропной (включенность, вписанность человека в божественно-природный космос).

Характерно для этого текста и стечение предлогов «в» со значением внутреннего пространства. Причем, если в первых двух случаях предлог относится к конкретному предмету («мышь скребется *в* затворенной *клетки*», «*в* *связлах* копны хлеба»), то в дальнейшем предлог соединяется со словами, обладающими более абстрактной семантической нагрузкой: «Ели, словно копыя, уперлися *в* *небо*» — соотнесенность с единственным в своем роде понятием; «*В сердце* почивают тишина и мощи» — соотнесенность со словом, передающим, как было показано, понятие об импульсивном центре мира.

Отмеченную тематику продолжает стихотворение «Топа да болота...», завершающее первый раздел книги. И здесь раскрывается гармония двух миров: природы и человека-крестьянина. Причем представители растительного мира внимают голосу как стихий («Слушают ракиты / Посвист ветряной»), так и человека («Темным елям снится / Гомон косарей»). Единство человека и природы подчеркнуто в стихотворении и сходным «звучанием» мелодий растительного царства («*взвенивает лес*»), животного мира («*тенькает синица*»), созданных человеком предметов («со *скрипом* тянется обоз») и стихийных сил природы («*посвист ветряной*»).

В третьей группе стихотворений преобладают бытовые мотивы. Это проявляется уже на уровне их названий: «В хате», «Выть», «Дед». В первом из названных текстов круг явлений природы практически ограничен крестьянской хатой, лишь в четвертой строфе расширяясь до размеров двора. Несколько шире пространство в стихотворении «Выть»: выть, озеро, река. Пейзажные зарисовки, которые дополняются активным, но гармоничным для окружающего мира присутствием человека, приводят к философским раздумьям.

В стихотворении «Дед» пространство ограничено двором. Текст скреплен главным (и единственным) действующим лицом, появляющимся во втором четверостишии. В стихотворении явственно звучит философская подоснова: простая каждодневная крестьянская работа сопрячена вечности. Автором это показано через «общение» человека с солнцем. Дед подсекает лопух, «щурясь к облачному глазу», т. е. обращаясь к проглядывающему сквозь облака солнцу, которое отвечает ему:

Дед — как в жамковой слюде,
И играет зайчик солнца
В рыжеватой бороде [IV, 119].

Соединение человеческого и божественного, как показывает автор, возможно не только в благочестивом странничестве, но и в крестьянском труде.

Стихотворение «Поминки», впервые опубликованное автором в «Радунце», является, пожалуй, наиболее ярким откликом на Первую мировую войну. Здесь можно говорить не столько о символической соотнесенности со словом «радуница», сколько о конкретной близости описанного в стихотворении обряда к радуничному. То, что это произведение посвящено поминовению павших воинов, проясняется уже в двух первых строках. Природа созвучна печальным мыслям людей. Строки

Заслонили ветлы *сиротливо*
Косниками мертвые жилища [IV, 118]

воспринимаются не только как напоминание о сиротстве детей, оставшихся без отцов, но и как подтверждение сиротства природы, покой и гармония которой нарушены человеческими смертями. Поминальная пища, приготовленная людьми, предназначена «небесным птицам». Как и в «Миколе», о чем будет сказано ниже, «небесные птицы» — это земные твари, наделенные крыльями, и вместе с тем «ангельские птицы», обитающие в ином, нездешнем мире. Так проясняется предназначение поминальной трапезы, предназначенной для земных обитателей и посвященной умершим предкам, перешедшим в иной мир.

От поминок на кладбище неотделимы причитания:

Причитают матери и крёстны,
Голосят невесты и золовки [IV, 118].

Автор подчеркивает, что это поминки по молодым людям, у которых остались «матери и крестны», «невесты и золовки». Представлено кладбищенское поминовение не одной случайной жертвы, а многих умерших.

В русской народно-поэтической традиции умершие неестественной смертью люди не могли перейти в разряд предков. Считалось, что их души не находили успокоения и блуждали в поисках пристанища. В этом трагичность их посмертной судьбы, отличие от умерших естественной смертью, отживших, а то и переживших свой век, которые после похоронных обрядов переходят в число почитаемых предков⁸⁷.

В двух последних строфах «Поминок» автор обращается к конкретному поминальному обряду, к отпетой могиле. Появляется детализация: «Вьется хмель запутанный и клейкий», «Длинный поп в худой епитрахили». «Отпетая могила» одна, а поминающих много

(«матери и крестны», «невесты и золовки»): не у всех погибших есть могила, и на одни поминки собираются родственники всех жертв войны.

Всеобщий характер бедствия, вызванного войной, подчеркивают многие детали: неухоженность кладбища («По камням над толстым слоем пыли»), бедственное состояние церкви и священнослужителей («Длинный поп в худой епитрахили / Подбирает черные копейки»), скудость поминальной трапезы («Под черед за скромным подавием / Ищут странницы отплетую могилу»).

Тематика «Поминок» разворачивается в стихотворениях, вошедших во второй раздел «Радуницы» — «Маковые побаски», хотя причина преждевременной смерти там будет иной.

Все рассмотренные выше темы ярко проявились в маленькой поэме «Микола», открывающей книгу, т. е. стоящей в сильной позиции. Прежде чем обратиться непосредственно к анализу этого произведения, кратко остановимся на двух важных для нашей темы вопросах: 1) о культе Николы в России; 2) о роли Николо-Радуницкого монастыря в творческой судьбе Есенина. Эти экскурсы можно рассматривать как материал для раскрытия семантики названия маленькой поэмы, поскольку, определив читательские ожидания, возникающие при восприятии заглавия, мы сможем сопоставить их с воздействием реального текста. Кроме того, так выявляются возможные источники этого есенинского произведения.

Култ Николы имеет длительную историю бытования на русской почве и вместе с тем обладает широчайшей распространенностью в мире. Св. Николай известен в качестве «особенно скорого и сильного пред Богом во всяких бедах помощника»: «Никакой другой угодник Божий не был столь известен во всей Церкви подобными делами охраны, милосердия и спасения, как этот Чудотворец»⁸⁸. Этому почитанию во многом способствовала и известность жития святителя: «Нужно принять во внимание, что искони никакое другое житие не было более распространено и общеизвестно на Руси, чем житие святителя Николая»⁸⁹.

По своей значимости в народном осмыслении почитание Николы сопоставимо с восприятием Бога. И. П. Калинин отмечает: «Леклерк говорит, что у русских св. Николай считается патроном их отчества, и между прочим прибавляет, что русский люд даже верит, будто св. Николай чудотворец мог бы быть Богом, но не захотел этой чести, и во всяком случае после Бога заступает первое место...»⁹⁰ Характерна в этом отношении и пословица: «Нет за нас поборника супротив Николы»⁹¹. Как сообщает «Полный православный богословский энциклопедический словарь», память св. Николая «читится

повсеместно в христианской церкви, в западной и восточной, в еретических обществах Востока, часто даже между мусульманами, живущими на востоке, и язычниками в России»⁹². Такое широкое почитание святого говорит о том, что в его культе ярко выражена дохристианская традиция. Многочисленные сопоставления св. Николая с языческими древнеславянскими божествами содержатся в книге Б. А. Успенского «Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточно-славянском культе Николая Мирликийского)» (М., 1982).

Кульτ Николая установился на Руси, по утверждению Е. В. Аничкова, в XI веке⁹³. Однако первые примеры почитания святого относятся еще к IX веку, когда в 882 году в Киеве на могиле князя Аскольда была сооружена церковь во имя святителя Николая⁹⁴.

С первой половины 1090-х годов⁹⁵ на Руси помимо зимнего (6 декабря, день похорон святителя) начал отмечаться и весенний Никола — 9 мая, день перенесения мощей из опустошенных и оставленных жителями Мир Ликийских в Бар-град. Этот праздник получил широкое распространение в России. «Если в византийской легенде мы могли найти только проблески его <св. Николая. — М. С.> весеннего природного значения, то у нас, напротив, это-то весеннее значение и послужило основой его широко распространившейся славы»⁹⁶, — отмечает Е. В. Аничков. Говоря о распространенности весеннего праздника св. Николая, необходимо учитывать, что перенесение мощей было произведено из Восточной Церкви в Западную и служба в Бар-граде проводится «по чину Римской церкви». «Празднование угоднику Божию Римская церковь, как и Русская, совершает дважды в год: 6-го декабря и 9-го мая. Последний праздник считается большим и притом не в одном Бар-граде, но и вообще на всем Западе...»⁹⁷ Таким образом, культ Николы получил особую значимость именно в рамках весенних обрядов. На Руси праздновалось также в отдельные периоды рождество Святителя, «праздник этот отмечался в месяцесловах (под разными числами — 23 и 24 авг<уста>, в 1621 г. — 29 июля, 27 июня) <...> памяти его посвящались храмы и обители»⁹⁸. Сведений о праздновании рождества св. Николая немного, вероятно, этот день не получил широкого и повсеместного распространения, поэтому мы ограничимся лишь его упоминанием.

Остановимся кратко на характеристике дня весеннего Николы. С этим днем связано большое количество народных пословиц и примет. Приведем лишь некоторые, в которых наиболее ярко проявляется значимость этого дня в земледельческом календаре: «Велика милость Божья, коли в Николин день дождик польет», «Никола осен-

ний лошадь на двор загонит, Никола вешний откормит», «Не хвались на Юрьев день посевом, хвались на Николин день травой»⁹⁹.

Интересным представляется праздник «свечи», приходящийся на весеннего Николу. Описывающий этот обряд Вл. Н. Добровольский полагает, что «празднование свечи — не что иное, как чествование света домашнего очага, а свеча — изображение предка, чтимого близкими и дальними родственниками»¹⁰⁰. Развитие этого тезиса находим в современном исследовании: «... заслуживает специального внимания связь Николы с поминанием так называемых “заложных” покойников, (т. е. нечистых, умерших без покаяния), которая может проявляться в семицких и троицких обрядах»¹⁰¹.

К тому же, как отмечает С. В. Максимов, «день Николы вешнего считается мужским праздником, так как в этот день парни первый раз едут в ночное и на лугах, при свете костров, справляют свой нехитрый пир <...>, молодежь на полной свободе водит хороводы, поет песни и пляшет до утренней зари»¹⁰².

Если весенний Николин день является одним из праздников, символизирующих наступление весны, то с Николы, отмечаемого 6 декабря, начинается зима: «Подошел бы Николин день, будет и зима», «Первые морозы — Никольские», «Хвали зиму после Николина дня»¹⁰³. С этой датой связана «знаменитая братчина»¹⁰⁴ Никольщина, под которой «следует разуместь неопределенный числом праздничных дней период времени, предшествующий и следующий за зимним Николой»¹⁰⁵.

Говоря о маленькой поэме «Микола», нельзя не обратиться к сопоставлению названия этого произведения с наименованием Николо-Радовицкого монастыря, сыгравшего заметную роль в судьбе Есенина. В автобиографии 1924 года поэт отмечает:

Первые мои воспоминания относятся к тому времени, когда мне было три-четыре года.

Помню лес, большая канавистая дорога. Бабушка идет в Радовецкий монастырь, который от нас верстах в 40. Я, ухватившись за ее палку, еле волочу от усталости ноги, а бабушка все приговаривает: «Иди, иди, ягодка, Бог счастье даст» [VII (1), 14].

Двоюродная сестра поэта Е. А. Воробьева много десятилетий спустя рассказывала о том, что странники останавливались отдыхать в Константинове, а затем вместе с бабушкой Натальей Евтеевной шли к Троице-Сергиевой Лавре или к Николо-Радовицкому монастырю. Вспоминая о бабушке Наталье Евтеевне, А. А. Есенина пишет, что была она «доброй и ласковой. Любила ходить по церквям и монастырям. Часто брала с собой Сергея»¹⁰⁶. Близка ей по духу была и мать поэта Татьяна Федоровна: «Она, как и бабушка, много ходила

по церквам и монастырям и все службы знала наизусть»¹⁰⁷. Как утверждает А. Д. Панфилов, основываясь на многочисленных фактах, собранных в Константинове, Татьяна Федоровна была «глубоко и искренне верующей»¹⁰⁸. Дед поэта Федор Андреевич, как уже было отмечено, водивший в Петербург баржи, особо почитал св. Николая¹⁰⁹. «В благодарность Богу за удачное плавание дедушка поставил перед своим домом часовню. У иконы Николая Чудотворца под праздники в часовне всегда горела лампада»¹¹⁰, — вспоминает Е. А. Есенина.

Богомольной была и другая бабушка Есенина. По воспоминаниям И. Г. Атюнина, «Аграфена Панкратьевна <...> часто навещала монастыри и скиты и брала с собой Сергея, где он проводил время в беседах с монахами и монашками, тщательно осматривал монастыри и потом долго рассказывал всем о своих впечатлениях. Особенно глубоко запечатлелась в его душе поездка¹¹¹ в Радовецкий монастырь Николая Чудотворца <...> и он долго не мог забыть это путешествие и надоедал своими рассказами товарищам, повторяя им по несколько раз одно и то же...»¹¹² О дороге в Николо-Радовицкий монастырь подробно рассказано в воспоминаниях односельчанки Есенина Титовой¹¹³. Путь богомольцев, сопровождаемый легендами об основании и истории монастыря, надолго остался в ее памяти.

Можно привести и другие воспоминания, в которых говорится о посещении Есениным Николо-Радовицкого монастыря, но и уже приведенных примеров достаточно для того, чтобы констатировать: и монастырь, и сама атмосфера паломничества оказали значительное влияние на Есенина.

Коснемся кратко истории этой обители, чтобы представить ее значимость для православных богомольцев и ценность находившегося в ней чудотворного образа св. Николая.

Достоверных сведений о времени основания монастыря, как отмечается в различных изданиях, посвященных его истории, не сохранилось¹¹⁴. «Но есть основания думать, что вначале он <монастырь. — М. С.> назывался “Акакиевой пустынью” и основание ему положено в половине XV века старцем Пахомием, пришедшим в Россию с московским митрополитом Фотием»¹¹⁵. Более определенны сведения об истории обители, начиная с середины XVI века, когда ее игуменом был Иона, прозванный Рогожею. При нем произошло обретение чудотворного образа св. Николая. Тогда Иваном Грозным была дана «монастырю жалованная грамота на владение вотчинами», а образ был отмечен как новоявленный¹¹⁶. Этот образ восходит к Можайскому, «т. е. изображает Угодника также с мечом и храмом. Вырезан из цельного яблоневого дерева и имеет в вышину 2 аршина 3 вершка.

На нем серебряная позлащенная риза, в разное время по частям со- оруженная благоговейными почитателями Чудотворца и представ- ляющая собой святительское облачение (крестчатое, золотыми кре- стами) — фелонь, палица, омофор»¹¹⁷.

Только в XVI веке, как пишет архимандрит Владимир, от этого образа было до 250 чудес. Происходили они и в последующие столе- тия. Кроме отмеченной чудотворной иконы, обитель известна еще двумя образами святителя: 1) «иконного письма с частью мощей его, покрытый среброзлащенной ризой», пожертвован обители в 1868 году Н. А. Дивовым, и 2) «малый» образ древнего греческого письма¹¹⁸.

Как отмечал в 1820 году Т. Я. Воздвиженский, это «знаменитей- шая обитель в России и теперь так процветает, ради бесчисленного множества богомольцев, приезжающих и приходящих из дальних стран в нее для моления, что с первейшими обителями в России рав- няться может»¹¹⁹. В начале XX века это третьеклассный мужской монастырь, настоятелем которого был архимандрит Тихон¹²⁰.

Относительно появления названия монастыря существует не- сколько гипотез, однако ни одна из них не находит сколько-нибудь серьезного документального подтверждения. Архимандрит Влади- мир полагает, что местность была названа основателем обители Па- хомием «в память о своей родине». «В Фессалии, — отмечает архи- мандрит, — не так давно была Радовицкая епархия; там есть и поны- не деревня Радовица...»¹²¹ А. В. Вознесенский считает, что название свое обитель получила «от чудотворного образа Святителя и озера, издавна называющегося также Радовицким, и оно к ним идет как нельзя больше, так как действительно они радуют душу»¹²². Можно предположить также, что местность получила название от древнего праздника радуницы, уходящего корнями в языческую эпоху, хотя и такая трактовка не может быть в настоящее время доказана. По крайней мере, несомненно, что в сознании стекавшихся в монастырь богомольцев его название соотносилось не только с радующим душу видом, но и с древним народным праздником.

Подведем краткие итоги, касающиеся семантики имени Миколы. Во-первых, Никола был самым почитаемым в России святым, память о котором никогда не ослабевала и имеет истоки в языческой эпохе. Во-вторых, Никола, как скорый заступник в бедах, посредник между человеком и Богом, помогал людям в самых разных случаях. Извест- ны такие его чудеса: исцеление болящих, воскрешение утопших, по- мощь ратникам, приумножение урожая. В-третьих, культ Николы напрямую связан с весенними обрядовыми праздниками, с пробуж- дением природы, а также с памятью о предках и их весенним вос-

крещением. И, наконец, для Есенина особенно значим был Николо-Радовицкий монастырь, в церкви во имя Рождества Пресвятой Богородицы которого находился чудотворный образ Святителя. Да и сама обитель обязана своим существованием этому святому.

Перейдем к рассмотрению маленькой поэмы Есенина «Микола» [II, 12–16].

В первой главке о Миколе говорится как о страннике, но страннике, отмеченном особым расположением Бога. Это подчеркивается в первой же строфе:

В шапке облачного скола,
В лапоточках словно тень...

Здесь Микола показан как представитель иного, неземного мира. Это раскрывается и в дальнейшем, в том числе и в словах самого Миколы:

— Я жилец страны нездешней,
Прохожу к монастырям.
(Главка 2)

Вместе с тем, Микола — богомолец, совершающий реальный многотрудный путь по просторам земли. Особенно полно эта характеристика дана во второй строфе первой главки:

На плечах его котомка,
Стягловица в две тесьмы,
Он идет, поет негромко
Иорданские псалмы.

Итак, кем же предстает в маленькой поэме Есенина Микола — святым, сошедшим на землю, или странником, получившим свое имя в память о святителе Мирликийском? А. М. Марченко подчеркивает разноплановую природу этого образа: «Примерный христианин, богомолец, ласковый угодник, бредущий тропой неспешной к святым монастырям, но он же и старик лесовик-луговик, разговаривающий с птицами и тварями на их, зверином языке», «исполнив свои земные дела», он «возвращается» в «райский терем»¹²³. Думается, что подобное толкование во многом справедливо, хотя вряд ли правомерно сближение Миколы с «лесовиком-луговиком».

В есенинском произведении реализуется двоякая природа Миколы: христианского святого, явившегося на землю ходатаем перед Богом, и праведником, избравшим страннический путь. В «Миколе», как и во многих других произведениях Есенина, стираются границы между земным и небесным мирами. Они оказываются взаимопроницаемыми и подвижными¹²⁴.

Интересно провести параллель между «Миколой» и стихотворением М. Ю. Лермонтова «Два великана», которое начинается строфой:

В шапке золота литого
Старый русский великан
Поджидал к себе другого
Из далеких чуждых стран¹²⁵.

Как видим, зачины этих произведений сходны. Однако если для Лермонтова важно показать воинственный дух и богатство «русского великана», который вступит в бой с чужеземным и победит его, то у Есенина подчеркивается святость и миролюбие Миколы. Мотив святости характерен для всего произведения: не сила приносит избавление от бедствий, а молитва. Это сопоставление особенно актуально, если принять во внимание выявленную В. А. Вдовиным соотношенность «Миколы» с военной проблематикой¹²⁶.

«Злые скорби, злое горе» уходят в холодную даль, а на первом плане предстают церковные купола:

Загораются, как зори,
В синем небе купола.

Таким образом, противопоставление холода и зла, с одной стороны, и зари (солнца) и неба, с другой, разрешается в пользу последних.

В первой главке в описании пейзажа особо подчеркивается святость природы:

Наклонивши лик свой кроткий,
Дремлет ряд плакучих ив,
И как шелковые четки —
Веток бисерный извив.

Этот мотив характерен для всего раннего творчества поэта, поэтому остановимся на нем подробнее. В финале стихотворения «Инок» говорится о молитве «на копны и стога». Рассматриваемый фрагмент «Миколы» помогает обнаружить причины этого. Молитва возможна именно потому, что природа духовна и наполнена святостью. Слово «лик», применяемое по отношению к лицу человеческого, а также к иконному изображению святых, соотносится здесь с ивами. Особый акцент этому построению придает эпитет «кроткий», относящийся к слову «лик». Соотношенность кроткого лика и «плакучих ив» выявляет божественную сущность, святость последних. Это же настроение поддерживает и слово «четки», толкуемое в Словаре В. И. Даля как «нитка бус, ремень с узлами, или в борах, для

счета молитв и поклонов»¹²⁷. Таким образом, автор подчеркивает святость растительного мира, но вместе с тем и то, что этот мир преобразен человеческим трудом. Ведь и четки, и кроткие иконные лики созданы человеком — человеком, посвятившим свою жизнь Богу. Также человеком наметаны копны и стога. Следовательно, молитва «на копны и стога» приобретает полноту: это обращение к Богу через посредство природы и человека. И таким человеком в стихотворении «Инок» становится крестьянин, наметавший копны и стога.

В маленькой поэме «Микола» посредником, ходатаем перед Богом является Его угодник. В последнем, пятом четверостишии первой главки вновь подчеркивается его святость:

Ходит ласковый угодник,
Пот елейный льет с лица...

На протяжении всей первой главки Микола совершает свой путь вдаль от жилища людей: «Мимо сел и деревень». «Ой ты, лес мой, хороводник, / Прибаюкай пришлеца», — говорит он.

Эта созерцательность пути, удаленность от мира людей начинает преодолеваться во второй главке. Первые три строфы характеризуют путь Миколы среди нетронутой человеком природы. Здесь явственно звучит мотив свадьбы: «Заневестилася кругом / Роща елей и берез», «Под березкою невестой...» Актуализация этого мотива в связи с изображением персонажей растительного мира опять же подчеркивает, как нам представляется, святость природы. Кроме того, мотив свадьбы подтверждает уже отмеченную неустойчивость, размытость границы между земным и иным мирами, что соотносится с представлением о свадьбе как переходном состоянии умирания / воскресения.

В третьей строфе возникает интересное сопоставление:

Утирается берестой,
Словно мягким рушником.

Через это сопоставление предметов, представляющих растительную и созданную человеком сферы, Есениным раскрывается символика вышивок на крестьянском полотенце, для которой характерен растительный орнамент. «Все от древа — вот религия мысли нашего народа, но празднество этой каны и было и будет понятно весьма немногим», — напишет Есенин позже в «Ключах Марии» [V, 190].

В четвертой и пятой строфах второй главки Микола описан выходящим к людям. Он «идет стопой неспешной / По селеньям, пустырям». Путь Миколы становится открытым людям. Здесь употреблен предлог «по» в значении «сквозь», в то время как в первой — «ми-

мо». Отсюда финал главки, параллельный финалу первой (слова Микола), адресованный уже не природе, а человеку:

— Помолюсь, схожу, за здоровье
Православных христиан.

В конце второй главки Микола, познавший греховность мира («злые скорби, злое горе») и вместе с тем устремленность к Богу, свойственную человеческой натуре (создатель горящих в небе куполов, кротких иконных ликов, монашеских четок), и приобщившись к природному бытию, приходит к человеку, становясь его ходатаем перед Богом.

Третья главка по композиции является центральной в поэме. В ней Микола выступает как активный заступник русской земли. Символичен в этом отношении прямой диалог Бога с Миколой¹²⁸:

Ходит странник по дорогам,
Где зовут его в беде,
И с земли гуторит с Богом
В белой туче-бороде.

Этот мотив заступничества, ходатайства, который, как мы видели, заметен и в первых главках, заимствован Есениным из фольклора. Характерны в этом отношении приводимые В. И. Далем поговорки: «Проси Николу, а он Спасу скажет», «Нет за нас поборника, супротив Николы»¹²⁹.

Слова Господа, обращенные к Миколе, занимают шесть строк. Равно им по объему обращение Микола к людям. Приходя в трактиры, посещая сельские сходы, Микола всюду несет дарованное ему Богом слово. Микола появляется там, где он более всего необходим.

Защити там в черных бедах
Скорбью вытерзанный люд.
Помолись с ним о победах
И за нищий их уют, —

призывает Господь Миколу. И угодник выполняет Божественную волю. Если во второй главке его путь лежал «по селеньям, пустырям», то в третьей этот путь конкретизируется: «Ходит странник по трактирам, / Говорит, завидя сход...» Он призывает к миру и добру. Собираемый крестьянами урожай Микола рассматривает как «милость Божью». Таким образом, его путь по земле становится путем проповедника. Это уже не обычный странник-богомolec, идущий от села к селу, молящийся в монастырях «за здоровье православных христиан», а пророк. Как отмечает Л. Л. Бельская, «Микола» ориентирован не на канонические источники, а на апокрифы и народные сказания¹³⁰. Проповедником в «Миколу» является христианский святой.

Четвертая главка — предзимнее умирание природы. Ее начало возвещает осень. Микола, собирающий и кормящий тварей, прощается с ними: завершается очередной цикл в природном календаре, подходит к концу и земной путь Миколы. Это последнее упоминание Миколы как странника, идущего по дорогам земли. Здесь он предстает как «слуга давнишний Богов», т. е. как святой. Чудотворец, теряя реальную связь с землей, с конкретным воплощением своего пути, остается молитвенником за ту землю, которую он посетил. Последние строки главки — «Миколае чудотворче, / Помолись Ему за нас», т. е. помолись Спасу, — это обращение не к страннику, а к Угоднику Божию. Метаморфоза происходит незаметно и еще раз подтверждает, что земной и небесный миры взаимопроницаемы и активно воздействуют друг на друга. Здесь вновь появляется мотив свадьбы, но уже как умирания и перехода в иной мир.

В четвертой строфе главки говорится о рае, причем путь в него уподоблен парадному входу дворца: «Звонкий мрамор белых лестниц...» Эта строка контрастирует с остальным текстом произведения, в котором представлена природная и сельская жизнь. Такое описание подчеркивает не только приметы нездешнего мира, но и особенность, необычность пути в рай:

Звонкий мрамор белых лестниц
Протянулся в райский сад;
Словно космища кудесниц
Звезды в яблонях висят.

Пятая, заключительная главка, как и все предыдущие, состоит из пяти строф. Ее начало параллельно первым строфам четвертой. Если в четвертой главке Микола созывал и кормил зерном земных тварей («белы птахи»), то в пятой главке Божья Мать сзывает к дверям «райского терема» голубей («ангельские птицы»). Завершая произведение, пятая главка замыкает и мотив зерна, культ которого был необычайно почитаем в крестьянской среде. Зерно — символ плодородия, урожая, а значит — и достатка. Зерно прорастающее — символ возрождающейся жизни, ее победы над смертью, неискоренимости жизни. О зерне впервые говорится в маленькой поэме в третьей главке (слова Миколы):

Собирайте милость Божью
Спелой рожью в закрома.

Зерно воспринимается как дарованная земледельцу за его праведные труды пища. Второе упоминание зерна (проса), как уже было отмечено, относится к четвертой главке. Пятая главка изобилует сим-

воликой зерна. Особенно ярко культ зерна выражен в словах Богоматери (вторая строфа):

— Клюйте, ангельские птицы:
Колос — жизненный полет.
Ароматней медуницы
Пахнет жней веселых пот.

В них утверждается святость труда пахаря, сеятеля, жнеца. Колос — «жизненный полет», т. е. источник и сила жизни, причем и земной, и небесной (ведь клюют зерно и ангельские птицы). Этот колос выращивается, собирается и обмолачивается крестьянами. Так вновь звучит тема единства человека и природы, тема святости природы и обращенного к ней крестьянского труда.

Замыкают тему зерна последние две строфы маленькой поэмы. Крестьяне собрали «милость Божью» — зерно — по словам Миколы, и, собрав, —

В честь угодника Миколы
Сеют рожью на снегу,

т. е. воздают должное Миколе и Богу.

Символичны и последние строки «Миколы»:

На снегу звенят колосья
Под косницами берез.

Собранный урожай, за обилие которого воздано должное, является залогом нового посева, как зима с неизбежностью готовит весну и смерть — новое возрождение.

Так в одном произведении, наполненном народно-поэтической и христианской символикой, раскрыты важнейшие черты крестьянской жизни. Центральные его темы неотделимы от многогранной радуничной символики. На эту семантическую систему накладывается другая, связанная, как было показано, с образом Миколы. Пересечение, точнее говоря, переплетение этих систем, оказывается в есенинском тексте органичным и естественным.

Второй раздел первого издания есенинской «Радуницы» назван автором «Маковые побаски». Это словосочетание является не только названием раздела, но и определяет жанровые особенности вошедших в него стихотворений. Побаска (побасенка, побаятка) определяется В. И. Далем как «анекдот, коротенький забавный рассказец; иногда говор, поговорка, местные обороты»¹³¹. Такое толкование созвучно со смысловой наполненностью второго раздела «Радуницы». Побаска подразумевает соединение в рамках одного текста

краткости и сюжетной полноты, законченности. Сам же автор выступает в таком случае как побасенник, рассказчик. А. Д. Панфилов соотносит побаски с частушками: «В Константинове частушки и сейчас называют “прибасками”, Есенину же нравилось называть их “побасками”»¹³².

Достаточно легко раскрыть и семантику второго слова, входящего в название раздела: «маковые», которое соотносится с текстом первого стихотворения раздела:

Белая свитка и алый кушак,
Рву я по грядкам зардевшийся мак [IV, 112].

Здесь проявляется соотнесенность «Маковых побасок» с любовной темой, которой и посвящено большинство стихотворений раздела.

Как видим, автор делит книгу на две части. Если первая — «Русь» — является заглавной, общезначимой, то вторая — более лирическая, личностная, душевная. Это различие, заметное на уровне названий, подтверждается и текстами, входящими в каждый из разделов.

«Белая свитка и алый кушак...» — первое стихотворение раздела — говорит о неразделенной любви лирического героя. Для этого произведения характерна быстрая смена планов. В первой строфе — представление лирического героя («я»), во втором — дальний план — корогод за селом, который связан с мыслями лирического героя: «там она, там она песни поет». Нарочитое повторение, вызывающее нагнетание напряжения, приводит к воспоминаниям лирического героя (третья и четвертая строфы). Здесь уже нет повторения так и не названной и никак не охарактеризованной возлюбленной. «Она» присутствует в мотиве отказа, который объединяет две строфы. Отказ вызывает размышления лирического героя, которые делятся по тематике на две части. Первая — автохарактеристика лирического героя, занимающая три строки. Она раскрывает причины неразделенности любви. Вторая часть — характеристика противостоящего лирическому герою мира: «они», «он», «она». Вызревающий здесь конфликт нагнетается в восьмой строфе, где «он», «она» и «я» сталкиваются в одной сцене:

Свившись с ним в жгучее пляски кольцо,
Брызнула смехом она мне в лицо [IV, 113].

В последних двух строфах главенствующим является мотив печали лирического героя. Здесь раскрывается и символика «зардевшего мака», заданная в первой строфе и повторенная в девятой: «Маком влюбленное сердце цветет...»

Как видим, первое стихотворение раздела активно вводит в книгу тему любви. Им же раскрывается семантика названия «Маковые побаски».

Любовная тематика разворачивается и в ряде других произведений, получая различные модификации. В стихотворении «Кручина» несчастье девушки-царевны вызывают предвещающие беду результаты гаданий и приметы. «Троица» — это лирическая исповедь девушки, которая должна идти под венец с нелюбимым. В стихотворении «Ты поила коня из горстей в поводу...» — гибель возлюбленной лирического героя. В стихотворениях «Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха...» и «Выткался на озере алый цвет зари...» — счастье встречи лирического героя с возлюбленной. В «Девичнике» — размышления невесты перед свадьбой. В стихотворении «Сыплет черемуха снегом...» — раздумья лирического героя о невесте. В «Вечере» — езда красавца-парня на хоровод, вызывающая внимание девушек.

На первый взгляд, тема любви, которая является центральной во всех названных произведениях, совершенно не соотносится с общей радуничной тематикой книги. Это не совсем так.

Во-первых, во многих текстах явно звучит тема весенне-летних праздников. Так, в стихотворении «Белая свитка и алый кушак...» говорится о корогоде, сопряженном с песнями и плясками. Корогоды в Константинове начинали водить с ранней весны, открыто, не таясь — после Пасхи. «У нас перед домом лавка была, базар устраивали, — вспоминает односельчанка Есенина Прасковья Акимовна Минакова. — В престольные праздники устраивали здесь гуляния. Помню, как здесь в старину водили карагоды. Рука об руку ухватятся, не знаю сколько, может, человек полтараста»¹³³. Со сходным праздником соотносится и время в стихотворении «Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха...» О конкретных праздниках говорится в двух других текстах: «Кручина» (семик) и «Троица».

Во-вторых, в ряде текстов звучит тема смерти, которая в первом разделе, как уже было отмечено, особенно ярко выявляется в стихотворении «Поминки». В «Кручине» о смерти еще не говорится, но она предвещается приметами, которые наводят на девушку печаль. Смерть предвещает и природа:

Запах ладана от рощи ели льют,
Звонки ветры панихидную поют [I, 30].

Волнуемая многочисленными предзнаменованиями, девушка проникается мыслью о неизбежности своей быстрой кончины (последняя строфа):

Ходит девушка по берегу грустна,
Ткет ей саван нежнопенная волна [1, 30].

Более определенно тема смерти звучит в стихотворении «Ты поила коня из горстей в поводу...»

Наконец, сам свадебный обряд соотносится с похоронным. Как отмечает в статье «Символика цвета у С. А. Есенина и свадебная поэзия Рязанщины» Е. А. Самоделова, «в свадебном обряде белый цвет остается символом печали, он проник туда в сопровождении древнейших представлений о свадьбе — переходе в иной мир, свадьбе-смерти и возрождении к новой жизни»¹³⁴. Мотив свадьбы, как мы видели, пронизывает и маленькую поэму «Микола». Этот мотив в соединении с белым цветом («Под березкою невестой...», «Сватай девицу — зиму...») актуализируется именно там, где важно показать проницаемость земного и иного миров и, следовательно, взаимосвязь смерти и воскресения.

Смерть и воскресение, неразрывно связанные в природных процессах и основанном на их глубинном понимании земледельческом календаре, важны в радуничной обрядовой символике. При этом отметим, что тематика смерти / воскрешения проходит через все творчество Есенина. В связи с этим остановимся на этом вопросе подробнее.

Мысль о кратковременности пребывания человека в этом, земном, мире характерна для разных периодов творчества Есенина. На важность темы смерти для Есенина исследователи указывали давно. Более полувека назад В. Ф. Марков утверждал, что «основным и постоянным подводным течением поэзии Есенина, дающим окраску всему его творчеству, является тема смерти»¹³⁵. Во многих есенинских текстах слово «смерть» табуировано, т. е. автор вводит тему смерти, не используя слово, обозначающее это понятие. Это призвано «скрыть» реальное событие смерти за его обрядовым переживанием, сделать смерть ритуально оформленной, преобразованной, «человеческой». Вместе с тем в этих же есенинских текстах повторяется слово «жизнь» и производные от него. Например, в стихотворении «Воспоминание» («За окном, у ворот...») старик размышляет о прошедшей жизни:

За окном, у ворот
Вьюга завывает,
А на печке старик
Юность вспоминает.

« <...> Твой конец не велик,
Жизнь твоя у гроба.

Ну и что ж, покорюсь, —
Видно, моя доля.
Придет им тоже час
Старческого горя» [IV, 11–12].

В этом стихотворении автор вводит важное для мифологического сознания понятие о прожитом веке. Каждому человеку отмерен «свой век». Люди, «умершие прежде срока своей естественной смерти, скончавшиеся, часто в молодости, скоропостижною несчастною или насильственной смертью»¹³⁶, переходят в разряд заложных покойников. Им противопоставлены люди, пережившие свой век, — их поминки могли справляться и при жизни. В стихотворении Есенина старик размышляет о своем земном пути. Показательно, что герой связывает свое впечатление о завершенности жизни не с собственными ощущениями, а с устоявшимся мнением, то есть опирается именно на мифологическое понятие «прожитого века» («Погулял на веку, / Говорят, довольно» [IV, 11]).

В этом тексте слово «смерть» не употребляется. Примечательно, что даже тогда, когда речь идет о приближении смерти, используется слово «жизнь» («Жизнь твоя у гроба» [IV, 12]).

Близко по тематике к этому произведению и стихотворение «Капли», в котором автор также обращается к мифологическому понятию прожитого века. Тема приближения смерти раскрывается и в этом стихотворении без использования табуированного слова. А слово «жизнь» пронизывает весь текст. В первой строфе слово «осень» и весь контекст создают картину увядания и печали, причем особенно значимой оказывается последняя строка. В ней не только используется слово «осень», но и намечается переход от изображения природных процессов к бытовой зарисовке, подразумевающей наличие антропного элемента:

Капли жемчужные, капли прекрасные,
Как хороши вы в лучах золотых,
И как печальны вы, капли ненастные,
Осенью черной на окнах сырых [IV, 41].

Первое слово второй строфы — «люди» — полностью переводит стихотворение в антропный план. В этой строке появляется и слово «жизнь»:

Люди, веселые в жизни забвения,
Как велики вы в глазах у других
И как вы жалки во мраке падения,
Нет утешенья вам в мире живых [IV, 41].

Особенно интересна последняя строка («Нет утешенья вам в мире живых»). Это отрицание подразумевает наличие утешения в ином, нездешнем мире. Перед нами еще один пример табуирования понятия, связанного со смертью, — через подключение слова с противоположным значением. Третья и четвертая строфы близки по построению первой и второй соответственно:

Капли осенние, сколько наводите
На душу грусти вы чувства тяжелого.
Тихо скользите по стеклам и бродите,
Точно как ищите что-то веселого.

Люди несчастные, жизнью убитые,
С болью в душе вы свой век доживаете.
Милое прошлое, вам не забытое,
Часто назад вы его призываете [IV, 41].

В стихотворении «О красном вечере задумалась дорога...» табуировано не только слово «смерть», но и отсутствуют какие-либо отличительные характеристики человека, покинувшего земной мир:

Кого-то нет, и тонкогубый ветер
О ком-то шепчет, сгнувшем в ночи.
Кому-то пятками уже не мять по рошам
Щербленный лист и золото травы [I, 74].

Но Есенин не всегда табуирует слово «смерть». Ряд его текстов напрямую соотносится с похоронным обрядом, на что нередко указывают уже названия стихотворений: «К покойнику», «У могилы», «Исповедь самоубийцы».

Первое из этих произведений включает описание похоронного обряда. Здесь же звучит и печаль о невосполнимой утрате.

Похороны, как отмечает А. К. Байбурин, это «перевод случайного, индивидуального события в разряд закономерного и типичного, т. е. преобразование события природного плана в “культурное”»¹³⁷. Именно такой переход от частного события к общему плану, связанному с восприятием антиномии «жизнь — смерть», характерен и для есенинского текста. Похороны, согласно мифологическому мышлению, делают факт смерти необратимым.

В стихотворении говорится об отсутствии ответа умершего «назов наш зычный». Это вызывает ассоциации с весенней обрядовой традицией, праздником радуницы, для которого характерны «оклички» мертвых. Так совмещаются жизненный и календарный циклы. Заканчивается стихотворение размышлениями о скоротечности земной жизни человека. Описываемое событие вызывает мысли о неизбежности смерти:

Покойся с миром, друг наш милый,
И ожидай ты нас к себе.
Мы перетерпим горе с силой,
Быть может, скоро и придем к тебе [IV, 18].

Заметим, что и в этом стихотворении слово «смерть» ни разу не используется, в то время как употребляются другие слова и словосочетания, соотнесенные с темой смерти: «Чтоб ты не мог навеки встать»; «Где лишь бесчувственные спят».

Печалью наполнена «Исповедь самоубийцы». Герой этого стихотворения, прощаясь с матерью, вспоминает о прожитой жизни:

Простись со мною, мать моя,
Я умираю, гибну я!
Больную скорбь в груди храня,
Ты не оплакивай меня.
Не мог я жить среди людей,
Холодный яд в душе моей.
И то, чем жил и что любил,
Я сам безумно отравил.
Своею гордою душой
Прошел я счастье стороной.
Я видел пролитую кровь
И проклял веру и любовь.
Я выпил кубок свой до дна,
Душа отравкою полна.
И вот я гасну в тишине,
Но пред кончиной легче мне. <...>
Безумный мир, кошмарный сон.
А жизнь есть песня похорон.
И вот я кончил жизнь мою,
Последний гимн себе пою [IV, 47–48].

Вероятно, несколько раньше, чем написано это стихотворение, Есенин и сам предпринял неудавшуюся попытку самоубийства. Об этом он сообщает Марии Бальзамовой 14 октября 1912 года. За несколько месяцев до этого 17-летний начинающий поэт приехал в Москву. Есенин пишет:

Тяжело было, обидно переносить все, что сыпалось по моему адресу. Надо мной смеялись, потом и над тобой. <...>

Я, огорченный всем после всего, на мгновение поддался этому и даже почти сам сознал свое ничтожество. И мне стало обидно на себя. Я не вынес того, что про меня болтали пустые языки, и... и теперь от того болит моя грудь. Я выпил, хотя не очень много, эссенции. У меня схватило дух и почему-то пошла пена. Я был в сознании, но передо мной немного все застилалось какою-то мутною дымкой. Потом, я сам не знаю, почему, вдруг начал пить молоко, и все прошло, хотя не без боли. Во рту у меня обожгло сильно, кожа отстала, но потом опять все прошло,

и никто ничего-ничего не узнал. Конечно, виноват я и сам, что поддался лживому ничтожеству, и виноваты и они со своею ложью [VI, 18–19].

Размышления о самоубийстве есть и в другом письме Есенина Марии Бальзамовой, написанном несколько позже — в 1913 году. Поэт, рассуждая о современной ему жизни, ощущает одиночество и тоску:

Жизнь идет не по тому направленью, и люди, влекомые ее шумным потоком, не в силах сопротивляться ей и исчезают в водовороте ее жуткой и страшной пропасти, — пишет Есенин. — К чему жить мне среди таких мерзавцев, расточать им священные перлы моей нежной души. Я один, и никого нет на свете, который бы пошел мне навстречу такой же тоскующей душой. Будь это мужчина или женщина, я все равно бы заключил его в свои братские объятия и осыпал бы чистыми жемчужными поцелуями, пошел бы с ним от этого чуждого мне мира, предоставляя свои цветы рвать дерзким рукам того, кто хочет наслаждения.

Я не могу так жить, рассудок мой туманится, мозг мой горит и мысли путаются, разбиваясь об острые скалы — жизни, как чистые хрустальные волны моря.

Я не могу придумать, что со мной. Но если так продолжится еще, — я убью себя, брошусь из своего окна и разобьюсь вдребезги об эту мертвую, пеструю и холодную мостовую [VI, 40–41].

Конечно, нельзя не учитывать, что Есенин писал это девушке, которой не раз, в том числе и в сохранившихся письмах, объяснялся в любви. Противопоставляя свою чистую душу окружающим низким и ничтожным людям, он хотел вызвать внимание к себе, возвыситься в глазах возлюбленной. Вот, например, свидетельствующий об этом отрывок из есенинского письма от 1 июня 1913 года:

Милая Маня! Благодарю, благодарю глубоко и сердечно за твое великодушие. Я знаю, ты, конечно, уже все слышала о последнем моем периоде жизни. Маня, я искренне жалею, что не пришлось довершить до конца этих святых порывов; сил не хватило переносить насмешки и обиды. Кто знает, может быть, это самые высокие идеалы, которых еще пугается человечество, но раз им не пришлось осуществиться, так предоставим их разбирать уже дальнейшему поколению. Воли у меня хватило бы идти на крест, но силы душевной и телесной совершенно был лишен я. Ну... Впрочем, я об этом никому никогда не расскажу, и к чему поднимать старые раны!.. Ох, как тяжело, Маня! Да и зачем я буду мучить себя.

Слишком больно! [VI, 41–42]

Впрочем, Есенин в это время, поселившись в Москве, ведет довольно активную политическую деятельность, распространяя среди рабочих социал-демократический журнал «Огни», участвуя в нелегальных собраниях. За ним даже установили на время филерское на-

блюдение. Так что слова о следовании «самым высоким идеалам» были подкреплены вполне конкретными делами.

В стихотворении «Русалка под Новый год» безответная любовь вызывает у девушки не только мысли о самоубийстве, но и размышления о грядущем весеннем воскресении, т. е. о соединении с возлюбленным через смерть: девушка, обернувшись русалкой, должна заманить дорогого ей человека на брачное ложе:

Ты не любишь меня, милый голубь,
Не со мной ты воркуешь, с другою.
Ах, пойду я к реке под горою,
Кинусь с берега в черную прорубь.

Не отыщет никто мои кости,
Я русалкой вернуся весною.
Приведешь ты коня к водопою,
И коня напою я из горсти [IV, 122].

Интересно стихотворение «Занеслися залетною пташкой...», впервые напечатанное в составе подборки «Русь». Сам текст, а также название подборки свидетельствуют о том, что это произведение обращено к Руси:

Занеслися залетною пташкой
Панихидные вести к нам.
Родина, черная монашка,
Читает псалмы по сынам.

Красные нити часослова
Кровью окропили слова.
Я знаю — ты умереть готова,
Но смерть твоя будет жива.

В церквушке за тихой обедней
Выну за тебя просфору,
Помолюся за вздох последний
И слезу со щеки утру [IV, 116].

Как контекст самого стихотворения, так и широкий историко-культурный контекст эпохи позволяет говорить о соотносительности этих строк с событиями Первой мировой войны. В них утверждается готовность России к гибели и одновременно невозможность, неосуществимость этой гибели; о трансформации этой смерти России в ее воскрешение в новом обличии.

В последних строках стихотворения Русь предстает как находящаяся в раю, т. е. в ином мире:

А ты из светлого рая,
В ризах белее дня... [IV, 116]

Особенности авторского видения мира ярко проявляются в стихотворении «Не напрасно дули ветры...» Если в ряде произведений появляется образ «отчавившей Руси», то здесь мы видим самоопределение лирического героя:

Не напрасно дули ветры,
Не напрасно шла гроза.
Кто-то тайный тихим светом
Напоил мои глаза.

С чьей-то ласковости внешней
Отгрустил я в синей мгле
О прекрасной, но нездешней,
Неразгаданной земле.

Не гнетет немая млечность,
Не тревожит звездный страх.
Полюбил я мир и вечность,
Как родительский очаг [I, 85].

Родительский очаг — понятие очень важное и для поэзии Есенина, и для русской духовной и культурной традиции. Оно свидетельствует об единстве восприятия почитаемых умерших предков и ныне живущих, объемлет собой земной и небесный (нездешний) миры. Именно единство, целостность, взаимодействие и взаимопроницаемость этих миров и приводит к пониманию вечности.

Это видно и в стихотворении Константина Романова (К. Р.) «Орианда» (1908):

Я посетил родное пепелище —
Разрушенный родительский очаг,
Моей минувшей юности жилище,
Где каждый мне напоминает шаг
О днях, когда душой светлей и чище,
Вкусив впервые высшее из благ,
Поэзии святого вдохновенья
Я пережил блаженные мгновенья¹³⁸.

У Есенина видение «мира и вечности» глубоко оптимистично:

Все в них благостно и свято,
Все тревожное светло.
Плещет рдяный мак заката
На озерное стекло [I, 85].

Важное место в есенинской книге «Радуница» занимает стихотворение «Матушка в купальницу по лесу ходила...» Если рассматривать композицию первого издания «Радуницы», то это стихотворение окажется центральным: до него помещено 16 произведений и ровно столько же после. В этом стихотворении говорится о рожде-

нии и возмужании лирического героя. Это своего рода его житие, в котором, однако, прослеживается не христианская, а языческая символика. Анализ этого текста с широким привлечением фольклорных источников проведен В. И. Харчевниковым. Как отмечает исследователь, «поэт родился в колдовскую, поэтичную, полную таинственных видений купальскую ночь, впитав в себя еще до рождения с кровью матери чудодейственную силу трав и родной земли. Его рождение сопровождалось неистовством, бесованием, плачем и смехом праздника; сама природа нарекла его своим внуком, открыв ему все свои богатства. Она же определила его судьбу — удалую, буйную, веселую и тревожную. Как бабка и повивальница его — купальская весна — лето умирает перед зимою, чтобы жить вечно, так и он готов растаять снежинкой в просини, чтобы уйти от злой судьбы смерти, чтобы петь вечно о родной природе, о бурной силе жизни»¹³⁹. В стихотворении говорится о рождении с песнями, т. е. об исконном песенном даре, о глубинном познании природы, а в конечном счете, о неотделимости человека от природы и свойственной ей цикличности. Природное бытие, рождение в нем готовят и соответствующий земной путь: «Сутемень колдовная счастье мне пророчит». Но эта известность, проторенность предполагаемого пути и не устраивает лирического героя. Здесь, очевидно, впервые в творчестве Есенина, появляется мотив хулиганства — протеста против заданности и определенности:

Да не любо молодцу счастье наготове,
Выбираю удалю и глаза и брови.

Пусть бы меня хаяли, пусть бы все галдели, —
Не спугнуть соколика на словах и деле [I, 313].

Таким образом, рождение «в травном одеяле», слитость этого рождения с природными процессами не означает полного подчинения природе, ее законам. В стихотворении утверждается право человека на особую, им самим определяемую судьбу, на активное противостояние окружающему миру¹⁴⁰. И вместе с тем в последнем четверостишии вновь актуализируется тема сопричастности природы и человека. И если, как отмечает В. И. Харчевников, в стихотворении отображается цикличность природного бытия, то эта цикличность, т. е. следование воскрешения за смертью, должна быть свойственна и человеку.

Для второй половины «Маковых побасок» характерна тематика, наиболее полно разработанная в первом разделе есенинской книги. В этих произведениях заметна более тесная взаимосвязь отмеченных тем, их нерасчленяемость. Рассмотрим с этих позиций стихотво-

рение «Туча кружево в роще связала...» Центральной объединяющей его темой является мотив пути: «Еду грязной дорогой с вокзала...» Однако сам этот путь (путешествие, перемещение) является предпосылкой для наблюдения, основой для получения своеобразных путевых впечатлений. Пространственно путь четко не определен. Он пролегает «вдалеке от родимых полян», но созерцание окружающих пространств вызывает мысли о родном крае, т. е. пространство, по которому проходит путь, близко лирическому герою. Важное место занимает в стихотворении пейзаж; именно его восприятие приводит лирического героя к философским раздумьям:

Лес застыл без печали и шума,
Виснет темь, как платок, за сосной.
Сердце гложет плакучая дума...
Ой, не весел ты, край мой родной [I, 32].

Интересно, что именно спокойствие, отсутствие хоть сколько-нибудь заметных движений в природе, темнота, неясность вызывают «плакучую думу». Сама эта дума окрашивает в пессимистические тона и наблюдаемый мир: «Пригорюнились девушки-ели». Введением сравнения «девушки-ели» актуализируется антропное начало, которое доминирует в последних строках стихотворения, усиливая в нем пессимистическую тональность.

В песне ямщика вводятся мотивы тюрьмы и похорон:

— Я умру на тюремной постели,
Похоронят меня кое-как [I, 32].

Финал стихотворения можно рассматривать как вариацию мотива пути (трагичность и скоротечность земной жизни человека), выявив созвучность песни ямщика невеселым, пессимистическим мыслям лирического героя, т. е. единение через трагичность восприятия мира лирического героя, ямщика и природы.

Мотив пути сближает этот текст со стихотворением «Дымом поповодье...», где он вводится не только с помощью глаголов движения («еду», «тычусь»), но и с помощью метафоры, уподобления месяца вознице (ямщику): «Желтые поповья / Месяц уронил». И вновь природа вызывает у лирического героя философские раздумья. Третья строфа, описывающая происходящие в природе процессы, получает принципиально иную наполненность благодаря последней строке, в которой употреблено слово «всенощная», придающее всему фрагменту антропную составляющую:

Заунывным карком
В тишину болот

Черная глухарка
К всеобщей зовет [I, 33].

Сразу же возникают параллели-замещения: «карк» соотносится со скрипучим голосом, а «черная глухарка» с монашкой, носящей черное одеяние. Обстановка, обрисованная в третьей строфе, определяет направленность философских размышлений лирического героя:

Помолюсь украдкой
За твою судьбу [I, 33].

Как видим, в этом стихотворении наряду с темой пути актуализируются и темы единства человека и природы, молитвенного обращения к Богу.

По-иному построено стихотворение «Край ты мой заброшенный...» В нем путник упоминается лишь в финальном четверостишии. Но именно это единственное употребление слова заставляет рассматривать все произведение как изображение сопутствующих пути картин и описание вызванных ими раздумий. Уже в первой строфе отмечается убогость, заброшенность родного края. В ней же названы и три основные составляющие мира, как было и в ряде стихотворений первого раздела:

Сенокос некошенный,
Лес да монастырь [I, 60].

Это природа (лес), место приложения каждодневного крестьянского труда (сенокос) и воплощение молитвенного обращения к Богу (монастырь). В следующих четверостишиях план укрупняется, дается детальное описание небольшого поселения из пяти домов, подтверждающее слова первой строфы:

Край ты мой заброшенный,
Край ты мой, пустырь [I, 60].

Как отмечено Л. А. Киселевой в докладе, прочитанном на одной из есенинских конференций, пять домов символизируют пятикупольный храм. Такие образы этого стихотворения, как «под соломой ризую» и «солнцем окропил», близки по средствам создания к тем, которые рассмотрены в стихотворении «Инок», поэтому на их разборе не будем специально останавливаться. Строки четвертой строфы:

В окна быют без промаха
Вороны крылом... [I, 60]

в соотнесении с общей тональностью стихотворения говорят о включенности текста в число произведений Есенина с военной тематикой. По крайней мере, в военном 1916 году, когда вышла в свет «Радуни-

ца», это произведение не могло восприниматься без учета реально-исторического контекста. Его развитию способствует и предыдущее стихотворение «Рекруты». Слова В. И. Харчевникова о том, что «до сих пор еще никто не доказал, что стихотворение “Рекруты” посвящено вообще Первой мировой войне»¹⁴¹, остаются справедливыми до настоящего времени. Исследователь показывает связь этого есенинского произведения с рекрутскими песнями. Однако эти интересные разыскания никоим образом не могут отменить контекстных значений, в которые вплеталось это стихотворение. У Есенина проводы рекрутов соотносятся с летним праздником и характерными для него атрибутами: песнями, плясом, играми молодежи. В стихотворении нет какой-либо прямой соотнесенности с конкретными причинами рекрутского набора. Здесь преобладает светлое восприятие окружающего: «В пляс пускались весело», «Улыбались старики», «Им смеялась роща зыками». Перед нами описание обычного крестьянского праздника. Но само название «Рекруты», а также обилие в начале стихотворения слов, сопряженных с рекрутской тематикой («рекрута», «последние деньки», «прощай», «рекрутство»), создают определенный эмоциональный фон, напрямую соотносимый с современными читателям первого издания «Радуницы» событиями.

В стихотворении «Базар» пространство почти полностью ограничено рамками базара. Каждая из первых четырех строф состоит из двух предложений, причем все предложения занимают по две строки. Если в первом предложении строфы дается какая-либо характерная для базара деталь, то во втором явственнее присутствует образ автора, для которого свойственно стремление к обобщению и философским раздумьям. Личностное, субъективное начало усиливается, становясь доминирующим, в двух последних строфах этого произведения. Здесь, как и в ряде других стихотворений книги, наглядно проявляется мотив созерцания. Тема пути обращена уже не к лирическому герою или героям стихотворения, как мы наблюдали в других текстах, а к самой Руси:

Ты ли, Русь, тропой-дорогой
Разметала ал наряд?
Не суди молитвой строгой
Напоенный сердцем взгляд [I, 36].

Как странница-богомолка предстает здесь сама Русь. Молитвенный путь становится тем, что объединяет Русь, создает ее единство.

Мотив богомольного пути актуализируется и в стихотворении «Сторона ль моя, сторонка...» Весь этот текст пронизан настроением печали, вызванным скудостью и запустением: «Горевая полоса», «Чохнет старая церквушка», «С печальных мест» и др. Главным

здесь становится трагизм восприятия мира. Обращение к образу богомольцев помогает раскрыть трагичность бытия, которая проявляется на всех уровнях: и заброшенность церкви, и «худое тело» странников, и созвучная их думам «Спаса кроткого печаль».

Особое место в книге занимает стихотворение «Пастух». Образ пастуха, укорененный в библейских книгах, был особенно значим для поэта. В «Ключах Марии» Есенин говорит об «эпохе пастушеского быта», т. е. о том периоде, когда имевшие много свободного времени пастухи были «первыми мыслителями и поэтами» [V, 189]. Весь окружающий мир понятен пастуху, созвучен его мыслям. Он тоже странник, но вместе с тем и мыслитель. Пастух близок природе, растворен в ней, но он же и ее хозяин.

Я пастух, мои палаты —
Межи зыбистых полей [I, 52],

— так начинается стихотворение. Этот мотив характерен и для центральной, третьей строфы.

Пастух — молитвенник за ту землю, которой он обладает. Его молитва относится еще к тому времени, когда люди не знали Бога. Владея природой, понимая «кивливый язык» коров и клич «духовитых дубров», пастух и молится этому целостному, первозданному миру, где нет еще противоречий, резкой грани между природой и человеком:

Я молюсь на алы зори,
Причащаюсь у ручья [I, 52].

Если выше, при анализе «Миколы», мы отмечали, что молитва, обращенная к природе, это молитва Богу через посредничество самой природы, то в данном случае можно говорить о молитве дохристианской, языческой. Это молитва пастуха, воспринимающего мир цельным, нерасчлененным. В объект молитвы не включаются какие-либо антропные элементы или символы.

Как видим, значительное число произведений, вошедших во второй раздел «Радуницы», развивает те же темы, которые были характерны и для первого раздела. Эта тематическая связанность еще раз подчеркивает целостность книги Есенина.

Стихотворение «Чую радуницу Божью...» завершает не только второй раздел, но и всю книгу поэта¹⁴².

Во-первых, интересно, что в соотношении с маленькой поэмой «Микола», открывающей книгу, это произведение, завершая кольцевую композицию, подчеркивает символику, связанную с Николо-Радуницким монастырем.

Во-вторых, это единственное, кроме названия книги, употребление слова «радуница». Актуализация радуничной символики характерна для первой строки — названия произведения. Строка «Чую радуницу Божью...» показывает христианскую сущность этого праздника и одновременно его близость автору¹⁴³. Интересно, что для обозначения восприятия праздника использовано слово «чую», часто употребляемое и в других произведениях поэта¹⁴⁴. В. И. Даль определяет глагол «чують» (чуть, чувать) как «познавать чувствами, ощущать, чувствовать, слышать, особенно осязанием, обонянием, вкусом, также слухом, но не зрением»¹⁴⁵, т. е. воспринимать всеми чувствами, кроме зрения. Используя этот глагол, Есенин стремится подчеркнуть многоплановость, всеобъемлемость восприятия радуницы. Эта полнота восприятия подготавливает следующую строку: «Не напрасно я живу». Здесь подчеркивается значимость, ценность земного пути человека. В последующих строках вновь возникает мотив поклонения святой природе, обращение через ее посредничество к Богу. И в пространствах природы видится лирическому герою Иисус:

Между сосен, между елок,
Меж берез кудрявых бус,
Под венком в кольце иголок,
Мне мерещится Иисус.

Он зовет меня в дубровы,
Как во царствие небес,
И горит в парче лиловый
Облаками крытый лес [I, 56].

В приведенных строках божественный и природный, земной миры не только становятся взаимопроницаемы, как было в «Миколле», но и сливаются воедино. Это единство мира захватывает, подчиняет себе и лирического героя стихотворения:

Голубиный дух от Бога,
Словно огненный язык,
Завладел моей дорогой,
Заглушил мой слабый крик [I, 56].

Если радуницу можно «чують», то в применении к духу даже столь богатое по семантике слово не употребляется поэтом. Он использует здесь такие глаголы, которые показывают, что Дух Божий овладел всем существом лирического героя. Важна при этом и огненная сущность духа. Безусловны и переклички с пушкинским «Пророком».

Таким образом, в этом произведении делается акцент не на индивидуальное видение и понимание мира, а на его обобщенное целостное восприятие. Если в «Миколе» пророчество было свойственно угоднику Божию, то в рассматриваемом стихотворении таким пророчком становится лирический герой, сближаемый с автором. Это пророчество полностью соответствует православному учению и не противоречит христианскому идеалу.

Надо отметить, что еще в июне 1913 года Есенин создает драму «Пророк», довольно большую по объему: «черновик — 10 листов больших, и 10 листов белых написал» [VI, 29]. Драма не сохранилась, но само создание этого произведения свидетельствует о том, что стремление к пророчеству было свойственно Есенину, начиная с первых поэтических опытов.

Если в первой строфе слово «чую» подразумевает все чувства, кроме зрения, то для полноты восприятия мира, установления гармонии необходимо, чтобы это чувство вписалось в общую палитру. Это происходит в последней строфе:

Льется пламя в бездну зренья,
В сердце радость детских снов [I, 57]¹⁴⁶.

И, наконец, последние две строки стихотворения замыкают еще один круг:

Я поверил от рожденья
В Богородицын покров [I, 57].

Если «Микола» посвящен наиболее чтимому в России святому, то завершается книга упоминанием о другой покровительнице России — Богородице. Вспомним, что Богородица являлась и действующим лицом открывающей книгу маленькой поэмы¹⁴⁷. Таким образом, здесь мы видим еще одно подтверждение того, что первый и последний тексты, занимая сильные композиционные позиции, придают всей книге целостность. Кроме того, напоминание о рождении лирического героя заставляет вспомнить и центральное по композиции стихотворение — «Матушка в купальницу по лесу ходила...»

Как видим, первая книга Есенина является целостным образованием, которое необходимо рассматривать в единстве его тематической разноплановости. Изучение первого издания «Радуницы», основанное на выявлении радуничной символики, позволяет доказать, что это издание удовлетворяет всем требованиям, предъявляемым к авторской книге.

- ¹ Розанов И. Н. Воспоминания о Сергее Есенине // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 438.
- ² Повицкий Л. И. Сергей Есенин в жизни и творчестве (По личным воспоминаниям) // Там же. Т. 2. С. 238.
- ³ Новости детской литературы. 1915. № 2. С. 18.
- ⁴ Аренский Р. [Гиппиус З. Н.] Земля и камень // Голос жизни. 1915. № 17. С. 22.
- ⁵ З. Б. [Бухарова З. Д.] Новые пути русского искусства // Петроградские ведомости. 1915. 11 (24) июня.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Кузько П. О поэтах из народа (С. Есенин) // Кубанская мысль. 1915. 29 ноября. № 60.
- ⁸ Городецкий С. Письмо из Петрограда: Об искусствах и литературе // Там же 15 ноября. № 49.
- ⁹ Кузько П. О поэтах из народа (С. Есенин).
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Оксенов И. Литературный год // Новый журнал для всех. 1916. № 1. С. 59.
- ¹³ Львов-Рогачевский В. Великое ожидание (Обзор современной русской литературы) // Ежемесячный журнал. 1916. № 1. Стб. 158. В «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина» (т. 1, с. 331) время выхода этого журнала ориентировочно отнесено к февралю 1916 года.
- ¹⁴ Летопись жизни и творчества С. А. Есенина. Т. 1. С. 318. Разрешение на выпуск книги в свет будет дано уже спустя два дня — 30 января 1916 года (Там же. С. 319).
- ¹⁵ Современный мир. 1916. № 2. 2-я пагинация. С. 159.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Лернер Н. Господа Плевицкие // Журнал журналов. 1916. № 10. С. 6.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Ежемесячные литературные и научно-популярные приложения к «Ниве». 1916. № 8. Стб. 148.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Литературная Россия. 1978. № 41. С. 12.
- ²³ Фомин С. Народное творчество // Ежемесячный журнал. 1916. № 5. С. 147. Выход этого номера датируется в «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина» (т. 1, с. 376) периодом с 23 по 28 июня 1916 года.
- ²⁴ В «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина» (т. 1, с. 389) определена верхняя граница этого события — 4 августа 1916 года.
- ²⁵ Северные записки. 1916. № 6. С. 219–220.
- ²⁶ Приазовский край. Ростов-на-Дону. 1916. 11 августа.
- ²⁷ Ю-н. Поэт из народа // Новое время. 1916. 27 августа (9 сентября). № 14539. Иллюстрированное приложение. С. 11.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Хомяковский Г. Сборники стихов // Друг народа. 1916. № 1. С. 76.
- ³⁰ Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников. С. 62.
- ³¹ Хомяковский Г. Сборники стихов // Друг народа. 1916. № 1. С. 76.
- ³² Там же.
- ³³ Бюллетень литературы и жизни. 1916/1917. № 3. 2-я пагинация. С. 53–54 (Отдел «Библиография»).
- ³⁴ Новая всемирная иллюстрация. 1916. № 42. С. 54 (рубрика «Литературные листки»).
- ³⁵ Там же. 1916. № 51. С. 16.
- ³⁶ Иванов Г. Черноземные голоса // Русская воля. 1917. 23 сентября. № 226.
- ³⁷ Сергей Есенин в стихах и в жизни. Письма. С. 349.
- ³⁸ Об этом см. подробнее: Казимирова Н. А. Книга «Радуница» в контексте творчества С. А. Есенина 1916–1925 годов. Дис. ... канд. филол. наук. М.: Московский педагогический государственный ун-т, 2012.

- ³⁹ Вдовин В. А. Когда был издан первый сборник стихов Есенина // Вестник Московского университета. Серия 7. Филология, журналистика. 1965. № 2. С. 75.
- ⁴⁰ Вознесенский А. В. Слава св. Николая чудотворца, архиепископа Мирликийского в России (священные литургические, церковно-археологические и историко-литературные памятники чествования Святителя в нашем отечестве) // Житие и чудеса св. Николая Чудотворца, архиепископа Мирликийского и слава его в России. СПб., 1899. С. 178
- ⁴¹ Вдовин В. А. Когда был издан первый сборник стихов Есенина. С. 76.
- ⁴² Советская Молдавия. 1975. 19 июля. С. 8.
- ⁴³ Харчевников В. И. Поэтический стиль Сергея Есенина (1910–1916). Ставрополь, 1975. С. 211.
- ⁴⁴ Вдовин В. А. Когда был издан первый сборник стихов Есенина. С. 77.
- ⁴⁵ Харчевников В. И. Поэтический стиль Сергея Есенина (1910–1916). С. 201.
- ⁴⁶ Базанов В. Г. Сергей Есенин и крестьянская Россия. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1982. С. 65.
- ⁴⁷ Хомяковский Г. Сборники стихов. С. 62.
- ⁴⁸ Никифоровский М. Д. Русское язычество: Опыт популярного изложения научных сведений о языческой религии русских славян. СПб., 1875. С. 84.
- ⁴⁹ Полный православный богословский энциклопедический словарь. М., 1890. Стб. 767.
- ⁵⁰ Снегирев И. М. Русские простонародные праздники. Вып. 2. М., 1837. С. 121.
- ⁵¹ Там же. С. 78.
- ⁵² Сахаров И. П. Песни русского народа. Ч. 3. СПб., 1839. С. 80.
- ⁵³ См.: Там же. С. 47.
- ⁵⁴ Терещенко А. В. Быт русского народа. СПб., 1848. Ч. 3. С. 41.
- ⁵⁵ Снегирев И. М. Русские простонародные праздники. Вып. 1. М., 1837. С. 214–215.
- ⁵⁶ Даль В. И. Словарь живого великорусского языка. Т. 3. СПб.; М., 1907. Стб. 1467. От слова «радость» производят название «Радуница» Е. А. Есенина и Ю. Л. Прокушев в коммент. к стихотворению «Чую радуницу Божью...» (Есенин С. А. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1961. С. 349).
- ⁵⁷ Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей: Реликты язычества в восточно-славянском культе Николая Мирликийского. М.: Изд-во Московского университета, 1982. С. 147. Ср. также: Протп В. Я. Русские аграрные праздники (Опыт историко-этнографического исследования). Ленинградский государственный ун-т им. А. А. Жданова. Л.: Издательство Ленинградского ун-та, 1963. С. 23; Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. С. 23.
- ⁵⁸ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. Т. 2. М., 1868. С. 3–4.
- ⁵⁹ Калинин И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси // Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. Т. 7. СПб., 1877. С. 388. Ср. также: Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии. Вып. 1. Умершие неестественной смертью и русалки. Пг., 1916. С. 107.
- ⁶⁰ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 3. С. 277.
- ⁶¹ Там же. С. 287.
- ⁶² Снегирев И. М. Русские простонародные праздники. Вып. 3. С. 16.
- ⁶³ Протп В. Я. Русские аграрные праздники. С. 20.
- ⁶⁴ Там же. С. 103.
- ⁶⁵ Там же. С. 23.
- ⁶⁶ Снегирев И. М. Русские простонародные праздники. Вып. 3. С. 48.
- ⁶⁷ Терещенко А. В. Быт русского народа. Ч. 5. С. 28.
- ⁶⁸ Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. М., 1993. С. 426. Ср. с высказыванием современного автора: «Общение с загробным миром выражается прежде всего в поминании мертвых и приготовлении для них ритуальной трапезы и бани» (Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей: Реликты язычества в восточно-славянском культе Николая Мирликийского. С. 140).

⁶⁹ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 3. С. 88.

⁷⁰ Там же. С. 291.

⁷¹ Там же. Т. 2. С. 86. В своей работе мы солидаризируемся с мнением Б. А. Успенского: «...слово *родитель* по отношению к усопшим обозначает не столько предков, сколько вообще *родственников* (таким образом именуются, например, и те члены рода, которые умерли во младенчестве и не оставили по себе потомства) и поэтому было бы точнее говорить вообще не о культе предков, но именно о *культе рода*» (Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей: Реликты язычества в восточно-славянском культе Николая Мирликийского. С. 148).

⁷² Раппопорт П. А. Строительное производство Древней Руси (X–XIII вв.). РАН, Ин-т истории материальной культуры. СПб.: Наука; Санкт-Петербургская фирма, 1994. С. 110. В своем исследовании, учитывая различные сведения, ученый приходит к следующему выводу: «Таким образом, сопоставление письменных источников и расчетов по азимутам дает основание заключить, что день закладки храма обычно падал на весну или на первую половину лета, но нередко и на осень» (С. 113).

⁷³ О феномене дома в русской литературе см. подробнее: Радомская Т. И. Феномен дома и поэтика его воплощения в русской литературе первой трети XIX века: А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов. Дис. ... докт. филол. наук. М.: ИМЛИ РАН, 2007.

⁷⁴ Мекш Э. Б. Художественный мир «Радуницы» Сергея Есенина // Мекш Э. Б. Русская новокрестьянская поэзия. Учебное пособие. Даугавпилс: Даугавпилсский педагогический институт, 1991. С. 50.

⁷⁵ Харчевников В. И. Поэтический стиль Сергея Есенина (1910–1916). С. 52.

⁷⁶ Ср.: Базанов В. Г. Сергей Есенин и крестьянская Россия. С. 112.

⁷⁷ Харчевников В. И. Поэтический стиль Сергея Есенина (1910–1916). С. 146. См. также: Солнцева Н. М. Традиции духовных стихов в ранней лирике С. А. Есенина // Сергей Есенин и русская история. С. 244–261.

⁷⁸ Интересно в этой связи суждение В. И. Харчевникова, высказанное при анализе стихотворения «Тучи с ожереба...», которое нельзя не признать справедливым: поэт «воспринимает Апокалипсис поэтически нерасчлененно, как источник живописных образов» (Харчевников В. И. Поэтический стиль Сергея Есенина (1910–1916). С. 146).

⁷⁹ Афанасьев А. Н. Народные русские легенды. М., 1914. С. 26.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ См.: Харчевников В. И. Поэтический стиль Сергея Есенина (1910–1916). С. 115–129.

⁸² Михайлов А. И. Пути развития новокрестьянской поэзии. АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1990. С. 81. Ср. также у Л. Л. Бельской: «... в сущности темы социального угнетения и беспросветной народной нужды были чужды молодому Есенину» (Бельская Л. Л. Раннее творчество Сергея Есенина (стихи 1910–1916 годов). Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1967. С. 7).

⁸³ Харчевников В. И. Поэтический стиль Сергея Есенина (1910–1916). С. 128.

⁸⁴ Степанченко И. И. Поэтический язык Сергея Есенина. Харьков, 1991. С. 55–56. Ср. также: Савушкина Н. И. Русская поэзия начала XX века и фольклор: Учебно-методическое пособие для студентов филологических факультетов: В 2 вып. Вып. 1. М.: Изд-во Московского государственного ун-та им. М. В. Ломоносова, 1988. С. 68–69.

⁸⁵ Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 1. М., 1993. С. 858.

⁸⁶ Дьяченко Г. М. Полный церковно-славянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). М., 1900. С. 346.

⁸⁷ См.: Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии. Вып. 1. Умершие неестественной смертью и русалки. Пг., 1916.

⁸⁸ Вознесенский А. В. Слава св. Николая чудотворца, архиепископа Мирликийского в России. С. 178, 203.

⁸⁹ Там же. С. 217.

⁹⁰ Калинин И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси. С. 332; на основе: Вестник Европы, 1811. № 2. Ср. также: «Никола, несомненно, наиболее чтимый русский святой, почитание которого приближается к почитанию Богородицы и даже самого Христа. <...>

еще в конце XVIII в. встречались священники, исповедующие Николу как Бога»; «Особенно характерно бытующее представление о том, что Никола входит в Троицу: еще в XIX–XX вв. можно встретить мнение, что Троица состоит из Спасителя, Богоматери и Николы» (*Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей: Реликты язычества в восточно-славянском культе Николая Мирликийского. С. 6, 7).

⁹¹ *Даль В. И.* Пословицы русского народа. СПб., 1904. Т. 1. С. 9.

⁹² Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 2. Стб. 1654.

⁹³ *Аничков Е. В.* Микола угодник и св. Николай. Опыт литературной критики в области народных сказок и песен // Записки нефилологического общества (бывш. Отделения Филологического общества по романо-германской филологии). Вып. 2. № 2. СПб., 1892. С. 25.

⁹⁴ См.: *Вознесенский А. В.* Слава св. Николая чудотворца, архиепископа Мирликийского в России. С. 230–231 (со ссылкой на летопись Нестора).

⁹⁵ См. *Леонид, архимандрит.* Вместо предисловия // Памятники древней письменности. Т. 72. СПб., 1888. Посмертные чудеса св. Николая, архиепископа Мирликийского чудотворца. С. XI; *Калинский И. П.* Церковно-народный месяцеслов на Руси. С. 402.

⁹⁶ *Аничков Е. В.* Микола угодник и св. Николай. Опыт литературной критики в области народных сказок и песен. С. 25.

⁹⁷ *Вознесенский А. В.* Слава св. Николая чудотворца, архиепископа Мирликийского в России. С. 116.

⁹⁸ Там же. Примеч. 62. С. 670.

⁹⁹ *Даль В. И.* Пословицы русского народа. Т. 4. С. 141–142.

¹⁰⁰ *Добровольский Вл. Н.* Значение народного праздника «Свечи» // Этнографическое обозрение. 1901. № 4. Кн. 47. С. 38. Ср. также об аналогичном праздновании на зимнего Николу: *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. С. 525–526.

¹⁰¹ *Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей: Реликты язычества в восточно-славянском культе Николая Мирликийского. С. 70.

¹⁰² *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. С. 455.

¹⁰³ *Даль В. И.* Пословицы русского народа. Т. 4. С. 159.

¹⁰⁴ *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. С. 525.

¹⁰⁵ *Аничков Е. В.* Микола угодник и св. Николай. Опыт литературной критики в области народных сказок и песен. С. 55.

¹⁰⁶ *Есенин А. А.* Родное и близкое. Воспоминания. М.: Советская Россия, 1968. С. 25.

¹⁰⁷ Там же. С. 26.

¹⁰⁸ *Панфилов А. Д.* Константиновский меридиан. Ч. 2. С. 93.

¹⁰⁹ Это не мешало, однако, Федору Андреевичу устраивать «невенчанные свадьбы».

¹¹⁰ С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 32. Ср. также реакцию дочери Федора Андреевича Татьяны Федоровны на отсутствие сына: «Мать забеспокоилась. «Господи, вырвалось у нее, — спаси его батюшка Николай угодник»» (Там же. С. 45).

¹¹¹ Очевидно, ошибка памяти автора, т. к. в действительности богомолье совершалось пешим ходом.

¹¹² *Атюнин И. Г.* Рязанский мужик, поэт-лирик Сергей Есенин // ИМЛИ. Ф. 32. Оп. 3. Ед. хр. 4. С. 7.

¹¹³ См.: *Панфилов А. Д.* Константиновский меридиан. Ч. 1. С. 121.

¹¹⁴ См., например: Сборник церковно-исторических и статистических сведений о Рязанской епархии архимандрита Макария. М., 1863. С. 261–262.

¹¹⁵ Описание Николае-Радовицкого монастыря, сочинение архимандрита Владимира. Издание второе. Зарайск, 1882. С. 2.

¹¹⁶ Сборник церковно-исторических и статистических сведений. С. 262.

¹¹⁷ *Вознесенский А. В.* Слава св. Николая чудотворца, архиепископа Мирликийского в России. С. 354; воспроизведение иконы — рис. 50. С. 355. Об особенностях Можайского образа см.: Там же. С. 275–277 и др.

¹¹⁸ Там же. С. 362, 363.

¹¹⁹ *Воздвиженский Т. Я.* Историческое обозрение Рязанской епархии и всех церковных дел сей епархии от учреждения ея до нынешних времен: С присовокуплением исторического обозрения о бывших в ней и ныне существующих монастырях / Собранные трудами коллежского асессора, бывшего Рязанской гимназии старшего учителя Тихона Воздвиженского. М.: Типография С. Селивановского, 1820. С. 319.

¹²⁰ Памятная книжка Рязанской губернии. Рязань, 1914.

¹²¹ Описание Николае-Радуницкого монастыря. С. 4.

¹²² *Вознесенский А. В.* Слава св. Николая чудотворца, архиепископа Мирликийского в России. С. 350.

¹²³ *Марченко А. М.* Поэтический мир Есенина. М.: Советский писатель, 1989. С. 44–46.

¹²⁴ Ср. в работе А. В. Вознесенского «Слава св. Николая Чудотворца, архиепископа Мирликийского в России»: «Благодатию Божиею часто, действительно, уничтожается всякое различие и в силе, и в существовании между живыми и почившими праведниками. Стремление первых к последним бывает столь напряженно, их желание полного общения, единения с ними — столь горячо, их вера в них — столь искренна, что силою своею возносятся в тот горний мир, к тем душам, к источнику благодати небесной, побеждают мировые законы и переходят границы чувственного со сверхчувственным. Тогда устанавливается действительное единение и полное общение между земным и небесным, совершается низведение того мира сверхчувственного с его законами в пределы и к законам мира чувственного» (Житие и чудеса св. Николая Чудотворца, архиепископа Мирликийского и слава его в России. С. 227).

¹²⁵ *Лермонтов М. Ю.* Полн. собр. стихотворений: В 2 т. Т. 1. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1989. С. 262.

¹²⁶ *Вдовин В. А.* Когда был издан первый сборник стихов Есенина.

¹²⁷ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М.: Изд-во Т-ва М.О.Вольф. 1907. Т. 4. Стб. 1362.

¹²⁸ Обрисовка евангельских персонажей и сюжетов, погружение их в бытовую план характерны для Есенина. Например:

Под Маврикийским дубом
Сидит мой рыжий дед <...>
(«Октоих»);

Перед воротами в рай
Я стучусь <...>
(«Преображение»).

¹²⁹ *Даль В. И.* Пословицы русского народа. Т. 1. С. 6, 9.

¹³⁰ *Бельская Л. Л.* Раннее творчество Сергея Есенина (стихи 1910–1916 годов). Автореферат. 1967. С. 12–13.

¹³¹ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. Стб. 341.

¹³² *Панфилов А. Д.* Константиновский меридиан. Ч. 2. С. 39.

¹³³ Там же. С. 23.

¹³⁴ Филологические науки. 1992. № 3. С. 17. Ср. также: *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточно-славянских обрядов. СПб.: Наука, 1993.

¹³⁵ *Марков В.* Легенда о Есенине // Грани. 1955. № 25. С. 156.

¹³⁶ *Зеленин Д. К.* Очерки русской мифологии. Вып. 1. Умершие неестественной смертью и русалки. Пг., 1916. С. 1.

¹³⁷ См.: *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточно-славянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. С. 119.

¹³⁸ *К. Р.* [Константин Романов, вел. кн.]. Стихотворения и драма «Царь Иудейский». М.: Профиздат, 2011. С. 69.

¹³⁹ *Харчевников В. И.* Поэтический стиль Сергея Есенина (1910–1916). С. 56.

¹⁴⁰ Ср. с работой В. Н. Ильина «Литургия последнего свершения»: «“Ненависть к судьбе” — это в конечном счете — “ненависть к смерти”, которая, согласно духу христианства, есть “последний враг”, подлежащий уничтожению во имя Божие. <...> Ненависть к судьбе (odiumfati) означает борьбу со смертью и в пределе — воскресение и воскрешение» (Человек. 1994. № 3. С. 57).

¹⁴¹ Харчевников В. И. Поэтический стиль Сергея Есенина (1910–1916). С. 172.

¹⁴² Сходную позицию высказал и В. А. Вдовин, отметивший: «не случайно этим стихотворением заканчивается сборник» — в нем автор выражает «непоколебимую веру в судьбу родного народа» (Вдовин В. А. Необходимые предпосылки. [Рубрика «О датировках стихотворений С. Есенина»] // Вопросы литературы. 1972. № 9. С. 185).

¹⁴³ Е. А. Есенина и Ю. Л. Прокушев комментируют начальную строку этого стихотворения: «Чую радуницу Божью» — то есть предвижу радость пресветлого воскресения, новый приход Христа («Мне мерещится Иисус») (Есенин С. А. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1961. С. 349), неоправданно, на наш взгляд, сближая праздник радуницы со вторым пришествием Христа. К тому же в этих комментариях радуница приурочивается к четвергу пасхальной недели, что не подтверждается просмотренными нами источниками.

¹⁴⁴ См.: Шипулина Г. И. Словарь языка Есенина. Глагол. Баку: Мутарджим, 2013. С. 402–403.

¹⁴⁵ Даль В. И. Словарь живого великорусского языка. Т. 4. Стб. 1381.

¹⁴⁶ Естественно, это не единственное в стихотворении обращение к зрительному восприятию мира (ср., например, «мерещится», описание леса и т. п.), но именно здесь это восприятие проявляется наиболее полно и отчетливо.

¹⁴⁷ Сближение образов Богородицы и Николы, связанное с их особым почитанием, характерно и для иконописной традиции. Так, в собрании Ивановского художественного музея хранится выносная икона начала XVI века, с одной стороны которой изображена Богородица Шуйская-Смоленская, а с другой — св. Николай. Подобная икона находится и в собрании Череповецкого художественного музея.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наличие значительного числа биографических исследований делает актуальным изучение работ, которые написаны за многие десятилетия как историками литературы, так и специалистами, занимающимися изучением биографий художников, режиссеров, политических деятелей, ученых. Проведенный в первой части монографии анализ позволяет констатировать, что представители разных областей научного знания используют схожие методы работы, близка общая структура созданных ими биографических исследований. Наиболее распространенными биографическими работами отечественных ученых являются в последнее время летописи жизни и творчества (деятельности) и научные биографии. Сопоставительный анализ конкретных исследований позволяет установить общность источников летописи жизни и творчества (деятельности) и научной биографии. Базируясь на общей источниковедческой базе, два этих научных исследовательских жанра имеют свои специфические особенности. Если в летописи жизни и творчества биографический материал дается в строго хронологической последовательности, уделяется внимание как центральным событиям в жизни биографируемого, так и второстепенным фактам, то в научной биографии возможна подача биографического материала с учетом центральных, узловых моментов личной и творческой биографии с учетом общей хронологической последовательности. В научной биографии в отличие от летописи жизни и творчества (деятельности) возможна аргументированная реконструкция тех периодов жизни и деятельности человека, сведения о которых отличаются неполнотой. При этом в любых научных биографических работах отмечается степень достоверности используемых источников.

При создании биографической работы неминуемо приходится использовать источники, достоверность которых не может считаться абсолютной. Более того, как свидетельствуют приведенные в монографии примеры, даже официальные документы могут содержать искажения, в связи с этим и они требуют проверки. Наиболее надежным способом выявления искажений является сопоставительный анализ всех доступных источников. Как правило, биографу приходится выстраивать иерархию источников — в зависимости от того,

какие из них он считает заслуживающими большего доверия, а какие — меньшего.

Создание летописи жизни и творчества (деятельности) и научной биографии — определенный этап комплексного изучения жизненного и творческого пути человека. Для их написания необходима значительная подготовительная работа, включающая прежде всего выявление источников и их введение в научный оборот.

В настоящее время изучение писательских биографий является важным направлением отечественной филологической науки. Биографические исследования позволяют не только систематизировать разнообразные данные, извлекаемые из разных источников, в том числе неопубликованных архивных фондов и редких изданий, но и создавать биографии, представляющие интерес как для специалистов, так и для широкого круга читателей. Биографии писателей дают возможность раскрыть историко-культурный и литературный контекст эпохи, поскольку творческая жизнь крупных прозаиков и поэтов оказывает существенное влияние на литературный процесс. В научном биографическом исследовании раскрываются творческие и личные контакты писателей, деятелей культуры, искусства, политики. В них также приводятся сведения о малоизвестных и забытых писателях, которые общались с главными героями биографических работ, испытывали их влияние, выступали с ними на одних творческих вечерах. Это значительно расширяет контекст эпохи, вводит в научный оборот новые данные, свидетельства современников, которые оставили мемуарные и дневниковые записи, эпистолярное наследие.

Если речь идет о писателе, то, безусловно, в качестве важнейшего источника посвященного ему биографического исследования необходимо рассматривать полное собрание сочинений. В нем не только дается текст, соответствующий последней авторской воле, но и достаточно подробно раскрывается творческая история каждого произведения, приводятся критические отклики на него, варианты произведений (по черновым и беловым автографам, а также прижизненным публикациям).

Научная биография существенно отличается от «Материалов к биографии», главной целью которых является введение в научный оборот новых материалов, в большей или меньшей степени связанных с жизнью и деятельностью изучаемого писателя.

Для наглядности представим источники научной биографии на схеме, объединив их в несколько групп.

Схема 1. Основные источники научной биографии писателя

Как показывает схема, источники научной биографии достаточно разнообразны. При подготовке этого научного труда необходима выработка критериев отбора материала. В зависимости от авторского замысла и концепции научной биографии эти критерии могут быть различны. Однако, обусловленные общим замыслом и структурой научной биографии, они должны последовательно соблюдаться во всем исследовании. При определении общего замысла работы принципиально важно сформулировать главную идею жизни персонажа, которому посвящено жизнеописание. Это позволяет автору научной биографии четко определить идею своего биографического исследования и в соответствии с ней отбирать и группировать доступный ему биографический материал. Отбор материала необходим и в связи с тем, что, как отмечает В. А. Мануйлов, «часто бывает так, что случайные, второстепенные материалы до нас доходят, а важнейшие источники бесследно исчезают. Из этого хаоса случайно сохранившегося материала биограф отбирает все существенное, характерное, типическое и, сопоставляя различные свидетельства и источники, строит научную историю жизни и деятельности своего героя»¹.

Ход подготовки научной биографии для наглядности представим на схеме.

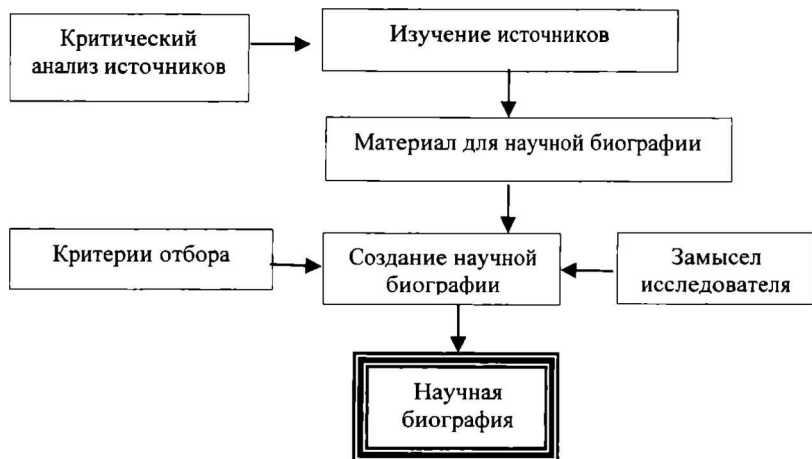

Схема 2. Подготовка научной биографии

Схема показывает, что выявление источников и их всестороннее изучение позволяет создать документальную базу, основу для написания научной биографии. При работе с источниками обычно обнаруживается, что некоторые из них противоречат друг другу. Это может быть связано, например, с тем, что воспоминания создавались спустя много лет после описываемых событий, поэтому в них отразились «ошибки памяти», произошло совмещение или наложение эпизодов, отнесение описываемых событий к другому периоду и т. п. Эти противоречия нужно осмыслить и обсудить в научной биографии, отметив наиболее достоверные, с точки зрения ее автора, источники. Научная биография должна дать по возможности полное представление о жизненном пути и творчестве писателя.

Серьезная проблема, с которой неминуемо сталкиваются авторы биографических исследований, — датировка источников. При отсутствии точных дат сложно подготовить летопись жизни и творчества (деятельности), поскольку в ней, как уже было отмечено, материал располагается в хронологической последовательности. Сложности возникают и при датировке событий, являющихся источниками научной биографии.

Проведенный анализ биографических исследований свидетельствует о том, что наименее изученным этапом жизни биографируемого является период детства, время учебы. Число записей, посвященных

этому отрезку жизни, в подавляющем большинстве летописей жизни и творчества (деятельности) крайне мало. Лишь в немногих работах кратко раскрывается круг юношеского чтения, однако о программах преподавания, об учебниках, по которым учился биографируемый, об учебных пособиях, которыми он мог пользоваться, в биографических исследованиях не сообщается даже кратко. Не говорится в них и о существенных событиях политической и культурной жизни того времени, когда биографируемый находился в детском возрасте. Период личностного становления, юношеских творческих поисков остается обычно вне поля зрения биографов. Так теряется весьма существенный, на наш взгляд, пласт источников не только личной, но и творческой биографии.

Насколько важно обращение к источникам, раскрывающим период детства и юности, первых поэтических опытов, мы попытались показать во второй части монографии, где были представлены и описаны материалы, на наш взгляд, имеющие принципиальное значение для написания научной биографии Есенина — раннего периода его жизни и творчества. Была дана характеристика системы образования в России в начале XX века. Первостепенное внимание уделяется земским и второклассным учительским школам, в которых получил образование Есенин. Рассмотрение программ этих учебных заведений, школьных учебников и учебных пособий, книг, которые были в школьных библиотеках, дает довольно полное представление о тех базовых знаниях, которые Есенин получил в детстве и отрочестве. Для творческой биографии Есенина важно, что он с ранних лет усвоил православную культуру и православный взгляд на мироустройство. В отечественной системе образования продолжением библейской истории была история России, при этом в качестве важнейших событий рассматривались те, которые связаны с созданием и становлением православных монастырей, жизнью и почитанием святых и патриархов. Церковная история в восприятии учащихся представляла как непрерывная цепь событий — от библейских времен до современности. Именно такое понимание истории отразилось в раннем творчестве Есенина.

Приводимые в нашей работе материалы, связанные с учебой в земских, второклассных учительских школах, а также в Московском городском народном университете имени А. Л. Шанявского, надеемся, будут востребованы при изучении не только наследия Есенина, но и творчества многих других писателей, которые обучались в этих или подобных учебных заведениях в начале XX века.

¹ Мануйлов В. А. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. М.; Л.: Наука, 1964. С. 4.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абаза В. А. 270
Аввакум Петров, протопоп 57
Авдеева Н. А. 152
Аверинцев С. С. 56, 115, 116,
Аверьянов М. В. 306
Агеносов В. В. 14
Агриппина, св. 179
Агриппина Старшая 237
Агрономов А. 229
Айхенвальд Ю. И. 250, 256,
292
Аксаков И. С. 64, 65, 117
Аксаков К. С. 257
Аксаков С. Т. 209, 233, 237
Александр, архимандр. 190
Александр Македонский (Ве-
ликий) 83
Александр Невский 269, 274,
275
Александр I, император 101,
249, 275, 284
Александр II, император 249,
272, 273
Александр III, император 149,
272, 273, 281
Александра Федоровна (Фео-
доровна), императрица 147,
148, 253
Александров А. И. 271
Александров В. Б. 123
Александров Е. 267
Алексеев А. Д. 156, 169
Алексей Михайлович, рус.
царь 71, 118, 237, 274
Алексей Николаевич, цесаре-
вич 251
Алексий, митроп. 190, 273
Амасийский Ф. 271
Андерсен Г.-Х. 210
Андерсен Н. 35, 53
Андреев В. В. 145
Андрияшев А. Ф. 271
Андровская (Шульц) О. Н. 25
Андроников И. Л. 89, 119, 123
Аникина О. Л. 12, 54, 180, 200,
215, 226, 232, 233, 243, 244
Аничков Е. В. 326, 355
Анна Иоановна, императрица
283
Анненков П. В. 66, 78
Анненская А. Н. 271
Антонов П. 182
Антонова Ф. 182
Анцыферов С. И. 218
Аракчеев А. А. 249
Аретино П. 265
Арзамасцева И. Н. 14
Ариосто Л. 238, 265
Аристотель 236
Арним К.-Й.-Ф.-Л. фон 266
Арсеньев А. В. 271
Артеменко В. И. 146, 154
Артюшина А. П.
см. Есенина А. П.
Архангельская А. В. 271
Архипова Л. А. 12, 54
Аскольд, кн. 277, 326
Астахова Е. Н. 143

- Атюнин И. Г. 182, 195, 201,
214–217, 219, 328, 355
Афанасьев А. Н. 308–310, 313,
353, 354
Афанасьев В. В. 67, 117
Афинский П. И. 279
Ахматова (Горенко) А. А. 26
- Бабицына Н. Н. 12, 54, 153,
226, 243, 244
Баженов Н. А. 270
Базанов В. Г. 10, 16, 306, 353,
354
Байбурин А. К. 340, 356
Байрон Д.-Г. 62, 69, 74, 85,
119, 136, 266
Бакланов Я. П. 271
Бакунин М. А. 117
Балашов Д. М. 153
Бальзамова М. П. 160, 163,
341, 342
Бальмонт Е. А. 108
Бальмонт К. Д. 112
Бальмонт Н. К. 108
Бантыш-Каменский Д. Н. 59
Баркова Е. Т. 53
Бартенев П. И. 66
Барыкина И. Е. 124
Баскин В. С. 66
Баталов В. П. 25
Батый 152, 175, 178, 278–280
Батюшков К. Н. 235, 237
Бахметева А. Н. 272
Бахтин М. М. 56, 57, 74, 115,
116, 119, 120
Бахтина Е. В. 125
Бекетов П. П. 117
Беленкин Б. И. 93
Беленький Г. И. 88
Беликов Е. Г. 183
Белинский В. Г. 87, 119, 122,
236, 237, 241, 251, 260
- Беллярминов И. И. 270
Белоусов И. А. 252
Белый А. (Бугаев Б. Н.) 31,
275, 293
Бельская Л. Л. 333, 354, 356
Бельчиков Н. Ф. 87, 122, 141
Бен Е. Н. 125
Бенедиктов В. Г. 235
Бениславская Г. А. 154
Бердяев Н. А. 108
Бердянова Н. Н.
см. Бабицына Н. Н.
Березкина С. В. 124
Берман Л. В. 197
Бёрне К.-Л. (Барух И.-Л.) 266
Бестужев-Марлинский А. А.
119
Бестужев-Рюмин К. Н. 237,
272
Бетховен Л. ван 69, 239
Билибин И. Я. 145
Бильбасов В. А. 283
Бистром К. И. 102
Бичер-Стоу Г. 210
Благой Д. Д. 86, 87, 117, 119,
122
Блок А. А. 25–27, 76, 119, 120,
130, 131, 299
Блудов Ю. В. 154
Блюмкин Я. Г. (С.-Я. Г.) 147,
154
Богатова Т. В. 89
Богданов А. (Малиновский
А.А.) 146, 147
Богданов И. Ф. 235
Богданова О. Ю. 243
Богданович Е. 189, 192, 216
Боголепов Н. П. 107
Богомоллов Н. А. 104, 126
Боккаччио Д. 265
Боков В. Ф. 139
Болтин И. А. 97

- Болтин И. Н. 86
 Большаков К. А. 30, 31
 Бомарше П.-О.-К. де 75
 Боратынский Е. А. 38, 94–104, 125, 126, 237
 Боратынский И. А. 96, 99, 100
 Боратынский Л. А. 96
 Боратынский П. А. 95
 Борецкая М. И. (или М. С.) 14, 144, 150, 153, 277, 278, 281
 Борецкие, бояре 280
 Борис Годунов 71, 118, 236
 Борисов Е. 185
 Босуэлл Дж. 63
 Бочаров Г. К. 87, 88, 122
 Бочаров С. Г. 115
 Боярдо М.-М. 265
 Брентано К. 266
 Брик Л. Ю. 30, 32, 52
 Брик О. М. 76, 120
 Бродский Н. Л. 117, 258, 267
 Брокгауз Ф. А. 308
 Бруно Д. 265
 Брянчанинов Н. С. 177
 Буало (Буало-Депрео) Н. 236
 Бубнов С. А. 296
 Буденный С. М. 147, 150
 Булгаков М. А. 88
 Булгаков С. Н. 108
 Булгаков Ф. И. 66
 Булгарин Ф. В. 64
 Бунин И. А. 69, 128, 136, 209
 Буонарроти *см.* Микеландже-
 ло Буонарроти
 Бурлюк Д. Д. 30, 37
 Бурлюки, семья 30
 Бурсов Б. И. 118, 119
 Бухарин Н. И. 9, 147
 Бухарова З. Д. 297–302, 352
 Бучинская Е. В. 34, 53
 Бушукин И. Т. 163
 Бэр К. М. 88
 Ваганов В. А. 37
 Ваккенродер В.-Г. 266
 Валевский А. Л. 93
 Валла Л. 265
 Вандалковская М. Г. 266
 Варрон М.-Т. 56
 Варфоломеев Ю. В. 124
 Василий, кн. Московский 178
 Василий (Гаврилов), свящ. 138–139
 Василий Рязанский, св. 174, 175, 177, 178
 Васильев П. Н. 153
 Васильева О. С. 172
 Васнецов А. М. 145
 Васнецов В. М. 145
 Васютинский А. М. 292
 Вашингтон Дж. 271
 Введенский Б. А. 16
 Вдовин В. А. 40, 41, 53, 153, 154, 306, 331, 353, 356, 357
 Венгеров С. А. 72
 Венгров Н. (Вейнгров М. П.) 300
 Вентцель Н. Н. 308, 357, 303, 352
 Вергилий 238
 Вересаев (Смидович) В. В. 86, 108, 209
 Верещагин В. П. 270
 Вержбицкий Н. К. 30, 52, 53
 Верн Ж. 210
 Верхарн Э. 112
 Веселовский А. Н. 66, 141
 Веселовский Б. Б. 217
 Ветлугин А. (Рындзюн В. И.) 43, 45, 46
 Видов Ст. 145, 153
 Виленкин В. Я. 51
 Виноградов В. К. 111
 Виноградов П. Г. 286
 Виноградов С. 53

- Виноградская И. Н. 52
 Винокур Г. О. 66, 73, 80–84, 117, 120, 121
 Витрук Н. В. 152
 Вишняков Н. П. (псевд. Эн-виш) 304
 Владимир, архимандр. 329, 355
 Владимир (Кузьминский), протоиер. 40, 41
 Владимир Мономах, кн., св. 274
 Владимир I Святославич, св. 269, 270, 272–274, 277
 Владимирова А. К. 272
 Власов-Окский Н. С. 154
 Водовозов В. И. 66, 271
 Водовозова Е. Н. 271
 Воейков А. Ф. 102
 Воздвиженский Т. Я. 329, 356
 Вознесенский А. 79, 120
 Вознесенский А. В. 329, 353–356
 Волгин В. П. 292
 Волин Б. М. (Фрадкин И. Е.) 147
 Волошин (Кириенко-Волошин) М. А. 26, 104–115, 126, 127
 Волошины, семья 112
 Волчина В. Н. 124
 Вольпин Н. Д. 23
 Вольский (Гройним) А. П. 46
 Вольтер (Аруэ Ф.-М.) 74, 116, 238
 Вордсворт У. 265
 Воробьева (Титова) Е. А. 187, 188, 194, 199, 327
 Воровский В. В. 147
 Воронов А. И. 168
 Воронова О. Е. 11, 16, 141, 143, 152, 154, 155
 Воронский А. К. 147
 Воронцов К. П. 169, 214
 Воронцова Г. Н. 151
 Воропаев В. А. 123, 124
 Ворошилов К. А. 150
 Воскресенский А. А. 89
 Воскресенский К. 270
 Востоков А. Х. 101
 Врангель П. Н. 150
 Вырыпаев П. А. 117
 Вышеславцев Б. П. 285
 Вяземский В. О. 105
 Вяземский П. А. 63, 82, 117, 237
 Габриелян В. 136
 Гаевский В. П. 104
 Газизова А. А. 14
 Гайсарьян С. З. 16
 Галахов А. Д. 235–239
 Галич А. И. 61, 116
 Галушкин А. Ю. 121
 Галькевич, служащий отеля 38
 Ганин А. А. 24
 Ганцева Д. В. 124
 Гардинг У. Дж. 151
 Гарибальди Дж. 69
 Гарин-Михайловский Н.Г. 209
 Гарфилд Дж. 271
 Гаршин В. М. 79
 Гатцук А. А. 272
 Гауптман Г. 67, 118
 Гачева А. Г. 15, 140, 151
 Гебель И.-П. 264
 Гегель Г.-В.-Ф. 291
 Гейне Г. 266
 Гейрот А. Ф. 272
 Геллий А. 56
 Геннади Г. Н. 66
 Георгиевский, действ. статск. советник 226
 Георгиевский П. Е. 61, 116

- Герасимов М. П. 21
 Гербель Н. В. 238
 Германик Ю.-Ц. К. 237
 Гермоген, патриарх 236, 277
 Геродот 264
 Герцен А. И. 27, 50, 63, 116, 119
 Герцман Е. Е. 124
 Герье В. И. 290
 Гете И.-В. 136, 210
 Гиппиус В. В. 121
 Гиппиус З. Н. (псевд. Роман Аренский) 297, 300, 352
 Гитович Н. И. 169
 Глинка М. И. 96
 Глинка Ф. Н. 97, 235
 Глотов Я. А. 106, 109
 Гнедич Н. И. 97, 238
 Гоголи, род 121
 Гоголь Н. В. 64, 65, 78, 86, 92, 93, 119, 121, 123, 124, 135, 141, 209, 210, 233, 234, 237, 239, 251, 260, 261
 Голицын А. М. 180
 Голубков В. В. 79, 88, 120
 Гольцшмидт А. Р. 53
 Гольцшмидт В. Р. 28, 30–38, 53
 Гомер 97, 264
 Гончаров И. А. 77, 156, 157, 169, 172, 209, 237, 239
 Гораций 99, 101
 Горбов Н. 270
 Горбунов Б. 153
 Городецкий С. М. 130, 140, 298, 299, 302, 352
 Горшков В. В. 199
 Горький М. (Пешков А. М.) 8, 16, 69, 78, 86, 117, 119, 121, 172, 293
 Готье Ю. В. 282–285
 Гофман Э.-Т.-А. 266
 Грановский Т. Н. 237
 Гребенская Б. 153
 Греч Н. И. 60, 97, 98, 116, 236
 Гречишкин С. С. 52
 Грибанов Н. 152
 Грибоедов А. С. 119, 172, 209, 354
 Грибунин В. Ф. 26
 Григорьев А. А. 129
 Гримм, бр. 210, 289
 Гринвальд М. К. 112
 Гришина (Ефремова) В. С. 198
 Гришунин А. Л. 117
 Громова
 (Громова-Опульская) Л. Д. 15, 169
 Грубе А.-В. 270
 Грузинов И. В. 39
 Губин А. Т. 124
 Гулин А. В. 137, 138, 141
 Гумилев Н. С. 113
 Гусев В. А. 229, 230, 243
 Гусев Н. Н. 157, 169, 172
 Гюго В. 210
 Давыдов З. Д. 126
 Давыдов И. И. 61, 116
 Давыдов Н. В. 248, 267
 Даль В. И. 209, 308, 331, 333, 335, 350, 353, 355–357
 Даниил Заточник 239
 Данилевский Г. П. 209
 Данте Алигьери 238
 Дарвин Ч. 69
 Дарий I, царь 151
 Девитт В. В. 153
 Деген Ю. Е. 30, 52
 Дедов М. Г. 272
 Деев-Хомяковский Г. Д. 303, 304, 307, 352, 353
 Дельвиг А. А. 82, 96–99, 101–104

- Демидов И. В. 163
 Демченко А. А. 66, 89, 90, 94, 117, 123
 Деникин А. И. 147, 150
 Державин Г. Р. 234, 235, 237
 Дефо Д. 210
 Джонсон С. 64
 Дивов Н. А. 329
 Диккенс Ч. 64, 69, 210, 266
 Димитрий, царевич 273
 Динариев А. В. 229
 Динариев В. А., протоиер. 229
 Динесман Т. Г. 157, 158
 Диоген Лаэртций (Лаэртский) 56
 Дионисий Галикарнасский 56
 Дир, кн. 277
 Дмитриев И. И. 235, 236, 239
 Дмитриева Е. И. (Черубина де Габриак) 113, 114
 Дмитрий Донской 189, 272
 Добренко Е. А. 151
 Добровольский В. Н. 327, 355
 Добролюбов Н. А. 119
 Добрыв А. П. 66
 Добряков А. В. 270
 Донской Б. М. 143, 154
 Дорогобужин В. И. 272
 Доронкин В. В. 229
 Достоевский Ф. М. 11, 116, 119, 209
 Дрожжин С. Д. 251
 Дроздов В. А. 13, 51, 53, 54, 154, 163, 170, 250, 265–267
 Дружинин А. В. 236
 Дубровин А. А. 124
 Дувакин В. Д. 53
 Дудин А. А. 152, 153
 Дункан А. 45
 Дымшиц А. Л. 6
 Дымшиц-Толстая С. И. 113
 Дьяченко Г. М. 354
 Е. Л. автор работы о А. В. Суворове 272
 Евгений, митр. (в миру – Е. А. Болховитинов) 59
 Евдокимов И. В. 150, 155
 Евлахов А. М. 67, 117, 118
 Евпатий Коловрат 14, 144, 152, 153, 178, 272, 278, 279, 294
 Евпраксия, кн. 178
 Евсин И. В. 138, 141
 Егоров А. А. 124
 Егоров Д. А. 33
 Егоров Д. Н. 285–289, 295
 Ежевский (Гижевский) В. 95, 96, 97, 99, 103
 Екатерина II, императрица 62, 150, 272, 273, 278, 281, 283
 Еланская К. Н. 25
 Елизавета Петровна, императрица 283
 Елизавета Феодоровна, вел. кн. 147
 Ермолова М. Н. 124
 Ершов П. П. 209, 239
 Есенин А. А. 199
 Есенин А. Н. 174, 180, 183, 184
 Есенин Г. О. 184
 Есенин И. К. 182
 Есенин И. Н. 184
 Есенин Н. О. 182–184, 215
 Есенин Я. О. 184, 185
 Есенина А. А. 39, 183, 186, 188, 215, 216, 327, 355
 Есенина (Артюшина) А. П. 179, 182–185, 195, 200, 328
 Есенина Александра Н. 184
 Есенина Анна Н. 184
 Есенина В. И. (О.) 182
 Есенина В. С. 182

- Есенина Е. А. 39, 161, 183,
185, 199, 215–217, 328, 353,
357
- Есенина Н. В. 161, 267
- Есенина Параскева Н. 184
- Есенина Пелагея Н. 184
- Есенина С. П. 18, 51
- Есенина (урожд. Титова) Т. Ф.
174, 181, 186, 188, 195, 200,
201, 327, 328, 355
- Есенины, род, семья 180, 181,
183
- Ефремов В. С. 199
- Ефрон И. А. 308
- Жаворонков А. З. 7, 153
- Жанна д'Арк 69, 272
- Желябужский Е. Д. 272
- Жирмунский В. В. 123
- Жирмунский В. М. 88, 123
- Жуковская А. К. 109
- Жуковский В. А. 97, 119, 209,
234, 236–239, 262
- Забелин И. Е. 237
- Завадский К. М. 89
- Завалишин В. К. 129, 140
- Загоскин М. Н. 209, 237, 239
- Занковская Л. В. 14
- Захаров А. Н. 15, 51, 53, 54,
140, 141, 170
- Захаров-Мэнский Н. Н. 30–32,
52
- Зеленецкий К. П. 62, 116
- Зеленин Д. К. 353, 354, 356
- Зелинский К. Л. 6, 8–10, 16, 39
- Зенгбуш И. А. фон 270
- Зименков А. П. 15
- Зиновьев Г. Е. 150
- Знышев В. В. 226, 243, 244
- Золотусский И. П. 121
- Зотова Т. Я. 243
- Зуйков А. И. 198
- Зуйкова П. А. 198
- И. С., автор журнала «Жизнь
искусства» 140
- Иван IV Грозный, царь 72,
236–238, 249, 274, 278, 282,
328
- Иванов Ал. 238
- Иванов Вс. В. 25
- Иванов Г. В. 129, 140, 304, 352
- Иванов-Разумник (Иванов
Р. В.) 238, 263, 275
- Иванова Г. П. 154
- Ивнев Р. (Ковалев М. А.) 32,
53
- Измайлов А. Е. 97, 102, 236,
239
- Иловайский Д. И. 270
- Ильин В. Н. 356
- Ильин Д. Г. 205
- Ильин И. А. 128, 136, 137, 140,
141
- Ильин С. Д. 160
- Ильина М. Д. 160
- Иоанн (Добронравов), свящ.
275, 277, 293
- Иоанн III, царь 233, 236, 269,
273, 280
- Иов, патриарх 277
- Иона, митроп. 277
- Иона Рогожа, игумен 328
- Ионов (Бернштейн) И. И. 147
- Иофе В. В. 93, 115, 121, 123,
124, 140, 141
- Иустин, еп. 176, 177
- Ишимова А. О. 272
- К. Н., автор книги об Алек-
сандре II 272
- К. Р. см. Константин Романов

- Каверденевы (Кверденовы, Каверденовы), род 180, 181
 Казаков А. Л. 39, 51
 Казимилова Н. А. 352
 Казин В. В. 28
 Каледин А. М. 147, 150
 Калинин М. И. 145, 148, 154
 Калининский И. П. 179, 215, 308, 325, 353–355
 Калякин А. Б. 139
 Каменев (Розенфельд) Л. Б. 148
 Каменский В. В. 30–32, 34, 36, 37, 52, 53
 Каменский П. И. 125
 Камознс Л. де 238
 Каннегисер Л. И. 146, 151, 154
 Каплан И. Е. 88
 Каптерев П. Ф. 217, 218
 Карамзин Н. М. 58, 86, 117, 142, 144, 153, 233, 236, 237, 272, 307
 Карачунский Л. М. 66
 Карл I Великий, король 286–288
 Карл V, император 62
 Карпович М. М. 295
 Карпович П. В. 107
 Каррьер Э. 111
 Касаткина В. Н. 64, 117
 Касицын И. А. 190
 Кассо Л. А. 286
 Катанян В. А. 48, 52, 54, 121
 Катков М. Н. 83, 237
 Качалов (Шверубович) В. И. 25–28, 52
 Качаловы, семья 25
 Качурин М. Г. 88, 122
 Кверденев Н. 180
 Квинтилиан 56
 Кедров Д. 189
 Кедров Н. 109
 Керенский А. Ф. 148
 Кизеветтер А. А. 247–249, 266, 267, 282, 284, 285
 Киреевский И. В. 237
 Кирик Новгородец 89
 Кирилл, св. 230, 231, 270, 274, 276, 281
 Киров (Костриков) С. М. 146, 148, 150
 Кирпотин В. Я. 117
 Киселев С. В. 117
 Киселева Л. А. 153, 347
 Киселева Н. М. 14
 Китс Дж. 265
 Киянская О. И. 124
 Клейнборт Л. М. 302
 Клейст Г. фон 266
 Клеман М. К. 54, 169
 Клычков С. А. 9, 21, 22, 24, 299, 304
 Клюев Н. А. 9, 24, 145, 154, 252, 262, 263, 297–305
 Ключевский В. О. 57, 86, 122, 194, 249, 283
 Кляус В. Л. 15
 Коваева А. А. 124
 Коган Л. Р. 48, 54
 Коган П. С. 67, 76, 85, 120, 130
 Кожин В. В. 115
 Козенс А. 124
 Козлов И. И. 239
 Козловский А. А. 18, 19, 22, 39, 51, 170, 179, 252, 306
 Колоколов Н. И. 245
 Коломийцева Е. Ю. 140
 Колумб Х. 69, 76
 Колчак А. В. 148, 150
 Колчинский Э. И. 89
 Кольридж С.-Т. 265
 Кольцов А. В. 130, 209, 233, 234, 237, 241, 258, 259
 Конан Дойл А. 210

- Кондаковы, семья 188
 Коненков К. С. 21
 Коненков С. Т. 21–24, 31, 51
 Кони А. Ф. 148
 Конопацкая Т. Н. 217
 Константин Великий 276
 Константин Романов (К. Р.),
 вел. кн. 235, 344, 356
 Константин Святославич, св.
 175
 Коонен А. Г. 25
 Коринфский А. А. 306
 Корниенко Н. В. 9, 15, 16, 123,
 124, 131, 140, 143, 154
 Корнилов Л. Г. 150
 Корнилович А. О. 237
 Коровин В. И. 14
 Короленко В. Г. 209
 Косованов В. П. 125
 Котляревский Н. А. 272
 Кочеткова А. П. 153
 Кошанский Н. Ф. 60, 116
 Кошелев, купец 187
 Кошечкин С. П. 7, 39, 51, 53,
 54, 141, 302
 Кошкарров С. Н. 303
 Крапошина Н. В. 125
 Красин Л. Б. 151
 Краснов П. Н. 150
 Кремлев (Шехтман) И. Л. 31,
 52, 53
 Креницын А. 96, 98, 100, 126
 Кричинский С. С. 145
 Кротков С. 273
 Крусанов А. В. 52, 53, 121
 Крученых А. Е. 31
 Крылов И. А. 62, 91, 209, 234,
 236, 237, 239
 Кубанев Н. А. 152
 Кугель А. Р. 27, 52
 Кудрявцев П. Н. 237
 Кузнецов В. И. 140
 Кузнецова В. Е. 54, 153
 Кузько П. А. 239, 244, 298,
 299, 352
 Кузьмищева Н. М. 152
 Кулаков И. П. 215
 Кулаковская Р. Л. 124
 Кулаковский А. Е. 124
 Кулинич А. В. 7
 Кумок Я. 55, 115
 Куницын А. П. 82
 Куняев С. С. 53, 74, 75, 115,
 119, 128, 132, 141
 Куняев С. Ю. 74, 75, 115, 119,
 132
 Купер Д.-Ф. 210
 Куприн А. И. 209
 Куприянов С. Г. 204
 Купченко В. П. 104–106, 108,
 109, 111, 113, 114, 126, 127
 Курдюмова Т. Ф. 88
 Кусиков (Кусикян) А. Б. 31,
 43–45
 Кушнер И. Н. 294
 Кюхельбекер В. К. 96, 99, 102,
 142
 Л-р А., автор газеты «Руль»
 (Берлин, 1922) 45
 Лавров А. В. 52, 126
 Лагарп Ж.-Ф. де 236
 Ладыженская Т. А. 116
 Лажечников И. И. 209, 239
 Лакшин В. Я. 63, 90, 117, 123
 Лапин В. И. 273
 Лебедева С. Д. 25
 Левитов А. И. 252
 Леклерк Н.-Г. 325
 Лекманов О. А. 115, 132, 133,
 140
 Лелевич Г. (Калмансон Л. Г.)
 84, 85

- Ленин (Ульянов) В. И. 83, 144, 148, 151, 153, 263
- Ленц Я. 264
- Леонид, архимандр. 355
- Леонов Л. М. 131
- Леонов С. А. 88, 243
- Леонтий, митроп. 193
- Леонтьев Я. В. 143, 146, 154
- Лермонтов М. Ю. 5, 20, 26, 51, 74, 87, 88, 91, 117, 119, 122, 130, 152, 209, 234, 239, 241, 258–260, 267, 331, 354, 356
- Лернер Н. О. 67, 85, 92, 117, 300, 301, 352
- Лесков Н. С. 209
- Либен П. Ф. 270
- Линкольн А. 271
- Липскеров К. А. 30, 165
- Литвина З. Н. 14
- Литвинов М. М. (Валлах М.) 148, 151
- Литовцева Н. Н. 25
- Лихачев Д. С. 57, 116
- Лихачев Н. П. 145
- Лобхарт Д. 64
- Ломан Д. Н. 145, 148
- Ломан Ю. Д. 145
- Ломоносов М. В. 142, 172, 233, 235, 237
- Лонгфелло Г. 264
- Лоренцо Великолепный *см.* Медичи Л.
- Лотман Ю. М. 49, 54, 57, 58, 62, 91, 92, 116, 117, 119, 123
- Лукиянов С. С. 46
- Луначарский А. В. 32, 34, 148, 151
- Львов Н. А. 124
- Львов-Рогачевский В. Л. 199, 236, 244, 299, 352
- Людвиг IX, король, св. 237
- Ляпунов П. П. 236
- Мазепа И. С. 233, 237
- Майков А. Н. 79, 235, 238, 239, 273
- Майский И. М. (Ляховецкий Я.) 148, 151
- Макарий, митроп. 58
- Макарий (Гневушев), архимандр. 231
- Макарий (Миролюбов), архиеп. 355
- Макаров Е. 185
- Макаровы, род 181, 182
- Макашин С. А. 50, 54, 87, 88, 122, 133, 134, 141
- Маквей Г. 139, 141
- Маккиавелли Н. 265
- Макогоненко Г. П. 116
- Максимов С. В. 309, 327, 353, 355
- Малашкин Н. Д. 178, 270
- Малиновский Р. В. 148
- Малкина М. А. 124
- Мамин-Сибиряк (Мамин) Д. Н. 209
- Мамлеев Ю. В. 11, 16, 139, 141
- Мамонов А. 214
- Манн Ю. В. 92, 123
- Мануйлов В. А. 5, 20, 51, 87, 117, 122, 126, 131, 140, 360, 362
- Мариенгоф А. Б. 25, 39, 239
- Марин Неаполитанский 56–57
- Маринеско А. И. 5
- Мария Николаевна, вел. кн. 148
- Мария Феодоровна, императрица 149, 251
- Маркевич Н. А. 96
- Марков В. Ф. 338, 356

- Марков, актер 25
Маркс К. 151, 291
Мартиросов Г. 136
Мартиросян Г. 136
Марушкин К. С. 223, 226, 230, 240, 243, 244
Марфа Посадница см. Борецкая М. И.
Марченко (Муравьева) А. М. 16, 143, 330, 356
Матвеева Н. Н. 139
Матов Р. Ф. 181
Матрена Ивановна, квартирная хозяйка Есенина 293, 295
Махно (Михненко) Н. И. 149–151
Маширов-Самобытник (Маширов) А. И. 149
Маяковский В. В. 27, 28, 30–33, 37, 48, 52, 53, 76, 119, 121, 141, 298
Медведева Е. А. 125
Медведева И. Н. 126
Медичи К. 265
Медичи Л. 265
Мезер Ю. 288
Мей Л. А. 235
Мейерхольд В. Э. 124
Мекш Э. Б. 152, 153, 311, 354
Мельгунов Н. А. 96
Меншиков А. Д. 237
Мережковский Д. С. 125
Мерзляков А. Ф. 59, 60, 116
Меркулов С. А. 125
Местергази Е. Г. 92, 123
Мефодий, св. 230, 231, 270, 274, 276, 281
Мещеряков Н. Л. 149
Микеланджело Буонарроти 165
Миклашевская А. Л. 24
Миллер Д. П. 271
Милорадович М. А. 97
Мильтон Дж. 64, 238
Милюков П. Н. 266, 295
Милюков П. Ф. 290
Милютин Д. А. 237
Мин Д. Е. 238
Минакова П. А. 337
Минин К. 107, 233, 273, 274
Миролюбов В. С. 302
Миронов А. В. 124
Миропольский С. И. 217
Митрофанова-Есенина С. П. см. Есенина С. П.
Михаил Тверской, кн. 273
Михаил Феодорович, царь 273–275
Михайлов А. И. 316, 354
Михайлова Е. Н. 117
Михайлова Ю. А. 65, 88, 117, 122
Михайловский В. Я. 273
Михальская Н. П. 14
Модзалевский Б. Л. 122
Моладикова А. А. 217, 220, 242
Молдавская Н. Д. 88
Молчанов М. Н. 227
Мор Т. 265
Москвин И. М. 26, 27
Московская Д. С. 2, 15, 151
Моцарт В.-А. 75
Мочульский К. В. 93
Мошкова Г. Ю. 118
Мстиславский (Масловский) С. Д. 149
Муза Е. 89, 123
Мунт (Мунт-Валуева) А. П. 271
Муравьев Н. К. 124
Мусина-Пушкина (Озаровская) Д. М. 252–253

- Мэссон Д. 64
- Надсон С. Я. 79
- Назаров А. Г. 88
- Накано Ю. 124
- Нансен Ф. 69
- Наполеон I, император 284
- Нарбут В. И. 124
- Наседкин В. Ф. 245, 250, 267
- Наумов Е. И. 7, 8, 16
- Нашокин П. В. 82, 96
- Небольсин С. А. 15
- Невзоров Н. К. 235
- Некрасов А. И. 124
- Некрасов Н. А. 75, 88, 119,
122, 130, 227, 241, 253, 258
- Некрасова Н. В. 123
- Нелидова Е. И. 98
- Немирович-Данченко Вас. И.
272
- Несмелов А.
(Митропольский А. И.) 124
- Нестеров М. В. 145
- Нестор, летописец 355
- Нечаева В. С. 87, 122
- Нечкина М. В. 86, 87, 122
- Нибур Б.-Г. 289
- Никё М. 153, 154
- Никитин И. С. 235, 237
- Никифоровский М. Д. 307, 353
- Николаев Н. И. 151
- Николаев П. А. 120
- Николай, архиеп., св. 14, 251,
277, 301, 306, 312, 314,
325–335, 353–356
- Николай I, император 82, 259,
272, 274, 284, 291
- Николай II, император 107,
145, 147–149, 151, 175, 251,
281, 293, 295
- Никольская Т. К. 52, 152
- Никольский А. А. 152, 154
- Никольский Н. К. 125
- Никон (в миру — Никита Ми-
нин (Минов), патриарх 277
- Никритина А. Б. 25
- Никулин (Ольконицкий) Л. В.
32, 53
- Нина см. Бальмонт Н. К.
- Нина Николаевна см. Литов-
цева Н.Н.
- Новаковский В. И. 271, 273
- Новалис (Гарденберг Ф. фон)
266
- Новиков И. А. 88, 112
- Новиков Н. И. 58, 59, 116
- Оболенская Ю. Л. 110
- Огарев Н. П. 119
- Оги Т. 6, 16
- Одоевский А. И. 119
- Одоевский В. Ф. 239
- Озаровская О. Э. 252
- Озеров (Гольдберг) Л. А. 181,
215
- Оксенов А. 235
- Оксенов И. А. 299, 352
- Олег, кн., св. 175, 178
- Олидорт Б. В. 303
- Олсуфьев А. Д. 182
- Олсуфьев В. А. 182, 185
- Олсуфьевы, род 185, 215
- Ольга, кн., св. 236, 269, 277
- Орешин П. В. 21
- Орлин Н. 188
- Орлов Д. Н. 188, 189
- Орлов-Чесменский А. Г. 281
- Ортынов Г. Р. 30
- Осиповы, род 181, 182
- Осоргин (Ильин) М. А. 131,
140
- Островский А. Н. 48, 54, 75,
90, 117, 120, 123, 234
- Острогорский В. П. 66, 87

- Острогорский М. Я. 273
Остроумов, протоиер. 229
Откидач Н. А. 124
Отрепьев Г. (Ю. Б.) 152
Охотин А. А. 61, 116
- Павел (Агрономов), свящ. 228, 229
Павел I, император 81, 151, 283
Павленков Ф. Ф. 69
Павлов Н. М. 271
Павлов Ю. М. 151
Павлович Б. 273
Павсаний 56
Памфилов А. 185
Панкратов М. 182
Панфилов А. К. 14
Панфилов А. Д. 169, 171, 187, 198, 199, 216, 217, 219, 328, 336, 355, 356
Панфилов Г. А. 136, 161, 162, 170, 241, 258, 260, 262, 267
Папкова Е. А. 2, 15, 151
Паркаев Ю. А. 53, 141
Парнис А. Е. 52
Парнок С. Я. (псевд. Андрей Полянин) 302
Пастернак Б. Л. 30, 52
Пастернак Е. Б. 52
Пастернак Е. В. 52
Пахомий, старец 328, 329
Пашенная В. Н. 26
Переверзев В. В. 120
Переверзев В. Ф. 77, 79, 120
Перетц В. Н. 70, 71, 118
Песков А. М. 38, 94–96, 98–104, 125, 126
Пестель П. И. 124
Петр, митроп. 273, 277
- Петр I (Великий), император 14, 62, 150, 233, 237, 238, 259, 273–275, 278, 281, 283
Петр II, император 294
Петрарка Ф. 119, 265
Петров И. И. 273
Петрова А. М. 107, 108
Печерин В. С. 123
Пешковский А. М. 107
Пиксанов Н. К. 49, 54, 79, 120, 126, 169, 172
Пильняк (Воган) Б. А. 25, 131, 140, 152
Писарев Д. И. 252
Писемский А. Ф. 239, 251
Питт Младший 124
Питяков Н. М. 273
Плавский З. И. 123
Плаксин В. Т. 56, 61, 115, 116
Платон 56
Платонов (Климентов) А. П. 124
Платонов С. Ф. 71, 72, 118, 283
Плевицкая Н. В. 300
Плетнев П. А. 62, 86, 97, 116, 237
Плещеев А. Н. 79, 262
Плиний 56
Плутарх 72, 115
По Э. А. 264
Повицкий Л. И. 296, 352
Погодин М. П. 59, 135
Пожарский Д. М. 107, 273, 274
Покусаев Е. И. 123
Полевой Н. А. 237
Полевой П. Н. 240, 273, 279, 294
Полежаев А. И. 119, 235
Полициано (Амброджини А.) 265
Половцов А. А. 66

- Полонский (Гусин) В. П. 117
 Полонский Я. П. 79, 237
 Померанцев А. В. 145
 Померанцева Г. Е. 69, 118
 Помяловский Н. Г. 262
 Пономарева С. Д. 125
 Поплавская Н. Ю. 53
 Попов В. В. 121
 Попова В. Н. 28
 Порудоминский В. И. 122
 Порфирий (Успенский), архиеп. 124
 Поселянин Е. (Погожев Е. Н.) 271
 Посошков И. Т. 285
 Потебня А. А. 71
 Потемкин-Таврический Г. А. 281
 Потто В. А. 271
 Правдухин В. П. 130, 140
 Праскунин М. В. 303
 Преображенский Г. Н. 270
 Прокимнова А. П. 169
 Прокл Диадокх 56
 Прокопович Н. Я. 86
 Прокофьев Н. И. 14, 153
 Прокушев Ю. Л. 6, 7, 9, 15, 16, 39, 51, 53, 54, 128, 140, 141, 150, 170, 216, 217, 243, 244, 353, 357
 Пропп В. Я. 309, 353
 Проскурин О. А. 14–15, 125
 Проскуряков П. И. 225, 227, 230
 Протопопов В. С. 286
 Прохоров А. М. 16
 Прохоров Е. И. 306
 Прохорова И. Д. 151
 Пругавин А. С. 201, 211, 218, 219, 293
 Пугачев Е. И. 150, 152, 278, 281
 Пуковы, семья 188
 Пульчи Л. 265
 Пуцыкович Ф. Ф. 273
 Пушкин А. С. 26, 27, 62, 66, 67, 74, 76, 78, 82, 84–88, 96, 117–119, 121, 122, 124, 129, 130, 135, 136, 139, 142, 152, 156, 210, 233, 234, 237, 239–241, 256–258, 260, 263, 267, 293, 295, 354
 Пушкин Л. С. 96
 Пущин И. И. 78, 97, 142
 Пыжова О. И. 25
 Пылаев Г. Н. 149
 Пыриков Д. Ф. 162, 163
 Пясецкий И. 270
 Пяткин С. Н. 151, 153, 155
 Р. В., автор «Рязанских епархиальных ведомостей» 217
 Р. К. автор «Литературной энциклопедии» 122
 Рабинович М. 24
 Радзиховская В. К. 15
 Радзишевский Д. 53
 Радищев А. Н. 82, 119
 Радомская Т. И. 354
 Разин С. Т. 23, 145, 151
 Разумовский А. Г. 271
 Райх З. Н. 124
 Раич С. Е. 238
 Рапопорт И. А. 88
 Раппопорт П. А. 310, 354
 Распутин (позднее Новых) Г.Е. 149
 Рачинский А. А. 96
 Редин В. В. 180
 Редин Вас. 180
 Редин И. 180
 Редин К. 180
 Редин П. 180
 Редин С. 180

- Редин Т. 180
Редина А. П. 180
Редина А. Т. 180
Редина Ф. Н. 180
Редины, род 180
Редон О. 111
Рез З. Я. 88
Рейтблат А. И. 55, 93, 115,
121, 123, 132–134, 140, 141
Ремезов И. С. 273
Ремизов А. М. 136, 179
Ремизова С. П. 167
Рерих Н. К. 145
Рид Т.-М. 210
Робертсон Дж.-М. 62
Рогов П. И. 274
Рождественский С. Е. 270,
274, 277, 294
Розанов И. Н. 185, 216, 238,
244, 262, 267, 296, 352
Ройзман М. Д. 32, 36, 53, 264–
266,
Роллан Р. 69
Роман Олегович, кн., св. 177
Романов М. 274
Романовы, династия, семья
147, 149, 269, 273, 274, 294
Ропшин В. (Савинков Б. В.)
149, 151
Ростовцева И. И. 139
Рублев А. 139
Рублев Д. И. 143, 154
Рудинский И. Д. 161, 170, 226,
255
Румянцев-Задунайский П. А.
281
Руссо Ж.-Ж. 74, 116, 264
Рыбаков Б. А. 353
Рыбников Н. А. 72, 73, 118
Рыбникова М. А. 77, 78, 120
Рылеев К. Ф. 119
Рюрик, кн. 273
Сабашникова М. В. 109, 111
Савенко Ф. Г. 274
Савинков Б. В. см. Ропшин В.
Савушкина Н. И. 354
Савченко Т. К. 2, 10, 15, 16,
51, 53, 140, 141
Садофьев И. И. 130
Сазонов А. С. 205
Сакулин П. Н. 13, 28, 80, 120,
250–263, 267, 292, 302, 304
Салтыков-Щедрин (Салтыков)
М. Е. 50, 54, 87, 88, 122,
134, 141, 142, 251, 253
Сальери А. 75
Сальников А. Н. 274
Самарин Ю. Ф. 237
Самарянов В. А. 271
Самоделова Е. А. 13, 15, 19,
53, 54, 141, 152, 153, 338
Санцевич А. В. 122
Сапожков С. В. 15
Сапожников В. В. 125
Сардановский Н. А. 254, 267,
292, 293, 295
Сафонов В. И. 5, 16
Сахаров В. Ф. 125
Сахаров И. П. 62, 307, 353
Сахновский В. Г. 25
Свердлов М. И. 115, 132, 133,
140
Святослав, кн. 236
Северянин И. (Лотарев И. В.)
298
Седов С. А. 294
Семанов С. Н. 69, 118
Семенова С. Г. 11, 15, 16, 140,
141
Семеновский Д. Н. 245, 249,
250, 267
Серафимович (Попов) А. С. 78
Сервантес М. де 69
Сергеев-Ценский С. Н. 88

- Сергей Александрович, вел.
кн. 190
Сергий (Рыбаков), протоиер.
144, 151, 154
Сергий Радонежский, св. 178,
189, 190, 192–194, 216, 217,
272
Серегина С. А. 293
Сидоров А. А. 111
Симон (Новиков), митроп. 141
Симонов Р. А. 89
Синявский А. Д. 124
Синявский Н. А. 156
Сиповский В. В. 56, 115, 274
Сиповский В. Д. 294
Скафтымов А. П. 73, 118
Скопин-Шуйский М. В. 236,
238
Скотт В. 64, 210, 236, 239, 265,
266
Слепцов Н. П. 272
Слоним М. Л. 43
Смирнов А. В. 229
Смирнов И. Е. 161, 241
Смирнов И. К. 175
Смирнов И. Я., свящ. 138, 160,
184, 188, 192, 195, 197, 198,
204, 214, 218
Смирнов С. И. 194, 216
Снегирев И. М. 59, 306, 307,
308, 309, 353
Снегирева Е. А. 53
Собко Н. П. 66
Соболевский С. А. 96, 97
Соболь А (Ю. М.) 124
Сократ 56, 69
Солженицын А. И. 11
Соллогуб В. А. 239
Солнцева Н. М. 354
Солобай Н. М. 15, 51, 143,
146, 154, 180, 215, 217
Соловьев С. М. 86
Солоухин В. А. 10
Сорокин В. М. 274
Соути (Саути) Р. 265
Софронов Ф. 198
Софья, царевна 283
Сохряков Ю. И. 11, 16
Спасский С. Д. 31, 52
Сперанский Н. П. 249, 284,
285
Сталин (Джугашвили) И. В.
110
Станиславский К. С. 52
Старостина В. 155
Старцев И. И. 23, 24, 51
Степан (Яворский), митроп.
285
Степанченко И. И. 316, 354
Стоюнин В. Я. 66, 68, 118
Страбон 56
Страхов Н. Н. 65, 235, 243
Строева О. Г. 89
Субботин С. И. 15, 18, 51, 53,
54, 141, 150, 153–155, 166,
168, 267
Суворов А. В. 84, 152, 237,
271, 272, 281
Судаков И. Я. 25
Сумароков А. П. 63, 117
Сумский В. В. 270
Сургучев И. Д. 124
Сурков А. А. 16
Сусанин И. О. 271, 272, 275
Сухов В. А. 152
Сысоева Е. А. 271
Табидзе Т. Ю. 30
Таврул 279
Таиров (Корнблит) А. Я. 25
Тарловский М. А. 112
Тарутин В. П. 15
Тассо Т. 238, 265
Татарский И. А. 135, 136

- Татищев В. Н. 86
 Твардовский А. Т. 11
 Творогов О. В. 244
 Теккэрей (Теккерей) У.-М. 266
 Терехина В. Н. 15
 Терещенко А. В. 308, 309, 353
 Терновский А. В. 15
 Тик Л.-И. 266
 Тимирязев К. А. 69
 Тимофеев Я. 182
 Тиранов Е. 241
 Титов А. А. 180, 185, 197
 Титов А. Т. 185, 187
 Титов А. Ф. 186, 197–200
 Титов В. И. 168
 Титов И. Ф. 186, 188, 197–199
 Титов М. 180
 Титов М. А. 198
 Титов Н. И. 168, 169, 181–184, 186, 210, 214–216, 219
 Титов П. Ф. 186, 197–199
 Титов Т. М. 181
 Титов Ф. А. 185–187, 197, 200, 216, 328, 355
 Титов Ф. И., протоиер. 280, 281, 294
 Титов Фома 181
 Титов Х. М. 181
 Титов Я. М. 180
 Титова Е. А. 199
 Титова Е. И. 188, 198
 Титова (урожд. Кверденева) Н. Е. 184–188, 200, 327
 Титова М. Б. 185
 Титова Т. В. 199
 Титовы, род, семья 180–182, 198, 199
 Тихомиров Е. А. 274
 Тихон, архимандр. 329
 Тихон, архимандр., преосв. 190
 Тихон (в миру В. И. Беллавин), патриарх 109, 149
 Тихон Задонский, святитель 145, 153, 281
 Тихонова П. М. 151, 155
 Тихонравов Н. С. 125
 Толстая С. А. 235, 243
 Толстая С. И. см. Дымшиц-Толстая С. И.
 Толстой А. К. 235, 237, 239
 Толстой А. Н. 25, 43, 45, 46, 113, 117, 131, 140
 Толстой Д. А. 124
 Толстой Л. Н. 74, 78, 86, 107, 116, 119, 142, 157, 169, 172, 182, 237, 239, 243, 267
 Тольчева Т. 274
 Томашевский Б. В. 73–76, 81, 83, 92, 119, 141
 Трепалин Я. А. 226, 240, 241, 243, 244
 Третьяков С. М. 76, 120
 Трифонов А. 182
 Трофим (Успенский), дьякон 188
 Троцкий (Бронштейн) Л. Д. (М.) 9, 110, 145, 146, 149, 150, 151
 Трубилова Е. М. 15, 151
 Трусова И. С. 124
 Труцци Р. 33
 Тумаркин Р. 108
 Тумина Л. Е. 116
 Тургенев И. С. 49, 54, 156, 169, 234, 237, 239, 251, 252
 Тынянов Ю. Н. 88
 Тэффи (Лохвицкая Н. А.) 34, 53
 Тютчев Ф. И. 26, 64, 65, 117, 137, 156–158, 169
 Уальд (Уайльд) О. 264

- Уланд И.-Л. 264
 Урицкий М. С. 146
 Ус В. Р. 145, 150
 Усачев М. И. 58
 Успенский Б. А. 308, 326, 353–355
 Успенский В. Н. 30, 52
 Устинов Л. 182
 Устрялов Н. Г. 237
 Утимуре Г. 6
 Ушаков А. М. 15, 141
 Ушаков Ф. В. 82
 Уэллс Г.-Д. 69
- Файнштейн, революционер 29
 Файнштейн Л. Ф. 28–30, 52
 Файнштейн С. Ф. 30
 Файнштейны, бр. Иосиф, Григорий, Борис 29
 Фармаковский В. И. 270
 Федин К. А. 116
 Федосеева Т. В. 153
 Федотов О. И. 15
 Федулев И. П. 152
 Феодор Алексеевич, царь
 Феодор Зарайский, кн. 178
 Феодор Иоаннович, царь 272–274, 283
 Феокист, архиеп. 191
 Феофил, владыка 280
 Фет (Шеншин) А. А. 75, 237
 Филарет, патриарх 277
 Филарет (Дроздов), святитель 237
 Филипп, митроп. 277
 Филиппченко И. Г. 245
 Филострат 56
 Фишер В. М. 68, 118
 Флеров А. Е. 118
 Флор-Есенина Т. П. 18
 Флоровский А. 249
 Фокин А. А. 124
- Фомин С. Д. 168, 302, 352
 Фонвизин Д. И. 63, 82, 117, 234, 237
 Форстер Дж. 64
 Фортунатов А. Ф. 290
 Фортунатов И. Ф. 290
 Фортунатов С. Ф. 285, 290, 291, 295
 Фортунатов Ф. Ф. 290
 Фотий, митроп. 328
 Фохт-Ларионова Т. А. 34, 53
 Франклин В. (Франклин Б.) 271
 Фрезинский Б. Я. 121
 Фридрих Вильгельм III, король 291
 Фридрих I Рыжебородый, император 288
 Фрунзе М. В. 149, 150
 Фурманов Д. А. 149
- Хабар Симский 178
 Хабарова О. Б. 152, 153
 Харчевников В. И. 306, 312, 313, 316, 345, 348, 353, 354, 356, 357
 Хачиев А. М. 29, 52
 Хвостов В. М. 285
 Хемницер И. И. 62, 236, 239
 Хитров Е. М. 161, 170, 228–230, 237, 240, 243, 244, 255, 267, 300
 Хлебников В. В. 37, 141
 Ходаковский Е. В. 124
 Холиков А. А. 124
 Хольцшмидт
 см. Гольцшмидт В. Р.
 Хомяков А. С. 235, 274
 Хомяковский Г. Д. см. Деев-Хомяковский Г. Д.
 Хреков И. А. 197
 Хрекова Н. Е. 197

- Хрущов И. П. 274, 275
- Цветаева М. И. 109
- Цейтлин Ал. 71, 79, 118, 120, 122
- Цейтлин Р. М. 117
- Цетлин М. О. 109, 111, 126
- Цетлин М. С. 126
- Цицерон М.-Т. 56
- Цявловский М. А. 156
- Чаадаев П. Я. 119
- Чагин (Болдовкин) П. И. 6, 149, 150, 151, 155
- Чаренц (Согомонян) Е. 136
- Чегодаев А. Б. 125
- Черников В. К. 30, 52
- Чернов А. Н. 227
- Чернов И. А. 119
- Чернышев П. Н. 96, 102
- Чернышевская-Быстрова Н. М. 215
- Чернышевские, семья 172
- Чернышевский Н. Г. 89, 117, 119, 123, 172, 173, 215, 241, 252
- Черняев А. С. 67, 68, 118
- Чертов В. Ф. 243
- Чехов А. П. 157, 169, 172
- Чистяков Н. Д. 170
- Чубарьян А. О. 123
- Чулков Г. И. 156, 169
- Шайтанов И. О. 15
- Шалагинова Л. М. 53, 54, 150, 155
- Шаликов П. И. 98, 100
- Шалфеев И. И. 275
- Шатобриан А. де 69
- Шаумян С. Г. 151
- Шверубович В. В. 25–27, 51, 52
- Шевелкин И. В. 275
- Шевченко Т. Г. 119, 252
- Шекспир У. 136, 234, 240, 264
- Шелли П.-Б. 69, 265
- Шелогурова Н. Г. 117
- Шемякин В. И. 271
- Шень А. 136
- Шершеневич В. Г. 31, 39
- Шершеневич И. Г. 238
- Шипулина Г. И. 153, 357
- Ширяевец (Абрамов) А. В. 305
- Шлегели, бр. 266
- Шлейхер А. 83
- Шляхтинский А. И. 95–97, 99, 100, 102, 103
- Шмелев И. С. 137, 140
- Шнеерсон М. А. 88, 122
- Шошин В. А. 10, 16
- Шпаковская М. А. 266
- Штейн Э. А. 15
- Шубникова-Гусева (Гусева) Н. И. 2, 13, 15, 16, 18, 39, 51, 53, 54, 119, 141, 143, 150–152, 154, 155, 170, 240, 244, 264, 268
- Шуйская А. П. 270
- Шумихин С. В. 18, 39
- Шуф А. К. 270
- Щебальский П. К. 237
- Щеголев П. Е. 91
- Щедрина Н. М. 152
- Щербатов М. М. 86
- Щербина В. Р. 16
- Щусев А. В. 145
- Эвентов И. С. 6
- Эдисон Т.-А. 69
- Эзоп 236, 239
- Эйдельман Н. Я. 119
- Эйзенбет А. 29

- Эйн-Гросс <Ein-gross> 96
Элькин Б. И. 295
Эрдман Н. Р. 25
Эренбург И. Г. 31, 32, 36, 52, 53, 121
Эртель В. А. 96, 102
Эфендиев С. М. 29, 52
Эфрон С. Я. 109
Эфросы, семья 26
- Ю-н см.** Вентцель Н. Н.
Юденич Н. Н. 150
Юлиан Отступник 276
Юлий Цезарь, император 81
Юнге, семья 109
Юрий Рязанский, кн. 178
Юрьев К. С. 39
Юсов Н. Г. 4, 15, 51, 53, 54, 141, 146, 152, 154
Юшин П. Ф. 7, 8, 10, 16, 40, 53, 152
- Юшкин Ю. Б. 15, 53, 54
- Язвинский А. А.** 270
Языков Д. Д. 66
Языков Н. М. 235, 237
Яковлев П. Л. 96, 97, 99, 100
Якубенко, член лит. кружка 181
Янгфельдт Б. 28, 52
Ярослав Святославич, кн. 175
Ярослав I Великий, вел. кн. 269, 272–274
Яхонтов А. Н. 275
Яхонтов С. Д. 177, 215
Яшвили П. Д. 30
- Garraty J. A. 118
Maurois A. 118
W., автор газеты «Накануне» (Берлин, 1922) 43

ISBN 978-5-9208-0449-5

Научное издание
Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им А. М. Горького РАН.

М. В. Скороходов

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН:
ИСТОКИ ТВОРЧЕСТВА
(ВОПРОСЫ НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ)

Научный редактор: Савченко Т.К.
Технический редактор: Костылев В.Н.
Корректор: Сченснович Е.Н.

Подписано в печать 28.10.2014.
Формат 60х90¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Печать офсетная. Печ. л. 24,0. Тираж 800 экз. Заказ 2040

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт мировой литературы им. А.М.Горького
Российской академии наук.

121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а.
Тел.: (495) 690-05-61, (495) 691-23-01.

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»».
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6

